

*Внукам Евгению и Никите
посвящаю я эти страницы воспоминаний
в надежде, что они вырастут
достойными людьми
и передадут своим детям память
о нас и нашем времени...*

Валерий Фёдоров

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!

Книга воспоминаний

ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ

Вместо пролога

Год 2001-й... Все на свете когда-нибудь кончается: 26 апреля 2001 года Указом Президента Российской Федерации № 483 «О Фёдорове В. И.» я был освобожден от должности первого заместителя руководителя МВД России. Получил официальное уведомление и благодарность от Владимира Владимировича Путина, доверенным лицом которого являлся несколько лет. Окончен большой этап моей жизни, начавшийся когда-то на посту милиционера третьего разряда в отделе милиции города Коврова и завершившийся трехзвездными генеральскими погонами.

Не скрою, нелегко было входить в ритм штатской жизни после напряженных лет службы, когда напор дел и уровень ответственности порой просто зашкаливали. Ведь приходилось принимать, зачастую в оперативном порядке, сотни важных решений, от которых зависела судьба многих людей. Работал в прокуратуре, в областном Управлении внутренних дел – вплоть до 1995 года, когда был назначен на должность замминистра МВД России, а вскоре и статс-секретаря, начальника Главного управления кадров МВД России. Одно время довелось руководить и Следственным комитетом при МВД РФ. Я был свидетелем и, нередко, участником многих важных событий, оказывавших влияние на жизнь страны, на процесс формирования правового государства. Много лет каждый день был насыщен неотложными

делами. Огромный объем ежедневной информации, многочисленные контакты. И вот – никогда не умолкавший ранее телефон стал реже подавать голос. Правда, начали чаще звонить друзья. И не только друзья – многие, кого я встречал по жизни, проявили в эти майские дни внимание и заботу, искреннее стремление поучаствовать в дальнейшей моей судьбе.

Что ждало меня после отставки? Бурный водоворот событий, встреч, командировок должен был смениться тихой домашней гаванью. Но я твердо знал: это не для меня! Просто появились время и возможность «остановиться, оглянуться». Как в Екклесиасте:

Всеми своим часам и время всякому делу под небесами; Время родиться и время умирать; Время насаждать и время вырывать насаженное; Время убивать и время исцелять; Время разрушать и время строить; Время плакать и время смеяться; Время стенать и время плясать; Время разбрасывать и время собирать камни; Время обнимать и время избегать объятий; Время искать и время терять; Время хранить и время тратить; Время рвать и время шивать; Время молчать и время говорить; Время любить и время ненавидеть; Время войне и время миру.

В молодости, а точнее, в 1970–1980-е годы, мы испытали в СССР бум мемуарной литературы. Еще были живы выдающиеся военачальники, министры, ученые, авиаконструкторы и другие знаковые для страны люди, жизни и судьбы которых открывались нам в написанных ими книгах. За этими книгами шла настоящая охота.

Особенно запомнился мне выход в свет нескольких изданий. Великую книгу Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова трудно было достать, том передавали из рук в руки, шутили: «Как ленинскую “Искру” в начале века». Мемуары военачальников Штеменко, Василевского, дипломата Громыко, авиаконструктора Яковлева и других выдающихся деятелей нашей страны мы не просто прочитывали – обсуждали, спорили, сравнивали. И, могу прямо сказать, делали из прочитанного выводы: стремились жить, как они, поднявшиеся из простых рабочих семей к высотам общественного признания. Мы проникались пониманием, что высоких наград, званий, почета добивается только тот, кто по-настоящему честно и самоотверженно служит Родине.

Повествования от первого лица всегда привлекали меня возможностью глубже и как бы изнутри узнать историю страны или отдельной семьи, обоженной ветрами эпохи. Хотелось понять: что двигало человека по жизненному пути, как формировалась его личность, что заботило его и что восхищало. Через моменты времени, зафиксированные в книгах воспоминаний, проявлялось и угадывалось многое, о чем не рассказывали учебники. Бывает трудно объяснить линию судьбы, но, как заметил поэт, «можно жизнь пересказать».

И вот пришло время, когда и меня самого начало все чаще беспокоить искушение перелистать страницы прожитого и пережитого. Однако проба собственного пера все откладывалась. Пауза, о которой говорил выше, дала, конечно, определенный импульс, первый толчок, но создание этих записок отложилось еще на долгие годы...

Тут необходимо упомянуть о моих, я бы сказал так, соавторах, которые исподволь давили на меня: «Не сачкуй, сядь за стол, попробуй писать». Конечно, это был, прежде всего, «ближний круг» – моя семья, самые близкие, а затем и друзья-товарищи, с кем я изредка, как говорится, «за рюмкой чаю», делился воспоминаниями, рассказывал какие-то эпизоды. Особенно это «давление» усилилось с появлением внуков. Теперь уж я сам стал задумываться: пора сделать свои записи о былом, в первую очередь, для них, чтобы они лучше представляли себе жизнь дедов...

Свое благословение на этот труд дал мне уважаемый в нашей православной церкви человек, более двадцати лет являвшийся первым лицом Вологодской епархии, владыка Максимилиан, архиепископ Вологодский и Великоустюжский. При встречах он меня наставлял: «Валерий Иванович, прошу, оставьте людям свои воспоминания. Я знаю, что вы многое видели, многое знаете, в том числе по Чечне и Беслану. Ваш объективный рассказ о жизненном пути будет важен для всех, кто вас знает и не знает».

Так что сегодня я обязан сказать большое спасибо владыке Максимилиану за эти очень важные для меня напутственные слова.

Есть у меня друг, профессиональный журналист Сергей Журавлёв, много лет возглавлявший газету «Вечерняя Пермь». При каждой нашей встрече он настаивал: «Ты давай пиши, а с редактурой текста немножко помогу».

И я был уверен: раз обещал – поможет. Тем более, у него большой опыт: выпустил в свет ряд книг о пермских ученых, и эти издания отмечены дипломом Всероссийского конкурса Союза журналистов. Мы подружились во время учебы в Высшей партийной школе (заканчивали ее уже как Академию общественных наук при ЦК КПСС). Кстати заметить, считаю очень важным в своей жизни именно обретение круга друзей, которые никогда не подведут, не изменят. И эти мои воспоминания вызваны, в том числе, необходимостью рассказать о них. Ведь уже одно сознание, что они есть и всегда готовы помочь, как и я им, укрепляло меня в любых ситуациях, а сложных моментов было в судьбе предостаточно...

Еще один мой соавтор, не побоюсь этого слова, – Евгений Саулович Сапиро, доктор экономических наук, профессор, в недавнем прошлом председатель Законодательного Собрания Пермской области, затем министр по делам национальностей Российской Федерации, а потом первый заместитель председателя Пермского землячества, советник вице-преьера Юрия Трутнева и Андрея Кузьева. Первые его мемуары «Стриптиз с юмором» я прочитал за какие-то две ночи. Потом появился второй том его воспоминаний и размышлений – «Трактат об удаче». На подаренном экземпляре автор написал: «Валерию Ивановичу и Галине Михайловне Фёдоровым. Для того чтобы хвалили автора. Налей 100 грамм при случае. Использовать для воспитания внуков. Всех, всех, всех вам благ...».

Я горжусь нашей дружбой с Евгением Сауловичем и его женой Лидией Степановной, удивительно скромной, умной, красивой женщиной.

Вспоминая в предисловии к «Трактату об удаче» о том, что его сподвигло на новую книгу, Сапиро написал:

«Раза два-три в год по разным поводам мы собираемся на мальчишник. Авторитетнейшим ведущим наших посиделок является экс-начальник Пермского УВД, а ныне генерал-полковник и сенатор Валерий Иванович Фёдоров. Однажды, когда очередь сказать тост дошла до меня, он не предоставил мне слово, а произнес примерно следующее: “Как всем известно, наш уважаемый спикер и министр написал книгу. Книга удалась и не удалась. Удалась потому, что в ней хорошо написано о Фёдорове. Не удалась потому, что этого хорошего мало, можно было

бы и побольше. Но это еще не всё. Наш друг Евгений Саулович собирается писать продолжение своей книги. В связи с этим информация для размышления: кто желает, чтобы в новом произведении было о нем написано, взнос – тысяча у. е. Кто желает, чтобы о нем не написали – две тысячи в той же валюте”. За столом стало тихо, возможно, потому, что присутствующие напряженно размышляли: в каждой шутке – доля правды...».

Шутки шутками, а книга спустя три года появилась и явно удалась. Я рад, что в какой-то мере способствовал ее появлению.

В том же предисловии Евгений Саулович пишет:

«...Если решил обратиться к читателю, и желаю, чтобы он мне поверил, не надо темнить».

Добрый пример ободряет. Что ж, видно, кончилось мое «время молчать», настало «время говорить». И писать надо честно и по-настоящему правдиво, «не темнить». Это я и стремлюсь делать в своих простых рассказах о былом. Постараюсь следовать хронологии событий. А уж коль отвлекусь на раздумья, извините...

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

В августе сорок третьего

В попытках «жизнь пересказать» невольно хочется представить себе время, в которое довелось родиться. Шла мировая война. В этой кровавой битве именно России, русским людям пришлось очень много пережить и вынести. Трагические события середины лета 1943 года, о которых я потом много читал, привнесли в мое мироощущение особые ноты. Родился я в семьсот семьдесят первый день Великого противостояния. «Я не участвовал в войне. Война участвует во мне...» – готов подписаться под этими поэтическими строчками.

Годы спустя, обращаясь к документам Великой Отечественной, прочел, что 1 августа 1943 года ознаменовано Орловской наступательной операцией.

Из тогдашней сводки Совинформбюро: «...В течение 1 августа наши войска на Орловском направлении продолжали наступление, продвинулись от 8 до 12 километров, заняли свыше 100 населенных пунктов... В Донбассе, в районе юго-западнее Ворошиловграда, наши войска продолжали успешно отбивать атаки дополнительно введенных в бой крупных сил пехоты и танков противника с большими для него потерями. На Ленинградском фронте, в районе севернее и восточнее Мги,

проводились усиленные поиски разведчиков и интенсивная артиллерийско-минометная перестрелка с обеих сторон».

Небывалые танковые сражения под Курском и Орлом, тяжелые бои на всех фронтах каждый день уносили сотни и тысячи жизней. О чем сожалели отлетавшие души наших солдат – порой еще совсем мальчишек? Что виделось им в смертный час?

Прочел однажды в сборнике фантастики небольшой рассказик о небесном воинстве: души погибших солдат становились ангелами-хранителями рождающихся на их Родине детей. Для воинов сражение не кончалось – теперь уже с силами зла, покушающимися на их маленьких подопечных.

Пусть не упрекнут меня в мистике, а тем более в пафосности: ощущение чьей-то незримой защиты всегда вело меня по жизни. Мой ангел был рядом, когда в детстве я чуть не сорвался с крыши поезда. Мой хранитель уберег меня, и когда случилась страшная автомобильная авария под Курганом. И когда шли бои в горящем Грозном, и...

Да мало ли было моментов, о которых мне только предстоит рассказать.

Но еще немного о дате – 1 августа.

Именно в этот день за тридцать лет до моего рождения германский посол граф Фридрих фон Пурталес вручил российскому министру иностранных дел Сергею Сазонову ноту с объявлением войны. Недаром эта дата стала отмечаться как День памяти о погибших в Первой мировой войне. С нее, как ни печально, начался наш XX век – годы противостояния России агрессорам, годы гражданских войн, годы борьбы. И, конечно, годы большого труда и великих побед.

В 1939 году 1 августа была учреждена медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза – награда, которую я считал и продолжаю считать самой высокой... Многие тысячи моих земляков – ковровчан – прошли по дорогам Великой Отечественной войны. Они воевали, как пелось в довоенной песне, «на земле, в небесах и на море». Тринадцать из них получили Золотую Звезду Героя Советского Союза. Вот некоторые знакомые мне с детства имена...

Гвардии сержант артиллерист Иван Степанович Носов получил звание Героя 9 февраля 1944 года за отвагу и мужество, проявленные при форсировании Днепра.

Летчик-истребитель Владимир Александрович Бурматов воевал в Заполярье. Звание Героя ему было присвоено 31 мая 1944 года.

Иван Васильевич Першуттов, летчик-штурмовик, бил фашистов на грозном штурмовике Ил-2. 9 февраля 1944 года он погиб в неравном бою, освобождая Украину. 26 октября 1944 года лейтенанту Першуттову было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Артиллерист противотанкового орудия сержант Федор Герасимович Коньков, кавалер двух орденов Славы, совершил подвиг при освобождении Польши. В одном бою 5 октября 1944 года он подбил семь немецких танков. Наградой стала Золотая Звезда Героя.

Недаром место моего рождения – город Ковров Владимирской области – город воинской славы. Я еще постараюсь побольше рассказать о нем.

Не забываю, что по православному календарю я появился на свет в день памяти преподобной Макрины – сестры святителя Василия Великого.

Имя рода моего

Божий закон

Я родился в семье рабочих. Мама моя – Лидия Васильевна, в девичестве Агеева. Папа – Иван Кузьмич Фёдоров.

Папа был очень знающим человеком, хотя и окончил всего семь классов общеобразовательной школы и ремесленное училище. Но перед войной, в 1930-е годы, ремесленное училище считалось почти как техникум, да и, наверное, не «почти». Здесь давали обширные, хорошие знания: и в металлостроении, и в общественных науках.

Мама почти всю жизнь тоже «мантулила» на заводе, да еще и пескоструйщицей – обрабатывала детали из металла мощной абразивной струей, подаваемой по шлангу под высоким давлением. Тяжелый, вредный для здоровья труд: мельчайшие песчинки забивали легкие, трудно было дышать. После выхода на пенсию еще более десяти лет она трудилась в жилищно-коммунальном управлении, убирала подъезды

Дорогие, любимые мои мама и папа

родителей, и будут долгими дни твои». Это Божий закон. Совершенно правильный и четко выраженный. Да и всё то, о чем сказано в Евангелии, русским людям, считаю, надо знать, помнить и стремиться следовать в жизни этим канонам.

Подумал, что прежде всего надо отразить в своих воспоминаниях, откуда пошел род наш – Фёдоровых. А натолкнула меня на поиски корней своего родословия заметка в пермской областной газете «Звезда». Я прочел там небольшой рассказ о родословной тогдашнего губернатора Кузнецова.

Борис Юрьевич ранее командовал Камским речным пароходством, а это было одно из самых знаменитых пермских предприятий, оно гремело на всю страну. Управление пароходства располагалось в особняке на берегу Камы, недалеко от речного вокзала. До революции это был дом Мешкова, известного пароходчика, создавшего камскую флотилию, известную на всю Россию. Николай Васильевич Мешков был одним из тех прогрессивных предпринимателей, которые много делали для развития города, пароходства, улучшали социальные условия для своих рабочих. Его имя тесно связано с созданием университета в Перми – первого на Урале. Через годы мне довелось войти в состав попечителей этого родного мне вуза, присутствовать на празднике его столетия и открывать памятник меценату Мешкову.

Видимо, аура старинных стен особняка повлияла на Бориса Юрьевича: он, пребывая в таком славном историческом здании, занялся

в доме, где мы жили: пенсия маленькая, а жить надо. Утром вставала в пять часов, брала веник, совок и шла мести. Даже позднее, когда я уже работал и мог помогать семье, мама все равно поднималась ранним утром и начинала уборку в доме на улице Космонавтов...

Не зря в Священном Писании сказано: «Береги своих

изучением своей родословной. Выяснил, что происхождением уходит к вятским кузнецам, потому и фамилия такая. Ну и еще много чрезвычайно интересного.

Я это прочел и задумался: как же так – знаю только ныне живущих своих близких? А какие корни у Фёдоровых, откуда род наш пошел? И тогда запала мне в голову мысль обязательно докопаться до глубин нашей родословной.

Нравилась мне стихи одного из уральских поэтов:

«– А кто вы? – Мы уральцы / Мы с Камы и с Чепцы / Таежные скитальцы / Умельцы-кузнецы; / Мы наши пашни любим / И в небо целим глаз... / Мы, в общем, просто люди – / Так и зовите нас».

Это верно, все мы люди. Но каждый из нас – еще и звено в исторической цепочке лиц и судеб, знать про которые необходимо каждому. Послушайте нашего классика Александра Сергеевича Пушкина:

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие. Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца».

Я думаю, замечательно сказал великий поэт.

Мы – Фёдоровы

И вот лежит передо мной увесистый том, на обложке которого написано:

**«Древо рода Фёдоровых
Род Фёдоровых за четыре столетия (1585–2004 годы).
Владимир, 2004 год.
Государственный архив Владимирской области**

Петр – рождения 1585 года, ушел из жизни около 1635 года, затем идет Яков – 1629 год, Кузьма – 1674 год, Степан – 1717 год, Иван – 1747 год, Федор – 1770 год, Тихон – рождение 1803-й, Иван – 1828-й, Андрей – 1859-й, Кузьма, мой дедушка, родился 20 ноября 1882 года, мой папа – 23 марта 1914 года, я – рождение 1 августа 1943 года и моя дочь Алла – рождение 22 апреля 1971 года, Никита, старший внук – 8 июня 1999 года и Евгений – 10 марта 2009 года».

Подумать только: в кратком реестре спрессовано почти четыре века. Вдумайтесь только – четыре столетия! И я бережно держу их в руках, читая поколенную роспись семьи Фёдоровых:

«Первое поколение – Петр, крестьянин. Жил в конце 16-го – начале 17-го веков.

Второе поколение – Яков Петрович. Крестьянин деревни Почаево Почаихи(?) Боголюбского стана Владимирского уезда Московской губернии...

...Представитель седьмого поколения Тихон Фёдорович родился в начале 19-го века. Первая его жена Евдокия (Авдотья) родилась в 1804 году. Вторая жена Акулина Ивановна – в 1808 году...»

До отмены крепостного права в 1861 году крестьяне, за редким исключением, фамилий не имели. Во время реформы на сельские управления была возложена задача дать фамилии всем бывшим крепостным, желательны простые, поэтому самым распространенным стал способ превращать отчество в фамилию. Таким образом, дети Тихона Фёдоровича и его братьев Петра и Афанасия стали писаться впредь Фёдоровыми. Отсюда и пошли владимирские Фёдоровы.

Передо мной лежит подворный список Ивана Тихоновича Фёдорова:

«Число душ: шесть мужчин, три женщины. Число работников: двое мужчин, две женщины. Число грамотных: двое мужчин, одна женщина. Пахотные земли – девять десятин, пастбищные – три десятины...»

Что имелось в хозяйстве у Ивана Тихоновича?

Изба с надворными строениями, стоимостью 200 рублей, изба без двора – 60 рублей, амбар – 40 рублей и сарай – 40 рублей. Лошадь имела, ценой в то время в 40 рублей, жеребенок – 3 рубля, корова – 40 рублей и овцы – по 6 рублей.

Иван Тихонович занимается хлебопашеством, его сын служит в городе Харькове на железной дороге «при багаже» и получает 70 рублей.

В этой ревизской сказке – все данные как есть: кто, что, откуда, сколько и так далее.

А возьмем более близкое мне одиннадцатое поколение. Иван Козмич – это мой папа, родился 23 марта 1914 года. Жена его Лидия Васильевна Агеева из деревни Макариха Владимирского уезда родилась 8 марта 1919 года. Павел Козмич – 14 декабря 1905 года. Петр Козмич – 30 января 1907 года. Константин Козмич – 15 мая 1911 года. Василий Козмич – в 1922 году. Александр Козмич (год рождения не установлен). А еще Анфиса Козминична, Прасковья Козминична, по мужу Сорокина, Нина Козминична, по мужу Рахманова. Почти всех папиных братьев и сестер я помню, видел их, общался с ними.

Слово «фамилия» недаром означает «семья», «семейство», «общесемейное имя». В далекие времена фамилий не было, их заменяли имена и прозвища. Так и писали: «сотник по прозвищу Блоха, Неупокой Карга, первый – Добрыня Золомый Чернобровец». Не позднее X века появились отчества на «-ич» – тоже вместо фамилий: Сотко Святинич, Васко Буслаевич. Образовывались отчества-фамилии и от женских имен: Васко Варварин, Сенко Аранин, Яков Софьин...

Фёдоров – одна из самых распространенных на Руси фамилий, произошла от крестьянского имени Фёдор («дар божий»). Близкие однофамильцы: Федоринцев, Федорищев, Федорушков, Феодоров, Фёдоровцев, Фёдоровых. Самый знаменитый Фёдоров – Иван, родился в 1510 году. Это первый русский печатник, который в 1564 году вместе с Петром Мстиславцем выпустил первую русскую печатную книгу «Апостол». Памятник первопечатнику Ивану Фёдорову стоит в самом центре Москвы.

А еще можно вспомнить известного полярника, знаменитого офтальмолога, героев войн, ученых, изобретателей и множество простых тружеников Фёдоровых, которые мастерством и талантом своим крепили мощь России.

Я горжусь нашей фамилией. Внукам моим твердо скажу: ваши прадеды были хорошими людьми, настоящими тружениками. Прадед Иван, например, был одним из лучших фрезеровщиков завода Дегтярёва, а надо учесть, что в годы расцвета завода там работало более 20 тысяч человек.

Должен с искренней признательностью сказать об очень большой работе, которую провели сотрудники Государственного архива Влади-

мирской области. Будучи уже членом Совета Федерации, в конце 2002 года я обратился за помощью к директору архива. Он выделил сотрудников, и они несколько месяцев по крупицам собирали материалы. Ревизские книги написаны на старославянском языке. Снять копии, перевести записи – большой труд. Естественно, я заплатил Госархиву моей родной Владимирской области за то поистине доброе дело, которое для меня сделали. Спасибо всем, кто помог узнать о моих истоках!

Потом размножил я эти свидетельства эпох, отдал копии своей сестре Нине Ивановне, брату Виктору Ивановичу (он, слава богу, еще был жив), послал двоюродным сестрам в город Днепропетровск, где жила тетка Нина Козминична Рахманова, младшая папина сестра (ныне она тоже уже ушла из жизни).

Я с интересом наблюдаю за собраниями нынешних наследников дворянства, в большом количестве появившихся у нас и за границей, в различных российских геральдических обществах и союзах. Иногда, правда, бывает забавно видеть нынешних «графов и баронов», представителей различных благородных «домов» – вплоть до царского, неуклюже танцующих на костюмированных балах и дарующих друг другу титулы и гербы. Но, прямо скажу, ничего плохого не вижу в стремлении людей обозначить себя и в такой системе координат. Снисходителен даже к явным самозванцам: не самый страшный грех – присоединиться к знаменитому роду...

Может, кто и сочтет блажью возродившийся интерес к генеалогии. Но родословные, на мой взгляд, должны быть не только у царей, князей и дворян. Помнить о предках, гордиться ими – отнюдь не прерогатива только знатных родов. Святое дело каждого гражданина России – помнить своих родных, близких, оставить своим внукам, правнукам историю рода и своей фамилии. Уверен: это насущно необходимо для скрепления глубинной связи времен. Пусть простые люди не обладают гербами и замками, но я, например, горд, что происхожу из трудового рода Фёдоровых и обладаю сейчас поколенной росписью нашей семьи за четыре столетия, знаю, откуда и кто мы.

Ставлю свечу памяти пращуру нашему Петру, который родился еще в XVI веке, и всем предкам нашим.

Считаю себя деревенским

Первые впечатления

С какого времени мы помним себя? Думаю, рассказывать, каким я был в три-четыре года – это большой риск скатиться во враки. У кого как, но первые достаточно осознанные, и потому яркие, впечатления у меня сохранились только с пяти-шести лет. Берегу очень дорогую мне фотографию, где я, шестилетний, стою на стуле в валенках, в «сталинском» кителе, в шароварах. Это 1949 год. Фотосъемка тогда была большим событием.

Из самых ранних впечатлений: особенно запомнились похороны Василия Алексеевича Дегтярёва, нашего земляка, конструктора, Героя Социалистического Труда. Смерть его стала настоящим горем для земляков-ковровчан. Выносили гроб с телом Василия Алексеевича из Клуба металлистов – это около завода, который носит теперь его имя. Все, жители Коврова – и мы с самых ранних лет – знали: Дегтярёв много сделал для победы над врагами. Взять только названный его именем пистолет-пулемет, с которым наши солдаты громили врагов. Помню толпы народа на улице Социалистической. Казалось, весь город пришел проводить конструктора Дегтярёва, в том числе мой папа, и я у него на руках.

Вот это событие, наверное, и есть «отправная точка» моих реальных воспоминаний.

Новогодняя ёлка конца 40-х.
Мы с сестрёнкой Ниной (справа)

«Непобедимый пролетарий»

Но самые подробные и ранние мои впечатления – деревенские. Я себя считаю деревенским, потому что, сколько помню, с малолетства и почти до призыва в армию регулярно обитал в славной деревне Макариха Камешковского района Владимирской области, в 12-ти километрах от города Камешково. С малых лет я здесь жил, а, учась в школе, с первых дней летних каникул работал и отдыхал именно там.

Баба Дуня, насколько помню, уже и ходила плохо, ноги подводили, но была удивительная хозяйка, добрый человек – всегда спокойная, уравновешенная. Бабулю все уважали.

Дедушка Василий Гаврилович Агеев был конюхом – это по зиме, а летом пас коров. Мне часто вспоминается, как мы с ним вставали ранним утром, одевались потеплее и шли на конный двор – две конюшни и кузня рядом, да еще изба, где собирались бригадир, конюхи, возничий. Электричества не было. Жили при свечах и лампах. Свет в Макарихе появился, помнится, лишь в 1956 году. Это, конечно, случился людям большой праздник. Долго его ждали. И когда подключили, поначалу даже непривычно было: никакой лампы не надо! Не надо керосина, не надо чистить светильники, разжигать примусы...

Собирались в сторожке. Запах махорки, деревянные лавки, свет свежи тускло пробивался сквозь студёный дым. Мне кажется, он постоянно висел здесь – хоть топор вешай! Каждый курильщик хвалился своей махрой: попробуй мою, попробуй мою... Ловко крутили самокрутки. У каждого кисет, газета. Одни прилежно сооружали как бы «папиросу», другие наскоро мастерили «козью ножку» – кто на что мастак. Наконец, приходил бригадир и распределял, кто куда поедет.

Самым замечательным было поручение везти председателя колхоза. Ему в упряжку предназначался владимирский тяжеловоз. Я помню, такой светло-коричневый, у копыт особая мохнатая опушка. Это был могучий, крепкий жеребец – гордость нашего конного двора. А всего лошадей наличествовало где-то около трех десятков.

Нам с дедушкой тоже давали наряд. Обычно отправлялись в лавку за продуктами или в Камешково. Я считал особым везением, когда предстояло ехать за фильмом, грузить бобины с пленками. А у нас в этот день настроение – праздничное: ведь мы с дедом первыми узнава-

ли, какое кино будет в клубе сегодня. Обладать такой «эксклюзивной» информацией очень приятно.

Кинокартины привозили раз в неделю, и вся деревня шла в клуб, набивался полный зал. На стене – белая простыня. Мы, мальчишки голопузые, в «первом ряду» – на полу. Когда одна часть фильма заканчивалась, объявлялся, естественно, перерыв. Включали свет от бензинового движка, который работал на улице. Киномеханику в будке предстояло перекрутить пленку на другую бобину, и фильм шел с такими заменами вместо полутора часов – все три, а порой и четыре. И хоть начинали где-то в восемь, сеанс шел до двенадцати часов. И обязательно после этого – танцы под гармонь или патефон.

Зимой нам чаще доставалось ехать за сеном – в чистое поле, на берег озера или на опушку леса. Стога стояли рядами. Их надо было очистить от снега, общипать, аккуратно уложить на сани. Мы с дедушкой дружно брались за эту работу. Я обычно укладывал, а он учил, подправлял, чтобы ровно было. Ведь если ошибешься с центром тяжести, то воз перевернется. И такое иногда с нами случалось, особенно если дедушка передавал вожжи мне.

Тут он и показывал мастерство владения русским «фольклором». Ругался сочно, с прибаутками и шутками. До сих пор их помню. Это все было беззлобно, и даже вроде ласково звучало, словно песня или частушка. Ни обидеть, ни оскорбить никого не было и в помыслах. А порядку способствовало. Теперь иной раз думаю: неужели это дед экспромты выдавал? Нет, наверняка это все же давнишние, укоренившиеся присловья, «домашние заготовки». Передавалась из поколения в поколение, от дедов к внучатам эта сочная речь деревни русской.

Заметил, что иностранцы именно эти русские слова первыми легко запоминают. Сейчас их, конечно, «запихивают» в телепередачах. И правильно: грубому словцу, уж коль нужда его применить, должно быть свое место и время. Не терплю, когда бессмысленная брань звучит в общественных местах, да еще при детях...

Помнится, у каждого возчика обязательно был большой тулуп из овчины. Им накрываешься – тепло в любую стужу. Дедушка сидит сзади, дремлет, а ты правишь лошадей. Такая гордость, что ты – мужик! Как раньше мы заучивали с малолетства: «Радуюсь я, это мой труд

вливается в труд моей республики...» – и самого лучшего на свете колхоза с названием «Непобедимый пролетарий».

Наш «Непобедимый пролетарий» – делаю срез только по деревне Макариха – это 156 дворов, ферма – около 200 коров. Сажали картошку, сеяли гречку, овес, пшеницу, рожь. Скот, куры, теплицы... «Вертикаль» власти – председатель колхоза, заместители, правление. Торговая лавка в центре деревни, клуб двухэтажный каменный. Даже футбольное поле имелось, команда играла на первенство Камешковского района. И мне довелось вратарствовать в ней, голы пропускать.

Никто в деревне не шикавал, но жизнь казалась нам нормальной. Потому что все работали, все при деле, занятость полнейшая.

Все при деле

В конце июня или в начале июля начинался покос. Председатель колхоза обязательно устраивал общий праздник. Накрывали столы с угощением. Косари выпивали в меру. Пляски, песни. И наутро, в четыре часа – будто продолжение праздника: вся деревня выходила с косами.

Начиналась заготовка сена для колхозного стада. Мужская часть махала в поле литовками до семи утра, потом шли подкрепиться. Женщины в это время ворошили сено.

Дедушка отбивал косы, каждый косарь приносил ему свое оружие. Это было целое искусство! Сначала – в бочку с водой, коса отмокала. А вечером дед ее отбивал. И мы, ребята, потом разносили их по дворам, чтобы каждый работник имел уверенность: у него коса острая, не подведет.

Еще мы, мальчишки, ворошили сено, сгребали его на волокушах, потом делали стога. Мастерству стоговать тоже надо было учиться. Особенная радость, когда под макушку стог сделаешь и уже с самого веру орлом слетаешь вниз, а тебя подхватывают чьи-то крепкие руки.

На окраине деревни стояла большая деревянная школа буквой «Г» с большими светлыми окнами. Не помню, сколько там училось ребятни, это была начальная школа. Государство всерьез заботилось о том, чтобы все дети учились. Закон – обязательное семилетнее образование. И учителей ведь хватало! Они здесь жили, снимали дома, их охотно принимали на постой. Это были на деревне действительно са-

мые уважаемые люди. Учителей жители подкармливали, приносили и яблоки, и молоко, и соленья... Учитель на селе – один из главных носителей культуры, как и избач, библиотекарь, директор клуба. Но педагог – всегда на первом месте!

Радио в Макариху тогда еще не провели. Водились уже радиоприемники на батарейках, но не в каждом доме.

Деревня сама стихийно формировала «центры новостей», где обсуждались все события... Помните, как поется в фильме «Дело было в Пенькове»: «От людей на деревне не спрятаться, не уйти от придирчивых глаз, ни сойтись-разойтись, ни сосвататься невозможно в деревне у нас».

Первый «центр новостей» – у колодца. Здесь проходило обсуждение самых «оперативных» новостей, естественно, среди женщин. А более солидное и, я бы сказал, масштабное собрание проходило в ожидании открытия лавки. Она начинала торговлю в четыре пополудни. Сельчане приходили заранее, садились на пеньки, а по погоде и на траву, и... начинались разговоры обо всем.

А в лавке – что было в наличии? Помню самое приметное – огромную бочку с соленой треской. Таковую рыбу перед употреблением обваривали кипятком. Имелось масло подсолнечное, чай по 11 рублей. Китайский и индийский – дефицит, в редкость. Но вечерами непременно чаёвничали: заваривали мяту, морковь, смородиновый лист. А в лавке чай был только фруктовый, который мы грызли как лакомство, и зубы от него становились черными. Из чего его готовили – неведомо: отходы, видимо, сухофруктов и какой-то жмых. Но вкусно необычайно! Еще в лавке продавали хомуты, косы, и обувь тут была, и одежда, соль, спички, папиросы «Прибой», «Байкал», «Север», иногда «Беломор». По сути, сельмаг – это универсам, маленький торговый пункт с самыми необходимыми товарами. Прямо сказать, продуктов питания привозили мало. За ними надо было ездить или в Камешки, или в областной центр – Владимир.

Всего один раз за все мое детство босоное несколько ящиков лимонада привезли в наш сельмаг. Вся деревня сбежалась. Раскупили бутылки с желтыми наклейками «полумесяцем» за пять минут. Пили прямо здесь, «из горла», это была для деревни диковинка...

Работали все – и стар, и мал

Некоторые отцы семейств трудились в Коврове. Они вставали в пять утра, седлали велосипеды, ехали семь километров лесом на станцию. Оставляли свой двухколесный транспорт у путевого обходчика, садились на поезд и почти полтора часа добирались до города. Шли на тот же завод Дегтярёва, работали смену. В четыре часа отправлялись в обратный путь. И так каждый день. А зимой, бывало, уезжали из дома в воскресенье, снимали квартиру в Коврове и работали там неделю. Потом опять навещали родной дом, где оставшаяся родня работала за трудовни, как раньше говорили, «за палочки». В конце года по начисленным трудовням давали зерно, обязательно – гречку.

Дедушка и бабушка уходили на сельхозработы. С вечера бригадирша обегала каждый дом, стучала в окошко и говорила бабушке: «Евдокия, ты идешь в такой-то наряд, а Василию Гавриловичу – сюда». И все это принималось безропотно. Каждый знал, что бригадир – главный начальник, она распределяет всю рабочую силу. Сегодня на веялке будем работать, или на сушилке, а то и в лес надо ехать – дрова заготавливать. Навоз возить – тоже нужное дело. Это все было на плечах бригадира. Она – как воинский начальник, командир сельской роты.

Работа в сельском хозяйстве, как и жизнь в деревне, в то время была особенно трудна. (Да и сейчас, когда бываю в вологодских или владимирских деревнях, вижу: люди живут, конечно, получше, но крестьянский труд остается, пожалуй, самым тяжелым.) Вставали в пять утра, ложились часов в девять. «Мантулили» каждый день без отдыха от зари и до зари, тем более, если еще держишь скотину и не одну – потому как без натурального хозяйства, без живности в деревне жить нельзя. Это сейчас можно сходить в магазин, купить молоко и сметану, колбасу и мясо, а раньше жили добытым своими руками, лесом и огородом: картошка, капуста, табак, помидоры, яблоки, грибы, рожь, греча... Все было свое: и хлеб пекли сами, и колбасу делали.

И ребятишки участвовали буквально во всех деревенских делах, каждому находилось занятие по силам и по годам.

Помню свой первый вклад в семейный бюджет. В Ковров на Хитров рынок, маленький колхозный базар, приезжали и со стороны Вязни-

ков, и со стороны Муром и Владимира сельские жители, торговали продукцией своих хозяйств. И я туда привозил ягоды, в основном землянику. Сейчас вот граждане озабочены: где добыть витамины, экологически здоровую пищу? А ведь один стакан земляники обеспечивает ребенка витаминами на целый месяц. Надо сказать, я за свое детство «навитаминозировался», съел этой ягоды предостаточно. Да еще и продавал стаканами. Однажды летом – мне было лет тринадцать-четырнадцать – я собирал ягоды два дня с утра до вечера и отвез их продавать. Когда вернулся в Ковров к началу учебного года, то выложил родителям честно заработанные, кровные деньги. Это был, конечно, для них шок. И слезы были, и радость, что я принес в дом почти месячную заработную плату рабочего с завода Дегтярёва.

Вкус деревенского хлеба

Мы, мальчишки, вставали немножко позже взрослых. Чтобы умыться, шли за холодной водой на колодец. Наш дом – четвертый с краю. А колодец у нас через дорогу, глубокий такой. Там даже лед на доньшке держался почти все лето. Вода поэтому была студеной, удивительно прозрачной и вкусной. Если мимо проходили путники, а иногда проезжали машины, то обязательно останавливались около нашего колодца. Там стояла огромная кованая бадья, из нее люди пили и говорили: «Вкуснее в Камешковском районе нет водички, как здесь, на окраине Макарихи».

У пруда стояла крупорушка. Это такое круглое деревянное сооружение, покрытое соломой. Да и почти все дома были крыты ею, шифера не было, железом тоже редко кто богател. (Потом, уже в 1960-е годы, когда стали перестраивать дома, их начали крыть шифером или железом.) А крупорушка служила тем, кому давали на трудовни гречку. Ссыпали зерно в агрегат, лошадь ходила по кругу, вращая тяжелые жернова. И – получалась гречневая крупа, которая в каждом деревенском доме была непременно.

У нас, помню, в горнице стоял целый мешок такой крупы, еще просо было (это для пшенной каши), два мешка соли и два мешка муки. Хлеб мы пекли сами. До сих пор помнится замечательный вкус деревенского хлеба – свежее испеченного ржаного...

Бабушка с вечера ставила квашню на печку, завязывала полотняной тряпкой. Утром разделявала тесто. Большие черные формы смазывала маслом, причем делала это гусиным пером, припасенным для такого случая. Дедушка растапливал русскую печку. Дрова догорали, оставляя таинственные отсветы красных углей. В формах (их было обычно шесть-семь) выпекались буханки. А еще – несколько круглых ситников.

Мне, как старшему, всегда напоминали утром: «Валерка, смотри на часы, без пятнадцати одиннадцать вынешь хлеб. Не позже и не раньше!».

И вот, бегаешь на улице, играешь в футбол или воду носишь в баню, поливаешь помидоры, огурцы, или пропалываешь огород – ну, в деревне дел много – и обязательно раз пять прибегаешь в избу и смотришь на ходики: который час? Потому что не дай бог, если на пять минут раньше вынешь – будет хлеб сырой, на пять минут позже – он перегорит. Его ухватом вынимаешь, перекалываешь, бережно закрываешь. Ура, все получилось хорошо!

Вкуснее ржаного теплого хлеба с солью и с подсолнечным маслом, мне кажется, ничего на свете нет. Если кто-то из моих читателей дойдет до этой строчки и вспомнит, что и ему когда-то сподобилось попробовать настоящего домашнего хлеба, – уверен, он меня поддержит.

Светлые праздники

В доме вечерами горела лампа. Были переносные такие трехлинейные, а самая яркая «молния» висела в большой комнате, где мы собирались на праздники. «Большая» – это метров двенадцать, не более. Но она считалась настоящей «залой» в нашей деревенской рубленой избе.

На праздник непременно «молнию» чистили, а стекла в лампе (они быстро задымлялись) тщательно оттирали газетой. Лучшего материала, чем газета, человечество для этой операции не придумало.

В каждой деревне был свой престольный праздник – у нас в Макарихе это Успение Пресвятой Богородицы. Доставали запасы, варили самогон, ездили во Владимир за продуктами. И ждали гостей. Они приезжали из Коврова, Камешково, соседних деревень. Собирали праздничный

стол. На нем – пироги, рыба, кисель, квас, окрошка. Как водится, и самогонка.

Приезжал на деревню фотограф (это штучные люди были!), обходил домá, делал желающим черно-белые снимки. Потом привозил фотографии. «Запечатлевались» деревенские не часто – дорого, а потому хранили памятные снимки бережно, за стеклом.

И у меня до сих пор комок к горлу, как увижу немудреный сельский «вернисаж», где в одной рамке – и ушедшие, и живые. Вместе...

Эдемское – маленький рай

Дед Кузьма

Как ни крути, а воспоминания о детстве – самые яркие. Я уже перешел черту, которую называют «пенсионный возраст», а они свежи и даже полны до слез знакомыми запахами и звуками, а главное – дорогими мне лицами уже ушедших людей.

Посвящаю эту главку своему дедушке Кузьме Андреевичу Фёдорову. Это удивительный был человек. Дата его рождения – 20 октября 1882 года – одна из самых дорогих мне и памятных в мартирологе близких и родных. Слава богу, Кузьму Андреевича я помню очень хорошо: скончался он в конце июля 1953 года. Получается, с ним и при нем я прожил десять лет. А в детстве, поверьте, это целая огромная жизнь!

Во всех церковных книгах мой дедушка был записан как Козьма Андреевич. А потом уже, видимо, когда начали рождаться дети, он себя «осовременил», стал называться Кузьмой. Мой папа и все папины родные братья и сестры сейчас записаны не как Козьмичи и Козьминичны, а как Кузьмичи и Кузьминичны.

Кузьма Андреевич и Матрена Яковлевна родили и воспитали девять детей! Такими семьями и крепка наша Россия.

Дед Кузьма пережил нелегкие времена. В 1914 году был призван в армию и участвовал в Первой мировой войне. Не буду вдаваться в историю тех событий, замечу только, что бойня была ужасная. Много было убитых и плененных. И мой дедушка оказался в плену у немцев. Дед не очень

на эту тему распространялся, потому что плен, какими бы оправдывающими не были обстоятельства, – это беда, а не повод для гордости.

Есть, однако, немецкая поговорка, что из любого свинства, мол, можно вырезать кусочек ветчины. Вот и тут нашелся плюс: почти два года дедушка подневольно трудился подсобным рабочим у одного фермера в Германии. Это наложило серьезный отпечаток на его судьбу и дальнейший образ жизни. Бабушка умерла в начале сороковых, и дед десять лет жил один в поселке имени Карла Маркса. На берегу реки Наромша стоит его большой, добротный, пятистенный дом. Дед в одиночку вел хозяйство – держал кур, гусей, сажал картошку, свеклу, морковь, турнепс, ягоды.

Мы к нему ездили регулярно до станции Окружная, выходили из поезда и потом километра четыре шли по лесной дороге до этого самого поселка имени Карла Маркса. А назывался он так, потому что в центре стояла ткацкая фабрика, носящая имя основоположника научного коммунизма. На этой фабрике когда-то работали и дедушка, и мой папа, и его братья. Был клуб: папа в духовом оркестре играл. И он рассказывал мне, как они жили всей большой семьей (а я уже сказал, их девять детей было). А став взрослым, на работу ездил в Ковров, мерил ежедневно вот эти километры до станции. Так что дорога эта была ему родной, знакомой до каждого кустика, до каждой выбоинки.

Мы приходили к дедушке. У него всегда было невероятно (по-немецки!) чисто, все словно вылизано: полы помыты, ведра в ряд, мыло, умывальник – все аккуратно. А самое главное, когда зайдешь во двор и заглянешь в мастерскую – ну, там у него, конечно, был идеальный «орднунг», немецкий порядок. Все сверла – по ранжиру, напильники, рубанки – каждый отдельно. Механизмы, инструменты были в идеальной чистоте, и не надо было искать, где молоток, где шило, где гвозди... Не похоже это было на привычный русский быт, когда все где-то разбросано. У деда – как на выставке народного хозяйства. В меня это очень засело, стал я уважать порядок и дисциплину, увидев, как следует аккуратно вести хозяйство.

И еще один штрих, который мне тоже запомнился. У деда были куры – всего десятка два-три, но не совсем обычные. Потому что он еще занимался и селекцией, выводил свои породы. (Кстати, у него и в огороде все было

отменного качества. Если, к примеру, помидоры, то они должны быть сортовыми, если огурцы, то непременно с особыми пупырышками. Тыква должна вырасти не в два-три килограмма, а на пуд – и дед своего добивался.) Так вот, куры... Половина поголовья стабильно несла яйца с двумя желтками. Они, естественно, были по размеру и по весу больше. Когда мы приезжали, запас яиц расходовался. А когда нас не было неделями, их куда-то надо было девать. Дед на рынок не ездил, продавал на дому.

Приходили люди. У покупателей, конечно, был свой интерес: «Кузьма, продай, пожалуйста, вот этих, особенных, с двумя желтками!..».

Дед не спорил. Брал весы, клал десяток обычных яиц на одну площадку и уравнивал на другой... восьмью. И шли они за десяток. Покупатели подмигивали: видишь, мол, дедушка-то какой у вас хитрован, не проделшевит. А дед мне: «Нет, внучок, тут никакого жульничества быть не может. Потому куры необычные, яйца крупнее. Всё правильно и так должно быть, по совести».

Это я запомнил очень хорошо. Как и то, что он все делал сам. И к столу угощение тоже – варил, жарил, приправы готовил. Ведь как ведется у русских людей – обязательно надо для гостей стол накрыть, встретить с уважением. Тем более, коль приезжает один из любимых сыновей с женой и внучком. Он всегда пёк для нас пироги. Замечательно они у него получались.

Только однажды вышла история. Сели за стол чай пить, пироги пробовать. А они... несоленые. Забыл дед тесто и начинку посолить. Видели бы вы, как он переживал! Как так?! Его всегда хвалили, что он и памятный, и знающий, и даже комментирующий все политические и экономические события в стране. И вдруг – посолить забыл!

Не поверите, он потом целый год при наших встречах твердил: больше такого не допущу!.. Уж сколько лет прошло, дедушки нет на земле полвека с лишним, а я тогдашнее его горевание помню, потому что переживания были искренними. Сейчас понимаю: наверное, ощутил дед Кузьма эту промашку как сигнал старения, надвигающейся беспомощности, а для него даже мысль об этом была невыносимой.

Помню, как он ушел из жизни. Сделали ему операцию в ковровской больнице. А потом мама с папой мне сообщили:

– Дедушке совсем плохо, врач посоветовал забрать его домой.

Привезли деда, положили на кровать. Он был слаб, но в полной памяти. Собрались все родственники. Дед вдруг говорит:

– Налейте мне церковного вина кагоры.

Налили ему в стакан багряное вино. Он несколько глотков сделал. Поговорили тихо и мирно. И через несколько часов на моих глазах его не стало.

Не забуду, как спокойно и достойно дед мой ушел из жизни. Это была для меня одна из первых смертей близких людей и настоящее детское горе. Вдруг оказалось, что жизнь состоит не только из радостей. Близкие не вечны. Они уходят от нас. В иные ли миры – не знаем. Так что давайте будем беречь память о своих родных: они дали нам жизнь, имя и фамилию, традиции, уверенность бытия в этом мире.

Низкий поклон вам, Кузьма Андреевич и Матрёна Яковлевна, родившие и воспитавшие столько детей. А от них потянулись веточки дальше, умножая наш русский род – семью Фёдоровых.

Размышляя о своих корнях, невольно отмечаю для себя, что в какой-то мере принадлежу не только современности. Пространство жизни, к счастью для меня, ею не ограничивается, потому что, как понял на склоне лет, многое было внесено в быт, мораль, привычки нашей семьи из прошлых веков. Причем самым простым и наглядным путем – ненавязчивым примером. И когда говорят о связи времен и поколений, для меня это не отвлеченная тема, а на генетическом уровне прочувствованная нить, реальное ощущение своей владимирской русскости, уходящее к моим предкам. К тем, кто, собственно, и сберег эту землю-кормилицу в сердце страны, кто, пройдя дорогами невероятных испытаний, не утратил человечности и жизнелюбия – основ истинного, непоказного патриотизма.

Надо сказать, мой дедушка Кузьма женился 15 февраля 1905 года (получается, в самый разгар Первой русской революции). Избранница его – Матрёна Рунова. Она скончалась в год моего рождения, я ее не стал. Только до сих пор, когда приезжаю на родину, обязательно заглядываю в село Эдемское, где стоит уже четвертое столетие старинная церковь. Она и в советское время была действующей. Неподалеку от этого намоленного поколениями храма похоронена бабушка Матрена Яковлевна. За могилкой ухаживают родственники. Моя сестра Нина Ивановна заботится о ней, постоянно навещает этот дорогой нам погост.

Большой секрет

И коль речь зашла о церкви в Эдемском, то хочу рассказать, как здесь обряд крещения проходила моя дочь Алла.

Когда впоследствии я работал на Урале в шахтерском городе Губаха, летом мы отправляли дочку к бабушке в Ковров. Это на половину лета. А на вторую половину вместе мамой она уезжала на родину Галины в деревню Маслиха Гусь-Хрустального района (это тоже Владимирская область – мы с женой земляки). Там жили мои теща и тесть Любовь Ивановна и Михаил Владимирович Быковы.

Так вот, однажды моя мама решила, что пора крестить четырехлетнюю внучку. Поехала в село Эдемское и там договорилась в церкви с батюшкой.

А проблема в чем была? Если ты крестил ребенка, то акт обязательно записывался в церковные книги. А потом приходил местный уполномоченный по делам религий, выписывал имена и фамилии, место жительства родителей, которые принесли детей на обряд крещения. Советская власть очень строго вела этот учет и контроль. В атеистическом государстве обряды крещения, венчания, отпевания, мягко сказать, не поощрялись. И особенно не одобрялись, если ты состоял в общественной организации – в комсомоле или, не дай бог, в партии. Строгий выговор «по идейной линии» обеспечен.

В то время я уже был коммунистом. Мама об этом знала. Как и ведала о каре, которая может постичь ее любимого сына. Конечно, в те годы речь шла не о каких-то суровых репрессиях. Но, глядишь, и попала бы «церковная история» штришком в биографию, это обстоятельство могло повлиять, при определенных условиях, и на профессиональную карьеру.

Маме удалось уговорить священника, что обряд крещения он проведет, но никаких записей в церковных книгах делать не будет. Такая вот наметилась «тайная вечеря». Возник перед мамой и другой вопрос: как с нами, родителями, быть? Предполагала, конечно, что мы не будем против. Я крещеный, и все в семье у нас, и Галина – крещеные. Беспокоило маму, что вот придет внучка осенью в садик, и обязательно ее спросят: «Как, Аллочка, провела лето? Была у бабушки и дедушки в деревне?». Разумеется, ребенок искренне расскажет о впечатлениях:

как на поезде ехала, видела фонтаны, ходила в кино, каталась на пони, корову с теленком видела, поросят кормила, с бабушкой в лес и в баню ходили (а у них была баня еще по-черному). Молоко пила, творог ела, сметану. А блины, плюшки, пышки, которые бабушка ей пекла утром, пока она еще спала! И все это, конечно, интересно... Но ведь как ни крути, самое яркое впечатление для ребенка – это церковь и крещение. А потому всё оставшееся лето моя мама внучке твердила: «Аллочка, ты уж только никому не говори, что была в церкви!»

Не знаю, какими только ей известными педагогическими методами и каким даром внушения удалось убедить ребенка молчать. Алла по приезде в Губаху ни с кем впечатлениями о крещении не поделилась.

И вот ведь помнит и гордится теперь уже взрослая и самостоятельная дочь, что не выдала посторонним эту «великую тайну», никого не подвела, сумела удержать язык за зубами.

Теперь, конечно, это кажется смешным и нелепым.

Как делили наследство

Вспоминаю деда Кузьму, а невольно размышляю о сегодняшних временах и нравах. Ибо взгляд в прошлое подталкивает к осмыслению дня нынешнего. Это естественно: сравнивая приметы различных эпох, анализируя поведение людей, лучше понимаешь причинно-следственные связи тех или иных явлений. Недаром историю называют «зеркалом заднего вида»: мы лучше ориентируемся в пути и обеспечиваем безопасность движения, периодически поглядывая назад.

Меня, например, очень беспокоит проблема справедливости в моей стране, волнует рост коррупции в обществе, власть денег над людьми. Что изменилось в нас в 1990-х с появлением «священного права собственности» и самой этой собственности? Почему всё чаще видим мы настоящие трагедии, разыгрывающиеся в семьях по поводу дележа домов, квартир, средств, имущества, акций? На телеэкранах в различных ток-шоу демонстрируются немыслимые, казалось бы, глубины человеческого падения. На какие преступления готовы идти люди во имя материальных благ? Эти жгучие вопросы не оставляют меня равнодушным и невольно возвращают к впечатлениям детства...

Вот и вернемся в август 1954 года. Я его особенно запомнил. Мне тогда уже было одиннадцать лет. После деда остался тот самый пятистенок с хорошей усадьбой, на берегу реки. Надо вступать в наследство. Приехали родственники, все братья и сестры: из Кишинева, Днепропетровска, Перми.

Помянули деда, оформили купчую, получили деньги. Напоследок собрались все в доме, где родились...

В опустевшем дедовском доме – только гулкий звук шагов по чистым половицам. Кончалось для меня, еще ребенка, что-то очень значимое, но еще неосознаваемое в потере своей.

Река рядом, маленькая, теплая. Взяли напрокат бредень у соседа. Бредень попался густой, да, видно, дед с небес помог – много рыбы поймали. Вы можете себе представить: старик в сказке бросал трижды невод, а поймал одну золотую рыбку. А нам – в три заброса три ведра.

Сварили котел ухи, поели, мужчины выпили. И – разложили в горнице весь скарб, который остался от бабушки и дедушки. По прошествии многих лет думаю: господи, как же все-таки люди труда бедно жили – робили, строили, займы государству платили безвозвратные... Да ведь главное – жизнь любили, детей поднимали, имели в душах своих нечто, что дороже денег и дорогих вещей.

Разделили на семь кучек (всем наследникам поровну) все нажитое богатство: чашки, блюдца, вилки, тарелки, напильники, пилы, топоры, колуны... У бабушки инструмента было много. Постарались, чтобы кучки были ровные. Все знакомое до боли, до каждой трещинки – можно сказать, фамильное. Не золото и серебро, не драгоценности, но – дорогое сердцу.

Мне доверили самую важную миссию. Родичи встали у окон в горнице. Семь кучек на полу лежат. Я стою к ним спиной. Меня спрашивают, показывая на долю: «Кому?». Отвечаю наугад: «Дяде Пете». Петр подходит и берет свое. Снова спрашивают: «А это кому?». – «Тете Паше... Тете Фесе... Моему папе»...

Вот так мы тихо и мирно распорядились наследством. И я был в этом процессе самым ответственным, справедливо распределяя скромные дедовские пожитки.

Труженики вечные, бесхитростные бессребреники, наши предки рожали детей, честно работали всю жизнь. Осталось после них из материальных благ лишь несколько чашек-ложек да рабочий инструмент.

Сегодня это, как говорит в известной телепередаче Леонид Каневский, «уже совсем другая история». Нарушим хронологию повествования и поразмышляем над фактами более современными.

Заметки на полях

«Коррупционеров надо сажать, сажать и сажать!»

Держу в руках журнал «Российская Федерация» № 1 за 2007 год. На первых страницах опубликована моя статья под этим простым, но конкретным заголовком. В ней я, тогда член Совета Федерации, делился своими соображениями, что нужно делать, преодолевая нашу национальную беду – коррупцию, которая, по мнению многих граждан, в том числе и президента, проникла практически во все структуры нашего общества. Сколько бы ни корили тех, кому коррупция «строить и жить помогает», всё равно чиновники воруют, порочат власть и государство. Вот я и высказал публично свое твердое мнение: мы слишком лояльно относимся к тем, кто преступает порог законности.

Были времена, когда жуликам, спекулянтам, валютчикам, растратчикам объявлялась настоящая война. Были громкие уголовные дела, например в отношении директора столичного Елисеевского магазина, который за злоупотребления был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Заместителю министра рыбной промышленности (тоже в советское время) был вынесен суровый приговор.

Когда я уже работал первым заместителем министра внутренних дел, начальником Следственного комитета, у нас в производстве находилось дело бывшего министра юстиции Российской Федерации Ковалева. Он сумел присвоить мошенническим способом около 450 тысяч долларов. Следствие шло долго. Помню, каждую пятницу получал от него из следственного изолятора объемное письмо, написанное мелким убористым почерком. Он жаловался на свое горестное положение, на то, что сотрудники следственного изолятора и мои коллеги проводят с ним «психологические и химические опыты, рассыпают порошок, аэрозоли, действуют на психику». И в результате этого добиваются, мол, от него признательных показаний. А он честно служил в органах внутренних дел, дослужился до полковника милиции, и вот его неведомо за что привлекают к уголовной ответственности и хотят представить одним из главных коррупционеров.

Я эти жалобы читал, передавал следователю для приобщения к уголовному делу. В переписку с экс-министром мы с руководством оперативно-следственной группы, которая вела это дело, решили не вступать. Суд вынес обвинительный приговор: было доказано, что он действительно крупный жулик, опорочивший и государство, и юстицию. Но дали вору (вдумайтесь только в приговор суда!) девять лет – условно!

Мы были ошарашены таким «обвинительным» приговором. В судебной практике проявились странный либерализм и весьма интересное отношение к преступникам. Не потому ли и нынче правоведы, эксперты и рядовые граждане никак не могут понять, например, «смелость» министра экономики Алексея Улюкаева, приехавшего самолечком на «Мерседесе» за... взяткой. Он был задержан в ноябре 2016 года по подозрению в вымогательстве и получении взятки в размере двух миллионов долларов за выданную Министерством экономического развития положительную оценку, которая позволила «Роснефти» приобрести пакет акций «Башнефти». Хочу отметить, что этот миллионер ни дня не работал в бизнесе. На этот раз следствие изучило все декларации, которые он подавал, и без труда установило, что Улюкаев начал резко богатеть с момента назначения на высокую должность в 2013 году. По ходатайству следователей Центрального аппарата Следственного комитета России, у него были арестованы 15 объектов недвижимости и принадлежащие ему средства на сумму не менее 564 миллионов рублей.

*Но хочется спросить: откуда дровишки? Кто помогал мздоимцу, кто закрывал глаза на его делишки? Как можно было допустить **такое** на **таком** уровне власти? Федеральный министр химичил, приобретал неведомым образом богатства и до конца суда уверял, что он честен.*

Думаю, главный изъян процесса развития нашей страны – это даже не череда экономических просчетов и утрата навыков предвидения и планирования. Не санкции, не кризис в финансовой сфере и производстве. Может быть, резко будет сказано, но, на мой взгляд, главная причина в ином – в глубочайшем кризисе справедливости.

Первый печальный итог торжества несправедливости – непомерное расслоение общества, нарастающее с каждым днем. Статистика свидетельствует, что 88 процентов богатств страны принадлежит не народу, а узкому кругу миллиардеров. Ничего подобного нет ни в одной из развитых стран. Это все следствие той безудержной, бесшабашной, стремительной «прихватизации», которую организовал Анатолий Чубайс, утверждавший, что «государство неэффективно, надо всё отдать частникам».

С горечью размышляю о том, что нашлось два десятка ловких предпринимателей и «экономистов», которые раньше торговали сигаретами, джинсами, «кока-колой» и за бесценок, за скупленные бросовые ваучеры приобрели под покровительством друзей-чиновников несметные богатства. А сейчас похваляются собственными футбольными клубами, 150-метровыми яхтами, личными самолетами и вертолетами. Руководство Республики Коми во главе с Гайзером или тот же губернатор Хорошавин обвиняются в многомиллионных взятках и откатах. Очень известный в Пермском крае Никита Белых, бывший губернатор Кировской области, покусился на взятку в 400 тысяч евро...

Недавно посмотрел творческий вечер известного нашего юмориста, который сказал: «А что наши губернаторы? Мы слышим о них два раза: когда их назначают и когда арестовывают». Зал аплодировал и смеялся, а мне, сознаюсь, было горестно. Губернаторов на всю Россию всего 86 человек, штучные люди, неужели нет возможности отобрать достойных и никогда не давать повода усомниться в тех, кто стоит на самой вершине властной пирамиды? Когда пишу эти строки, в стране проходит «массовая смена» губернаторов, выдвигается молодежь. Неужели и им предстоит враспику в укоровившуюся «систему» мздоимства?

Много думал, как бороться с этим поистине мировым явлением. Почему коррупционеры приходят во власть и делают все для того, чтобы уйти от ответственности за свои неблагоприятные действия?

Поэтому я и написал ту статью, что сажать преступивших закон и мораль просто необходимо. И сажать – по-крупному!

Среда обитания

Номерки на ладошках

В то время, о котором вспоминаю, в Коврове, как грустно шутили жители, «магазины были, но в них ничего не было».

Когда я пошел в школу, иногда приходилось ее пропускать, потому что к праздникам (на 7 Ноября, Новый год и на 1 Мая) завозили в город и продавали муку. «Давали», как тогда говорили.

Мы знали, какого числа в каких магазинах будет в продаже белая мука. Но за ней надо было еще отстоять в очереди. Задача моя, как «се-

мейного завхоза», – вечером записаться в очередь, получить на ладошку записанный химическим карандашом номерок (желательно поближе), чтобы потом купить два-три килограмма муки.

Потому и остались в моей памяти синие номерки на наших ладошках.

Как уже сказал, в школу в такие дни мы не ходили, потому что родители трудились на заводе, а уж все остальные – старики и дети – стояли в очередях. Несколько килограммов муки были залогом того, что потом будут на праздник пироги, а за вкусно пахнущим столом забудутся передраги в очереди. Этой муки нам хватало, чтобы по субботам мама пекла замечательные булки с повидлом, «треугольники», плюшки с маком, который мы, кстати, выращивали тогда сами.

И за хлебом были очереди, и за сахаром – от этого никуда не деться, говоря о жизни в середине прошлого века. Они на многие годы стали, к сожалению, приметой «развитого социализма» и сюжетами многочисленных анекдотов. Шутили, например, что у всех все обязательно будет хорошо. Но – в порядке живой очереди.

Еще примета времени – почти все жители Коврова вели натуральное хозяйство.

Коммуналка

В первом этаже дома, где я родился и где мы жили до 1953 года, на трех соседей было три комнаты по двенадцать – четырнадцать метров. Маленькая кухня, плита и водопроводный кран, небольшая раковина, три керогаза, примусы, шум, гам. Но жили дружно. В выходные дни собирались вместе, играли в «Петуха» и в «Кинга» на деньги: по копейке или две. Это было азартное соперничество, отнюдь не ради выигрыша. В популярной телепередаче одна из выдающихся наших артисток рассказывала, что они жили в коммунальной квартире в Москве, и она запомнила злодейку, которая сыпала соседям соль в компот. Этого у нас не было однозначно.

Дом – двухэтажный, деревянный. Он стоит и по сей день, и по сей день в нем люди живут.

Я часто туда заезжаю, навещаю убогое это жилье, и мои седые волосы дыбом встают, как подумают: ладно, мы после войны жили, а как

люди сейчас живут?! Прошло уже шестьдесят лет, я уже постарел, а дом хоть и обветшал совсем, но еще полон жильцов, которым награды, наверное, надо давать за такие испытания. Власть утверждает постоянно, мол, «заботимся о людях», но слов много, а движения должного пока еще не хватает...

В десяти метрах от нашего крыльца стояли ряды сараев. У каждой семьи был свой закуток в пять-шесть квадратных метров. Там обязательно держали живность. У нас было две козы, исправно, а иногда и не очень регулярно, снабжавших наше семейство молоком. Правда, козы мало доились, полтора-два литра, но нам этого хватало: стакан козьего молока для ребенка – и лекарство, и питание, и главный, как тогда считали, залог здоровья.

Много лет спустя прочел в мемуарах первого президента России Бориса Ельцина, как спасла его такая вот домашняя кормилица-коза, и этот эпизод по-человечески приблизил мне образ Бориса Николаевича, доверенным лицом которого мне довелось стать. Но об этом позже...

Чем еще был хорош сарай? В детстве приходилось спать на сеновале, и это была не экзотика, а житейская необходимость. Квартирка была маленькая, и когда кто-то приезжал в гости, ребят отправляли «на волю». Это было и дружелюбно, и радостно, и таинственно – с обязательными ночными рассказами-страшилками, с притягивающим взгляд звездным небом, всматриваясь в которое, мы впервые задумывались о бесконечности мира...

Обязательно у всех был огород с картошкой. Непременно каждый год мы сеяли просо, снимали по два мешка урожая, а потом везли в сторону военного городка, где его перерабатывали в пшено. И всю зиму у нас была своя, «доморощенная» пшенная каша. Томленая в печи в старом чугушке – вкуснее, наверное, ничего не ел. Основное наше блюдо и на завтрак, и на обед, и на ужин.

У мальчишек, в том числе у меня, была особая обязанность и забота. Мы выкапывали с грядок картошку, сушили ее, спускали в погреб. А в сентябре начиналась заготовка крахмала. В магазинах этого очень нужного продукта практически не было. Я приходил из школы, и целое ведро картошки предстояло протереть на тёрке. А потом мама высы-

пала полученную серую массу на газету и сушила. Получался свой, белый хороший картофельный крахмал.

А еще мы ездили в сторону Муром или Селиванова по одноколейке на крыше пассажирского поезда. Собирали в заветных местах всевозможные ягоды, которые давала наша плодородная владимирская земля. Потом варили кисель. А без киселя, думаю, не обходилась ни одна ковровская семья, да и, наверное, вся Россия.

Счет войны

Помню, кисель ставили и на праздничный стол – на Октябрьскую, на Новый год, на 1 Мая. 9 Мая тогда еще не отмечали, потому что в 1946 году Сталин принял решение не отмечать День Победы, и только Леонид Ильич Брежнев утвердил выходной – в стране начали праздновать Победу широко и торжественно. Этот день стал главным в России.

Война оставила след в каждой семье, в том числе и в нашей – Фёдоровых и Агеевых.

Брат моего папы Василий погиб в Берлине 2 мая 1945 года. Сохранилось его последнее письмо – послание рядового стрелка, который дошел с боями от Москвы до столицы рейха:

«Ваня, Лида, скоро закончится война. Мы уже в Берлине, считаем дни, мы победим эту фашистскую гадину, скоро приеду. Лиде привезу крепдешиновый платок, двое часов немецких трофейных, и мы обязательно в первый день выпьем за победу и обмоем ножки моего племянника Валерки, которого я не видел и которому уже скоро будет 2 года...».

Это письмо датировано 30 апреля 1945 года. Войне конец. А Василий не дождал до дня Победы. Папа очень бережно хранил этот святой солдатский треугольник.

Где похоронен мой родной дядя, я, к глубокому сожалению, не знаю. Папа и дедушка Кузьма предпринимали попытки найти могилу Василия Кузьмича Фёдорова, но им это так и не удалось. Надеемся, чужая земля стала ему пухом...

Иван Агеев, младший брат моей мамы, погиб в декабре 1941 года в ожесточенных боях под Москвой. Это было тогда, когда Красная Армия перешла в успешное наступление, и фашисты потерпели первое

сокрушительное поражение. С этого начинался нелегкий и долгий путь к Победе.

Василий Фёдоров, Иван Агеев, царство небесное вам!

Счет войны: в наших двух семьях – двое погибших...

Вера, надежда, любовь

Из игрушек у меня был деревянный конь, на котором я гарцевал до семи-восьми лет и которым гордился (есть даже фотография «наездника»). Коня мне подарил дядя Коля, брат моей мамы.

Николай Агеев жил в маленьком деревянном доме около Шириной горы. В гости к Агеевым мы ходили через лес, через Муромскую железную дорогу на 1 Мая и на Новый год. А на Октябрьскую они приходили к нам. Дядя Коля был столяр, что называется, золотые руки. Он и смастерил этого удивительного коня, который с двух лет и до школы был у меня любимой игрушкой. Да, собственно, и единственной.

Правду сказать, нищета послевоенных лет как-то не особенно замечалась нами, ребятнёй. Бедствовали все вокруг, и сравнивать с кем-то уровень своего благополучия практически не приходилось.

В магазинах все полки были заставлены банками с огурцами, с зелеными помидорами и... крабами. Где-то до 1955 года их было просто навалом, целые пирамиды консервов «Чатка» в каждом магазине. Стоили дёшево, но почему-то не пользовались популярностью, несмотря на рекламные призывы: «Всем попробовать пора бы, как вкусны и сочны крабы!». Они предлагались в сочетании с майонезом, но не помню, чтобы кто-то из наших соседей, в нашей семье, в нашем доме покупал этот деликатес. Считалось: мол, это не наша еда. Вот винегрет – другое дело! Еще выручали макароны – серые, как валенки, да лапша в разном ассортименте. Из жиров были маргарин и подсолнечное масло. Молоко коровье покупать у частников было дороговато, при необходимости шли за ним на рынок.

Наши родители, когда Сталин и последующие руководители страны объявляли подписку на государственные займы (на облигациях было написано «Заем развития народного хозяйства СССР»), отдавали чуть ли не последние деньги из своих небольших зарплат. Мамина фраза, которую она в таких случаях говорила, мне врезалась в па-

мять на всю жизнь: «Лишь бы не было войны».

Люди жили порой впроголодь, очень бедно, но, испытав ужаснейшую из войн, потеряв родных и близких, работали, старались, отдавали все, чтобы те, кто защищает страну, ни в чем не нуждались, армия наша была сильной, а оружие – самым надежным. Вся семья наша работала в военно-промышленном комплексе и знала, что это такое. Делали самое современное оружие, а верили в мирное будущее.

Именно в это послевоенное время, посмотрите, были выстроены лучшие дома, которые есть сейчас в каждом городе. А в Москве все эти семь знаменитых высотных зданий (на семи холмах, как говорят, столица стоит) – олицетворение тогдашнего стремления ввысь. По личному решению Сталина их начинали строить в 1948 году, закончили в 1953–1954 годах: жилой дом на Котельнической набережной, гостиницы «Украина» и «Ленинградская», здание Министерства иностранных дел на Смоленской площади... Пройдут годы, может быть, столетия, а они останутся украшением столицы, памятниками нашей эпохи, мощи страны. Она тогда еще не оправилась и не залечила свои раны, но строила на века. Архитекторы работали на будущее, чтобы людям красиво и достойно жилось, чтобы столица масштабно представляла нашу Родину – Союз Советских Социалистических Республик. Это, может быть, пафосно звучит, но говорю я об этом от души.

В те времена почти в каждом доме на стене висела черная тарелка – радио. Мы слушали всё: радиоспектакли, спортивные репортажи, информационные сообщения. Особенно ждали, я помню, 1 апреля (почему-то правительство выбрало такую дату), когда рано утром диктор торжественно объявлял очередное постановление Совета Министров СССР о снижении цен на некоторые товары. После этого в магазинах появлялись новые ценники, и все радовались, как хорошо становится жить.

Радио было постоянно включено, вещало с шести часов утра и до двенадцати ночи. Начиналось вещание с Гимна СССР. Поэтому гимн мы знали наизусть. Сейчас вот губернатор Пензенской области, мой друг Бочкарёв, даже указание издал, чтобы все чиновники администрации и других федеральных учреждений Пензенской области обязательно выучили гимн. И это правильно, потому что какие же мы патриоты без знания гимна?

С чего начинается Родина? Помните – «с картинки в твоём букваре». Так и тут: гимн и флаг Родины с детства святы. У меня на даче зять на день рождения установил флагшток шестиметровый, и мы с внуком Никитой флаг поднимаем. А сейчас и со вторым внуком Женей... Ведь что-то закладывается в души маленьких граждан этой церемонией. Помню, прокуратура Ставропольского края привлекла к ответственности некоторых руководителей города Пятигорска за то, что они на своих зданиях вывешивали государственные российские флаги. Это, конечно, нонсенс, анекдот, но так случилось, и прокуратура тогда утверждала, что выполняет федеральный закон. Потом я, уже будучи членом Совета Федерации, вмешался, мы это быстро поменяли и вменили в обязанность каждому административному учреждению, муниципалитету, сельсовету, школам и так далее в дни праздников обязательно вывешивать на зданиях государственный флаг. С этого тоже начинается воспитание патриотизма.

Папа всегда выписывал «Правду», «Труд», хотя никогда не был членом партии. Он и меня заставлял читать газеты. Я уже в начальной школе знал, например, что такое «информангентство». Помню, как-то вышел во двор и спросил у ребят: «А знаете, что такое ТАСС?». Они озадаченно замолчали, а я с гордостью их просветил.

Еще папа очень любил устраивать мне мини-экзамены, когда мы с ним шли куда-то. Вдруг спрашивал: «А какова точка таяния льда? Что такое число “пи”? Как называется столица Киргизии?». И мне приходилось держать себя, как говорится, в форме, быть готовым к ответу.

Папа образовывал себя сам и был очень начитанным человеком, любил стихи, особенно поэзию Сергея Есенина, много знал из его творчества наизусть, в дружеской компании нередко читал любимые строки. Рассказывал, что это – крестьянский поэт, самый искренний, глубоко

ко наш, русский. А ведь в то время стихи Есенина были как бы под запретом.

Наверное, любовь к поэзии от папы передавалась и мне. Уже в армии, а потом студентом юридического факультета, я на свои скромные доходы обязательно покупал в киосках «Союзпечати» стихи Евтушенко, Ахмадуллиной, Рождественского. И однажды на студенческий заработок купил, наконец, полное собрание сочинений Есенина.

Папа сам регулярно ходил в библиотеку, и нас уже в начальной школе записали туда. Библиотекарь обязательно, когда ты сдавал книгу (а ее выдавали на десять дней), спрашивала содержание прочитанного. А учительница иногда проверяла наши формуляры, чтобы знать, кто что читает...

Еще до войны... Папа

Дорогая моя столица

Март 1953-го

Запомнилось начало марта 1953 года. Все жители нашего дома, города и страны ждали сообщений о состоянии здоровья Иосифа Виссарионовича Сталина. Утром 5 марта Левитан по радио объявил, что вождь нашего государства скончался. Я видел, как все люди, в том числе мои родители, искренними слезами плакали. Все выглядели растерянными, не знали, что же будет с ними, с государством, потому что Сталин был олицетворением всех достижений и побед. Он был в сознании многих и отец родной, и мудрый учитель, и защитник.

Отчетливо помню, как 9 марта на площади перед железнодорожным вокзалом у очень скромного памятника Сталину при огромном стечении народа слушали из Москвы радиотрансляцию о похоронах. Весь трудовой люд вышел на эти траурные митинги, чтобы сказать последнее «прости» вождю страны строящегося социализма.

Морозный воздух разорвали гудки заводов и паровозов...

Начиналась другая эпоха. Сейчас ее называют «оттепелью». Не уверен в точности этого определения, но что-то в атмосфере и в общении людей и вправду стало меняться.

Меня, еще младшего школьника, как-то взяли мама с папой в Москву. Метро открывалось в шесть часов, мы сразу с вокзала поехали на Красную площадь, и там уже был народ – большая очередь. Мавзолей Ленина и Сталина открывался в десять. Мы терпеливо ожидали визита к усопшим вождям. Особых эмоций, честно скажу, я тогда не испытал, немного напуганный полумраком входа, мраморной лестницей, ведущей вниз, и видом двух голов в гробах, подсвеченных довольно ярко. Приятно было выйти на воздух, пройти вдоль Кремлевской стены, полюбоваться елочками...

Потом я эту процедуру проходил еще раза два-три. А тогда в классе рассказал, что был на Красной площади, видел Ленина, видел Сталина, проходил у стены, где похоронены Дзержинский, Свердлов и другие видные большевики...

Спутник полетел!

А вот другой памятный день – 4 октября 1957 года. Мы едем из Камешково на поезде – это почти полтора часа. По радио, которое было включено в вагонах, слышим, что в СССР запустили первый искусственный спутник Земли. Какое это было счастье, какая радость и гордость!

Потом по радио и в газетах публиковали данные о траектории и время полета спутника. Весь город, стар и млад, выходил на улицы. Мы поднимались на крыши домов, чтобы увидеть маленькую, летящую по небу рукотворную звездочку. Это было какое-то невообразимое ощущение, что ты живешь в такое прекрасное время, когда умом и руками советских людей, наших конструкторов, которых мы не знали (писали только «главный конструктор») совершился прорыв в космос. Подумайте, какая сильная и непобедимая наша страна! Недавно закончилась война, а уже строятся клубы, дома, асфальтируются дороги, снижаются цены. Спутники летают!..

И в то же время не хватало самого необходимого.

«Колбасные» поезда

Мы жили сравнительно недалеко от Москвы – шесть часов на поезде. Мама раз или два в месяц отпрашивалась с работы, собиралась, уезжала в столицу. До позднего вечера мама бегала от Курского вокза-

ла по всей Москве – в Марьино рощу, на Таганку, в универмаг «Добрынинский», покупала колбасу, рис, другие продукты. Отвозила в камеру хранения, сдавала сумки – и снова бегом. Масло в одном месте купит, мясо – в другом, в третьем за одежкой постоит.. И так целый день на ногах. А потом – полностью забитый народом, «пахнущий колбасой», как горько шутили тогда, поезд с задорным перестуком мчал домой – в славный город Ковров.

Ранехонько утром, в четыре часа, мы маму встречали на вокзале. Поезд стоял всего две минуты. Сгружали впопыхах все эти свёртки, котомки, укладывали на санки и бодро везли домой. Счастливый момент: намазать сливочное масло на хрустящую корочкой французскую булку. Мы, дети, ложились досыпать и думали: «Как хорошо, что есть Москва, что она рядом, и, слава богу, там все есть!». Зависти к «жирующим столичным» не было, честно говорю. Никогда я не слышал, чтобы взрослые говорили о Москве как о витрине советского бытия, а мы, мол, рядом, кое-как перебиваемся...

Но куда было девать продукты, если поездка состоялась летом? И на этот случай выход был. В сарае имелся погреб. В марте мы с папой снег туда трамбовали, заполняя до краёв. Погреб был отделан деревом: стены – доской обрешной, пол – из плах. Потом снег слегка поливали водой, образовывалось нечто вроде наледи, и холода хватало, помню, до середины августа. Мы туда спускали и мясо, и колбасу, и молоко, и масло. Холодильников в помине не было.

Не поверите, мы тогда даже не знали, что уже есть на свете такие машины – стиральные, или там посудомоечные, и прочие чудеса. Мы даже и не догадывались, что уже существует такое новшество – кухонный комбайн! Пользовались собственными, я бы даже сказал, деревенскими изобретениями. Вроде погреба.

Мама и Гагарин

Я уже стал иногда ездить с мамой в Москву. Нелегкими были для меня эти путешествия, потому что целый день на ногах, в шумном городе, в очередях, в гудящем потоке людей и машин. Были, впрочем, и плюсы: когда мы приезжали в ГУМ, то мама обязательно приводила меня к фонтану и в благодарность за помощь и терпение покупала мне

мороженое, пломбир. Я с наслаждением ел и размышлял: «Жизнь удалась, все хорошо!».

Но поездка 14 апреля 1961 года запомнилась особенно.

Может, хронологически это и не вписывается в канву повествования, но не могу не рассказать, как тем весенним днем мы приехали с мамой в Москву. Поехали, как обычно, за продуктами и чтобы купить кое-какие вещи мне – ботинки, плащ и рубашку, в Коврове их трудно было достать. Я уже работал, скоро должно было исполниться восемнадцать, и родители хотели, чтобы я выглядел не хуже других.

Приехали ранним утром. Как обычно, сначала поехали на Красную площадь. Это наш ритуал. Знаете, стихотворение такое: «Как известно, от Кремля начинается земля...». Подошли к Мавзолею. А там мужчины, одетые по-рабочему, расстилают красные ковровые дорожки. Мама спросила:

– А зачем вы это делаете?

– Так сегодня Гагарина встречать будем.

Я так и загорелся, мне очень хотелось остаться здесь – участвовать во встрече первого космонавта Земли! Меня взволновала мысль, что я в числе первых увидел хотя бы дорожку, по которой вскоре пройдет первый космонавт. Взглянул на маму: может, подождем?.. Она покачала головой: сынок, у нас много дел...

Это я до сих пор помню. Помню и то, что в этот день мы купили очень хорошие ботинки за 22 рубля, плащ китайский прорезиненный, белый за 25 рублей.

...Мама, Гагарин, космос, Москва, новый плащ и ботинки – все связалось неожиданно в очень памятный узелок – один из тех, которыми я особенно дорожу.

Чем пахнет детство

Яблоками

Мы лазили за ними в соседние сады. Важна была даже не добыча – нередко просто кислятина, а риск – ощущение опасности, страх быть застигнутыми на «месте преступления». Хотя в частном секторе

не было тогда жлобов, жестоко наказывающих ребятишек. И не помню, чтобы кто-то по соседству завел злобного пса-охранника.

И такого обилия бесхозных собак не бродило, как и службы по их отлавливанию, по-моему, просто не существовало. Порой ходили слухи о ловцах с петлями и каких-то больших «собачьих ящиках», в которые могут попасть даже домашние псинки. Но сам я никогда такого не видел.

Кстати, и кости, остававшиеся после того, как варили студень, доставались не собакам. Их, еще горячими, следовало обглодать, похрумкать хрящиками, высосать сладкие мозги. Что могло быть вкуснее?! Потом мы кости собирали и ходили сдавать старьевщику – тоже какой-то приработок. Изредка на улице раздавался звук рожка: собирали утиль – цветные металлы, тряпье. В качестве оплаты можно было получить замечательную игрушку «уйди-уйди» – пищащий шарик. Женщины брали иголки к швейным машинам или патефонам, другую полезную мелочь, которой в магазинах почему-то не водилось.

Керосином

И запах керосина памятен из детства. Пищу готовили на керогазах и примусах. Надо было ездить в керосиновую лавку. В доме держали специальный бидон. С ним я стоял в очереди, ждал, когда привезут керосин. На полке – бутылки с черепом и скрещенными костями. Денатурат, который отдельные лихие выпивохи употребляли вместо водки и называли «коньяк три косточки».

Баней

А еще памятен запах простого мыла, особый дух парной. И даже, как ни странно, запах пива – тоже из детства.

По субботам мы ходили в баню. Каждый раз для меня это было целое событие. Мама собирала наши нехитрые манатки, и мы с отцом – двое мужчин – шли париться. Было приятно идти неспешно рядом с папой, уважительно отвечая на приветствия знакомых.

В бане тоже была очередь, и немалая. Простоим час в гомонящей толпе мужиков, потом полтора часа моемся, ходим в парилку. Обдавшись студеной водой (как заново родился!), выходили раскрасневшие-

ся собираться в обратный путь, домой. Каждому посетителю бани выделялся отдельный шкафчик – повесить свою одежду. Для надежности он закрывался на ключ. Однажды папа мне с гордостью сказал: «Ты учти, сынок, этот замок для банных шкафчиков придумал и сделал твой дедушка Фёдоров Кузьма Андреевич, он был очень мастеровитый». И этим без хвастовства подчеркнул мне: мол, учти, в Коврове Фёдоровых знают.

В вестибюле бани стоял большой длинный стол – дубовый, как мне помнится. И такие же лавки. В это же помещение выходило окошко, где продавали пиво бочковое. И непременно мужчины после бани по паре кружек выпивали. Закуски разнообразием не отличались: бутерброды – селедка с хлебом. На высоком столе – солонки. На толстый ободок здоровенной кружки с пивом сыпали соль. Мужики обязательно солили пиво, вспенивая напиток. Вобла иной раз имелась у них, но не в большом достатке.

Я помню, мне как-то папа предложил:

– Сынок, попробуй пиво.

А мне лет шесть было. Сделал большой глоток. Таким мне показалось оно мерзким, противным! Выплюнул и заявил:

– Папа, вырасту большой, пиво никогда не буду пить!

Еще раз убеждаюсь, что молодо – зелено: не надо торопиться с обещаниями «никогда»... Можно попасть впросак.

И еще хочу дополнить, сейчас пришло на память: когда мы после бани, распаренные, красные, причесавшись, собрав свои манатки в сумку, выходили из отделения, мне папа говорил:

– Валера, посмотри, пожалуйста, ничего чужого не оставили?

И я доверчиво возвращался к бельевому ящику, смотрел на нижнюю и на верхнюю полки, не осталось ли чего... Вот эта шутка папина мне на всю жизнь запомнилась: «Посмотри, мы ничего чужого не оставили...».

Баня, ядреный пар, пахучий веник, кружка пива вошли в мой взрослый быт. Они нередко снимали и плохое настроение, и – особенно – болячки, как это случилось после серьезной автомобильной аварии под Курганом, когда наша машина опрокинулась на полном ходу в кювет, и несколько месяцев пришлось бороться с болями в позвоночнике... Но об этом речь впереди.

Детсадовской едой

До сих пор волнует, когда пахнет вдруг детсадовской едой. Мне долго казалось, что это одна из самых вкуснейших кухонь, которую я когда-нибудь обонял – молоко, каши, запеканки, свежие булочки...

У нас детский садик был один-единственный, около стадиона «Металлист», и не помню, чтобы из нашего двора туда кто-нибудь ходил. Спробуйте: как так – в садик не ходил, а вкус и запах детсадовской еды помнит? Дело в том, что моя крестная (я ее называл Кока) работала там нянечкой, и вечерами, когда она убирала, а меня некуда было деть, мама приводила к ней. И я часа два обитал в этом детском царстве и думал: как же повезло тем, кто ходит сюда, здесь живет, спит, сидит на этих стульчиках, ест из этой посуды... Даже ковер (тогда редкость!) на полу лежит. Какие же счастливые детишки сюда ходят!

Сейчас вроде детям все легко дается. Но ценится ли это? К сожалению, чаще воспринимается как данность. Когда сравниваешь то, что было, и то, что стало, видишь, какой страна сделала огромный рывок.

Мы критически относимся к советской власти, «диктату» КПСС и так далее. Правильно, возврата к прошлому не будет. Но противно, что особенно стараются очернить нашу историю те, кто живет сейчас на незаработанные деньги. Так называемые псевдодемократы и приобретатели не просто критикуют бывшее, но, по сути, оскорбляют миллионы людей, которые жили в то труднейшее и все-таки славное время. Наши отцы заложили главный фундамент индустриальной державы, сберегли страну в годы тяжелейших военных испытаний. Людям дали образование, жилье, возможность бесплатной медицинской помощи... А сейчас говорят, что все, мол, было плохо.

Никто, я думаю, из здравомыслящих людей не будет отрицать негативные явления, которые тоже были. Это наша история, наши беды, и от прошлого никуда не денешься. Но почему надо искажать или замалчивать то великое, что сделано нашим народом? При этом под шумок разобрано, разворовано созданное трудом поколений богатство...

Сложно было с вещами и продуктами. Но жили ведь, радовались малому, надеялись на лучшее и трудились на совесть. Не ныли. Я не помню, чтобы были брюзжания какие-то: надо – значит, надо! Работать –

так работать! Сверхурочно – так сверхурочно... Папа и мама пропадали на работе. Деньги получали небольшие, но стабильно. И эта уверенность людей, я так сегодня думаю, дорогого стоила.

Меня раздражает, например, когда записной сатирик глумливо спрашивает аудиторию: «А разве вы раньше имели деньги? Вы же ничего не потеряли, лишившись Страны Советов! Как были нищими, так и остались. Зато водку можете купить без очереди и без талонов!».

Нет, утрачено многое. Главное – потеряна уверенность, которую обеспечивала занятость: труд был обязательным, по радио слышали о безработице в странах капитала и сочувствовали тамошним бесправным работягам. Была уверенность в поддержке трудовых коллективов, в получении образования, медицинской помощи – и это помогало людям спокойно жить и растить детей с расчетом на перспективу. То, чего лишены, к сожалению, нынешним укладом многие россияне, в первую очередь молодежь. Да и пенсионерам в условиях грабительского рынка не очень сладко...

Папа, когда заработал пенсию, мне с гордостью сказал: «Ты учти, для всех самая большая пенсия – сто двадцать, а у меня повышенная – сто тридцать два рубля. Такое заработать надо!»

Этой суммы, в принципе, хватало, чтобы обеспечить жизнь. Пусть и не богатую, но достойную.

Школьные годы чудесные

Первый класс, первая учительница

1 сентября 1950 года. Я поступил в первый класс начальной школы № 9 города Коврова. Она располагалась в здании, где еще недавно был военный госпиталь.

В школу приходилось идти, наверное, километра два – два с половиной. Насколько помню, никто нас никогда не провожал: ни мамы, ни бабушки. Все работали. Нас приучали быть самостоятельными людьми. В школу ходили спокойно, хулиганства не было. Лет в восемь нам сделали полозья-«финки», которые мы на валенки надевали и до школы доезжали с ветерком...

Тогда еще оставалось (впрочем, уже ненадолго) отдельное образование. Были мужские и женские школы. И мы, когда ходили в свою школу, с интересом поглядывали на учениц женской школы № 3. Думаю, это разделение было неправильным. Уверен: совместное обучение мальчиков и девочек более полезно для воспитания. Но и сейчас почему-то некоторые горячие головы говорят: надо, мол, обучать отдельно. А ведь общение просто необходимо: мы живем в современном мире, работаем вместе, женимся, любим, и разъединять нас с первого класса – вредная идея. В садике не было отдельных групп, а школы почему-то дифференцировали, как сейчас говорят, «по гендерному признаку».

Следует заметить, что мы тогда приходили в школу осваивать все с самых азов. Это сейчас будущий первоклассник должен уметь писать, читать, считать и так далее. Мы же несколько месяцев рисовали палочки, учились держать перо, запоминали буквы. Читать я стал только к концу учебного года: «Мама мыла раму»...

Первый год ушел также на привыкание к школьной дисциплине. В классе нас было почти сорок человек, тогда наполняемость была очень большой, потому что школ не хватало. Занятия шли в несколько смен. Сидели по двое за маленькими партами. Но вот воспитание – даже в начальной школе – было на высоком уровне. Нас с первого дня начали готовить к вступлению в октябрята – «наследники Ильича». Образ Ленина сопровождал нас по жизни. Мы искренне верили, что это один из самых великих людей нашей планеты, вождь рабоче-крестьянского государства, и быть хорошим учеником, учиться как Ленин, быть юным ленинцем – это почетно, и прежде чем вступить в пионеры, а потом в комсомол, нужно обязательно быть активным октябрёнком. И когда у меня засветилась на груди алая звездочка, я гордился ею по-настоящему.

Получил и первое общественное поручение – быть санитаром. Утром должен был прийти в класс пораньше и встречать одноклассников. Они показывали мне свои ладошки. Чистота требовалась потому, что тогда санитарно-эпидемиологическая обстановка была очень сложной: скученность, неважное питание, инфекции делали свое дело.

И оставалось еще наследие войны – вши. Наши стриженные головы регулярно проверялись «на вшивость».

В качестве завтрака или обеда можно было купить в буфете булочку и чай. Маленький скромный буфет очень притягивал нас в перемену.

До сих пор отношусь с искренним уважением к своей первой учительнице Тамаре Николаевне Сусяковой. Недаром говорят, что если в начальной школе повезет с учителем, это залог успешной дальнейшей учебы. Я думаю, нам всем, моим одноклассникам, повезло.

Тамара Николаевна жила в нашем же дворе, так что контроль был двойной. И в школе мы были под ее зорким взглядом, и во дворе тоже. Если где-то на улице бегаешь, увидит учительница, обязательно остановит: «Валера, ты уроки сделал? Ну, ладно, давай гуляй».

Не дай бог попасться, проказничая, на глаза своей учительнице. Мы хотели выглядеть в глазах педагога как можно лучше.

Муж Тамары Николаевны был участником Великой Отечественной войны, потом работал сталеваром и в 1970-х годах стал Героем Социалистического Труда. Высокая оценка трудов ее близкого человека, как и дальнейшие успехи всех ее учеников – заслуженная награда нашей дорогой учительницы.

На протяжении десятков прожитых лет с благоговением ее вспоминаю. Потому что она для меня была божеством, авторитетом, примером в культуре общения с людьми, а слово ее – законом.

Родителям заниматься нашим воспитанием и следить за обучением было некогда. Папа не часто проверял мои уроки, но порой спрашивал: «Валер, как ты учишься? Не хочу, чтобы вызвали меня в школу за твои проступки».

Вот и весь «контроль». Ходили, правда, обязательно на родительские собрания, которые Тамара Николаевна проводила иногда вместе с учениками, а это была, конечно, для нас дрожь в коленках, настоящее испытание. Правда, я не давал родителям повода к огорчению: до седьмого класса был почти круглым отличником и примерным в поведении. Старался, да и родители говорили: «Мы работаем, а учеба, Валерка, – это тоже работа».

Смотрю сейчас порой, как корпят родители над школьными заданиями, нанимают репетиторов своим чадам, и вспоминаю: тогда такого

не водилось, старшим было не до нас, каждый ученик выплывал как мог.

Мне ведь и дома еще какие-то задания давали: надо было и за хлебом сходить, и за сахаром в очереди постоять. Меня стали звать в коммунальной квартире «завхозом». Повседневный труд был для нас нормой. Помнится, как за молоком ходили: за ним очередь, на всех не хватало, но мы приспособились помогать продавщице фляги таскать, а они большие, по тридцать два литра, тяжелые. Зато нам молоко отпускали без очереди. Три литра принесешь, вскипятишь – и опять на улицу.

Улица моя...

Мы, мальчишки, зимой с нетерпением ждали рано утром, когда диктор по радио скажет температуру воздуха. И если сообщалось, что сегодня в Коврове ожидается минус двадцать пять, и для учащихся с первого по четвертый или по седьмой классы занятия отменяются, это было поистине радостное событие для каждого пацана. Сразу после такого объявления надевали валенки, зипуны, шапки, варежки – и во двор, играть в хоккей весь день. И холод нипочем!

На стадион «Металлист», мне кажется, ходил весь город: там играла музыка, были теплые раздевалки, и народу – не протолкнуться, особенно в субботу и воскресенье. Не уметь кататься на коньках – позор! Мальчишки, девчонки – все раскатывали на «снегурках», зачастую просто прикрученных веревками и палочками к валенкам.

Не помню, чтобы даже в годы юношества, до армии, у меня были собственные коньки на ботинках. Брал в прокате (однажды копил на это неделю). Выходил на ледяное поле, а там звенел и шумел праздник: музыка играла, звучал манящий шорох лезвий по льду. Ребята катались по кругу, поглядывали на девчонок, стараясь продемонстрировать свою удаль.

Мы все знали друг друга: играли двор на двор, подъезд на подъезд. Детей тогда было много, все жили дружно, хоть и не без драк. Мне кажется, в нашем дворе никто из ребят никогда не курил. Вообще не помню, чтобы мы где-то тайком от родителей прятались, курили. Мы занимались спортом! Он в нашей жизни быстро занял важное место. Каждый мальчишка во дворе должен быть шустрым, уметь играть

и в хоккей, и в футбол, и в другие коллективные игры. Русский хоккей с мячом – это был у нас спорт номер один. Летом – футбол, а зимой – хоккей и лыжи.

Когда пошел в школу, мне папа купил где-то очень странные лыжи. Они были разновеликие, незагнутые. Мы их выпарили в ведре, поставили к чугунной батарее на сутки, чтобы загнуть. Папа говорит: «Ничего, сынок, не переживай, наладим бегунки». Ремни креплений – под валенки. Я даже не знал, что можно на лыжах бегать в ботинках. На валенках – как все. Вот на этих чудо-лыжах и научился кататься на железнодорожных откосах в районе Коврова-2, где был пруд. Палок лыжных не было, мы все катались без них. Да они и не нужны, чтобы мчаться с горок.

Ох, эти манящие откосы Муромской железной дороги! Казалось, это такие крутые горы! Сейчас, когда приезжаю в родные места, вижу – всего лишь бугорки в несколько метров высотой. Но для нас, мальчишек, они казались почти Кавказом. Отчаянно съехать и не упасть – молодечество! Друг перед дружкой мы были обязаны проявлять смелость, ничего не бояться. Кстати, летом на этот пруд ходили купаться. Брали надувные резиновые шины от автомобильных колес и проводили на воде целые дни.

Конечно, во многом именно улица нас воспитывала, держала и развлекала. Кусок хлеба в карман – и целый день на свободе! Весной охотились за майскими жуками. Утром приходишь в школу и хвастаешь, сколько жуков поймал. Такое было соревнование. С гордостью заявишь: «Дюжина!». Все удивляются: «Ух ты!». И стремишься на следующий день еще больше поймать. Удивляло, как такие маленькие крылышки обеспечивали стремительный полет этих тяжелых «бомбардировщиков»? Потом узнал, что жуки обладают специальными подкрылками. Подъемную силу создает вихревой поток воздуха между ними и крыльями. На это обратили внимание создатели новых летательных аппаратов. Не грех учиться у природы.

Хоккейных клюшек у нас не было. Ходили в лес, выбирали кривую березку, рубили, потом сами ее обтачивали. Играли в русский хоккей. О шайбе тогда мы не особо ведали. А в Коврове хоккейная команда играла в классе «Б». И на матчи в морозные зимние дни собирался целый стадион. До десяти тысяч ковровчан ходили в лютый холод смотреть,

как играют в русский хоккей. Это была по-настоящему народная игра. Мы знали всех хоккеистов по именам и прозвищам. Гордились тем, что наша команда – в первенстве страны. Еще бы! Маленький провинциальный город имеет такой хоккей!

А мы подражали взрослым. Всем двором мечтали заиметь... плетеный мяч, как у игроков на стадионе «Металлист». И знаете, что мы придумали? Тогда в курятниках подкладывали в гнезда искусственные яйца, чтобы куры неслись именно в этих местах. Токари вытачивали на заводе яйца-«обманки» из дерева – вот таким кругляшом мы играли. Когда попадало по-настоящему, синяк обеспечен. Играли в валенках.

Как сейчас помню, мы долго копили всем двором и за 11 рублей всё же купили в магазине плетеный мяч. Это было такое счастье! Мы его берегли как зеницу ока. Но доигрались всё же до того, что разбились в пух и прах.

Уже кажется ясно, что в годы моего детства не было такого нормального мальчишки, который бы не дружил со спортом. Мне любой вид спорта, кроме метания молота и диска, был подвластен, и я пробовал многое, и даже имел какие-то достижения. И в теннис я играл, и спортивной гимнастикой занимался, выступал в соревнованиях на первенство школ города, получил третий разряд. Мама, помню, купила очень тонкое спортивное трико, которое... Словом, через пару дней ткань на коленках вытянулась и запузорила.

В старших классах поступил в лыжную секцию завода Дегтярёва (спортивный клуб «Металлист»), где у нас тренером был Виктор Иванович Бриков. Нам выдали настоящие лыжи, и я, помню, участвовал в соревнованиях на первенство школы. Вторую разрядную норму выполнил на первенстве города.

Недавно узнал, что Виктор Иванович скончался. Хороший был тренер. Помню, когда я уже был начальником УВД Пермской области, он приезжал на первенство России, на спортивную базу «Звезда». Я открывал эти соревнования, и он с гордостью говорил: «Вот, смотрите, это мой воспитанник, уже генерал, занимался у меня лыжами». Познакомил тогда меня с ребятами-ковровчанами, из сборной Владимирской области. Была теплая встреча с земляками. Я, конечно, благодарен ему и за спортивную подготовку, и за человеческое общение.

Мы поселились на улице Союзной

Помню, тогда каждый тренер обязательно спрашивал: как ты учишься, какие у тебя оценки? Без этого на тренировку не допускали. Сдавали нормативы комплекса «Готов к труду и обороне». Нацию по-настоящему стремились сделать здоровой, прививали любовь к физической культуре и спорту. Мы и в противогазах бегали, и гранаты бросали, и стреляли из «мелкашки». Хилых и ленивых, мягко сказать, не уважали.

Занимался я и бегом на длинные дистанции, был членом сборной команды средней школы № 14, участником эстафеты на призы газеты «Знамя труда». Мне достался одиннадцатый этап, предпоследний – от Клуба имени Ногина до отдела внутренних дел спуск был 210 метров, один из самых сложных, с горы и в гору бежать. Справился. И потом, когда я уже работал на заводе имени В. А. Дегтярёва, мне поручили этот же этап. Узнал тренер, что я здесь успешно бегал. До сих пор помню (может быть, немножко преувеличиваю), как весь город выходил на улицы и смотрел эстафету – это был настоящий общегородской спортивный праздник. Приходили родные, близкие, соседи, товарищи и переживали за то, как выступит команда, за которую ты бежишь...

В 1953 году папе дали шестнадцатиметровую комнату в двухкомнатной квартире во вновь выстроенном доме на улице Союзной. Соседей было четверо, и нас вскоре стало пятеро. Но это был уже каменный дом, а на маленьком балконе я с мая по октябрь спал, потому что очень тесно было. И имелись «блага цивилизации»: ванная, титан, который топился дровами, общая кухня с двумя керогазами. Совсем другой комфорт! И в школу мне стало намного ближе ходить. Оттуда в июне 1962 года я ушел в армию.

А потом нам выделили двухкомнатную квартиру на улице Ленина, где мы прожили до 1978 года...

Взвейтесь кострами!..

Хорошо помню, как мне папа однажды сказал:

– Сынок, принято решение на профкоме – нам дали путевку в заводской пионерский лагерь.

Это для семьи радость! А для меня вдвойне: я буду отдыхать в Суханихе!

До сих пор храню фотографию, где мы, шестеро мальчишек в белых фартуках, сидим в обнимку после дежурства на кухне. А дежурили и в ОСВОД, и в столовой, и по кубрику...

В семь часов – зарядка. Скатывались по лестнице на реку Клязьму, умывались там, делали зарядку. А потом – общелагерная линейка. Начиналась она с песни:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся советская земля...

Мы пели от души, вспоминаю – даже мурашки по коже.

А потом шли на завтрак. Буханки свежее испеченного белого хлеба большие были, ломоть каждому – такая вкуснятина! Кормили по тем временам, да, я думаю, и по нынешним, замечательно. То, что мы ели дома, и меню в пионерском лагере в Суханихе – это, конечно, небо и земля. Никогда не забуду, как любили сыр, и кто-то из мальчишек придумал: чтобы сыра стало побольше, его надо опустить в чай, он на-

«Наряд на кухню». Пионерлагерь

бухнет, и кусок увеличится в размере. Так мы распаривали сыр, вроде и действительно становилось его больше.

Интересные были занятия в кружках. Не знаю почему, вместо предложенного авиамodelьного я выбрал кружок вышивания. Не поверите, всерьез учился вышивать на пальцах. Нитки назывались «мулине». Учили нас вышивать «болгарским крестом».

Естественно, в футбол мы играли на первенство среди отрядов, с соседними лагерями соревновались. Спорт был во главе угла.

Один день был особым – день открытых дверей: в воскресенье приехали к нам родители. Мама с папой приехали ко мне на велосипедах. Привезли угощения, лимонад, помню, какое это было счастье – попить газировку на поляне. Весь лагерь бурлил. Мы демонстрировали свои художественные номера, спортивные игры.

Смена в пионерском лагере пролетела быстро. Заканчивалось все общим лагерным сбором. Зажгли здоровенный пионерский костер с искрами в самое небо. Уезжать не хотелось. А в последнюю ночь, по традиции, принято было мазать спящих товарищей углем, зубным порошком.

Ну и встречались потом, ведь жили в одном городе. А пионерская дружба – очень верная. Редко кто из лагеря сбегал, ведь это была боль-

шая радость пацанам и, я бы даже сказал, награда твоим родителям, потому что путевка стоила очень недорого.

Когда мы приезжали, проводился медицинский осмотр, и тебя обязательно взвешивали. А после окончания смены ты вновь становился на весы, и тебе записывали, сколько граммов прибавил.

Вернешься домой – первый вопрос родителей и соседей по квартире:

– Ну, Валера, как отдохнул?

– Хорошо.

– Сколько прибавил?

Почему-то самое главное было, на сколько ребенок поправился. Это сейчас мода на похудение. Все худеют, изобретают какие-то диеты – яблочные, свекольные, кефирные, и чёрт его знает еще какие, лишь бы не есть нормально. А тогда, коль поехал на отдых, обязательно должен приехать, прибавив в весе. Это значит, что тебя хорошо кормили. Отголоски, наверное, голодных военных лет. У нас не было такого понятия – «пропал аппетит». Таких «пропаж» не наблюдалось...

И вновь акцентирую: все разнообразные кружки «по интересам» и спортивные секции были **бесплатными**. Государство находило средства для того, чтобы наше детство было насыщено занятиями с расчетом на перспективу. Лозунг «Всё лучшее – детям!» не был просто фразой – он реально действовал все годы, когда я учился. Страна знала: будущее государства подрастает в школе.

Встань пораньше!..

Я – барабанщик! С чувством гордости вспоминаю, как в Клубе имени Ленина на нас, барабанщиков, равнялся строй.

На городском пионерском смотре под грохот наших барабанов проносили Красные знамена пионерских дружин. Я любил четкий ритм, отбиваемый кленовыми палочками.

Потом, когда пришел служить в Советскую Армию, в Ракетные войска стратегического назначения, командир полка майор Курземнек спросил нас, новобранцев:

– Кто умеет играть на барабане?

Я вышел из строя и смело заявил, что, мол, с детства привычен. И он меня привлекал на строевые смотры. Вот ведь, пригодилось: выносили

знамя полка, знамя дивизии, приезжали командиры – и я задавал ритм шагающим взводам и ротам.

Особо хочу сказать о художественной самодеятельности. Сегодняшний министр культуры Мединский поставил задачу: в каждой школе должен быть хор. Это для меня прозвучало как «повторение прошлого».

В наше время в каждой школе обязательно был хор, а то, мне помнится, и не один. И я пел. Человек пятьдесят было в хоре. Когда мы выступали на первенстве ковровских школьных хоров и заняли второе место, нам руководитель объявила, что будет запись: по городскому радио прозвучит песня в нашем исполнении. Конечно, мы всей семьей собрались, ждали передачу и слушали. А я с гордостью подтверждал:

– Папа, мама, это наш хор, я в нем пою.

Еще помню, мне почему-то поручили исполнять песню о старшине милиции: «Как-то в утро вешнее, рано спозаранку, старшина милиции задержал гражданку. Старшина милиции задержал гражданку, ту, что не по правилам перешла Таганку. Перед ней навытяжку встал он честь по чести, поглядел на девушку и застыл на месте...». Это вот такая замечательная песня, я вам скажу!

Не помню, какое место занял на смотре. Главное – нас приучали уверенно держаться на публике, на сцене, что тоже было по жизни лишнее. Нас, можно сказать, комплексно готовили, в том числе и к публичной жизни: человек должен ориентироваться во всем. Если ты в детстве никогда не выступал на публике, то и взрослому это тоже будет трудновато освоить.

Вот, говорят, октябрята, пионерское движение не нужны, комсомол – «вредная идеологическая организация». Однозначно скажу: так судят враги нашего государства, лжедемократы. В 1990-е годы пришедшие к управлению страной вчерашние лаборанты и торгаши начали рулить и отраслями, и умами, и пропагандой, развалили все общественные организации, которые были в школах, стали насильственно внедрять скаутское движение и тому подобное. Все это, как оказалось, совсем нам ни к чему, целые поколения остались без полноценного воспитания.

Общественные организации в школах были и, по-моему, должны быть. Без этого не достигнуть настоящего воспитания молодого поколения нашей Российской державы. Недаром социологи утверждают: чем шире горизонты коллектива, тем значимей личные перспективы каждого. Если мы будем учить детей жить в коллективе, совместно трудиться, помогать друг другу, быть вместе, то будем непобедимы во всем: и в защите Родины, и в спорте, и в труде.

Все начинается в школе. Навыки лидерства, стремление к новым высотам, умение слушать и слушаться, учиться у своих коллег, младших или старших, брать пример и быть примером – это тоже большая наука жизни.

Всегда буду благодарен этой школе жизни, моему пионерскому детству, незабываемым впечатлениям тех звонких лет, наполненных высоким содержанием.

Навек родные имена

С теплотой вспоминаю Ольгу Ивановну Парвицкую, нашу учительницу по математике, классного руководителя Веру Николаевну Макарову. Английский язык мне хорошо давался – нас учила Людмила Николаевна Кузнецова, замечательная симпатичная женщина. Хорошо помню нашего географа Льва Львовича Кишкина. Он всегда ходил на уроки с географической картой, и этот его «портрет с атрибутом» – картой под мышкой – остался в памяти: до сих пор не представляю его иначе.

Помню моих одноклассников Галину Головченко, Толю Савёлова, Толю Тулупова. В пятом–шестом классах я сидел на третьей парте в среднем ряду с Галей Бегуновой. Хорошая девчонка такая, добрая, умненькая была, отличница. И для нашего класса было шоком, когда осенью в класс вошла расстроенная учительница и сказала:

Моя замечательная пионерка

– Ребята, давайте встанем. Галя Бегунова в школу не придет, она летом утонула. Почтим ее память.

Такая трагедия коснулась нас, пожалуй, впервые. Внезапно оказалось, что беда может прийти к любому из нас, независимо от возраста. Бассейнов тогда не было, но в нашем дворе все мальчишки и девчонки умели держаться на воде. Мы ходили на дальний пруд – километра за четыре. Научившись, стали бегать на Клязьму купаться.

Долго помнили мы о Гале Бегуновой – ее детство оказалось таким коротким...

Большое дело и мелкие шалости

Класс был дружный. Особенно сблизили нас «трудовые каникулы»: начиная с седьмого класса в сентябре мы не учились, а ездили на уборку картошки. Жили в деревне Алексеевка (это на шоссе Москва – Горький) и там помогали убирать урожай. Хорошо, что я имел сельскохозяйственные навыки, мог запрягать лошадь, ходить за плугом. Моя задача была такая: в семь часов встать, взять лошадь и выпахать из земли картошку, чтобы ребята потом убирали. Старался так, что им работы на целый день хватало. А я отдыхал.

Поселили нас у одинокой приветливой бабушки. Она поила молоком, которое я люблю с детства.

И сколько было радости в этих «трудовых каникулах»! Мы жили вместе, всем классом, родители к нам не приезжали, только одна учительница с нами была. Но дисциплину сами держали жесткую! Задание убрать поле, сдать его и с чувством исполненного долга вернуться в школу выполнили, доложили директору: наш класс картошку собрал, высушил, отвез в закрома и получил от бригадира благодарность. Мы песни пели, костры жгли, картошку пекли. И никакого спиртного, никакого пива не было, даже не думали об этом.

С седьмого класса мы могли, мне кажется, все: сено косить и ворошить, делать стога, окучивать картошку, полоть, собирать горох, ходить за грибами, за ягодами, заготавливать их на зиму.

Кстати сказать, папа у нас был очень большой специалист по грузям. Набирал их большую коробицу, потом солил. Говорят, грибы так же калорийны, как мясо. Как раз мяса в нашем меню особо не водилось,

хотя мы на Покров (14 октября) ездили в Макариху, забирали заказанного еще в мае барана, рубили тушу пополам, привозили запас на зиму. Баранину ели понемножку – в субботу, в праздники.

Одним словом, все мы, ребятня, приносили посильную пользу. Но и грешки за нами тоже водились: ни один пацан не вырастает без шалостей и хулиганств. Это ведь тоже школа жизни: терпишь жутковатое ожидание, сойдет с рук или не сойдет; опять же учишься отвечать за содеянное, на собственном опыте осознавать меру вины и ответственности перед старшими за свои поступки.

Директор школы Павел Иванович жил в соседнем доме, на первом этаже. Мы изредка ставили на наличник булавку, протягивали нитку, лучше всего суровую, подвязывали камешек и прятались неподалеку. Дергаешь нитку – стук в окно. Директор включал свет – ага, значит, разбудили. Теперь главное – сидеть тихо в кустах, не выдать себя... Но потом он высчитал, что это наверняка Фёдоров. Вызвали в школу отца, и тот мне прямо в учительской уши надрал. Больше мы этим делом не занимались.

В классе шестом-седьмом почему-то стало модным не ходить с портфелем, как первоклашки, а два-три учебника и тетради носить под ремнем за пазухой. Обнаружив такое поветрие, директор и завуч на входе в школу начали проверки. Идешь вольной походочкой, а тебя цап: «Ну-ка домой за портфелем!».

Поймали так нескольких человек, тогда я придумал: «Ребята, давайте так: вернемся домой и возьмем авоськи». В то время такие вязаные сетки наподобие рыболовных в каждом доме, у каждой хозяйки были. Пакетов полиэтиленовых, как и целлофановых и бумажных, еще не производили. С авоськой мы ходили за хлебом, за картошкой, а тут положил я в нее тетрадки, пришел в школу, говорю: «Портфель порвался». И меня пустили так. Но я услышал, как директор с завучем поделился: «Ну хитёр этот Фёдоров Валерий!». И потом родителям все-таки сказали, что я схитрил.

Вот такой у меня остался в памяти эпизод мальчишеской шкодливости. Но это все было просто баловство, без всяких умыслов как-то нагадить, кому-то навредить.

За ягодами, за грибами мы ездили по Муромской дороге. Эта ветка тогда еще не была электрифицирована. Ездили, конечно, без билетов. Целые поезда облепляли. А потом кто-то из нас сообразил... Выходя из дому, стали прятать корзинки, а сами садились на поезд, идущий в Москву. Ехали шесть часов, чтобы часа два-три поболтаться по столице. И даже гордились этими своими путешествиями. Один раз нас поймали железнодорожники, потому что ехали на крыше под дымами паровоза, и все наши рожицы стали, естественно, как у негрятят. Нас милиция тогда захомотала: «Вы откуда?». Мы сознались. «Давайте, езжайте обратно!» Опять поехали на крыше.

Однажды нас вернули почти с Курского вокзала. Но в следующий раз мы все-таки доехали. Первое, что сделали как только прыгнули с поезда, – сразу в туалет, умываться, чтобы милиция нас не засекала. Ездили на метро, обязательно посещали Красную площадь, заходили в ГУМ.

Долгое наше отсутствие, конечно, дома заметили. Шум, скандал. Первый вопрос: «Где были?». Мы складно сочиняли: «Ходили за ягодами, набрали полные корзины, а у нас какие-то дядьки ягоды отняли». И весь двор сочувствовал: «Надо бы мальчишек послать вместе со взрослыми».

Да, мы обманывали близких людей, но отчаянные эти поездки в Москву вспоминаю все же с гордостью. В этом было проявление какой-то самостоятельности, хотя, конечно, граничило с проступком. Но мы ведь считали себя уже почти взрослыми...

Аттестат зрелости

Не могу примерить на себя слова поэта: «Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь». Я старался грызть гранит школьных наук. После седьмого класса родители стали меня потихоньку подталкивать: мол, поступай в техникум железнодорожный! Потому что у нас одна папина сестра была замужем за дядей Мишей Сорокиным, машинистом паровоза. И он внушал родне, что парням надо непременно идти в этот техникум.

Словом, меня заставили туда подать документы после седьмого класса. Подал. Но совершенно не хотел идти в железнодорожники. И на первом же экзамене срезался сам, чтобы к дальнейшим экза-

менам не допустили. К своей радости и к неудовольствию родителей, так я в Ковровский железнодорожный техникум и не поступил.

Зато окончил десять классов.

Одевались скромно. В школу ходил в вельветовой курточке. Свитер дешевый, эта куртка, черные брюки, обязательно – фуражка. Вот и одет «по форме» ученик Валерий Фёдоров. С удивлением сейчас смотрю на свою фотографию: я, девятиклассник, стою... в кирзовых сапогах. 1959 год, старшеклассник – в школу и в люди ходит в кирзе. Еще помню, что у меня была мечта – купить ковбойку. И за 22 рубля, заработанных продажей ягод и грибов, купил ковбойку на молнии.

Окончен десятый класс. В июне состоялся выпускной вечер. Рубля по два собрали. Мама пришла и сказала:

– На выпускном вечере у вас будут пирожные. Мы заказали в ресторане «Ковров» на весь класс.

Сейчас на выпускной вечер тратят родители десятки тысяч рублей, покупают отпрыскам новые костюмы, девочкам шьют платья на заказ – другое время. Но все хорошо в меру. Думаю, неправильно, когда возникает в школьном сообществе «конкурс кошельков». Да, выпускной – большое событие в жизни каждого человека, каждой семьи. Но должны быть и скромность, и какие-то мыслимые пределы.

...Прошло торжественное вручение аттестатов зрелости. Посидели, потанцевали. Была тогда традиция у всех выпускников Коврова – ходить на деревянный мост через Клязьму. Некоторые смельчаки ночью прыгали с этого моста. Не каждый мог решиться на такое, но несколько отчаянных голов всегда находилось. Я, например, не решился, а кто-то из выпускников 1960 года осмелился нырнуть. Клязьма тогда еще была судоходной, и можно было прыгать без острастки. Думаю, что высота была 12 метров или чуть больше.

Горжусь, что окончил эту школу. Учителя вложили в нас любовь к Родине, умение трудиться, умение жить в коллективе, дружить, стремление знать историю района и города.

Завершая воспоминания о школьных годах, хочу сказать, что мы, окончившие школу № 14 в 1960 году, к сожалению, вместе не собирались ни разу. С некоторыми одноклассниками встречался, но не было у нас общего сбора. Живи я в Коврове, непременно выступил бы организатором, но, к сожалению, приезжал в город только наездами, на несколько дней, и не было возможности бросить клич через газету, по радио, через знакомых.

Так и не знаю, кто из моих друзей-одноклассников жив на этой земле, кем стал, чего достиг после окончания нашей замечательной школы, каких детей и внуков вырастил. Когда приезжал, обязательно приходил в родные стены, но без шумихи, скромно: пройду по коридорам, поднимусь на второй этаж в свой класс, вдохну знакомый с детства запах...

Первый раз взрослым я побывал в родной школе в 1977 году. Директор попросила меня выступить перед выпускниками. Тогда я уже стал достаточно взрослым, окончил университет, только что прошел собеседование в Центральном Комитете партии и был зачислен в Академию общественных наук. Сказал ребятам все, что было на душе: как важны в жизни школьные годы, как бережно надо хранить память о них, быть благодарными своим учителям...

Директор школы Светлана Ивановна Сорокина написала мне недавно письмо. Конечно, я ответил, оказал школе некоторую финансовую помощь. Она пригласила принять участие в торжественной линейке по случаю начала учебного года. Обязательно бы поехал, но именно в этот день в Москве один из моих внуков шел в одиннадцатый класс, а другой – в первый, и я никак не мог их оставить в такой ответственный день.

Обязательно нужно отремонтировать спортивный и актовый залы в школе. Директору не удалось добиться на это ассигнований. Ну что ж, попытался использовать, как говорится, ресурс бывшего сенатора на благое дело. Обратился к тогдашнему министру образования. Он обещал позвонить губернатору, и мэр города мне обещал, но так пока

ничего с места не сдвинулось. Беру обязательство найти средства на достойный ремонт актового зала.

Повторю, школа – это фундамент жизни. О ней вспоминаешь потом, когда проходят годы, и всё больше тоскуешь по людям, с которыми ты учился, по учителям, которые вложили в нас свою душу, чтобы мы стали настоящими людьми. Большая благодарность за нелегкий их труд. Педагоги, я бы сказал, это золотой фонд нашей страны, и нужно делать все для того, чтобы они имели достойную зарплату.

Здоровья учителям! Спасибо, школа!

Похвальное слово Коврову

Истоки

Полагаю, просто обязан сейчас подробнее рассказать о месте, где прожил почти два десятка лет и куда часто возвращаюсь. Это мой родной город Ковров. В нем сейчас (на 2016 год) населения почти 140 тысяч человек. Их называют иногда ковровцами, а вообще-то мы – ковровчане.

В честь 200-летия в 1978 году Ковров награжден орденом Трудового Красного Знамени. Но городом он стал с 1778 года. А, по источникам, первое упоминание о Коврове – 1157 год.

Расположен на правом и левом берегах реки Клязьмы (приток реки Оки), в 64-х километрах от Владимира и 250-ти километрах к северо-востоку от Москвы. Согласно преданию, поселение на месте будущего Коврова было основано в XII веке Великим князем Юрием Долгоруким. Окрестили это место деревней Елифановкой – по имени зверолова Елифана, одного из первых поселенцев.

Все сведения о предшественниках Коврова до XVI века относятся к разряду краеведческих преданий, которые, впрочем, весьма трудно подтвердить. Так, рассказывают, что в 1157 году Великий князь Андрей Юрьевич Боголюбский, возвращаясь зимой из Суздаля в Стародуб, из-за вьюги якобы сбился с пути и чудом вышел на деревню Елифановку. А вьюги у нас действительно бывают жуткие. Это произошло

в канун Рождества Христова. По случаю своего чудесного спасения князь приказал построить в деревне Рождественскую церковь. С тех пор деревня Елифановка получила иное название – село Рождественское.

Возвести деревянную церковь взялся сын Елифана Василий. За это при освящении храма князь Андрей наградил его «пустошами, лесами и лугами от реки Нерехты по Гремячий овраг по Клязьме на кривой дуб и старую ветлу да Нерехты же» – так это значит в писцовых книгах дьяка Михаила Трусова и Федора Витовтова.

В XVI столетии село Рождественское было отдано во владение князьям Ковровым. Вот это запомните: село было отдано Ковровым из рода Стародубских, живших в 14-ти километрах от Рождественского в городище Стародубе-Ряпополовском – ныне это Клязьменский Городок.

По имени новых владельцев село Рождественское стало называться Коврово. Согласно источникам, на кладбище около церкви Иоанна Воина можно было увидеть плиту с надписью, что под ней в 1531 году похоронен князь Василий Андреевич Ковров, первый наместник Великой Перми. (Для меня особенно знаменательно, что Ковров издревле связан с Пермью.)

В 1567 году Коврово было подарено князем Иваном Семеновичем Ковровым суздальскому Спасо-Ефимьевскому монастырю и оставалось вотчиной монастыря до 1764 года. С учреждением в 1764 году монастырских штатов оно стало экономическим селом.

Уездный город

Новая страница истории Коврова началась с царствования императрицы Екатерины II. Я вот все думаю, сколько же Екатерина сделала доброго и важного для развития нашей государственности, утверждения городов, усиления могущества нашей Родины! По ее Указу 1 сентября 1778 года в составе Владимирского и Костромского наместничества был учрежден Ковровский уезд, а село Коврово получило статус уездного города.

Запомним: 1778 год, 1 сентября, спасибо Екатерине Второй! В 1796 году город оставлен за штатом, но в 1803 году снова в нем

восстановлен. В 1817 году в Коврове насчитывалось 177 домов и 887 жителей, имелось две церкви.

Весной 1858 года начались работы по строительству Московско-Нижегородской железной дороги, которая должна была пройти в полуверсте от города. Первый рейсовый поезд из Нижнего Новгорода в Москву потерпел аварию у станции Ковров I. Почти два года после этого ликвидировали всевозможные недоделки. 17 апреля 1867 года рухнули в реку два пролета железнодорожного моста через Клязьму и здание водокачки. Торопились! «Архстройконтроль» работал тогда, видимо, «не очень», спешка была: даешь Транссибирскую магистраль! Но этот факт из истории РЖД почему-то упорно вычеркивается.

И вот в 1871 году был возведен новый мост. В августе 1864 года открыты Ковровские железнодорожные мастерские. В 1880 году Ковров стал начальным пунктом Муромской железной дороги. Линия Ковров – Муром и сейчас действует, один раз в сутки поезд ходит.

Благодаря железной дороге торговля и промышленность в Коврове резко поднялись. Заработали салотопенный завод, паровая мукомольня и механическо-ткацкая фабрика, чугунолитейный завод и механические мастерские Московско-Нижегородской дороги. Из фабрик наиболее значительна была бумаготкацкая Ивана Треумова, вырабатывающая тысячи пудов миткаля. На ней работали (вдумайтесь только!) 1700 человек, ее оборот достигал 2,3 миллиона рублей. Должен сказать, что в городе было в то время 33 питейных заведения, одно городское училище и два приходских.

В 1929 году Ковровские железнодорожные мастерские были реформированы в ремонтно-механический завод, выполнявший заказ по ремонту импортных экскаваторов. Когда возник вопрос о возможности производства отечественных землеройных машин, то было решено образовать на базе прежних мастерских экскаваторный завод, и 21 апреля 1931 года первый экскаватор «Ковровец» вышел из ворот завода. С 1933 года началось серийное производство. За большие успехи Ковровский экскаваторный завод в 1966 году был удостоен высшей советской награды – ордена Ленина.

Пулеметный завод

Как свидетельствуют историки, в августе 1916 года началось строительство Ковровского пулеметного завода (с декабря 1927 г. – Инструментальный завод № 2, с июля 1932 г. – Инструментальный завод № 2 имени Киркижа, с января 1949 г. – завод имени Дегтярёва).

26–27 августа 2016 года прошли торжества в честь 100-летия завода. Я был на этом юбилее, и перед глазами снова прошла живая история города, история и слава русского оружия.

В 1918 году Главным артиллерийским управлением в Ковров были направлены известные конструкторы оружия В. Г. Фёдоров и В. А. Дегтярёв. Завод стал основным предприятием по производству автоматического оружия для фронта. В 1941 году В. А. Дегтярёв создал знаменитое противотанковое ружье. За время войны завод выпустил и отправил в действующую армию больше миллиона единиц различного вооружения – ручных и танковых пулеметов, пистолетов-пулеметов Шпагина, противотанковых ружей, авиационных пушек ШВАК.

В трудные дни битвы за Москву на заводе был построен бронепоезд «Ковровский большевик», сразу отправленный на фронт и включенный в состав 43-го отдельного дивизиона бронепоездов. Его первым командиром стал коммунист Н. Д. Фролов. Этот бронепоезд прошел

Часто бывал я в доме-музее оружейника В. А. Дегтярева

всю войну, защищая воинские эшелоны и железнодорожные станции от нападения с воздуха.

Об известных земляках еще хочу добавить. Здесь работали такие известные оружейные конструкторы, как Г. С. Шпагин, М. Т. Калашников, В. Г. Фёдоров. Уроженцем Коврова является Игорь Марианович Яцунский, один из создателей первого искусственного спутника Земли, орденноносец, лауреат Ленинской премии, один из основоположников космической геодезии... Рабочие-новаторы, стахановцы, мастера – все они составили славу нашему городу.

Директорами здесь были выдающиеся организаторы, замечательные представители военно-промышленного комплекса. Были среди них и будущие министры вооружения СССР – Финогенов, Бахирев, Герои Социалистического Труда, отмеченные Сталинскими и Государственными премиями. Последним в этой плеяде был директор Кочерыгин – тоже Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии.

Ковровские мотоциклы

Известные всем ковровские мотоциклы стали выпускать на Инструментальном заводе № 2 с 1946 года.

В конце 1950-х годов завод – тогда уже имени В. А. Дегтярёва – приступил к производству ракетного оружия. «Продукцией прикрытия» стали К-125, К-175 – двухколесный транспорт, который пользовался очень большим спросом. Шесть цехов мотопроизводства (в том числе для конспирации основного заводского профиля) выпускали мирную продукцию. Отправляли машины на Кубу, в Иран, Афганистан, в Африку. Остальные цеха делали оружие и были секретными. Я помню, вся территория завода была заставлена мотоциклами.

В Коврове, думаю, каждая семья имела на душу «по полтора», а по одному-то мотоциклу – уж точно! Город делал мотоциклы, жил ими, ездил на них. Помню, в 1961 году на заводской площади был огромный митинг: отмечали выпуск миллионного мотоцикла.

А какие проводили мотокроссы! Приезжали лучшие гонщики Советского Союза, Российской Федерации. На традиционном зимнем заводском мотокроссе первый приз – мотоцикл. Кроме того, в Коврове стал культивироваться мотобол. Это удивительно интересный, мужествен-

ный вид спорта, когда на мотоциклах на поле размером немного меньше футбольного играют большим мячом в футбол.

Команда наших мотоболлистов стала одной из лучших в стране – основной сборной Советского Союза, а наш воспитанник – ее тренером. Построили специальный стадион, на матчи ходили тысячи зрителей. Капитаном сборной команды СССР был прославленный житель города Коврова, орденноносец, заслуженный мастер спорта, восемнадцатикратный чемпион Европы по мотоболу Александр Иванович Царёв.

Синий троллейбус

В 1975 году было открыто троллейбусное движение. Хочу напомнить, что Ковров – единственный малый город в нашей стране, который имеет троллейбусное сообщение. Насколько я знаю, правительство разрешает открытие троллейбусного движения только городам, где более 300 тысяч жителей.

А нашему городу очень повезло. На протяжении четверти века нашим депутатом Верховного Совета Российской Федерации являлся секретарь Центрального Комитета партии, министр оборонной промышленности, а затем министр обороны, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза Дмитрий Фёдорович Устинов. Он городу много помогал. Ежегодно приезжая в Ковров, интересовался, как живет и работает славный коллектив завода имени Дегтярёва, помогал в оснащении производства, во внедрении новых перспективных видов вооружения. Занимался, конечно, и социальными вопросами. С его легкой руки и поехали по нашим улицам троллейбусы. Был выстроен один из лучших в Российской Федерации медицинских комплексов, шло строительство жилья. Трест «Ковровстрой» не справлялся с возросшими объемами жилищного и социально-культурного строительства, тогда Устинов направил сюда строительные части, панели возили даже из Москвы, из других городов Подмосковья.

Когда однажды Дмитрий Фёдорович приехал на завод, случился казус. Зашел он в цех № 12, где я тогда работал. Естественно, заглянул в столовую, а там полно людей – как раз обеденный перерыв. Спрашивает у рабочих: «Как дела?» – «Всё хорошо». – «Как кормят?» – «Отлично!». И встрял тут некий остролов: «Дмитрий Фёдорович, приезжайте

почаще, заходите в нашу столовую, потому что сегодня нам дали хромированные столовые приборы, а вчера были алюминиевые. Так что в следующий ваш визит тоже что-нибудь улучшится...».

Все засмеялись, и депутат наш тоже. Смелчаку помнили это «выступление избирателя» еще очень долго.

3 ноября 2011 года Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев подписал Указ о присвоении Коврову почетного звания «Город воинской славы». В ноябре 2013 года на площади перед центральной проходной установлена стела «Город воинской славы», к которой возлагаются цветы. Это сакральное для ковровчан место: каждая молодая пара, вступающая в брак, обязательно приезжает сюда как за благословением...

Сейчас в моем городе 24 школы, где обучается почти 13 тысяч учащихся, 46 детских садов, 5 технических училищ. В 1996 году технологический институт был реформирован в Ковровскую государственную технологическую академию имени В. А. Дегтярёва, пять факультетов которой готовят специалистов по 15 специальностям. Есть еще и техникум.

О культуре, думаю, тоже надо сказать. В городе музыкальная школа и Школа искусств, два детских Дома культуры, два Дворца культуры и два Дома культуры. Есть историко-мемориальный музей, библиотека. Ковров стал первым городом в области, который начал открывать профильные библиотеки – например, Библиотеку семейного чтения, Экологическую, а для предпринимателей есть и Деловая библиотека. Существует уникальный Музей зайцев.

Составляющими единого культурного пространства города являются Дом культуры и отдыха имени В. А. Дегтярёва, культурно-оздоровительный комплекс приборостроительного завода, Дом детского творчества. Во Дворце культуры «Современник» ежегодно проходит Всероссийский турнир по спортивным танцам «Звездочки».

С 1991 года наш город – центр проведения международного фестиваля мира, дружбы и творчества «Содружество». В июле 2004 года Ковров принимал Международный молодежный конгресс эсперанто, в котором участвовали более 400 юношей и девушек из 23 стран мира. Конгресс поддержали местные предприниматели и администрация города, он широко освещался в прессе.

В планах – создание в городе Музея оружия, такого, как Музей Калашникова в Ижевске. На территории города появится памятник писателю С. К. Никитину. Надеюсь на обеспечение поддержки народному художественному промыслу «Ковровская глиняная игрушка». Может, появится в Коврове и уникальная каллиграфическая школа.

Панорама индустрии

Мой Ковров – это крупный оборонный и промышленный центр. Делают здесь сегодня стрелково-ракетное вооружение, мотоциклы, мопеды, мотокультиваторы, стартерные аккумуляторы, металлорежущие станки, инструменты и швейные машины. Ковровский механический завод до 2006 года производил стрелковое оружие, аппаратуру сварки, пайки, резки стекла, солнечные батареи, ракеты, а с 2006 года из завода имени В. А. Дегтярёва сюда перевели двенадцатое производство, и стали делать газовые центрифуги, оборудование для атомных электростанций. Кстати сказать, на двенадцатом производстве я более года проработал перед уходом в армию.

Ковровский электромеханический завод производит аппаратуру гидропривода и оборонную робототехнику. Всероссийский научно-исследовательский институт «Сигнал» занимается разработкой и производством оборонной гидравлики и электроники. Это очень современный и известный в стране научно-исследовательский институт. Есть КБ «Арматура». Занимается производством космической техники и оружейной разработки. Во многих космических аппаратах есть доля инженерной мысли замечательных сотрудников этого КБ.

Ковровский приборостроительный завод производит автомобильные фильтры и дверные замки.

Был экскаваторный завод «Ковровец», но, к сожалению, в 2009 году производство было полностью остановлено. Это, конечно, беда и руководства Владимирской области, и промашка ковровских руководителей, что такой известный завод прекратил свое существование, как будто экскаваторы никому сейчас не нужны... Помню, один раз я как начальник УВД приезжал от Министерства внутренних дел СССР, чтобы передвинуть плановую поставку одного из экскаваторов с четвертого квартала на второй. Заводчане эту просьбу выполнили. Ну а сей-

час практически всё оборудование перевезено в Тверь, на «Тверской экскаватор». Слава богу, успели 3 сентября 2011 года открыть в городе памятник экскаватору.

Есть еще совместное предприятие с австрийской компанией «Контекс» – производитель блок-контейнеров и модульных зданий.

Предприятия, которые я назвал, создают свыше 70 процентов общего объема промышленной продукции города, на них занято около 40 процентов трудоспособного городского населения.

Есть у нас и легкая промышленность. Производятся товары народного потребления из пластика, двери выпускают. Например, ООО «Никое» делает хлопчатобумажные ткани, популярные в Москве. Мне нравится, проезжая по Кутузовскому проспекту, видеть шикарный магазин мужских костюмов «Сударь». И сам, когда бываю в Коврове, обязательно покупаю одежду, она очень элегантная – итальянские лекала, итальянские материалы, и шьют хорошо. Ну и в два-три раза дешевле...

Через Ковров проходит, как я уже упоминал, магистральная железная дорога Москва – Нижний Новгород, далее идущая на Урал и в Сибирь. По ней – интенсивное движение пассажирских, грузовых поездов. Сейчас по маршруту Москва – Нижний Новгород ходят высокоскоростные электропоезда «Стриж» и «Ласточка», на которых очень приятно ездить: 2 часа 23 минуты в пути, билет стоит до тысячи рублей.

Раньше я добирался сюда из Москвы за пять-шесть часов на автомобиле, но сейчас, думаю, таких чудачков не осталось, потому что можно в парадной одежде сесть в комфортный вагон, почитать газету, выпить кофе и – через два с половиной часа выходишь уже в Коврове. В декабре 2003 года открыт новый шикарный железнодорожный вокзал, года два спустя была введена в эксплуатацию вторая очередь этого вокзала, куда из здания постройки XIX века переехал и автовокзал.

К сожалению, в настоящее время судоходство по Клязьме не осуществляется из-за сильного обмеления русла. Но я помню, когда был еще мальчишкой, по реке ходили пароходы в сторону Владимира и Вязников. И вот, посмотрите, за какие-то шестьдесят лет она обмелела. С болью думаю: неужели она вскоре совсем высохнет и останется только на старых картах? Увы, такие изменения рельефа и жизненного пространства происходят в наш атомный век...

Мотобол – наш спорт!

Наш город очень спортивный. Хочу добавить еще несколько слов про удивительного человека Александра Ивановича Царёва. Он и сейчас работает на заводе, является тренером сборной команды Российской Федерации по мотоболу.

Мне кажется, Царёва знает каждый житель Коврова и Владимирской области. Я уже говорил, что он заслуженный мастер спорта, восемнадцатикратный чемпион Европы по мотоболу. Царёв был бесменным капитаном сборной Советского Союза, сборной Российской Федерации, нашей местной команды «Ковровец», неоднократным чемпионом СССР и Российской Федерации. Понятно, почему мы считаем мотобол «ковровским» видом спорта. Тысячи горожан до сих пор ходят на увлекательные игры, наблюдая за азартной борьбой отважных мотоциклистов.

Кстати, в 2018 году в Коврове впервые проходит первенство Европы по мотоболу.

Я помню, как на первенстве Европы, которое проходило в городе Видном в Подмосковье, при полном стадионе наша команда в трудной борьбе победила французов. И было объявлено, что капитан сборной Российской Федерации, заслуженный мастер спорта, орденосец Александр Царёв передает свою капитанскую повязку другому спортсмену. Когда Царёв совершал круг почета на мотоцикле, стадион встал, приветствуя этого легендарного спортсмена.

А футбольный клуб «Ковровец» родился еще в 1923 году. И даже провел десять сезонов чемпионата СССР среди команд-мастеров. В 1995 году стал первым победителем первенства межрегиональной федерации футбола «Золотое кольцо». Я мальчишкой видел: в 1950-е годы стадион «Металлист» был заполнен полностью на футбольных матчах, когда наши играли в классе «Б». И мы, ребята, всё знали о наших игроках. Я помню левого крайнего нападающего Углова, который потом трагически погиб, помню, весь город его оплакивал. Трагическая нелепость – спортсмена упавшей поленицей придавило.

Мы и сами любили играть в футбол, жили им. В начале мая в Москве открывался футбольный чемпионат Советского Союза. Папа со своим другом, дядей Володи Шаровым, любили смотреть матчи по телеви-

С Александром Царёвым в заводском музее

зору. Болели. Ну и выпивали при этом немножко. Один – участник войны, другой – представитель трудового фронта, они очень дружили. Думаю, друг без друга жить не могли. И любовь к спорту, конечно, объединяла. Я видел, как они всем этим дорожили!

Память сердца

Ковров – моя личная история, здесь прошли мои детство и юность. Горжусь, что я уроженец этих замечательных русских мест. Еще раз заверяю земляков: я был, есть и буду ковровчанином.

Обязательно раз в год приезжаю в Ковров. Что меня здесь порой удручает? В последние годы не уменьшилось количество раздолбанных дорог, скорее, даже увеличилось. Помню, какими уютными были улицы Ленина, Дегтярёва, Абельмана. Жилой фонд принадлежал заводам. Предприятия шефствовали над каждой улицей. Сейчас промышленникам не хватает денег – особенно на «непрофильные» дела.

Город живет очень скромно. Но всё же развивается. Горожане стареют. Но вот та ухоженность, что была лицом Коврова, теряется. Это обидно и неправильно. И я уверен, что наступят лучшие времена, наш

город-труженик, город оружейников, станет настоящим городом-садом. Его любят ковровчане, и я любил, люблю и буду любить. Он вырастил меня, дал путевку в жизнь. Сюда я навещаю с легкой душой, здесь мои проверенные друзья, здесь могилы моих предков, дорогих мне людей.

А сколько родственников! Но ведь не напишешь про всех. И в моей деревне Макариха, и в родных местах жены – Гусь-Хрустальном, Маслихе, Аксеново, и в Цикуле, где похоронены ее родители. Мы каждый год приезжаем поклониться святым для нас могилкам, помянуть этих простых людей, которые нам дали жизнь.

Боюсь, кто-то из близких скажет: а почему, к примеру, Галину Дроздову забыл, про двоюродную сестру Люду не написал, о Тамаре не упомянул? Это мои двоюродные сестры, дети Николая Васильевича Агеева, старшего брата моей мамы.

Всегда в моём сердце – Нина и Витя...

Конечно, надо бы о каждом близком человеке сказать слово. Вот, например, моя любимая сестра Нина Ивановна Фёдорова (Платонова), великая труженица, мать двоих замечательных сыновей – Дмитрия и Артёма, бабушка Егора, Олега и Машеньки. Всю жизнь проработала на заводе Дегтярёва. Удивительная хозяйка, рукодельница. А какой замечательный она садовод! Все у нее родится, цветет, благоухает на ше-

сти сотках коллективного сада, которые папе выделили в далеком 1958 году. Почти 60 лет процветает наше «семейное ранчо»: Нина его содержит в идеальном состоянии. Сад ухожен, урожай великолепен. И нет для меня ничего вкуснее и слаще, чем овощи или ягоды из этого сада и огорода.

А муж ее Юрий Павлович Платонов, моряк, стройный, подтянутый, тоже всю жизнь работал на нашем заводе. Когда я приезжал в Ковров, Юрий Павлович обязательно с улыбкой говаривал: «Вот и наш генерал пожаловал» – и у него это так тепло и сердечно получалось. Теперь

прихожу поклониться его праху, и всегда мнится, как бы он улыбочиво сказал: «Вот и генерал наш...».

Одна только фраза, а сколько сразу нахлынуло воспоминаний.

Испытываю особые чувства, вспоминая младшего брата Виктора. Он был младше меня на целых десять лет. Но никогда, даже став взрослыми, не ощущали мы эту разницу в годах, хотя он меня привык называть «старшой». Да, я был для него авторитетом, он меня охотно слушал и советовался по жизни, по работе. Помню, когда я приехал в отпуск из армии, ему было десять лет, и он очень гордился, что у него старший брат носит военную форму. Осталась с той поры семейная фотография: я в гражданской одежде, а он, гордый, в моем кителе... Говорил: «Я тоже пойду служить». И сдержал свое слово.

Мне вспоминается, когда я был студентом, а он уже стал взрослым парнем, мы как-то вечером шли по проспекту Ленина, и к нам пристал какой-то мужик. Уговоры отстать не подействовали, пришлось мне применить прием самбо. Младший брат не успел понять, что случилось, как нападавший уже лежал на земле. С тех пор он меня еще больше уважал и этот эпизод всю жизнь вспоминал.

После окончания школы Виктор поступил на завод Дегтярёва, окончил институт, а потом получил еще одно высшее образование – по менеджменту. Работал на очень ответственной должности на заводе Дегтярёва. Я бывал на заводе и видел, с каким уважением к нему относятся директор Александр Владимирович Тменов, начальники отделов и цехов.

Он талантливый был парень и в делах, и по жизни. Играл на гитаре, пел красиво, с душой. Дачу свою построил замечательно, даже пруд был, все ухожено, многое из дерева вырезано, столы сделаны, беседка. Он и рыбак был, и охотник. Очень хорошо сам готовил уху, коптил рыбу, делал шашлык. И теплыми летними вечерами, а я приезжал в отпуск

обязательно летом, мы сидели под звездным небом, пели песни, серебряной струной звучала его гитара.

Мне вспоминается: когда он приехал, отслужив в армии, ко мне в Губаху, я подарил ему первый инструмент. А тогда гитару было не достать. Подсказали мне, что у нас в Пермской области в городе Кунгуре делают музыкальные инструменты, я там гитару купил и подарил ему со словами: «Приеду летом в отпуск в Ковров. У тебя впереди восемь месяцев. Чтобы к августу освоил аккорды!». И на самом деле, когда мы с Галиной приехали, он довольно сносно уже себе аккомпанировал.

Когда подошел его пятидесятилетний юбилей, я прикидывал, что ему подарить. Один товарищ ковровский сказал: «Валерий Иванович, лучший подарок Виктору – хорошая гитара». А как выбрать самую лучшую? Обратился к руководителю ансамбля МВД Виктору Петровичу Елисееву. Он пригласил одного из музыкантов, и мы поехали в магазин музыкальных инструментов. На дворе уже другое время – подыскали замечательную итальянскую гитару. Ее я и вручил юбиляру. Как гордился Виктор, что старший брат отыскал для него такой замечательный инструмент!

И сколько таких зарубок в моем сердце и памяти. Пусть не обо всем сумею сказать, но всем моим близким и товарищам огромное спасибо, что вы были в моей судьбе. Я вас помню, я вами горжусь, и будьте уверены: всегда старался быть для вас настоящим другом. Как нам было завещано: **нет уз святее товарищества**. Это я всегда помню.

Та заводская проходная

Рабочие будни

Честно говоря, почему-то не было у меня неукротимого желания сразу поступать в высшее учебное заведение. Это сейчас стало обязательной нормой: окончил школу – иди в вуз, на любую специальность, не важно, подходит она тебе, твоему образу мысли, жизни, темпераменту или нет. Потому что стало доминантой: если не поступил в высшее учебное заведение после окончания средней школы, это «семейная беда».

В то время у нас такого не было. Папа, как я уже говорил, не имел высшего образования, мама окончила четыре класса. В семье Агеевых вообще ни одного человека не было с высшим образованием. Хотя в семье Фёдоровых был Константин Кузьмич, у него два высших образования: окончил Военно-механический институт в Ленинграде и Военно-промышленную академию в Кунцево. Он потом в Пермском политехническом институте и Высшем командном инженерном училище ракетных войск преподавал.

В общем, как только я окончил школу, сразу же пошел на завод, где трудилась вся наша семья. Помню, как родители меня инструктировали перед визитом в отдел найма (так тогда назывался отдел кадров). Отделом руководил заместитель директора номерной организации «Почтовый ящик № 9» (теперешний завод имени В. А. Дегтярёва) по фамилии Гадалов: «Сынок, смотри, ты должен произвести на него хорошее впечатление».

Но я понял, что папа уже много раз туда ходил, и была предварительная договоренность о том, что меня возьмут после окончания десяти классов, минуя учебу в техническом училище, где готовили кадры для завода. Я устроился учеником токаря в аппаратную цеха № 25. Начальником аппаратной был Денисов, опытный производственник, со стажем.

Цех № 25 – военное производство: здесь обрабатывали и изготавливали стволы для огнестрельного оружия, для пушек, которые собирали в соседнем цехе. Когда нужно ту или иную оснастку сделать, то ее готовили в аппаратной. Здесь длительное время работал и мой папа.

Пришел я на завод, как сейчас помню, 1 июля 1960 года. С этого дня и началась моя трудовая биография. Закрепили за мной наставника по фамилии Бекмансуров, настоящего профессионала. Думаю, имел он пятый или шестой разряд токаря, и станок у него был особый – большой такой. А меня поставили учиться на старенький ДИП-200.

Мастер наш по фамилии Журавлев жил в деревне Сергейцево и ездил на завод на поезде. Я уже рассказывал, как из окрестных деревень тысячи людей ездили на завод в Ковров, в основном на наш «почтовый ящик».

Честно могу сказать, по душе пришлось токарное дело, было интересно. Меня научили читать чертежи. Вот где пригодилось черчение, которое мы не очень любили в средней школе, а здесь сложные чертежи надо было разбирать. Мастер Журавлев и мой наставник, и соседи по цеху показывали новичку, как затачивать резцы, как резьбу нарезать, как точить «конус Морзе № 5». Работа увлекательная, потому что каждый день новая деталь – не знаешь, что ты будешь сегодня делать. Журавлев стелил на тумбочку очередной чертеж – штучная работа для токаря-универсала. Не то что «операционники», монотонно точившие одну и ту же деталь...

Через ряд станков было рабочее место моего папы Ивана Кузьмича, и я мог воочию увидеть, какой же он был талантливый вертикальщик-фрезеровщик! У него был высший – седьмой – разряд. К нему приходили советоваться инженеры, техники, которые разрабатывали те или иные приспособления. Он с ними нередко спорил, доказывал свое и, как я понимаю, почти всегда оказывался прав, потому что знал дело до тонкостей, и секретов профессии для него не существовало. Я видел, какие сложнейшие конфигурации он фрезеровал на вертикальном станке. Диву даешься – это искусство высокое, высочайший класс! Горжусь своим папой и тем уважением, которым он пользовался в коллективе.

Тогда мы работали по шесть дней, в субботу – укороченный рабочий день. Начиналась смена в семь утра. В половине седьмого гудел мощный заводской гудок, который был слышен, мне кажется, даже в окрестностях Коврова (весь город просыпался), и люди шли, словно в рядах демонстрации, на ежедневный трудовой подвиг – не побоюсь этого высокого слова.

В то время на нашем заводе работало более 20 тысяч рабочих, инженерно-технических работников и обслуживающего персонала. Несколько заводских столовых кормили эту армию труда, в каждом корпусе завода были буфеты. Но чаще я видел, что рабочие брали еду с собой из дома: так было дешевле, да и очереди в заводских столовых немалые. Можно было купить бутылку молока, кефира, взять какие-то бутерброды, котлеты, в пол-литровой банке заваривали чай – кипятик всегда был.

В столовой хлеб – бесплатно. Он лежал на столах уже нарезанным. В субботу существовала традиция: когда мастер уходил, старые рабочие, проверенные друзья, наливали в ведро клей и воду, размешивали. Получившуюся «серо-буро-малиновую» жидкость разливали по кружкам, быстренько выпивали и спешили по домам. А меня перед этим посылали, как самого молодого, в столовую за «бутербродами». Что они из себя представляли? Надо было взять ломти белого или черного хлеба, имеющегося на столах, обильно намазать их горчицей, посолить и быстренько отнести мужикам. Они выпивали, немножко хмелели, и – домой! Окончена неделя...

Как только я дня три проработал (в принципе, только научился включать станок, узнал, какие бывают сверла, резцы, металл), меня вызвал Денисов и говорит:

– Есть разнарядка по заводу, надо помочь тридцатому цеху, где образовалось невыполнение государственного плана.

А в то время государственный план – это закон! Все еще помнили, как было в годы войны, потому что много работало ветеранов Великой Отечественной и тех, кто, имея броню на заводе, сражения свои вели здесь и знали, что такое План и Дисциплина.

Особое задание

В 30-м цехе делали тракторную муфту для белорусского завода. Такая была чугунина. Вредное производство, потому что, когда включаешь станок и чугун режешь на большой скорости, из-под резца металлическая пыль встает столбом. Приходилось работать в маске. Меня направили туда на месяц. Папа сказал:

– Надо идти, сынок. Пора попробовать себя на прочность, узнать, почему фунт лиха...

Конечно, меня ждала сложная работа, но зато там и платили немножко больше, чем мне как ученику. Я сразу окунулся в сложные перипетии, когда начал осваиваться. Справился.

Повторю, мне нравилось токарное дело. Сдал через год на третий разряд.

Но тут 12-й цех, где было совершенно секретное производство, переехал в новое здание. Меня по рекомендации взяли туда на сборку.

Честно могу признаться, что, проработав там год, так и не узнал, что же мы такое изготавливали в этом огромном цехе.

Мы трудились в белых халатах, белых чепчиках, в перчатках, в тапках, в белых брюках. Всё – стерильное. Я только через несколько лет узнал, что попал тогда на новое атомное производство. Делали на заводе центрифуги для получения урана. За машины, которые мы поставляли для атомной индустрии, их разработчики и организаторы производства были удостоены Ленинской премии, в том числе министр оборонной промышленности Бахирев и некоторые представители нашего завода. Так что можно себе представить, какое это было производство секретнейшее и очень высокотехнологичное...

Итак, я попал на сборку. Собирал махину, которая называлась «трубой». Научился классно паять, быстро монтировать. Работа ювелирная, штучная. Потом уже вышли на конвейер. План был – семь изделий за рабочую смену. Причем, на каждое изделие выделяли по 10–20 граммов спирта. Мы его сэкономили, естественно. Прежде чем собирать детали, их надо было обязательно тщательно вытереть белой салфеткой, обработать тампоном. Расписывался за каждую операцию перед военпредом...

Сэкономленный спирт, как было принято, отдавали бригадире – в общий котел. Бывало, выпивали по капельке в субботу. Начальник цеха Валерий Иванович Хоробрых – очень интеллигентный специалист.

Друг навеки – Александр Тменов

Потом производство возглавил Александр Владимирович Тменов. Теперь это директор завода имени В. А. Дегтярёва. И мой близкий и хороший товарищ, с которым дружу уже почти тридцать лет.

Александр Владимирович Тменов – замечательный руководитель, очень вдумчивый, уважаемый человек, который в труднейших условиях сохранил завод, производство, коллектив. Занимается усовершенствованием технологий и новых производств, внедрением прогрессивных, качественных средств вооружения для

нашей армии. Я знаю, что он пользуется популярностью среди руководителей города, является председателем Совета директоров предприятий Коврова, его знают многие высокие лица в Москве.

Отмечу в скобках, что часто на нашем заводе имени Дегтярёва бывают известные в стране люди: от Сергея Миронова, Дмитрия Rogozина, Сергея Иванова до Сергея Шойгу, потому что предприятие является основным поставщиком стрелкового и ракетного вооружения для нашей армии и Военно-Морского флота. Есть здесь замечательный музей. И традиции умеют хранить...

Заметки на полях

Юбилей родного завода

Отвлекаясь несколько от хронологической последовательности, хочу рассказать о торжественном мероприятии: отмечалось 100-летие Ковровского завода имени Дегтярёва – гордости отечественного машиностроения, славы военно-промышленного комплекса. Пока есть такие производства и такие люди, думаю, наша армия будет иметь самое современное, самое лучшее оружие в мире.

На торжествах я был представлен как член Совета Федерации. Обратился к землякам:

– Мне, уроженцу Коврова и человеку, чья трудовая биография началась на этом заводе, особенно приятно поздравить трудовой коллектив дегтярёвцев со славной датой. 100 лет, как сейчас модно говорить, – это круто! А коллективу завода, всем, кто работал, работает и будет работать на знаменитом ЗиДе, есть чем гордиться. Именно на нашем заводе работали выдающиеся оружейники, чье дело продолжают новые поколения талантливых конструкторов и рабочих. Огромен вклад завода в укрепление обороны страны, и особенно вклад в Великую Победу над фашизмом. Звание «Город воинской славы», присвоенное Коврову, – прямая заслуга и коллектива завода.

И сегодня ОАО «ЗиД» является одним из лидеров среди предприятий ОПК. Ваш славный коллектив разрабатывает и производит новые виды вооружения, чтобы Россия оставалась мощной и уважаемой державой, способной защитить свою независимость.

Я давно уже не живу в Коврове, но этот город по-прежнему дорог моему сердцу. Это город моей юности, моя малая родина, где все связано с заводом... Всегда интересовался жизнью предприятия, в коллективе

которого получил первые, но самые важные уроки жизни, познал науку честного и добросовестного труда – только так всегда работали дегтярёвцы. Надежно и качественно, на благо страны и ее армии. Так старался работать и я, на каких бы должностях потом ни приходилось трудиться. И мне приятно, что впоследствии и я смог быть полезен родному заводу, в частности, в трудные перестроечные годы, в период попыток рейдерского захвата, когда помог решить некоторые проблемы. А теперь приятно сознавать, что завод работает и развивается, с достоинством несет свое имя. Здравия желаю, родной завод!

...Да, нынче приятно вспомнить, как заводчане получили вместе с разработчиками Ленинскую премию. Ведь была в этом большом деле и крохотная частица моих усилий. Кстати, навыки токаря пригодились мне и на этом новом производстве: там был такой цилиндр, который надо прикреплять к крышке, и конструкторы нашли решение – наматывать шелковую нить с эпоксидной смолой, а это делалось на токарном станке. Поручили мне. Приходили инженеры, техники, и мы пробовали, как, пропуская через эпоксидную смолу, наматывать шелковую нить на этот цилиндр. Прочность, надежность изделия увеличивались в разы.

Я сейчас знаю, что эти изделия работали на мирный атом по 20–25 лет, ибо были самого высочайшего качества. Горжусь, что когда нашим руководителям дали Ленинскую премию, в приказе по заводу и моя фамилия была отмечена «за внедрение новых технологий в освоении нового изделия – наградить слесаря Фёдорова Валерия Ивановича денежной премией в сумме 20 рублей».

Значит, и я хорошо поработал...

Вновь на дистанции

На заводе я продолжал заниматься лыжами в секции Виктора Ивановича Брикова. И как-то на проходной увидел объявление: «При ковровском спортивном клубе “Дегтярёвец” открывается велосипедная секция. Желающих просьба записываться». Почему-то сразу решил откликнуться на этот призыв.

Ездить на велосипеде я научился в двенадцать лет, хотя его тогда у меня не было: гонял по всей Макарихе на соседском. Поначалу падал,

Обгоняя ветер...

а потом лихо стал раскатывать. Уже потом, помню, папа где-то приобрел старый велосипед, на котором он ездил за грибами, а то и возил мешки картошки.

Записался я в эту секцию. Мне там понравилось. Стояли два велотренажера, пусть и примитивные. И мы всю зиму крутили педали в маленьком спортивном зале. А потом, как только в апреле на шоссе Москва – Горький, через Мелихово до Сенинских Двориков асфальт освободился, нам выдали велосипеды «Турист», и мы начали тренировки.

Потом пересели на велосипеды спортивные, с резиновыми трубками. В июне у меня оказалось целых три машины, и я во дворе стал пользоваться большой популярностью. Приходил с работы в два часа, а в четыре уже уезжал на тренировку. Каждое воскресенье – большой велосипедный тур. Мы проезжали по 150 километров. Ездили обычно до кирпичного завода во Владимире, это почти 70 километров. Приезжали туда, обедали в столовой – и обратно в путь. Не было дня, чтобы мы не тренировались. Возвращались часов в восемь: умоешься, чуть отдохнешь – и на танцевальную площадку в парк имени Дегтярёва. Шикарный был парк, который заложили заводчане, – гордость

завода и всего города. Это до сих пор любимое место отдыха многих поколений. В самом деле, он очень красивый. Но чаще всего ходили мы на танцы в центр города. В автобусы не садились, добирались пешком. И девчат после танцев провожали. Не боялись ходить в «чужие» районы...

Вот говорят: было же тогда хулиганство? Я не помню, чтобы нас, мальчишек, парней, втягивали в недостойные поступки, вербовали в криминал. Никогда мы ни в каких драках, ни в поножовщине не участвовали. К пьяным гулянкам тоже не тянулись, потому что занимались спортом и были загружены работой. Да и контроль соответствующий в семье. Мама всегда говорила: «В одиннадцать часов должен быть дома!»

Если опаздываешь – шуруешь из парка с танцплощадки бегом, потому что знаешь: будет тебе строгий выговор. Да бог с ним, с выговором: расстраивать родителей не хотелось.

Помню, как отмечали мое восемнадцатилетие. Собрались семь или восемь моих близких друзей и девчонок. Как это было по-юношески светло и чисто! Запомнился самый главный подарок: мне вручили подстаканник, массивный, даже как бы посеребренный. Поверьте, это великолепная вещь, для меня очень дорогая. Я искренне гордился, что обрел настоящий подстаканник. Это же не из какой-то эмалированной кружки пить чай и компоты! И совершенно не важно, что стоил он вместе с ложкой пару рублей. Ведь друзья старались угождать, чтобы дар их пришелся кстати. Это внимание бесценно, а стоимость – дело десятое. Мир вещизма, который считался тогда проявлением мещанства, обошел, слава богу, наше детство и юность. Мы сосредоточены были на векторах своего становления – как специалистов и как граждан.

Папе нравилось, что я занимаюсь в секции всерьез. На тренировки он мне делал кофе в колбу для питья. На раме велосипеда был для нее специальный держатель. Папа варил кофе с молоком, это было мое питание на тренировке.

У меня получалось в спорте. В первый же год стал чемпионом завода, чемпионом поселка, чемпионом области среди допризывников. Кстати, в то время военкоматы, горисполкомы, облизполкомы прово-

дили соревнования среди допризывников по бегу, по стрельбе, и в том числе по велосипедному спорту. Команда Ковровского горвоенкомата стала чемпионом области. Наша фотография – семь юношей-спортсменов – появилась в областной газете «Призыв». Помню, как маме все в доме говорили: «Посмотри-ка, Валерка-то чемпион у вас!»

Стал я чемпионом завода в гонке на 10 километров, чемпионом города в гонке на 25 километров, чемпионом области на этой же дистанции. Мне вручили награду – красивый увесистый значок, который я с гордостью надевал, когда

ходил на танцы. В то время царил настоящий культ спорта, и мне кажется, всё наше поколение им занималось. А что касается наград...

На заводе в то время еще работало немало участников Великой Отечественной войны. Я помню, как они гордились боевыми наградами. За ордена после войны платили какие-то деньги, не помню сколько. А потом почему-то постановлением Совета Министров выплаты за награды участникам Великой Отечественной войны отменили и шибко обидели этим ветеранов. А потом «мода» на ношение орденов и вовсе как бы пропала. Недаром писал поэт:

«Ордена никто теперь не носит, / Планки носят только чудачки. / Да и те, наверно, скоро бросят, / Сберегая пиджаки. В самом деле – никакая льгота / Этим тихим людям не нужна... / А война была четыре года. / Трудная была война».

Я помню фронтовика дядю Мишу. Тяжело раненный, инвалид первой группы, без ног. Удобных протезов тогда еще не изобрели, а уж если выдавали, то деревянные, тяжеленные, натирившие кровавые мозоли.

Оседлаем железных коней!
(С тренером и другом)

Больно было видеть, как дядя Миша с трудом усаживался на деревянную тележку: грохотали по мостовой четыре шарикоподшипника, мелко стучали палки для отталкивания. Он так по городу передвигался. Конечно, инвалиду старались помочь и словом, и делом. А потом все как-то попривыкли, стали меньше замечать этих опаленных войной людей...

«...Впрочем, это было так давно, / Будто бы и не было, и выдуманно – / Может быть, увидено в кино, / Может, в книге вычитано... / Нет! У нас жестокая свобода – / Помнить все страдания, до дна! / Ведь война была четыре года. / Трудная была война...»

Галерея Героев Советского Союза и Героев Социалистического Труда – священное место. Горит Вечный огонь в честь погибших в Великой Отечественной войне земляков. Раньше это было поле, большая поляна, на которой мы босиком играли в футбол. Послевоенная ребятня, не обожженная, вроде бы, огнем великой трагедии. Но отсветы войны, думаю, навсегда легли и на наши лица...

Заметки на полях

Спорт «высоких» достижений

Тут опять немного отступлю от канвы биографии, чтобы высказать некоторые волнующие меня мысли. Например, о спорте высоких достижений. Всем памятные события очень сложных для России Олимпиад: МОК и WADA сделали всё, для того чтобы отстранить наших олимпийцев от участия. Искренне жаль спортсменов, несправедливо лишенных права выступать на престижных состязаниях.

Когда пишу эти строки, еще не знаю итогов мирового чемпионата по футболу, к которому все мы так долго и затратно для страны готовились. Конечно, я верю и надеюсь, что ребята покажут хорошую игру и отдадут все силы, чтобы выйти из группы на домашнем чемпионате. Но уже испытываю тревогу, памятуя о том, как наша сборная полностью провалила, например, результаты участия в Евро-2016! Нападающие ни одного гола не забили, команда показала полное безволие и равнодушие, граничившее с цинизмом. При этом явно переоцененные российские футболисты деньги получают сумасшедшие.

Меня особенно возмутило в свое время поведение спортсменов Кокорина и Мамаева. Только подумайте, команда провально завершила

Евро-2016, и в этот же день они на частном самолете улетают отдыхать в одну из европейских стран, не стесняясь выставлять свои похождения в Интернете. Вся Россия была шокирована кадрами, когда два эти футболиста гуляли в самом дорогом ресторане Монако и под звуки... Гимна Российской Федерации (!) целовали доньшки бутылок вина стоимостью по 500 евро. Им бы целовать кубок, как наши хоккеисты целовали завоеванные кубки мира и Европы. Нет – они прикладываются к вину...

Видимо, учителя, родители, тренеры, которые воспитывали их, не привили спортсменам чувство гордости, ответственности за страну, за команду. А ведь это главное дело их жизни, обеспечиваемое народом. Я много лет болею за «Динамо». Вошел в попечительский совет, главой которого был Сергей Вадимович Степашин, экс-министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации. Так вот, когда на матчи высшей лиги российского футбола ходят три тысячи зрителей, это, конечно, позор. Стоит ли платить командам такие деньги, коль так играют, и так мало на их матчи ходит болельщиков?

К сожалению, футбол из спорта номер один превратился у нас в ничейное серое времяпровождение, где игроки лениво перемещаются по полю, стараясь избавиться от мяча. И нас на это безобразии приглашают смотреть!

Видимо, в отношении некоторых ребят упущено время необходимого воспитания. Педагоги, которые учили будущих футболистов, должны тоже, наверное, подумать: всё ли они сделали, чтобы вырастить из них настоящих граждан, а не просто здоровенных парней?

Футболисты в клубах нашей премьер-лиги получают миллионы... евро. Вдумайтесь только: даже олимпийские чемпионы – это высшее звание в мировом спорте – получают несравнимо меньше. О чем думают руководители российского спорта, владельцы клубов, богатые спонсоры, обеспечивающие за счет граждан страны невероятные бюджеты даже слабым командам? К тому же, идет среди монополистов-капиталистов негласная борьба: кто круче... Самолюбие тешат. Только кто в итоге платит за этот «банкет»?

Сергей Вадимович Степашин как-то раз очень образно сказал:

– Посмотри, по полю ходят одиннадцать ленивых миллионеров.

Думаю, точнее ситуацию в футболе не охарактеризуешь. Меня возмущает и удивляет, когда иной игрок говорит: «Да что-то у меня сегодня не пошло, не получилось. Игра не сложилась». А ты выложился полно-

стью? Ты тренировался? Разве можно представить классного токаря, которому мастер дает задание выточить необходимую для производства деталь, а тот говорит: «Да у меня сегодня что-то не пошло!». Или разве хирург в операционной имеет право сказать: «Да у меня сегодня что-то настроения нет?»

Никогда настоящий профессионал не скажет: мол, сегодня не получилось. Или ты готов к действию, к борьбе, или – нет!

Обратил внимание: абсолютное большинство наших футболистов – в наколках: руки, шея, ноги – черно-синие... Какая-то дурная мода пошла. А главное – подают пример молодым. Может быть, такие же наколки есть и у хоккеистов, но их не видно – амуниция, слава богу, другая. А здесь, особенно когда они обмениваются майками после матчей, неприятное зрелище. Выглядят как зеки!..

В мою бытность начальником Пермского УВД в нашем Клубе имени Дзержинского мы проводили закрытую выставку татуировок преступного элемента. В нашем милицейском вузе, который действовал в свое время в Перми, один доцент всю жизнь занимался изучением наколок: сколько крестов, сколько перстней, сколько башен, что это означает – можно было сразу узнать, какой «масти» данный элемент, за что и сколько у него ходок... Сейчас многое известно из открытой печати. Мы же проводили выставку, чтобы сотрудники уголовного розыска, участковые, все, кто причастен к работе с преступным миром, знали эту воровскую «азбуку» – особые приметы преступного элемента. Но ведь речь о преступниках! Это люди, ставящие себя вне закона, вне морали. Ну хотят они иметь такой воровской паспорт – чёрт с ними, милиции легче! Но что заставляет следовать этой дикарской традиции красивых молодых спортсменов – понять не могу...

Мне в жизни повезло быть близким с легендарным тренером Константином Ивановичем Бесковым. Однажды на дне его рождения разговорился с Олегом Романцевым и между прочим поинтересовался призывами:

– Наверное, не меньше двух тысяч платите?

А он мне:

– Товарищ генерал, наш футболист за пару тысяч долларов со стула не встанет.

Вот как они избалованы, если даже замечательный тренер, который привел команду «Спартак» к девяти чемпионским титулам, бывший тренер сборной Российской Федерации с горечью говорит такие вещи. Тут есть о чем подумать, есть что критиковать и есть что в корне

менять в организации футбола и спорта в целом. Ведь скандал с допингом тоже возник не просто так.

Думаю, давно пора подойти к организации спорта в стране в спокойной обстановке, с холодной головой и чистыми руками. И непременно в корне изменить политику руководства спортом, возродить лучшие традиции, особенно в массовом спорте. Вспомнить и про ГТО, и про детские спортивные школы, и про сельский спорт и спорт высоких достижений. Пора создать хорошую основу для роста одаренных детей, чтобы с увеличением числа любителей росла и армия наших олимпийских чемпионов.

Наш президент – спортивный человек, в Министерстве спорта достаточно честных, ответственных профессионалов, есть знающие люди на местах – мы сообща должны сделать всё для того, чтобы нация была здоровая, сильная, крепкая.

И вопросы негосударственной помощи физкультурному движению и спорту надо решать на общероссийском уровне: собрать генеральных директоров, олигархов, крупных бизнесменов, договориться о принципах благородного спонсорства, обсудить сферы, требующие особого внимания и поддержки, сброситься на решение главных проблем, в конце концов. Чтобы все наши спортивные учреждения, школы, детские сады были обеспечены качественным, хорошим спортивным инвентарем. Не так дорого это стоит. Дети не должны испытывать трудностей с гимнастическим оборудованием, пользоваться драными волейбольными сетками, ветхим инвентарем.

Будучи членом Совета Федерации от Вологодской области, я пришел однажды к губернатору Вячеславу Евгеньевичу Позгалёву и предложил ему изыскать средства в областном бюджете для того, чтобы закупить для каждой школы области качественные лыжи. Край зимний, снежный покров держится с ноября по апрель, и лыжами здесь должен владеть каждый. Он, к счастью, поддержал это предложение. Закупили пластиковые лыжи для всех школ Вологодской области. И думаю, это правильное, доброе дело.

Рад, что в моем любимом Коврове стали развиваться, помимо традиционных видов, спортивные танцы, спортивное ориентирование, рукопашные бои – дзюдо, самбо, джиу-джитсу. Еще хочу напомнить, что Павел Ростовцев, неоднократный чемпион мира, член сборной команды Российской Федерации по биатлону, является уроженцем Коврова. Об этом мало кто знает, к сожалению...

Время служить

Призыв

Но вернемся в далекий 1962 год. Я слесарь 3-го разряда цеха № 12 завода имени Дегтярёва. Наши «изделия» очень нужны стране, и я с гордостью делаю свою работу. А потом проезжаю на велосипеде традиционные 50–70 километров. А потом с Игорёшей Курицыным идем на танцы в парк... И такое «расписание» – каждый день. А впереди еще целое лето.

Но старшие время от времени замечают: «Валерка повзрослел. Наверное, нынешней осенью его надо будет собирать...».

Обычно в первых числах сентября ожидался очередной призыв в армию. Настало время служить Родине. «Косить» от призыва считалось позорным. Не искали для отмазки причин, не ловили каких-то «сговорчивых» врачей, не покупали фиктивные справки о мнимых болезнях. Ущербным считался человек, если его не призывали служить. А как провожали призывников! Вся родня выходила с гордым видом: парень вырос, идет на три года в армию. А в Военно-Морской флот на четыре года провожали.

Я несколько месяцев – может, даже и октябрь – надеялся еще побыть на гражданке. За это время планировал повысить свои спортивные результаты: выиграть первенство города, области и обязательно попасть на одну из велогонок на юге страны. Годом раньше несколько человек из нашей команды участвовали во Всероссийской велосипедной «рега-те», и один парень даже получил звание мастера спорта Советского Союза. А это был один из самых высших титулов для любого спортсмена – весь город тобой гордится. Так вот, этот парень рассказал: там, на дорогах Северного Кавказа, дышится совсем по-другому, и легче показывать высокие результаты.

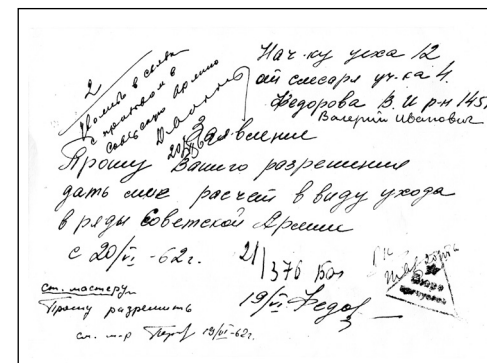
Мне это почему-то запало в голову: поехать на юг и обязательно перед призывом в армию получить звание мастера спорта. А потом, может быть, попасть в спортивную роту, где можно было бы три года совершенствовать свое мастерство, и служба значительно отличалась от строевой. В каждом военном округе, в каждой дивизии были такие спортивные подразделения. Их объединял ЦСКА – Центральный спор-

тивный клуб армии. Это была одна из самых сильных, я бы даже сказал, могущественных спортивных организаций, наряду с обществами «Динамо», «Трудовые резервы», «Урожай», «Буревестник». Шло гласное и негласное соперничество между этими популярными в народе спортивными обществами.

Но в середине июня папу пригласили в военкомат. Горвоенком объявил: ваш сын Валерий Фёдоров будет призван в ближайшие дни в ряды Советской Армии – в секретные войска. Собирайте парня на службу.

Воспринято это было с величайшим пониманием: «Валера, давай готовься. Пойдешь в армию – служи как следует».

Есть закон, есть порядок. И такое отношение было, конечно, не только в моей семье. Практически в каждой. Еще не отзвучала памятным эхом война, люди понимали, что есть наша Родина – СССР, а против нее – реальные прои-ски недругов-империалистов. Так было. Да и сейчас есть, к сожалению. Мир расколот. Есть военные блоки, свои цели и интересы у каждой страны. Защищать Родину – святая обязанность мужчин, не только по Конституции.

Одним словом, получил повестку, снялся с комсомольского учета, уволился с завода. Попрощался со своими друзьями-спортсменами, с тренером. Собрались на маленькую вечеринку. Утром в половине седьмого шла электричка во Владимир, где ждал новобранцев областной призывной пункт. Встали рано. Как сейчас помню, съел любимую яичницу, и с Игорем Курицыным, с мамой, папой, сестрой и младшим братом пошли всей дружной компанией на станцию Ковров. А там, у электрички, гурьба таких же, уже стриженных налысо мальчишек.

И я перед отъездом сфотографировался на лавке в садике перед домом – еще с кудрями. А потом пошел в парикмахерскую, «обнулится».

Собрал свой вещмешок. Рюкзаков тогда мы в торговле не видели. Собрал на два дня сухпай, зубную щетку, кружку, ложку – и вперед!

У мамы слезы, у меня волнение: что там, впереди? С подножки электрички махнул всем рукой: уверен почему-то был, что все будет нормально. Да в молодые годы всегда думается о будущем только с оптимизмом.

«В армию, ребята, едем, в армию...»

Приехали во Владимир, посадка в пассажирский поезд «Москва – Тагил» и... ту-ту! Повезли нас не в теплушках, какие мы видели в фильмах о войне, а в плацкартных вагонах. Сопровождали команду прибывшие «покупатели» – майор, лейтенанты, сержанты. Мы пытались, конечно, расспрашивать их: куда нас везут? Кем будем служить? Те, большей частью, загадочно улыбались:

– В армию, ребята, едем, в армию...

Мы под стук колес познакомились, разговаривали. Смотрели в окна. Некоторые еще ни разу не уезжали так далеко от дома. Да и я, пожалуй, тоже, если не считать поездок в ближние города. А тут проехали Горький, Киров, Пермь. Пересекли по грохочущему мосту большую реку Каму. Не думалось тогда, что эта река и Пермь на три десятка лет станут мне родными.

А вот и Нижний Тагил. Здесь построили нас по взводам, и пошли мы в район Красных казарм, где началась для меня 1 июля 1962 года срочная воинская служба. Здесь мы проходили курс молодого бойца, он длился ровно 35 дней.

Выдали нам обмундирование, немножко великоватое (вместо третьего размера дали четвертый). Сапоги, правда, пришлось по размеру, плюсом – новенькие мягкие портянки. Слава богу, у меня с ними проблем не было: умел наматывать ровненько, плотно. На другой день оказалось: каждый четвертый новобранец стер ноги. Хорошо было тем, кто с детства освоил искусство так обустроить портянку на ноге, чтобы она была в сапоге «куколкой», не сбивалась в комок. Пошли у некоторых воинов натертости, мозоли, пришлось им узнать, где медпункт: мазали, бинтовали... Старшина усердно учил, показывал, как надо наматывать портянки. И все же некоторые вынуждены были ходить в тапках и носках. Вид у них был еще тот! Эту «махновщину»,

впрочем, все равно ставили в строй, на шкентеле, как у нас говорили, потому что в части оказались и моряки-офицеры.

Выяснилось, что мы будем служить в Ракетных войсках стратегического назначения. Но, что это такое, мы не сразу узнали, потому что главной вначале была строевая и физическая подготовка. После подъема – бег, зарядка. Потом на стрельбище, изучали матчасть автомата АК-47, собирали его, разбирали, чистили свое первое боевое оружие.

Вечером в свободное время, а это всего один час, писали письма домой. Офицеры предупредили: домашних не волнуйте, пишите только положительное – мол, занимаемся, готовимся, кормят хорошо, служба нравится. Самое обидное, нам не разрешили сообщить близким, в какой части Советского Союза мы находимся и где будем проходить службу. Номер войсковой части – вот и весь адрес. Письма доходили, почта работала четко, без промедления и без путаницы, а самое главное, солдатские письма были бесплатными. Нашлись любители писать и направо, и налево – как говорится, и бабушкам, и дедушкам, и юношам, и девушкам.

Билет украли!

Готовясь к 1 августа – дню рождения, – в комсомольский билет отложил я семь рублей, думал: угощу ребят, да и сам попирую в солдатской чайной – это нечто вроде буфета, где продавали конфеты, пряники, лимонад, а еще – кефир. Для солдата сладости – привет из прошлой штатской жизни.

И вот в один из банных дней (а мы раз в десять дней ходили строем в общественные бани, там же меняли нам белье) у меня пропал комсомольский билет. Сейфов в казарме, разумеется, не было. Да и документ полагалось носить при себе. Когда вернулся в предбанник, сунулся в карман гимнастерки, а там пусто. Даже похолодел, хоть и распаренный. Конечно, стало горько и обидно. И не в деньгах даже дело – хотя и это, по нормальному разумению, для солдата большая неприятность.

Доложил командиру, сказал, что пропал комсомольский билет. Про деньги умолчал. Не так уж это было существенно на фоне потери документа. К тому времени у нас в роте уже была временная комсомоль-

ская организация, даже состоялась пара собраний, на которых ставили задачу – «быть отличным воином» и так далее.

На утренней проверке командир объявил, что у рядового Фёдорова пропал комсомольский билет, и если кто-то его случайно взял, лучше отдать по-хорошему, потому что будет проведена служебная проверка, и, не дай бог, кого-то уличат в краже. Вскоре в тамбур казармы билет мой кто-то подбросил: вернули, хвала аллаху! Денег в нем, конечно, уже не было, и остался я без копейки. Тогда рядовым выдавали в месяц по 3 рубля денежного довольствия, так что пропал мой «бюджет» аж за целых два с половиной месяца службы. Но самое главное, что комсомольский билет был жив-здоров, чист, без помарок и пятен. Доложил командиру взвода. Инцидент был исчерпан.

Служба мне нравилась, потому что я был физически крепкий, бегать мог наравне с сержантами, а пробегали мы обычно по три километра в сапогах. Подтягивались на перекладине, упражнения делали. Поскольку занимался спортом на гражданке до последнего дня, трудностей не испытывал. А некоторым сверстникам приходилось тяжело: иные, как сосиски, болтались на турнике, через коня не могли перепрыгнуть, на брусьях элементарные упражнения выполнить. Глядя на их мучения, подумал: вот самая лучшая «наглядная агитация» за систематические занятия физкультурой.

Однако маменькиных сынков среди нас не оказалось, никто не ныл, не показывал виду, что трудно. Хотя на самом деле после гражданки бегать, прыгать, бросать гранаты, подтягиваться, маршировать – ох, нелегко! Но, как говорится, на то ты и мужчина, чтобы стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы.

Не хвалясь и не кривя душой, скажу: без особых сложностей сумел впрячься в солдатскую жизнь, быстро привык к казарменному быту. Правда, поначалу не высыпался, и всегда хотелось чем-нибудь подкрепиться, хоть сухариком – традиционным плюсом к солдатскому пайку...

Присяга на верность

Быстро пролетели дни и ночи в учебном центре. Мы завершали курс молодого бойца. Сдали зачеты по всем начальным воинским дисциплинам: уставы, стрельба, оружие, строевая подготовка. На 5 августа было назначено принятие присяги.

Честно сказать, тогда оно проводилось не так торжественно и пафосно. Это сейчас настоящий праздник в городе, в районе, где расположена воинская часть. Обязательно приезжают родители, близкие, друзья почти к каждому военнослужащему, присутствуют ветераны, депутаты. Даже губернаторы тех областей, чьи призывники в этот день принимают клятву на верность Отечеству. И это правильно: происходит одно из самых главных событий в жизни молодого человека, его семьи и близких. Так формируется отношение общества к армии, к воинской службе, повышается ответственность молодых ребят по отношению к службе.

Я и сам уже на протяжении ряда лет регулярно езжу в Новую Купавну, где находится учебный центр Президентского полка и проходит торжественное приведение воинов-кремлёвцев к присяге. Это очень волнующий акт – с выносом знамени полка, с пением Гимна России, показательными выступлениями. Всегда огромное стечение родных...

Мне на всю жизнь запомнилось, как перед строем, с оружием в руках, читал я чеканные слова воинской клятвы. В моей жизни начался новый отсчет: я присягнул на верность Отчизне. И еще не раз придется вспомнить мне в разных критических ситуациях простые суровые слова, сказанные у знамени, перед лицом товарищей.

Форт в тайге

Быстро пролетели сборы в учебном центре – вот уже с вокзала Нижнего Тагила едем до станции Ива, где поблизости расположена площадка № 10 – место дислокации нашей дивизии Ракетных войск стратегического назначения. Выйдя из вагонов, сели в крытые ЗИЛы, и повезли они нас по бетонной дороге к месту службы. Полк располагался в уральской тайге. По периметру – колючая проволока. Несколько деревянных казарм, солдатский клуб, штаб, склады вещевого и продовольственного, столовая. Бетонные дорожки, плац...

Разместили нас в казарме в кубриках по десять человек. Ленинская, оружейная, бытовая комнаты, сушилка. Все чисто, уютно.

Надо сказать, это был особо охраняемый объект, и никто в тех краях доподлинно не знал, что это за воинская часть и чем там занимаются. И адреса географического, напомним, у нас не было: просто писали

на конверте «В/ч 54075, рядовому В. Фёдорову», и письмо находило адресата.

Мои родители всё время, пока я служил, не ведали, где находился их сын.

А сын в это время не жалел... голосовых связок. Мы еще в учебке разучивали строевые песни. И руководство полка почему-то меня решило привлечь, наряду с некоторыми другими горластыми ребятами из молодых, в качестве запевалы. А когда я прибыл к месту постоянного несения службы, то меня уже назначили штатным запевалой подразделения. Проводим строевые занятия, идем в столовую или, уже сытые, из столовой – в мои обязанности входило запевать.

Как сейчас помню, были две «штатные» песни. Одна такая: «Шла с ученья наша рота у деревни на виду, да на виду. Мимо сада-огорода, мимо девушек в саду...». Песня про то, как старшина увидел девчонок, которые пололи грядки, и приказал нам прополоть полсотни грядок к 18:00, что мы, естественно, сделали. «Этот случай не забылся. А причина тут одна: через месяц вдруг женился наш товарищ старшина!» – песня нравилась руководству полка и пользовалась успехом у солдат. Пелось мне легко, и слова были добрые, веселые, с юмором напоминающие о гражданской жизни.

И была забойная наша песня, строевая, о ракетных войсках: «Мы – ракетные войска, нам любая цель близка! Наши зоркие ракеты, наши грозные ракеты строго смотрят на врага». Помню чеканный шаг и этот припев – как клятва, что ракетные войска всегда готовы защитить нашу Родину.

Я был определен электриком-прибористом в отделение ГСП – гиросtabilизированной платформы. Это прибор, который при полете отвечает за устойчивость ракеты – по тонгажу, рысканью и вращению. Килограммов 30–40 весом круглый шар, весь утыканный разъемными – шеэрами. Их 32, и мне предстояло научиться при установке прибора в ракету быстро соединять их с кабелями.

Никогда в жизни не забуду первое посещение стартового комплекса. Это большая забетонированная площадка со стартом, подземным бункером и монтажно-испытательным комплексом (МИКом), где и стояла сама ракета – как у нас говорили, «изделие 8К64.У».

О, это было потрясающее зрелище! Зеленая тридцатиметровая сигара стоит на гигантских колесных шасси, посверкивают серебряные сопла, рулевые машинки. И такая грозная машина будет доверена нам! Мы испытали восторг и гордость за творцов этой мощи. Всерьез ощутили степень доверия, которое нам оказали – работать на «ядерный щит» страны.

Жаль только, что делиться этой великой тайной нельзя было ни с кем – даже с родными.

Так начался новый этап в моей солдатской службе. Вскоре стало ясно, почему нас так рано, можно сказать, досрочно, призвали. Боеготовность ракетных войск нельзя снижать ни на минуту, боевые расчеты должны заступать регулярно на боевое дежурство – значит, уходящие в ноябре-декабре в запас военнослужащие должны успеть подготовить себе достойную смену. Что «старики» с особым рвением и делали: ведь чем раньше новичок будет допущен к боевому дежурству, тем быстрее наставник окажется дома. Стимул, как видите, огромный! И мы под этим товарищеским «прессом» приступили к плотному изучению матчасти ракеты.

Народ в полк призывался со всех уголков страны: из Москвы, Владимира, Ростова, Краснодара, Омска, Кемерово. Отмечу сразу, без всякой лакировки: никаких неуставных отношений в нашей части не было. И то сказать – все постоянно на виду, офицеры всегда с нами, ведь они целую неделю несли боевое дежурство без выезда из части. По пятницам было построение полка, и командир – майор Борис Николаевич Курземнек – зачитывал приказ о заступлении очередной смены на недельное боевое дежурство.

Кормили нас хорошо. Особенно удивило поначалу, что на ужин регулярно предлагалась красная рыба – кета, в то время на гражданке дефицитный продукт. Мы ее первое время с удовольствием ели, а потом аппетит на рыбу как-то пропал.

В полку были как бы привилегированные воинские специальности, среди них – заправщики. Они работали с цистернами, в которых хранилось ракетное топливо – гептил. А это очень опасный, токсичный продукт. У ребят были льготы: срок службы всего два года, ежедневно добавочно масла сливочного 50 граммов, 25 граммов колбасы копченой,

витамины. Словом, лафа! И мы даже им завидовали – такие преференции! О том, как эта служба может сказаться на здоровье, не думалось: поговорка о «бесплатном сыре» тогда еще не вошла в обиход. Да и вообще бесстрашие – свойство молодости. А наша готовность к подвигу подкреплялась умелой работой командиров.

Честно скажу, работа с личным составом была продумана комплексно, до мелочей, в широком диапазоне – от контроля за полнотой солдатского довольствия до нравственного и политического воспитания. Никогда не соглашусь с оголтелой критикой состояния воспитательной работы в Советской Армии. Без громких слов влиял комсомол: сами учились быть агитаторами, выпускали «боевые листки», проводили политинформации, политзанятия, ну и художественная самодеятельность, спорт. Везде можно было проявить себя, набраться навыков и «ума-разума». Не зря ведь в народе утвердилось мнение: солдатская жилка, солдатская закалка – вот тебе и мужской характер, а человек, прошедший армейскую школу, – человек дела, надежный.

Хорошо запомнил командира полка Бориса Николаевича Курземнека, сорокалетнего майора, которому была доверена такая грозная воинская сила. Значит, были в нем особые качества. Для молодых встретиться с такой личностью было очень значимо и полезно. Не забыть, как в долгие ночные боевые дежурства, находясь в бункере под слоем бетона, вели мы душевные разговоры за жизнь. Офицеры полка (нередко с участием командира части) делились важным и даже сокровенным с нами, рядовыми. Это воспринималось как знак личного доверия, проявление нашей воинской общности, братства ракетчиков. Как после этого подвести старших, плохо служить, не выполнять свой солдатский долг!

Не забуду, как мы играли в футбол – солдаты против команды офицеров. На кону... сливочное масло. Утреннюю пайку проигравший отдает победителю. Но у нас-то по 10 граммов, а у офицеров – по 50. Стимул для мальчишек с их аппетитом – немалый. Но если мы проигрывали, обязательно относили свои порции в офицерскую столовую. Возражения и скидки от старших по званию нами не принимались! Расчет должен быть честным! Но уж когда мы выигрывали – радость вдвойне.

Возможно, кто-то из строгих моих читателей скажет: мол, негоже было офицерам играть «на интерес» с подчиненными – ведь этим как

бы нарушается грань субординации. Но, поверьте, злоупотребить таким товарищеским отношением мы просто не могли, и эти «победы и поражения» только укрепляли доверие и взаимную ответственность.

Уже в зрелом возрасте побывал на военных сборах в подмосковной части, где, к возмущению моему, младшие офицеры не стеснялись распивать со срочниками в казарме спиртное, общались с ними на «ты», ходили вместе «к девочкам». Но это случилось уже в годы распада СССР и, уверен, не коснулось моих РВСН.

Офицеры были у нас в большинстве очень молодые – особенно тепло вспоминаю старших лейтенантов Вяля, Филатова, Волоскова, капитана Канаева, майоров Воронова и Храпова. Они знали устройство грозного оружия назубок, были заботливыми наставниками и строгими командирами. Надеюсь, что всё у них по службе и в жизни сложилось удачно! Воистину такие люди составляли золотой фонд, костяк нашей армии.

Приговор

Солдаты в нашем полку были из разных мест, в том числе и из Грузии, хорошие, красивые ребята. Но примечательно, что почти все они служили на «теплых местах»: «командовали» на продовольственном и вещевом складах, хлеб резали в столовой. Мы им не завидовали, никогда не делали акцент на этом «везении», порой сочувствовали даже: мы-то при боевой технике, у нас настоящая мужская служба – а тут примитивный хоззвод! Стоило ли для обслуживания хлеборезки погоня надевать!

Жили все, впрочем, очень дружно. Вечерами частенько в курилке сидели, байки травили и пели разные душевные песни. А зимой лучшее место для разговоров на разные темы, особенно из гражданской жизни, – это сушилка! Тепло, уютно, сухо! Тут делились мы друг с другом событиями своей небогатой еще биографии. Не очень нравилось только, когда для красного словца некоторые юные ловеласы хвалились победами над женским полом. Врали, конечно, видно было по безусым рассказчикам. Но стояла за этим и настоящая тоска парней по девичьей ласке: на целых три года вокруг одно мужское общество.

Обещал я в начале этих записей вести честный разговор. Армию вспоминаю с удовольствием, но, конечно, сплошной идиллией службу назвать затруднительно – это будет далеко от правды. Всякое бывало.

На втором году службы я был то ли избран, то ли назначен народным заседателем военного трибунала нашего гарнизона. Нас несколько раз собирали, объясняли задачи, учили понемногу некоторым юридическим тонкостям. И однажды меня вызвали в трибунал на судебное заседание.

Трое военнослужащих умудрились похитить две двадцатилитровые канистры спирта. По факту кражи закончилось следствие. Все доказательства собраны. Гособвинитель – прокурор – просит назначить каждому по четыре года лишения свободы.

В совещательной комнате председательствующий спросил нас, заседателей:

- Подсудимые виновны?
- Да, – ответили мы.
- Тогда предлагаю согласиться с предложением прокурора.

Мой коллега, второй заседатель, поддержал председательствующего. А я в этот миг представил состояние родителей ребят. Подумал: как резко и, может быть, непоправимо будут сломаны судьбы парней. В краже спиртного было явно больше лихачества, чем корысти или стремления устроить массовый загул. И предложил снизить срок наказания до двух лет дисбата.

Но, видно, обосновать это толком не сумел. А без четких аргументов, наверное, выглядел в глазах коллег просто «мягкотелым либералом», и предложение мое не прошло. Но председательствующий предложил мне написать особое мнение.

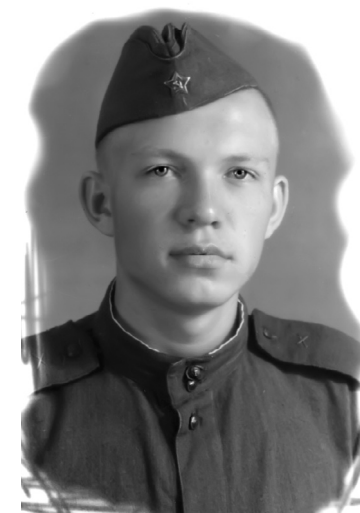
Сейчас думаю, что, может быть, именно с этого эпизода и этого «особого мнения» начался мой путь в юриспруденцию.

Наука воевать

Ракета – самый сложный механизм: всевозможные приборы, сотни метров кабелей, системы заправки... Мы упорно осваивали военные специальности, изучали схемы: некоторые из них были длиной по не-

сколько метров. Наконец успешно сдали экзамены солидной комиссии и были допущены к боевым дежурствам.

В один из дней в часть приехал фотограф (как понимаете, никаких фотоаппаратов на самом объекте держать не позволялось). Мы сделали свои первые воинские фотографии. Я сразу же послал снимок домой, родителям. Мама потом мне рассказывала, сколько она слез пролила, глядя на этот солдатский портрет: в пилотке, худенький мальчишка с длинной шеей.

Мы постепенно привыкали к службе. И, по сложившейся традиции, стали считать дни до увольнения в запас. Каждый завел свой календарь, и мы ставили в нем крестики, отмечая прожитый день. В то время в ходу у нас был лозунг: «Дембель неизбежен, как победа коммунизма!». Наш ДМБ намечался в 1965 году. Коммунизм, как провозгласил Н. С. Хрущёв, должен был настать в 1980-м.

Я даже в комсомольском билете в графе уплаты членских взносов за сентябрь 1965 года заранее написал маленькими буквами: ДМБ. За что и получил нагоняй от секретаря комитета комсомола полка.

Как ни крути, а воинская служба всегда предполагает испытания физические, моральные, и нужно быть готовым выполнить приказ, доказать верность присяге. Вот и нам, молодым солдатам, пришлось испытать на себе суровые события октября 1962 года.

Внешне жизнь в полку шла своим чередом: парковые дни, тренажи, политзанятия, изучение матчасти – всё по распорядку! В то же время волею судеб мы уже становились свидетелями, и в определенной мере участниками, Карибского кризиса – чрезвычайно напряженного политического, военного и дипломатического противостояния между Советским Союзом и Соединенными Штатами.

Много позже я узнал, что оно было вызвано размещением США ядерного оружия в Турции в 1961 году и размещением на Кубе воен-

ных частей и подразделений Вооруженных Сил СССР, техники и вооружения, включая ядерное. Кризис вел к глобальной войне. Мир был на волоске от этой трагедии для всех жителей Земли. Разместив ракеты средней дальности «Юпитер» с радиусом действия 2400 км в Турции, западные стратеги напрямую угрожали Европейской части Советского Союза, доставая и до Москвы. Наши военные осознали, что перед ударом этих ракет мы практически беззащитны. Но можно достичь некоторого ядерного паритета, сделав ответный шаг, разместив ракеты средней дальности до 4000 тыс. км (Р-14), которые могли держать под своим прицелом Вашингтон и до половины авиабаз ядерных бомбардировщиков стратегических сил ВВС США.

Никита Хрущёв, глава Советского Союза, высказал публично свое возмущение фактом размещения ракет в Турции. В июне 1962 года Президиум ЦК принял решение направить на Кубу два вида баллистических ракет Р-12 (радиус поражения целей 2 тыс. км) и Р-14 с дальностью в два раза больше. Кроме этого, предполагалось направить на Остров свободы группу советских войск. На Кубу направлялась и группировка ВМФ СССР – 2 крейсера, 4 эсминца, 12 ракетных катеров, 11 подводных лодок (7 из них с ядерными ракетами). Всего планировалось направить на остров около 51 тысячи военнослужащих. Для этого Генеральным штабом была разработана операция прикрытия под кодовым названием «Анадырь». По мнению авторов-составителей плана, это должно было ввести американцев в заблуждение в отношении места назначения грузов. Всем, кто был в этом задействован, говорили, что они направляются на Чукотку. Кстати, для пущей достоверности к портам отгрузки приходили целые вагоны шуб и дубленок! Ни один капитан из 85 кораблей, выделенных для переброски, не знал о содержимом трюмов, а также о пункте назначения. Каждому капитану вручили запечатанный конверт, который следовало вскрыть в море в присутствии замполита. К 14 октября все было доставлено на Кубу.

Конечно, вся эта информация дошла до меня годы спустя. Тогда, находясь в уральской тайге, мы, солдаты, как и всё население Советского Союза, не знали о возможном Апокалипсисе. Но по напряжению офицеров в те осенние дни, повышению строгости службы и некоторым откровениям командиров можно было предположить: в мире явное обострение ситуации.

Вива, Куба!

Об этом я пишу по истечении многих лет, когда события уже стали историей. Учась в Академии общественных наук, жил я в одной комнате с журналистом Сергеем Журавлевым. И мы заинтересовались событиями, пришедшимися на первый год нашей службы. Сергей в том же октябре 1962-го был призван из университета в Отдельный радиоузел специальной связи погранвойск КГБ СССР. И ему тот период был тоже интересен.

Надо сказать, в академии тогда обучалось немало кубинцев – отличные крепкие парни, похожие, как нам казалось, на их знаменитого земляка-боксера, чемпиона мира, очень популярного тогда Теофила Стивенсона. Мы ходили в спортзал погонять в баскетбол. С нами часто играл кубинец по имени Альберто и улыбочивой для русских фамилией Моралес. Впрочем, была ли это его истинная фамилия, судить не могу, потому что постепенно мы узнали, что он – один из личных телохранителей Фиделя Кастро, что охраной были предотвращены десятки покушений на вождя кубинской революции, что попытки убить Фиделя американская разведка продолжает с помощью предателей, бежавших с острова. Он рассказывал: «Фидель мне сказал: Альберто, тебе уже достаточно много лет – пора думать о будущем. Ты поедешь учиться в Москву. Учись хорошо. Нам нужны образованные люди».

Удивительный был человек этот наш кубинец и партнер по баскетбольной команде. В ту пору (1977–1979 гг.) в Москве в моду входил сомнительный для партийного руководства вид спорта – каратэ. И, чтобы секциям легче было легализоваться, основатели российской школы этого единоборства не только провели в спортзале Академии – учреждения «при ЦК КПСС» – показательные выступления, но и организовали группу для слушателей, желающих завоевать какой-нибудь «пояс».

Понаблюдав за людьми в кимоно, Альберто однажды легко и успешно продемонстрировал на одной из наших баскетбольных разминок ряд приемов, в том числе мне запомнился трюк с пробежкой по стене. Резко ускорившись, плотный мускулистый кубинец вышел на вертикаль спортзала, успев сделать по стене несколько шагов.

Заметив наш интерес к единоборствам, он согласился однажды показать нам свои возможности по ликвидации угрозы нападения на охраняемое лицо. Мы, человек восемь, встали вокруг Альберто. Издав парализующий волю крик, он молниеносно наметил каждому удар – конечно, щадящий, оставивший только легкое гудение в голове, но выключивший на миг сознание. Потом он показал, как погружается ладонь бойца в живот противника. И пояснил, что резким рывком можно порвать мышцы рук нападающего, обездвижить его.

На наше восхищение реагировал просто:

– У Фиделя есть много таких бойцов, которые лучше меня.

И надо совпадению случиться: в те же дни пришел читать лекцию известный московский историк, просветивший нас, слушателей, насчет загадок в деле убийства Троцкого. Не буду повторять эти интересные факты (теперь о них можно узнать в открытой печати). Но об одном аспекте упомяну: лектор отметил, что убийца Льва Троцкого, испанский коммунист Меркадер (Меркадер дель Рио, он же Рамон Иванович Лопес (1913–1978), агент НКВД, убийца Л. Д. Троцкого, Герой Советского Союза (1960)) за двадцать лет пребывания по приговору в мексиканской тюрьме продумал в деталях организацию охраны политических деятелей, способную предотвратить самое изощренное покушение. Вышел на свободу Рамон только в 1958 году – как раз в разгар революции на Кубе. И уехал к Фиделю, чтобы реализовать свои идеи – создать такую систему охраны, подготовить людей.

Так неожиданно связались наши воспоминания солдатской юности с «информацией из первых рук» – рассказами Альберто о Карибском кризисе, который, конечно, в истории Кубы звучит несколько по-иному – как героический период революционной борьбы бесстрашных барбудос – бородачей – с американским империализмом при поддержке русских друзей.

Но вернемся на Урал, в расположение ракетного полка стратегического назначения. Ранним октябрьским утром полк был поднят по тревоге. Тревога так тревога, мы это уже проходили! Прибежали с полной боевой выкладкой – команда: «Ракету на старт!». Ракета в положенные минуты поставлена на пусковой стол, подогнали заправщики с полны-

ми баками топлива и – небывалое дело! – подвезли настоящую (не учебную болванку) головную часть... с ядерным зарядом.

Даже офицеры были несколько озадачены: ребята, тут что-то не так, такого в нашей практике не было никогда. Это не учения. Это уже боевая работа, ждем команду: «На старт. Пуск!».

Выходило так, что Земле нашей, миру осталось жить совсем немного?!

Были срочно проведены беспрецедентные меры по маскировке – городок и место старта тщательно укрыли. Вскоре из Москвы передали, что, судя по фотографиям, переданным с наших спутников, мы эту работу сделали хорошо.

Весь личный состав полка перевели на круглосуточное боевое дежурство. Но, честно говоря, большой тревоги у нас не наблюдалось. Отчетливо проявилась моральная и техническая готовность выполнить приказ о нанесении ядерного удара по предполагаемому противнику и определенной цели.

Все эти дни, естественно, велась работа с личным составом. Через несколько дней мы узнали немного подробнее о том, что произошло.

А ракета так и стояла в готовности. Правда, не заправленная топливом, но с пристыкованной ядерной боеголовкой на стартовом столе.

...В библиотеке академии на Миусской площади (сейчас там расположен гуманитарный университет) можно было найти любые материалы. Наш интерес к кризису 1962 года помог узнать, например, о том, как шли интенсивные переговоры между руководством США и Советского Союза. Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко на встрече с президентом США Д. Кеннеди категорически отрицал присутствие любого «наступательного» вооружения на Кубе.

Тем не менее, разведывательные полеты американских У-2 над Островом свободы выявили уже смонтированные ракетные позиции, наличие самолетов Ил-28, дивизиона крылатых ракет. Руководство США приняло решение о введении блокады. Организация американских государств (ОАГ) поддержала введение санкций против Кубы, но акцию эту назвали не «блокадой», а «карантином», что означало не

полное прекращение морского сообщения, а лишь препятствие поставкам вооружения.

ЦК КПСС решил привести Вооруженные Силы СССР и стран Варшавского договора в состояние повышенной боевой готовности (Ракетные войска стратегического назначения были приведены в этот режим ранее). Отменены все увольнения. Срочникам, готовящимся к демобилизации, было предписано оставаться на местах несения службы до дальнейших распоряжений.

В одном из источников я нашел высказывание министра обороны США Роберта Макнамары. Он сказал, что 27 октября вечером подумал: «Увижу ли я завтра восход солнца?». 26 октября Н. С. Хрущёв единолично, не сообщая Президиуму ЦК КПСС, написал новое, уже менее воинственное, в отличие от ранее отправленных, письмо Кеннеди. Он писал: «Мы с Вами не должны тянуть за концы каната, на котором завязали узел войны... Давайте не только перестанем тянуть за концы каната, но примем меры к тому, чтобы узел развязать. Мы к этому готовы».

Утром 28 октября в Кремль пришло сообщение от Кеннеди: США соглашаются отменить введенные в настоящий момент блокадные мероприятия и дают гарантии ненападения на Кубу. В ответ Хрущёв написал президенту США, что его послание он расценивает и как согласие на поставленное американцам условие СССР – убрать ракеты из Турции.

Письмо Н. С. Хрущёва для большей уверенности, что оно дошло до Вашингтона, транслировалось по радио. Был отдан приказ о демонтаже стартовых площадок Р-12. Начался демонтаж ракетных установок, погрузка их на корабли и вывод с территории Кубы. На это ушло три недели. 20 ноября президент Кеннеди отдал приказ прекратить блокаду Кубы.

Через несколько месяцев из Турции были выведены американские ракеты «Юпитер». Так благополучно завершился Карибский кризис, косвенным участником которого волею судеб и обстоятельств оказался и я, молоденький русский солдат.

Добавлю, кризис, по общему утверждению, стал переломным моментом в ядерной гонке и «холодной войне». Было положено начало разрядке международной напряженности. По окончании кризиса

аналитики советских и американских спецслужб предложили установить между Москвой и Вашингтоном прямую телефонную линию (так называемый красный телефон), чтобы в случае кризисных ситуаций у лидеров сверхдержав была возможность связаться друг с другом, а не пользоваться телеграфом.

Кстати сказать, через шесть лет, в августе 1968 года, находясь на офицерских сборах в Чебаркуле Челябинской области, я снова стал свидетелем того, как войска приводились в состояние боевой готовности, вскрывались резервы и т. д. в связи с вводом наших войск и войск Варшавского договора в Чехословакию. Тогда тоже было тревожное время. И мы были готовы защитить дело социализма на планете! Поверьте, говорю об этом не ради красного словца – такие настроения и убеждения определяли нашу жизнь.

Классный специалист-ракетчик

Отпуск на родину

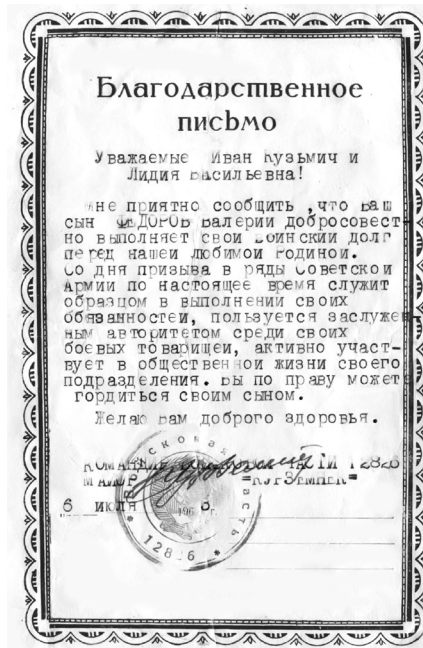
И снова начались обычные солдатские будни. Как у нас говорили, «через день на ремень, через два – на камбуз» (наряд в караул и дежурство по столовой).

В это время нашей части присвоили новый номер – в/ч 12826. Мне, конечно, неизвестно до сих пор, в каких целях это было сделано, но читателю, полагаю, смысл ясен: наверняка в целях конспирации. Из дома сразу пришло письмо с вопросом: «Сынок, тебя перевели служить в другой город?». На построении полка было объявлено: на подобные вопросы не отвечать.

Для стимулирования к службе в то время в армии была масса поощрений: присвоение звания – от ефрейтора до старшины, фотография у боевого знамени полка, благодарственное письмо командира на родину солдата, несение караульной службы на посту № 1 у боевого знамени полка, награждение ценным подарком, увольнительная в город (в наших частях, расположенных в тайге, вдалеке от населенных

пунктов, это не практиковалось) и, конечно, отпуск на родину на десять суток – самая желанная награда срочнику.

За 39 месяцев службы я заработал почти все поощрения из вышечисленного списка: дослужился до старшего сержанта, нес караульную службу на посту № 1, снялся у знамени полка. В мае 1963 года командование полка послало благодарственное письмо моим родителям.

Потом узнал, что реакция домашних на это послание оказалась очень тревожной: ведь получили официальный конверт из в/ч! Открывала его мама дрожащими руками: а вдруг весть о беде? Но, к всеобщей радости, там оказалось письмо от командира. Всех соседей тут же ознакомили с приятным текстом. Родители гордились своим солдатом. Они так и хранили всю жизнь это письмо в заветной папке.

По решению высшего руководства РВСН на ракете нужно было проводить регламентные работы: прозванивались все кабели, приборы проверялись, можно сказать, каждый болтик, каждая заклёпка в ракете были подвергнуты тщательному контролю. Эту работу вместе с нами

выполняли и специалисты с завода-изготовителя. Окончился регламент. Настало время подводить итоги. Полк построен на плацу. Замполит читает приказ, подписанный командиром полка, и я вдруг слышу свою фамилию: «Рядовому Фёдорову предоставить десять суток отпуска с выездом к месту призыва».

Можете представить, что творилось тогда в моей душе и голове – это трудно передать. Десять суток! И это без учета времени в пути, как говорилось, «без дороги»! Приказ вышел в ноябре, перед празднованием годовщины Октябрьской революции. Быстро оформил в строевой

части документы, нас отвезли на станцию Ива, там до Нижнего Тагила, билет на Москву – и через 30 часов я в Коврове. Дома!

Родители моего приезда не ждали – и вот тебе раз, праздничный подарок! Защитник наш приехал! Это было 5 ноября 1963 года. Застолье, посиделки, рассказы (в пределах дозволенного, про ракеты ни гу-гу!). На петлицах моих – пушечки: артиллерия – бог войны. А хотелось поделиться частичкой той великой гостайны, которой я обладал, – жуть! Я в то время уже мог назвать имена и фамилии конструкторов Королева, Янгеля, Глушко...

Отпуск пролетел очень быстро: гостевания у родных и близких, съездил к бабушке и дедушке в деревню. И, конечно, на танцы. Мы с моим закадычным другом Игорем Курицыным заявили в клуб Ногина. Танцы начинались с восьми вечера и до одиннадцати. Играл солидный эстрадный оркестр. Мы с Игорем сразу в буфет, а там сюрприз – привезли бутылочное пиво «Жигулёвское». Другой марки тогда не видели. Как говорил персонаж Аркадия Райкина, дефицит!

Взяли мы тогда сразу четырнадцать бутылок и за вечер под разговоры их выпили: какие уж там танцы! До сих пор помню об этом «рекорде» по поглощению пива. Что было, то было. Обещал же, что буду рассказывать о жите-бытьё честно.

Папа сходил к военкому и неведомым путем выхлопотал мне продление отпуска еще на десять суток. Вот это был подарок!

Вернулся в часть 22 ноября 1963 года, и по телевизору мы слышали весть: в Далласе убит президент США Джон Фицджеральд Кеннеди. Так что этот день я тоже запомнил. Привез моим сослуживцам две литровые банки вишневого варенья, печенье, конфеты, колбасу. С чемоданом – в Ленинскую комнату, и – пир на всю роту! Народ был очень доволен.

Отпуск. Похожу-ка в штатском...

Конечно, мы жили дружно. Военная служба объединяет людей, учит жить в коллективе, быть готовым к взаимопомощи. Жаль, по прошествии более полувека не могу вспомнить фамилии всех моих сослуживцев: записей, дневников тогда не вел, а жаль! Но назову самых близких товарищей – Борю Малышева, Володю Неумейкова из Коврова, Владимира Матвеева из Рузаевки, Сашу Тезикова из Чапаевки, Славу Бехтера из Кемерово, Сашу Морозова из Москвы. Где же вы теперь, друзья-однополчане, боевые спутники мои? Верю, что у вас все хорошо сложилось.

Высокий гость

А в дивизии жизнь наша шла своим чередом. Командиром был назначен генерал Вишенков, впоследствии начальник Главного штаба РВСН. Я сдал дивизионной комиссии трудный экзамен и получил звание специалиста 2-го класса, а за это полагалась добавка к солдатскому содержанию (3 рубля 80 копеек плюс 5 рублей). На визиты в солдатскую чайную весомая прибавка.

В апреле 1964 года дивизию должен был посетить Главком РВСН Маршал Советского Союза Николай Иванович Крылов, легендарный

полководец Великой Отечественной войны. 21 апреля мы буквально до пылинки убрали территорию военного городка, побелили деревья, бордюры – красота! А встали наутро – все белым-бело! Выпал снег, погода ужасная.

Построили нас на плацу. Снег идет. Стоим полчаса, час. Второй пошел – маршал не едет. Командир в тревоге: распустить полк, не распустить по казармам? И вдруг команда: «Встречайте!».

Подъезжает черная «Волга», выходит Крылов, идет на плац, спрашивает командира, сколько времени стоит полк в строю. Без тени колебания командир громко:

– Тридцать минут, товарищ маршал!

А тот в ответ:

– Вижу, командир, побольше, и намного! Полк по казармам на сорок минут!

Вот это маршал, вот это молодец – понимает солдата! Сдали мы быстро оружие, отряхнули снег, и тут в нашу казарму заходит маршал со свитой. Дежурный по роте, призванный из Казани, неоднократно проинструктированный, как и положено, подает команду:

– Рота, смирно! Дежурный на выход!

Маршал говорит солдату:

– Ну здравствуй, воин! – и подает ему руку.

В ответ слышит:

– Здравия желаю, товарищ генерал!

Обнял Крылов казанского рядового и по-отечески так говорит ему:

– Сынок, я генералом был еще в войну...

Конфуз однако! Но ведь волнение чрезвычайное у всех, а не только у дневального.

Вспоминали мы этот случай еще долго и весело! А вечером был произведен (впервые в стране с шахтного варианта) пуск боевой ракеты с площадки 22, которая располагалась в нескольких километрах от нас. Мы были оповещены о времени пуска и воочию наблюдали за ним. Впечатление огромное и памятное на всю жизнь. Это надо было видеть!

Впоследствии я неоднократно бывал на пусках в Плесецке, на Байконуре, но первый увиденный старт – это надолго, на всю жизнь. Кста-

ти, наши соседи на «отлично» выполнили боевую задачу: ракета точно поразила цель на Камчатке.

За время службы я сменил военную специальность: перевели меня старшим электриком в отделение записи программ, которым командовал старший лейтенант Белоглазов. Отделение записывало полётные задания для боевой ракеты. Очень ответственная работа. Вот только доподлинно знать, куда предстояло лететь нашей ракете, нам, конечно, не было известно. Вводили данные, а уж что таилось за цифрами и кодами?..

Учиться на юриста

Наступил последний год службы. По рекомендации пропагандиста полка майора Воронова я решил учиться на юриста. Все, кто задумал поступать в вузы, должны были два раза в неделю, по средам и субботам, ездить в гарнизонную школу – повторять там программу десятого класса. В мае сдавали экзамены и только после этого могли претендовать на получение отпуска для сдачи вступительных экзаменов.

Я очень хотел учиться. Из университета выслали программы экзаменов по истории, русскому языку. Начал усиленно заниматься повторением. Даже завел конспекты по литературным произведениям, которые проходили в средней школе. Вставал полшестого, за полтора часа до подъема, брал учебники, книги, шел в сушилку и там занимался. Репетиторов-то у нас ведь не было! Я прочитал от корки до корки все произведения, которые проходили в средней школе, учил историю СССР, повторил русский синтаксис. Полагаю, добротню поработал, что и принесло свои плоды.

Для того чтобы подать документы на юрфак, мне, военнотружаше-му-срочнику, пришлось обратиться к командиру дивизии. Готовились, сдавали экзамены в мае: те предметы, которые предстояло сдавать на вступительных экзаменах. Только при положительных оценках командир дивизии давал согласие подписать рапорт об отпуске для сдачи вступительных экзаменов.

Конкурс на юрфак в 1965 году был большой – семь человек на место. Сдавали мы тогда русский (сочинение), русский устный и историю СССР. Я получил: четверки за сочинение и историю СССР, пятерку –

за русский устный (13 баллов из 15). По-моему, для солдата срочной службы это хорошо! И вот, 18 августа утром я на доске объявлений вижу свою фамилию в списке абитуриентов, поступивших на юридический факультет Пермского университета. Радость, гордость и комок в горле. Я – студент! Ура!!!

Получив через несколько дней официальные документы о зачислении, побежал на вокзал Пермь II, сел на поезд в Ковров – к родителям. Быстрее снять солдатскую форму, надеть «гражданку». Конечно, для моих родителей появление мое дома в солдатской форме и известие, что я стал студентом-юристом, было большой, я бы даже сказал, огромной радостью: все-таки из солдат в студенты – это важный шаг, тем более у нас, в семье оружейников, таких прецедентов не было. Вообще-то мой папа Иван Кузьмич хотел видеть меня инженером. Но, как говорится, не судьба...

Сейчас пришло на память: когда я уволился из армии 22 августа 1965 года в связи с поступлением в университет, то встал на учет в Дзержинский военкомат города Перми. И в декабре пришла повестка за подписью райвоенкома: мол, приглашаем в такой-то кабинет. При-

И опять проводы из Коврова в Пермь. Но – спустя годы...

Юрий Павлович Платонов, Галина Михайловна,
Нина Ивановна и мой друг с самого детства Игорь Курицын)

хожу, а там еще несколько таких же, уволенных в запас. Выходит военком и торжественно объявляет, что нас, как служивших в армии в период 1962–1965 годов (а 9 мая отмечалось 20 лет Великой Победы в Великой Отечественной войне), награждают юбилейной медалью.

И эти медали нам вручили. Могу сказать, было радостно на душе: первая воинская награда – медаль с изображением воина-победителя. Когда вернулся в общежитие (в нашей комнате были трое служивых), мы прицепили медали на рубашки и гордо ходили по коридо-

рам нашей двухэтажки: видите – мы имеем государственную награду!

Эта медаль положила начало наградам, которые дороги, прежде всего, вниманием Родины, оценкой твоей службы. Бережно храню эту первую свою медаль: лиха беда – начало!

Неделя перед отъездом в Пермь на учебу пролетела быстро: встречи с родными, с ребятами. Да еще надо купить кое-что из одежды, а это в те годы – одна из почти невыполнимых задач: надо ехать в Москву, что мы обычно и делали, но времени – в обрез. Все-таки удалось кое-что купить. Запомнилось, как искали зимнюю шапку – огромный дефицит в то время. Пришли к директору универмага. Мама просит: «Найдите сыну-студенту, уезжающему на Урал, теплую шапку». Принесли откуда-то из закров изделий из черного кролика. Супер! Уральские морозы не страшны!

Мой университет

Спасибо наставникам

Да, быстро идет, бежит, летит время! Кажется, совсем недавно я, двадцатидвухлетний старший сержант срочной службы РВСН, приехал поступать в Пермский университет. С августа 1965 года прошло больше полвека! А университету нашему тогда было чуть меньше – всего

49! К сожалению нашему, быстро прибавляется возраст. К гордости нашей, растут года университета – вот и столетие отметил первый на Урале вуз. 100 лет – хороший возраст!

Университету есть чем гордиться, есть что вспомнить, есть что показать. Хочется внести свой малый вклад в большую и славную летопись нашего факультета и любимого ПГУ имени А. М. Горького, ныне – ПГНИУ (Пермский государственный национальный исследовательский университет). Вспомнить, как жили студенты полвека тому назад.

На первом собрании курса 1 сентября было сказано: послезавтра едем в колхоз, на уборку картофеля. Какое начало учебы без «экзамена» на картофельном поле! Уборка урожая, помощь колхозникам – это святое! И вот деревня в четыре десятка изб и поле с картошкой. Мы трудились ударно, не сачковали. Народ зрелый, служивый (почти половина после армии). Спали на полу у доброй бабули девять парней, пицца – картошка, хлеб, молока вволю, и даже немного мяса нам перепадало. Вечером – колхозный клуб, танцы. Тем более что руководство университета подумало о «гендерной политике»: с нами соседствовали первокурсницы-филологички.

Месяц, проведенный в колхозе, дал нам многое: мы узнали друг друга, сдружились, определились лидеры, мы уже поняли, кто есть кто. Сейчас такую практику – посылать на сельхозработы – критикуют. А я скажу так: «Для молодых труд на земле – это святое и полезное дело».

И вот, 1 октября 1965 года весь курс в сборе. Мы уже хорошо знакомы, колхоз нас объединил в дружный студенческий коллектив. С трепетом рассаживаемся в аудитории 507 главного корпуса, и – встреча с деканом факультета Евгением Ивановичем Коваленко.

Это был удивительный человек. Участник войны, прекрасный преподаватель, настоящий наставник, я бы сказал, демократ по своему характеру и обходительности. Мы его не боялись, а уважали, и слушаться его, подвести – такое даже не мыслилось. Евгений Иванович преподавал земельное право – вроде не очень интересная наука, но он сумел нас приобщить к ней. А как ее основы пригодились впоследствии многим из нас! Уже потом, через многие годы, мы обязательно звонили ему, приходили домой, и он всегда с радостью встречал нас,

Ректор и попечитель: с Владимиром Маланиным мы дружны очень давно

переживал и хвалил за то, что мы не подвели его.

Столько лет минуло. Не только на традиционных встречах курса мы добрым словом вспоминаем преподавателей, которые нас учили, старались, чтобы мы стали настоящими юристами и, конечно, порядочными людьми, которые работают надежно, профессионально, со знанием дела. Нам быстро дали понять, что учеба – это

фундамент, на котором каждый сам будет строить здание жизни и профессии.

Всем нам хотелось учиться хорошо, получать стипендию. А ее, правду сказать, не хватало для более-менее сносного существования. Ведь надо было одеваться, питаться, выкраивать финансы на театр, кино, концерты. Поэтому добрая половина курса устроилась работать дворниками, другие – сторожами. Я тоже длительное время работал дворником в детсаде № 33 на улице Полины Осипенко.

Преподаватели были разные – и добрые, и строгие. У каждого студента юрфака, я уверен, остались конспекты замечательных лекций Ушакова по истории государства и права. Он приходил в аудиторию, вставал за маленькую кафедру и без единой бумажки вел увлекательный рассказ об истории права России.

А разве можно забыть искрометные лекции Евгении Александровны Головановой по трудовому праву! Она была твердо убеждена: каждый должен знать ее предмет наизусть. Ведь гражданские права и обязанности – это то, что касается каждого. Между прочим, я стал «последователем» этого преподавателя, писал два года курсовую работу по теме «Коллективный договор».

Историю политических учений вел у нас Андрей Рыбин, фронтовик, инвалид, ходил с палочкой. На факультете пугали, что редко кто с пер-

вого раза мог сдать ему экзамен. Его предмет сравнивали с сопроматом в техническом вузе, про который говорят: «Сдал сопромат – можешь жениться!». Учебник толстый, почти 600 страниц! Но ведь сдавали!

На первом курсе читал «Логикку» доцент Корчагин. После первых лекций большинство из нас даже испугалось: нам это не по мозгам, в дебрях этих можно запутаться и не выплыть. Но и здесь все прошло успешно. Главное – ходить на лекции и семинары, слушать, читать. Работать! Это вроде простая истина, но ее, я убежден, необходимо постичь всем студентам.

«От сессии до сессии живут студенты весело, а сессии – всего два раза в год!» – старая студенческая песенка права. Но никакой предмет перед экзаменом не выучить. Как ни крути, когда ты постоянно учишься, слушаешь лекции, выступаешь на семинарах, коллоквиумах, тогда и хорошие оценки тебе обеспечены. Про «удовлетворительно» я не говорю, с тройкой ведь стипендию не давали! А без стипендии просто не прожить.

На всю жизнь остались в памяти лекции и семинары Валерия Похмелкина – замечательного преподавателя, я бы сказал, мастера слова, который с блеском читал нам «Уголовный процесс». Он был заведующим кафедрой, и к нему всегда можно было подойти посоветоваться, поговорить. Кстати, даже когда мы уже работали и достигли кое-каких вершин в своей карьере, ждали встреч с ним. Ему было что посоветовать, подсказать!

Добрые слова и Олегу Тиунову – преподавателю международного права (впоследствии он стал судьей Конституционного суда России), Демьяну Бахраку – одному из основоположников курса административного права в нашей юридической науке.

Я часто вспоминал (уже как первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству) лекции и, особенно, семинары Ивана Михайловича Кислицына. Он умел вести простой человеческий разговор о сложных материях конституционного права, о роли Основного Закона нашей страны.

Не могу не сказать о лекциях по судебной психиатрии, на которых всегда был аншлаг – явка стопроцентная! Очень увлекательная наука и по жизни, я уверен, пригодилась нам не раз. Интересно было наблю-

Через годы. Встреча однокурсников

дать пациентов, которых нам демонстрировали преподаватели кафедры психиатрии Пермского медицинского института. Очень запомнился один сумасшедший «поэт», который абсолютно серьезно нам, студентам, рассказывал о своем творческом поиске и мечтах заменить Гимн Советского Союза на новый: «Да здравствует советская страна / Светом мировым озарена. / Да здравствует Центральный Комитет, / Выполняет Ленинский завет!»...

А удивительные лекции-встречи с председателем Пермской коллегии адвокатов Оскаром Теслером! На спецкурсе «Адвокат в процессе» каждая его лекция заканчивалась продолжительными аплодисментами. В памяти остались его суждения и шуточные фразы: «Адвокатом может быть не каждый юрист», «Адвокаты – народ ушлый очень, им деньги нужны для отдыха в Сочи».

У нас в учебной программе было несколько спецкурсов: они создавали необходимую базу для вхождения в профессию, в тонкости

и нюансы права. Жаль только, они были скоротечны – всего 20 часов учебного времени. Я бы добавил еще столько же. Да, нагрузка вырастет, но знания увеличатся кратно. К спецкурсу, полагаю, хорошо бы добавить основы лекторского мастерства. Юрист – это «говорящая голова»! Умение выступать, будь то зал судебного заседания или парламента, обсуждающего проект закона, выступление перед любой аудиторией – это наука, и ее необходимо осваивать в вузе.

Друзья студенческих лет

Это особая глава – о моих друзьях по университету.

Вспоминается наше скромное житье-бытье в студенческом общежитии. Благо, что были молодые, да еще сказывалась армейская закалка и неприхотливость. Наше общежитие № 7, где жили юристы, биологи, историки, располагалось на улице Елькина, 16 (его теперь снесли, и там стоит многоэтажный жилой дом). Неподалеку была остановка трамвая маршрута № 5 «Дом культуры строителей».

Один душ, одна кухня и маленькие комнаты метров по двенадцать. А жили мы в них по пять человек. Четыре года я обитал в шестнадцатой – как ее называли, «краснознаменной». Мы всегда завоевывали первое место в соревновании на лучшую комнату в общежитии, которое проводил студсовет. Даже приз получили – магнитола «Днипро». Она нам очень пригодилась на танцах, которые мы устраивали каждую субботу после одиннадцати, нарушая внутренний распорядок, в чем сегодня не страшно признаться.

Сосед по комнате Геннадий Луценко – мой самый близкий друг на курсе, замечательный человек, рассудительный, спокойный, сама доброта. Будущий прокурор Кустанайской области в Казахстане.

Виталий Степанов – мы с ним родились в один день и в один год! Он первый раз выехал из своей деревни в Коми-Пермяцком округе, когда призвали в армию. Стал у нас завхозом: собирал в «общак» деньги по 3 рубля и на эти крохи кормил нас целый месяц, что требовало особого таланта. Благо, он ездил домой, привозил сало, картошку, капусту, грибы, и мы жили почти сытно.

С нами жил Леша Горбунов, отличный парень, здорово играл в футбол. А какой у него был каллиграфический почерк! Кстати, мы ввели

правило: кто-нибудь из жильцов комнаты обязательно должен быть на лекциях, чтобы потом для всей комнаты в дни подготовки к экзаменам вслух читать их. И это очень помогало нам прилично учиться.

У нас все было общее: одна белая нейлоновая рубашка, два галстука, посуда, еда. И одинаковым было стремление учиться, получить профессию и кое-чего добиться в жизни.

Мне памятен тёзка Валера Костейко, земляк Виталия Степанова, гитарист, добрый, отзывчивый парень, тоже из простой крестьянской семьи. Пятая койка была резервной – к нам подселяли ребят по просьбе студсовета. Так пожил тут Павел Михальчук, наш фотолетописец, Коля Габов, Володя Алфёров и другие ребята.

Особо хочу сказать о Владимире Алфёрове, любимце курса, удивительном рассказчике, душе факультета. Он играл на гитаре, и сколько мы с ним спели душевных песен! Единственный с нашего курса, он стал финалистом «Студенческой весны» – фестиваля студенческой самодеятельности вузов Перми, исполнял замечательные частушки. Да и по жизни у него все сложилось успешно: он закончил службу генерал-лейтенантом, первым заместителем начальника Следственного комитета при МВД РФ.

Леша Вшивков – один из наших старших товарищей, успевший до поступления в университет поработать в милиции. Верный, надежный друг, гостеприимный человек. Сколько раз мы ездили к нему в Павловск Очёрского района и лакомились уральскими пельменями!

Отличные ребята «прописались» в нашем общежитии: Толя Маслов, обладавший прекрасным голосом; Володя Лисовенко, секретарь комитета комсомола университета; Толя Лебедев, впоследствии председатель облизбиркома Пермского края; Идрис Галиахметов, будущий судья в Губахе... Обо всех не напишешь! Но, дорогие мои, память о вас неизбывна, она до сих пор окрашивает мою жизнь в светлые тона.

Почти все мои друзья занимались общественной работой, спортом, бегали эстафеты, пели в студенческом хоре, ходили в областную библиотеку имени А. М. Горького, в театры, музеи, на футбол, хоккей. Молодость, студенчество – замечательная пора. Жаль, что она уже никогда не вернется. Очень жаль!

Наш курс был, в принципе, не очень большой: всего 48 человек, две учебные группы. Староста – Василий Корнев, шахтер из Копейска Челябинской области. Очень активный, громогласный парень, всегда готовый защищать своих однокурсников: приходилось ему ходить по начальству и решать наши насущные проблемы.

О каждом однокурснике хочется написать хотя бы несколько строк... Но это уже получится сборник отличных характеристик на «студентов юрфака образца 1965–1969 годов». Просто вспомню еще некоторых, не в обиду другим.

Галина Борисевич – самая яркая из всех девчонок курса. Она отличница: на семинарах, практических занятиях ее выступления были очень содержательными, образными, логичными – лидер курса. Мы дорожили ее мнением, знали: она далеко пойдет. И не ошиблись. Галина стала большим ученым, заведующей кафедрой уголовного процесса на родном факультете. И до настоящего времени она аккумулирует вокруг себя всех наших однокурсников.

Борис Родин – один из самых усидчивых наших студентов, все свободное время пропадал в библиотеке. Надежный, вдумчивый, основательный человек. Работал прокурором в Нижнем Тагиле.

Леонид Пилат пришел на второй курс с вечернего отделения. До этого работал слесарем на телефонном заводе. Удивительно добрый человек, даже несколько сентиментальный, спортсмен, «юный динамовец», как мы его звали. Очень душевный, заботливый, он всегда готов был поделиться последним, чтобы другу было легче. После занятий мы ехали в общагу, а Леня шел в кабинет криминалистики и совершенствовал свое мастерство в этой нелегкой науке. И достиг больших высот – стал начальником экспертно-криминалистического отдела УВД области, полковником милиции, разработками и методами которого пользуются в системе МВД России.

Григорий Билык – наш комендант общежития. Трудоголик, рассудительный, системный человек, впоследствии стал доцентом, преподавателем на юрфаке.

Училась с нами Света Попугаева – мастер спорта по горным лыжам, член сборной команды спортобщества «Буревестник», член сборной России. Она много времени проводила на сборах, соревнованиях, и мы

всем курсом помогали ей сдавать зачеты и экзамены. Она до сих пор тепло вспоминает наш дружный курс. Высоты спорта больших достижений не помешали ей стать хорошим специалистом и отзывчивым человеком!

Виталий Ступак был постарше нас всех. Его слово на собраниях курса всегда звучало весомо и убедительно. Солидный человек и очень добрый. Он у нас отвечал за сбор средств на все культурные мероприятия – свадьбы, дни рождения, государственные праздники. Такое ответственное дело абы кому нельзя поручить.

Костя Евтеев – из города Кулебяки Нижегородской области. Очень сосредоточенный, рассудительный, заботливый, вдумчивый. Таким он навсегда, я думаю, остался в памяти всех моих однокурсников.

Добрым словом вспоминаю Сашу Чагинова, Ивана Воловика, Витю Дорофеева, Валеру Русских, Володю Румянцева, Тимофея Вакулу, Володю Соболева, Колю Пупова, Валеру Васильева. Всем вам огромное спасибо за те дни, которые мы провели вместе. Да, коллектив был, как принято говорить, сплоченный, работоспособный, нацеленный на отличный результат.

Про каждую нашу девушку можно написать массу добрых и заслуженных слов. Мария Тылебцева прекрасно пела на концертах, Тамара Осьминина, Ирина Воробьева, Света Соловей, Зоя Ващугина... Дорогие наши девчонки! Вы всегда знали: у вас есть настоящие ребята, которые в обиду не дадут.

Вячеслав Сухоплюев – наша надежда и опора, человек очень рассудительный, обстоятельный, интеллигентный. Недаром он десятки лет работает в областном Совете профсоюзов. А Валя Шапанов – вдумчивый философ. Никогда не видел, чтобы он записывал лекции, хотя старался их не пропускать. Приходил с маленьким блокнотом и ручкой. Просто делал какие-то пометки. Но его философские выступления на семинарах были всегда глубокими и образными, вызывая острую дискуссию в аудитории.

А какая у нас была в университете самодеятельность! На финальный концерт фестиваля «Студенческая весна» не попасть. Мы все болели за свой университет и редко когда занимали второе место. Первое было наше!

Вспоминаю Бориса Облапинского, руководителя ансамбля «Бригантина». Они объездили всю область, выступали во многих городах страны, на телевидении. Солист Володя Десятский, ударник Володя Готовкин – они и многие другие были гордостью вуза.

Когда мы заканчивали военную кафедру, то август-сентябрь 1968 года провели на офицерских сборах в Чебаркуле Челябинской области. Жили в палатках, стреляли, занимались тактикой, вождением БТРа, строевой подготовкой, рытьем окопов. Вообще совершенствовали себя в боевой и политической подготовке и после окончания учебы получили первое офицерское звание «младший лейтенант». С этого звания и началась наша «звездная» жизнь, точнее, «звездочная»: многие выпускники нашего курса носили большие звезды на погонах, став полковниками и генералами.

Время любить, или Криминальная история

Быстро пролетели четыре года учебы. Вот уже и госэкзамены сданы успешно. Вручили нам дипломы и именуемые в народе «поплавками» заветные значки-ромбы с Гербом Советского Союза. Последние напут-

ствия, объятия, и – в добрый путь, мои дорогие друзья! Впереди целая жизнь...

Не умолчу о забавном: после успешного окончания вуза мы договорились сброситься и купить для обитателей нашего общежития бочку пива. Что мы и сделали, к всеобщей радости и удивлению обитателей «семерки» на улице Елькина. Народ остался очень доволен. Такого пиршества в истории общежития еще не случалось.

А что же происходило в моей личной жизни?

Надо сказать, что последнюю производственную практику проходил я в Коврове, на моей родине, где был принят на работу в городской отдел внутренних дел. Работал следователем, за время практики закончил 16 уголовных дел. Мне работа очень нравилась, потому что, честно об этом говорю, профессию юриста я выбрал по призванию и был готов работать на любой должности, в любой сфере юриспруденции.

Когда меня иной раз спрашивают, как мы познакомились с Галиной, я обычно отвечаю: «Это, товарищи, криминальная история».

Будучи на практике, в ноябре я заканчивал одно уголовное дело по спекуляции. Подозреваемая – женщина из Владимира, которую задержали органы внутренних дел Коврова. Она скупала в Москве и Владимире детские вещи, приезжала на Первомайский рынок города Коврова и торговала ими по повышенным ценам. В то время это считалось серьезным преступлением против основ государственной экономической политики. Занимались такими делами отделы по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС), и привлечение по статье 156 было одним из главных показателей данной службы.

Такое вот уголовное дело и было у меня в производстве. Спекулянтка в принципе соглашалась, что да, ездила, продавала и так далее. Оставалось несколько дней до срока окончания расследования, и вдруг на последнем допросе она мне сообщает: мол, товарищ следователь, я состою на учете в областном психиатрическом диспансере, прошу уголовное дело прекратить, потому что я не соображала, что делала... Коль есть такое заявление, я на следующее утро сажусь в электричку,

приезжаю во Владимир, в областную психиатрическую больницу. Прихожу в диспансер, прошу:

– Пригласите главного врача.

Выходит девушка:

– Это я исполняю обязанности руководителя диспансера, меня зовут Галина Михайловна...

Приглашает меня в кабинет. Я рассказываю, мол, следователь из Коврова, веду уголовное дело.

– У вас есть такая-то больная?..

Не вспомню фамилию той торговки, а жаль, надо бы, конечно, знать, потому что она мне подарила счастливую судьбу – мою любимую жену, мать моей любимой дочери.

– Сейчас посмотрю. Да, у нас такая больная есть. Она действительно состоит на учете.

Я попросил оформить соответствующую бумагу.

– Нет, я вам не могу ее дать. Это возможно только по запросу официальных органов. У вас имеется запрос?

Да, маловато еще было у меня юридической практики, я про это законное требование не вспомнил. Попробовал убедить: мол, очень срочно надо.

– По устному запросу не дам.

– И что мне делать?

– Оформите все по закону и приезжайте завтра, если вам это на самом деле необходимо. Кстати, подскажу: уголовной ответственности она подлежит. Обращалась к нам, но ничего серьезного нет. О ее дееспособности вопрос не стоит. Приезжайте в удобное для вас время, я сделаю выписку из истории болезни...

Не солоно хлебавши, возвращаюсь в Ковров, печатаю на машинке официальный запрос, на утренней электричке еду во Владимир снова и получаю официальный документ. То есть снова любезно разговариваю с врачом Галиной Михайловной Быковой. И что-то такое в душу запало – потом позвонил ей и пригласил в Концертный зал имени Танеева, на выступление оркестра Олега Лундстрема...

Стали встречаться, ходили, как водится, в кино, присматривались друг к другу, хотя симпатии обозначились сразу и всерьез.

Куда Родина пошлет?

Волнующий этап – распределение. Кто в прокуратуру, кто в милицию, кто в суд, кто в адвокатуру. Благо, не надо было бегать по организациям и предлагать себя. Учились тогда только на государственные бюджетные деньги. Так что по окончании изволь положенный срок отработать там, где ты нужен, куда определит комиссия. В общем-то, каждый получал то, на что надеялся в зависимости от того, как учился все эти годы.

Заметки на полях

Распределение себя оправдывало

Государственное распределение – это правильная штука, по моему убеждению. Всегда выступаю за его возобновление. Давно пора планировать, формировать четкий госзаказ и тратить средства на подготовку только тех специалистов, которые нужны стране, а не просто выдавать тысячи дипломов о высшем образовании людям, не востребованным в народном хозяйстве. Безусловно, в этом должны принимать участие крупный бизнес, госкорпорации, местные власти.

*Однажды ко мне на депутатский прием пришел молодой человек. Двадцать два года, успешно окончил юрфак МГУ и полгода мыкается по разным учреждениям и конторам – нигде не берут. И это – выпускника лучшего вуза России!? Нонсенс! Просил помочь ему устроиться на работу по специальности. Повторю: государство должно формировать вузам твердый заказ и гарантировать выпускникам **первое рабочее место**.*

Государственную комиссию возглавлял ректор Фёдор Семёнович Горовой, видный историк, участник Великой Отечественной войны. Я его очень хорошо знал, потому что доводилось тесно сотрудничать, когда одно время был освобожденным вторым секретарем комитета комсомола университета. Кстати, помнится, мне платили за эту работу 110 рублей. Да еще стипендия – 35. Так что я был тогда очень высокооплачиваемым студентом. У меня даже было по распоряжению ректора свободное посещение лекций. Я этим, впрочем, нечасто пользовался, потому что знал: общественная работа – это временно, учеба и будущая профессия важнее.

Приглашали пред очей членов Государственной комиссии по списку, начиная с отличников. Я в этом списке был где-то четвертым или

пятым. В комиссии заседали прокурор, сотрудники органов внутренних дел, как говорится, «покупатели». Возглавлял этот ареопаг ректор Горовой. Я вхожу, а он вдруг громко:

– Вот вам Фёдоров Валерий – генерал от инфантерий.

Все засмеялись. А я был смущен и взволнован: определялось будущее. Мне предложили остаться в Перми, стажером следователя в областной прокуратуре. Было также место следователя в районном отделе внутренних дел города Красновишерска – это километров триста пятьдесят от Перми, около двух часов самолетом. Не очень далеко, как говорят на Урале... А еще была должность помощника прокурора в Губахе. Раз есть выбор, я спросил:

– Если останусь в Перми, то где буду жить? – Я ведь сообщил комиссии, что женюсь.

Прокурор области ответил:

– Мы вам подыщем общежитие, рабочее. Квартир у нас нет. И общежития своего, прокурорского, не имеется. Напишем письмо в инстанции, что-нибудь найдем...

– Хорошо. А в Губахе?

– В течение месяца получите двухкомнатную квартиру.

Скитаться с молодой женой по съемным углам, по рабочим общежитиям? Нет, на колючках я уже нажился: три года в армии, четыре года в университете. На двадцать седьмом году жизни, имея высшее образование, продолжать дружбу с общагой было как-то не с руки.

– Еду в Губаху!

Хотя ничего, по сути, о городе не знал, разве что по карте ориентировался. Вышел к друзьям, стали обсуждать, кто куда едет.

– Валер, а ты знаешь стихи про Губаху?

– Не слышал никогда.

– А послушай: «Кладу голову на плаху, не поеду я в Губаху». А ты согласился!

Ну, посмеялись. Присказку, конечно, запомним, но самое главное, ребята, у меня квартира в кармане и хорошая работа.

Потом, уже живя там, я всегда называл наш город солнечным – «солнечная Губаха». И выучил другие стихи: «Грубоватое слово “Губаха”,

только сколько поэзии в нем!..». Думаю, строчка из стихотворения Льва Сорокина вернее отражает действительность.

Кстати, тогда же случился еще один знаменательный эпизод. Мы с Галиной еще до свадьбы поехали на 9 Мая в Москву, на концерт ансамбля имени Александрова в Кремлевском Дворце съездов. Ночевать в столице было негде, приютили нас в Звенигороде ее друзья, муж с женой, тоже врачи. Вечером – скромное застолье, вопросы: где будете жить, куда поедете?

– Да вот, собираемся жить в Пермской области.

И вдруг слышим:

– Только, не дай бог, не попадите в Губаху. Такой задымленный и далекий город! По телевизору показывали, какие там снежные бури!

Действительно, зимой 1969 года город две недели был парализован мощным снегопадом. Даже армия помогала расчищать заносы, хлеб доставляли на лыжах.

Мы тогда с Галиной переглянулись и не стали признаваться, что именно туда и едем. Вот такие поступали предупреждения...

Попрощался с курсом, договорились встречаться, созваниваться, писать письма. Сначала – в Ковров: сели в поезд с Костей Ефтеевым и почти сутки (он выходил в Горьком) не сомкнули глаз ни на минуту, разговаривали, делились планами на будущее. Это был очень душевный человек. Жаль, что недавно его не стало.

...Прошло уже полвека с той поры, как мы переступили порог нашей альма-матер. А кажется, что все было совсем недавно.

В год столетия моего родного вуза получил поздравление от президента ПГНИУ В. В. Маланина и ректора И. Ю. Макарихина с пожеланиями «неиссякаемого студенческого задора, амбициозности молодого исследователя и мудрости опытного ученого!».

Хорошо сказано, емко. Этого я пожелаю и всем другим выпускникам нашего университета.

Високосный год

...Пишу эти строки в январе 2017-го. Как быстро летит время! «А годы летят, наши годы как птицы летят, и некогда нам оглянуться назад...» Замечательные в песне слова и, самое главное, точные. «Не со-

зданы мы для легких путей. И эта повадка у наших детей. Мы с ними выходим навстречу ветрам – вовек не состариться нам...» Живешь, дни летят в трудах, в заботах, и на самом деле некогда бывает оглянуться назад. А может, и хорошо, что так человек устроен: живет будущим и надеется на лучшее.

Миновал 2016-й. Он был високосным и, по приметам, сложным, много горестей принес. Ушли из жизни некоторые мои коллеги, мои товарищи, однокурсники, друзья: Леня Савюк, профессор; Гриша Билык, мой однокашник, доцент Пермского государственного университета; Олег Пантелеев, член Совета Федерации от Кургана, мой давний коллега по делегации от России в Парламентской ассамблее Совета Европы; Валерий Тимофеев, генерал-полковник ФСБ, начальник Академии Федеральной службы безопасности Российской Федерации. В конце года умер Володя Дашивец, мой давний друг из Губахи...

Прощаюсь с друзьями, товарищами, однокашниками. С каждым уходом – словно частичка тебя самого отлетает в Вечность. Без них не так радостны праздники и пустыют будни. Иной раз, забывшись, тянешься к телефону, чтобы набрать памятный годами номер, поделиться с товарищем заботой или радостью. Осекаешься, вспомнив, и только помолитесь привычными каждому русскому человеку словами: «Царствие вам небесное...».

В високосный год, бывает, обостряются тревоги. Что ни говори, а, думаю, в каждом человеке проявляются порой и суеверия, и мнительность. Порой одолевают не самые лучшие предчувствия. Главное – не давать им взять власть над настроением, жизненным тонусом. Тем более что всегда есть возможность вспомнить о том, а что было хорошего.

22 апреля 2016 года дочери исполнилось 45 лет... Написал эту цифру и вновь поразился тому, что девочке моей маленькой уже за сорок.казалось, совсем недавно были все эти пелёнки, коляски, бантики, ободранные коленки. Пятерки в школьном дневнике, потом – студенческие практики, зачеты, экзамены. Начавшаяся «личная жизнь». Но родительские заботы с годами не уменьшались...

И с ужасом говорю «45 лет», и с радостью душевной – столько лет моей дочери Алле Валерьевне. Внукам семь да семнадцать... Жизнь продолжается, и надо радоваться ей, радоваться каждому дню.

Боженька дает еще пока силы нравственные и физические, пока есть здоровье – тружусь. Надо сказать, нынешняя моя работа в компании «ФосАгро» приносит удовлетворение. Мне приятно работать в этой крупной передовой российской компании с замечательными руководителями – Андреем Григорьевичем и Андреем Андреевичем Гурьевыми и с Юрием Николаевичем Круговых, Сергеем Александровичем Прониным, Михаилом Константиновичем Рыбниковым, с директорами предприятий, с которыми сложились деловые, а порой и дружеские отношения.

По-прежнему являюсь депутатом Череповецкой городской Думы. Забот хватает. Задачи на новый год есть, так что будем работать, будем жить!..

...И вновь 2001-й... Минуло несколько недель после моей отставки с поста замминистра МВД России. Еще домашние не успели привыкнуть к моему «пенсионному» режиму, как пришла весть: вологодские депутаты приняли решение делегировать меня в Совет Федерации. Открывались новые горизонты и возможности. И – опять откладывались мои намерения написать и пережить заново годы работы в парторганах, в милиции. Но я верил: мое «время говорить» наступит скоро.

МОЙ «ПЕРМСКИЙ ПЕРИОД»

Как в истории нашей планеты существует открытый шотландцем Мурчисоном пермский период, так и в моей жизни самыми значительными и определяющими стали десятилетия работы в Прикамье – мой «пермский период». Он начался в шахтерской Губахе, а завершился отъездом в столицу.

На календаре июль 2017 года. Макушка лета. Но ходим в куртках, в плащах, с зонтами. Такая уж выдалась погода – дожди, дожди, дожди... Порывы ветра вырывают деревья с корнями. Грозы. Сполохи дальних зарниц вперемежку с громовыми раскатами. В такие вечера порой возникает тревожное настроение. Но, как обычно, отвлекают от грустных дум повседневные хлопоты.

И даже в этой суете сует приходят – наверное, с возрастом уже вполне закономерно – мысли о том, что все мы на этой грешной земле смертны. Вот только что из новостной программы телевидения с огромным сожалением узнал: ушел из жизни народный художник СССР Илья Сергеевич Глазунов, человек-легенда.

Мне довелось знать его довольно близко. Скажу больше – повезло с ним подружиться.

Вспоминая великого художника

Познакомились мы в Москве в 1990 году, в бытность мою народным депутатом России. И как-то сразу сошлись. Он обратился ко мне с просьбой помочь создать филиал Академии ваяния и зодчества в Перми. Нам удалось привлечь внимание руководителей области и города к решению этого вопроса. Нашлось подходящее старинное здание в самом центре. Сделали капитальный ремонт, и вскоре в Перми торжественно открылся филиал Московской академии ваяния и зодчества, который сейчас носит имя И. С. Глазунова.

Мы договорились, что мастер привезет в город выставку своих картин, и в 1993 году Илья Сергеевич сдержал свое слово. Тогда он три дня провел в Перми: дал пресс-конференцию журналистам местных изданий, открыл выставку, выступив на ней экскурсоводом.

Все эти дни я, по возможности, был с ним рядом. Как-то он попросил свозить его в букинистический магазин. Заядлый книголюб, художник собирал литературу по истории, интерес к которой был у него по-настоящему профессиональным, глубоким. В тот день я был очень занят по работе и попросил дочь съездить с ним к букинистам. Илья Сергеевич, как мне потом рассказывала Алла, провел в букинистическом четыре часа, буквально облазил все стеллажи в поисках исторических и церковных изданий, отобрал и купил кипу книг. Тем же вечером он подарил мне роман Льва Толстого «Война и мир» – прижизненное издание 1904 года. И я с гордостью храню этот раритет в моей домашней библиотеке.

Когда мы провожали его в Москву, он подарил Алле кулон и сказал, что у него таких было два: один он подарил своей дочери Вере, а другой вот вручает моей дочке. История «золотинки» примечательна: когда Илья Сергеевич рисовал портрет Папы Римского, тот подарил ему эти золотые кулоны. Так в нашей семье появилась реликвия – память и от Папы Римского, и от Глазунова.

Потом, когда меня перевели в Москву, мы встречались с ним, к сожалению, нечасто. Но я побывал и в его мастерской, и в академии – присутствовал на ученом совете, на уроках, которые мастер давал ученикам. И, конечно, в его доме.

А дома у него – настоящий музей: иконы, старинная мебель XVII–XVIII веков. Он мне интереснейшие лекции читал о каждом из этих «экспонатов» – ваз, икон, крестов. По сути, посвящал в историю христианства, в историю России, в историю царской фамилии и свиты, Великих князей, придворных... Илья Сергеевич обладал энциклопедическими знаниями по истории Руси и православия.

Мы видели, как много он делает для воспитания в обществе гордости за свои корни. Всем творчеством и общественной деятельностью он боролся за утверждение русского духа, за память о российском воинстве и других героях нашей земли. Удивительный был человек, редкий по привлекательности и обаянию собеседник. Вот только сетовал я, что он очень много курит, буквально не выпуская сигарету из рта. Кстати, курил Marlboro – в то время большой дефицит.

Однажды – это было в конце 1999 года – он предложил:

– Валерий, ты нынче в больших чинах, генерал-полковник. Пора мне написать твой портрет.

– Илья Сергеевич, это же очень почетно, я даже волнуюсь... Иметь вашу работу... Большая ценность...

Он, наверное, по-своему понял мое замешательство:

– Это будет мой подарок тебе, твоей семье, которую я знаю уже не один год. Знак нашей дружбы и совместных дел.

На протяжении семи недель каждый субботний вечер я ездил в мастерскую Ильи Глазунова около Белого дома. По часу позировал ему. В марте 2000 года он вручил мне портрет. Не хвастовства ради с гордостью показываю я гостям эту работу кисти великого художника XX века Ильи Глазунова.

Мне помнится открытие его выставки в московском Манеже. После церемонии, спустя где-то час, он вдруг пригласил:

– Пойдем, покажу тебе некоторые работы.

Мы подошли к одному полотну, потом к другому, третьему... Постепенно к нам присоединились несколько художников и искусствоведов, а потом вокруг набралась целая толпа, и нас оттеснили от Ильи Сергеевича. У меня навсегда осталось в благодарной памяти, как великий художник на своей эпохальной выставке в течение почти часа был моим «личным экскурсоводом».

Это очень русский, много переживший человек – добрый, внимательный, заботливый и гостеприимный. Он приложил невероятные усилия для того, чтобы в России продолжались славные традиции лучших русских живописцев, художников-передвижников. Создал одну из самых крупных и авторитетных творческих академий, где учатся почти 400 молодых художников, скульпторов. Практически до последнего дня жизни он задавал им векторы творчества, был и преподавателем, и духовным наставником, являясь душой этого высшего учебного заведения, где не просто учат живописи, но и продолжают традиции великих русских художников – Шишкина, Репина, Серова... Да еще и возил учеников на свои средства в Италию.

Критически относился к абстракционизму, ко всяким веяниям и спекуляциям так называемого современного искусства. Говорил прямо, что эти изыски – просто мазня: «Люди, не умеющие рисовать, собирают кучку единомышленников вокруг себя, на любое недоумение и критику отвечая: “А я так вижу!”. Нарисуют какие-то черточки, точки, квадратики и объясняют битый час смысл такой картины...». Много раз слышал от него, что «квадрат» намалевать может каждый, а вот для того, чтобы передать глубину образа, создать сложное и уникальное, но реалистическое в основе полотно, требуются талант и мастерство.

Не буду перечислять великие произведения Глазунова, поразившие меня глубиной проникновения в создаваемые им образы. Много из его творчества вызывало и вызывает споры среди критиков, но главное – эти картины живут, они производят неизгладимое впечатление на миллионы наших людей и ценителей во всем мире. Его выставки всегда находили интерес и живой отклик – помню километровые очереди к Манежу.

Среди великолепного художественного многообразия его работ мне особенно дороги и памятны цикл петербургских иллюстраций к романам Достоевского и картины о блокаде Ленинграда, которую он пережил. Они волнуют и трогают меня искренней болью и глубоким сочувствием, пониманием неизбывности человеческого горя, верой и светлой надеждой даже во мраке черных дней.

Истинный художник, он прожил нелегкую жизнь, оставив нам не только произведения искусства, но и поражающие открытостью искренние рассказы о своей судьбе, об окружающем мире, о прошлом, дающем понимание настоящему.

Похоронен Илья Глазунов на Новодевичьем кладбище, и мы можем поклониться его могиле. Уверен, память о нем и его искусстве будет жить: он оставил России целое богатство – более трех тысяч картин. Будет жить и его галерея.

А в нашем скромном доме будет храниться его работа – портрет, написанный на рубеже двух веков...

«Губаха-парень»

В шахтерском городе

Честно говоря, с большим волнением начинаю эту главу моего скромного повествования. Потому что речь пойдет об одном из самых важных, я думаю, этапов моей жизни.

В Губахе я вместе с семьей – с Галиной Михайловной и дочерью Аллой – прожил ровно четырнадцать лет. Правда, был перерыв: в 1977 году был рекомендован на учебу в Высшую партийную школу, через несколько месяцев переименованную в Академию общественных наук, которую с отличием окончил в 1979-м.

Губаха мне стала родной, я бы сказал, это знаковый город в моей жизни...

Итак, по распределению приехал я сюда. Началась моя но-

«Мы себя под Лениным чистим...».
На выпускной вечер (из АОН, Москва)
приехала Галина Михайловна

вая жизнь. И прямо могу сказать, счастливая жизнь.

14 августа 1969 года в четыре часа утра на станции Губаха я встречал свою невесту. Заранее договорился в ЗАГСе, чтобы нас зарегистрировали, а с начальством договорился, что после бракосочетания и маленькой вечеринки, буквально той же ночью, уеду в отпуск на юг.

Галина привезла подвенечное платье, в нем и была на регистрации. Свидетели – сотрудники прокуратуры. На вечеринку собрались у помощника прокурора Шутова. В двухкомнатной «хрущевке» – мои коллеги с женами, председатель коллегии адвокатов и замначальника отдела внутренних дел.

Наша скромная свадьба. И – сразу на юг!..

У директора центрального гастронома выпросил три бутылки шампанского, нехитрую закуску собрали. Отпраздновали наше бракосочетание весело и торжественно.

Мы с Галиной решили, что никаких «больших хуралов» ни в Коврове, ни в Гусь-Хрустальном, ни в деревне Маслиха, откуда она родом, собирать не будем. Денег у нас не было на пышные свадебные пиршества. А вот отметить это событие путешествием, впервые съездить «на юг», вдохнуть запах моря – это казалось нам, молодым, очень привлекательным.

Мы с женой рассчитывали, что положенные три года в Губахе отработаем и вернемся во Владимир или в Ковров. Лучше, конечно, во Владимир. Вот с такими мыслями слетали в Сочи, где сняли на пару недель частное жилье. Честно говорю, у меня денег и на это путешествие не было, однако Галина Михайловна уже целый год работала, накопила немного, хватило на «место под южным солнцем», на незабываемый праздник – наш первый отпуск у Черного моря.

Возвратились и полностью включились в работу.

Прокурорская деятельность мне очень нравилась. Коллектив небольшой: прокурор Хайбутов, помощники прокурора Братилов, Шутов, Фёдоров, два следователя, в том числе лучший следователь областной прокуратуры Молодкина, и секретарь – вот и вся прокуратура. Меня назначили помощником прокурора по общему надзору. Благодарен мудрости прокурора Хайбутова. Он меня убедил:

– Если хочешь специализироваться по прокурорской линии, обязательно и регулярно – каждый месяц – должен вести уголовные дела на разные темы. Поскольку город наш шахтерский, то если что-то случится на шахтах, буду давать. И дела по технике безопасности. Обязательно будешь ходить в суд, поддерживать государственные обвинения.

Хайбутов был из очень интеллигентной семьи. Его старший брат работал собственным корреспондентом областной газеты «Звезда» в городе Лысьве, часто публиковался. Мой начальник всегда гордился своим братом.

Городской суд Губахи был четырехсоставным – четверо судей. Председательствовала Мария Ивановна Карелина. Один из судей, Идрис

Иванович Галиахметов, на год раньше меня окончил наш юридический факультет.

Мне очень часто приходилось выступать в судебных процессах. Это очень серьезная школа и очень большая ответственность – от имени государства поддерживать обвинения и от имени государства предлагать народному суду определить степень вины подсудимого. Поддержать или нет следствие, выслушать адвоката, аргументировать обвинительное заключение и просить меру наказания тому или иному преступнику, который находится здесь же, в зале суда, очень непросто. Суды у нас состязательные, и надо очень хорошо изучать материалы уголовного дела, чтобы уверенно и юридически грамотно обосновать позицию государственного обвинителя и выступить так, чтобы суд поддержал твоё предложение. И разброс по срокам большой, и можно вообще отказаться от обвинения. Сидел ночами, ходил в библиотеку, перечитывал сборники речей прокуроров, в том числе Руденко, бывшего генерального прокурора, который выступал на Нюрнбергском процессе по обвинению нацистов.

Учитывалось, сколько открытых и выездных процессов проведено народным судом и как поддержаны обвинения в таких заседаниях. Мы ездили на шахту имени Крупской, на коксохимзавод, в поселок Северный. В зале не одна сотня глаз и ушей. Необходимо умение четко излагать свои мысли, доводить их до народных заседателей, до судьи, до адвоката. Защитник ведь тоже готовит свои аргументы: мол, обвиняемый хорошо учился в школе, был пионером, «помогал старушкам» и так далее. Позиция как бы более выигрышная в плане гуманизма. Мне ни разу, честно говоря, как государственному обвинителю не хлопали в зале суда зрители, а вот адвокатам нередко аплодировали. Я предлагаю, например, дать обвиняемому десять лет. А в зале в большинстве своем сидят его близкие и доброжелатели. Помню и косые взгляды. Когда идешь на перерыв в судебном заседании, бабушки шепчутся: «Вот какого, смотрите, прислали. Молодой прокурор, да злой, строгий какой! Никакого спуска не дает...». Я, по простоте душевной, думал, что такие оценки означают мою правоту.

Были и другие казусы. Вот памятный для меня эпизод. Галиахметов очень шустро вел судебные заседания. У него все быстро получалось,

он все остро схватывал и четко гнул линию. И вот, помню, выступаю в прениях, и секретарь судебного заседания подает мне записку: «Заканчивай болтать. Приговор готов». После этого я в смущении скомкал свое «яркое выступление». Ну, это было по-дружески, без всякого злого умысла.

Приходилось сразу и учиться, и учить. Тогда в каждом городе, в том числе и в Губахе, функционировали университеты правовых знаний. Ректор нашего университета Мария Ивановна Карелина, председатель городского суда, сразу пригласила меня:

– Валерий Иванович, будете у нас лектором, готовьтесь, послезавтра в клубе соберутся слушатели – человек двести, готовьтесь. Вот вам тема. В течение часа вы должны доходчиво, грамотно, понятным, но и юридическим языком разъяснить ее народным заседателям, агитаторам.

За время работы в Губахе я сменил четыре должности, четыре организации, каждую очень хорошо помню. Рассказ о каждой занял бы не один десяток страниц. Но была среди них такая, о которой нельзя не рассказать. К ней сохранилась в душе самая сердечная благодарность. Она для меня – сама моя молодость. Именно работа в комсомоле зарядила меня на многие годы азартом, верой в товарищей, готовностью смело браться за любое трудное дело.

«Не расстанусь с комсомолом»

До сих пор помню вопросы, которые мне задавали на бюро Ковровского горкома комсомола, когда в октябре 1959 года я вступал в ряды этой славной организации. Спрашивали, как я понимаю «принцип демократического централизма», что думаю о работе пионерской организации в школе, что я прочитал в последнее время, как участвую в общественной жизни. Это был экзамен покруче, чем пресловутый сегодняшний ЕГЭ!

С того дня комсомол настолько плотно вошел в мою жизнь, что большинство событий юности от него просто неотделимы. И вот ведь какие мысли тревожат меня в канун юбилея – нет, не собственного, а юбилея уникального молодежного движения, рожденного в горниле революционных событий: близится столетие ВЛКСМ. Бывают даты

и события, о которых много говорят и пишут. Вот и про этот «комсомольский век» еще несколько лет тому назад говорили бы на всех телеканалах. Каждая радиостанция и газета обязательно вели бы «обратный календарь»: сколько дней осталось до юбилея. Стоит ведь уже больше года в центре столицы, на Манежной площади, огромный красочный «хронометр», отсчитывающий дни, часы и минуты до начала футбольного чемпионата мира-2018. Хотя такое соревнование случается каждые четыре года, и далеко не каждый россиянин – такой уж завзятый болельщик.

А вот всё, что связано с комсомолом, дорого очень многим. Миллионы советских людей прошли эту школу. Комсомол на протяжении семи десятков лет был всегда впереди: организатор и заводила многих великих дел – знаковых и судьбоносных для страны и молодежи. Одно только перечисление подвигов на фронтах, легендарных всесоюзных строек, освоения целины, стройотрядовского и других движений – заполнило бы немало страниц «Золотой летописи комсомола».

За последние три десятка лет появилось немало число критиков: мол, «насиленно сгоняли, процветал формализм, пускали пыль в глаза» и т. д. Так и хочется сказать им: уймись! Не вам судить о союзе, воспитывавшем героических людей – бескорыстных, преданных, настоящих патриотов своей страны. Они искренне верили в светлые идеалы, работали, дружили, влюблялись и делали всё, чтобы молодежь действительно росла надеждой и опорой страны. А какие песни пели комсомольцы всех поколений: «Орлёнок», «Не расстанусь с комсомолом», «Единственный друг, дорогой комсомол, ты можешь на нас положиться...».

Здесь мы получали азы организаторских навыков, проходили школу коллективизма, дружбы, взаимопомощи. И пусть порой, как нередко бывает во всяком большом деле, возникали проявления формализма, случалось суетливое мелкотемье «начинающих бюрократов» и карьеристов, – это нисколько не отражается на том памятном и достойном, что составляло суть самого массового молодежного движения. Сколько оно дало стране замечательных людей, сколько руководителей, начинавших свой большой путь с комсоргов!

И коль речь зашла о комсомоле, немного забегаю вперед, расскажу, как он круто развернул и мою жизнь.

Я был направлен по распределению в Губаху помощником прокурора города, и мне очень нравилась моя работа. Но в конце декабря 1969 года меня пригласили в горком партии к секретарю Л. Осадчей – приехал работник Пермского обкома комсомола. После общих вопросов: как живешь, какие планы – вдруг получаю предложение баллотироваться на предстоящей отчетно-выборной конференции вторым секретарем горкома ВЛКСМ. Я, конечно, ответил отказом: мол, вижу себя только работником прокуратуры. Сказали: «Думай». Через несколько дней снова беседа, звучит уже более настойчиво: «Надо! Через три дня конференция».

Так закончилась моя прокурорская карьера и началась комсомольская. Всего около двух лет, но это время мне не забыть никогда, настолько оно оказалось насыщенным.

Проводил ту отчетно-выборную конференцию секретарь обкома комсомола Анатолий Чубуков, очень вдумчивый, интеллигентный товарищ, впоследствии мы с ним сдружились и до сих пор поддерживаем дружеские отношения. Вообще, скажу, в комсомольской среде, даже у «функционеров», не приняты были окрик, начальствующий тон, барские замашки. Помню, в областной молодежной газете как-то привели цитату из древней летописи: «Если б криком строились дома, осел был бы лучшим строителем». С благодарностью вспоминаю приезды в город работников Пермского обкома комсомола, например, первого секретаря Юрия Шестова: нравился его стиль – простота в общении, доступность, умение слушать, четко решать вопросы.

...А встарь – был я комсомольский секретарь!

В то время в обкоме ВЛКСМ сформировался очень дружный, работоспособный коллектив единомышленников. Мы всегда ждали встреч с секретарем Элеонорой Копысовой: она досконально знала свою работу, всегда у нее была масса идей, а выступала эмоционально, толково, зажигательно. Достойными делами остались в памяти Елена Орачева, Нелли Сирина, Муза Бортникова, Нина Эдель, Римма Дубова, Лида Лисовенко, Алла Московкина, Нина Рожина. Это девичий корпус комсомольских лидеров области, с ними работалось в удовольствие – легко и непринужденно. Их нельзя было подвести.

А какие парни! Виталий Прилуков – будущий генерал-лейтенант, Виталий Окунев – генерал-майор, Валерий Шукин, Юрий Жуков, Юрий Перхун – полковники, Виктор Предатько, Юрий Зубов – подполковники... Не стали военными, но достигли в жизни многого, получив комсомольскую закалку, Валентин Ермолов, Володя Созинов, Юра Фисюк, Николай Артамонов, Валерий Корепанов... Мог бы сказать особо о каждом: всё это были яркие личности, простые, добрые, бескорыстные, легкие на подъем ребята, способные увлечь молодежь на добрые и большие дела.

В Губахинском горкоме комсомола первым секретарем была Нина Копыл, учитель русского языка, очень грамотная, уравновешенная девушка, которая умела постоять за своих комсомольцев. С пионерами работала Анна Матвеева, заботливый педагог, выдумщица, всегда окруженная детьми! Ее искренне любили учащиеся, а это дорогого стоит. Аппарат горкома состоял всего из семи человек. Помню строгую Аллу Щепину, нашего финансиста, которая нас стимулировала на субботники: заботилась о том, чтобы у нас были так называемые привлеченные средства, которые мы потом могли тратить на мероприятия. Тогда ведь мы не знали, что такое спонсорская помощь – жили на взносы и на то, что заработали на субботниках, сборе металлолома, макулатуры.

Честно говоря, нам до всего было дело. Каждую субботу я, например, ходил в Клуб коксохима, поздравлял молодоженов с бракосочетанием – здесь работал выездной ЗАГС. Комсомольские оперативные отряды дежурили на танцах, работали с несовершеннолетними. Мы создали Школу юного юриста: я сам составил программу на 20 занятий

и читал там лекции, привлекал в преподаватели прокурора, судей, адвокатов. В областной газете «Молодая гвардия» напечатали статью о работе этой школы, и потом из разных городов страны мы получали письма с просьбой поделиться программой.

В то время очень популярны были игры «Зарница», «Кожаный мяч», «Золотая шайба», и это тоже было наше дело. Я проводил городские соревнования «Кожаный мяч», с лучшей командой (в качестве и организатора, и тренера) ездил на областные соревнования. Ребята были собранные, старательные, азартные. Надо было видеть их желание победить!

В основе нашей работы была, конечно, производственная жизнь, экономика. Организовывали соревнование комсомольско-молодежных бригад. Особенно гремел в Кизеловском угольном бассейне коллектив Николая Значковского с шахты «Нагорная». Сам Николай давал на-горá по вагону угля, и это, заметьте, не комбайном, а отбойным молотком! Василий Гуцин и его бригада проходчиков тоже были на слуху. Ударные бригады были и на коксохимзаводе, химзаводе, на ГРЭС № 3, швейной фабрике, заводе «Смена». Мы создали в городе Совет молодых специалистов, который объединил молодых выпускников вузов, техникумов, приехавших по распределению в Губаху, – врачей, учителей, инженеров-горняков, энергетиков, химиков, строителей. Это было очень важно: ты приехал в незнакомый город, а тебя тут уже ждут, готовы помочь во всем. Период адаптации, привыкания сводили к минимуму. Никого не потеряли. На заседания Совета ходили обязательно все директора предприятий (делаю акцент на слове «все»). Заинтересованность обоюдная – и молодых, и руководителей.

А сколько за это время было проведено слётов, сборов, соревнований! Ни одной недели не было, чтобы в городе комсомольцы что-нибудь да не проводили – яркое и интересное. Вспомнился один курьезный случай. В ДК имени Некрасова проводили городской слет юных дзержинцев. По сценарию, в конце я должен был сказать: «А теперь, дорогие ребята, давайте споем нашу любимую песню “Взвейтесь кострами, синие ночи”». Так вот, вместо “ночи” я сказал “очи”. Ребята не заметили, а вот пионервожатые после слета весело шутили над моим «специфическим» знанием пионерских текстов.

Сейчас иногда слышишь «сказки» про «казарменный, формальный» комсомол, думаешь: «Как же можно так не любить наше прошлое, не дорожить памятью своих дедов и отцов?». А главное – неужели до сих пор многие так и не поняли конструктивный характер этого молодежного движения, формировавшего личности – активных граждан страны. Мне до сих пор дорог наш комсомольский актив. Особо хочу выделить Володю Пьянкова, Володю Дашивца, Людмилу Отавину, Володю Дизика, Ольгу Панкратову, Нину Татаркину – ребят с химзавода, биохимзавода, с шахт, из редакции газеты «Уральский шахтер». Мы гордились, что наша земля дала стране генерального секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Мильчакова. Радовались общественному росту наших коллег в других городах и районах области. Юра Решетов, Валера Яборов, Толя Шестаков, Дмитрий Вохмянин, Геннадий Ермаков – это золотой фонд пермского комсомола, его гордость. Все они стали крупными лидерами – руководителями, организаторами, военачальниками.

Комсомол был настоящим кадровым резервом и подлинным сообществом «креативных и продвинутых», говоря современным сленгом, людей. Хочу еще раз подчеркнуть, что опыт ВЛКСМ, объединявшего молодежь страны, должен быть востребован обязательно! Интернет – не воспитатель, и не тот «организатор», который сегодня нужен обществу. Нам нужны грамотные, патриотичные, любящие свою Родину люди. А для их становления нужна массовая организация. Пословицу «Один в поле не воин» ведь никто не отменял.

Со столетием тебя, мой боевой комсомол!

Заметки на полях

Немного о городе

Сегодня 22 марта 2017 года, и я вспомнил, что это как раз день образования Губахи. В 1941 году Указом Президиума Верховного Совета СССР поселению был присвоен статус города, хотя основано оно было еще в 1755 году.

Это центр Кизеловского каменноугольного бассейна в 220-ти километрах от Перми. Расположен на берегах реки Косьва. Состоит из поселков: Северный, где живут химики, Верхняя Губаха, Уральский, Кировский, Новая Губаха, Нижняя Губаха. Гора Крестовая расположена совсем рядом. Здесь первая на Урале Кизеловская ГРЭС № 3, была построена

по плану ГОЭЛРО третьей в стране. В 1936 году, 5 декабря, в День Конституции, была пущена первая очередь крупнейшего в стране и первого на Урале предприятия по производству кокса – Губахинского коксохимзавода.

В 1959 году в городе проживало, согласно переписи, 93 502 человека. В 1967 году осталось чуть больше половины: шахты сворачивали добычу, и люди начали уезжать. В настоящее время здесь живет чуть больше 20 тысяч человек.

Закрытие Кизеловского угольного бассейна привело к упадку экономики окружающих Губаху шахтерских городов. Естественно, это негативно отразилось на социальной сфере города, на качестве жизни. Но город развивается, потому что крупнейшим предприятием города ныне является публичное акционерное общество «Метафракс», производящее метанол, формалин, уротропин, пентааритрит. Действует Губахинский коксохимический завод, есть строительные предприятия.

Шахтеры – гвардия труда

На микроклимате города, естественно, всегда отражалось то, что территория района – место дислокации пяти учреждений Федеральной службы исполнения наказаний по Пермскому краю. Я бывал во всех этих учреждениях. Есть там и колония № 10, где находятся особо опасные преступники, что в полосатых робах ходили. Я, как помощник прокурора, туда приезжал много раз. Нагляделся всякого...

Вживаться в шахтерский климат было непросто. Однажды прокурор Хайбутов поручил мне уголовное дело по шахте имени Крупской. Там произошел несчастный случай – завалило рабочего. При наличии погибших всегда возбуждалось уголовное дело по нарушению техники безопасности. И вот я беру это дело, приглашаю к себе одного из главных свидетелей происшествия – ГРОЗа (так обозначали горнорабочих очистного забоя). Он охотно, с подробностями и терминами рассказывает, как все случилось, про характер лавы, состояние клетки, да еще чертит что-то... Слушаю и не знаю, как точнее записывать показания. Сам никогда в шахте не был, а тут: «Восемьсот метров, восьмой горизонт...». Рассказ продолжался минут тридцать. Я кое-как, с горем пополам, закончил допрос. И почти два часа пытался разобраться, что он мне нарисовал. Потом пришел в кабинет прокурора и говорю:

– Нет, так дело не пойдет. Звоните директору или главному инженеру. Я должен поехать на шахту, посмотреть, в каких условиях и как работают шахтеры, что и как у них называется.

Встретили меня главный инженер, директор (все-таки визитёр из прокуратуры!), показали, как одеться, как «спасателем» пользоваться, как лампу на каске укрепить. Спустился в шахту. Четыре часа лазил по забою, увидел, в каких условиях работают шахтеры. Честно могу сказать – адских. А эта лава еще и была «молотковая» – 11-килограммовым отбойным молотком надо нарубить 11 тонн (такой план) угля. Убедился сам, какой это тяжкий и, главное, опасный труд. Не зря горняки получали большие деньги.

Когда папа мой, который, как я уже говорил, всю жизнь проработал на заводе вертикальщиком-фрезеровщиком, приехав ко мне в Губаху, воспылал желанием сходить в шахту, его тоже спустили под землю. После четырех часов, проведенных в забое, повели его в баню: по традиции, обязательно надо было «ошахтёриться». Посидели в парной, выпили по рюмке, и он директору говорит:

– Да, ребята, мы, конечно, в трудных условиях делаем оружие. Но каждому шахтеру, будь моя воля, обязательно давал бы звание Героя Труда: такая это тяжелая, грязная и опасная работа.

Люди, которые стали близки

Немного расскажу о людях, которые стали мне близки.

Когда мы в сентябре вернулись из отпуска, через четыре дня меня вызвали в горисполком получить ордер на квартиру. Двадцать восемь метров в «хрущевке». Четвертый этаж, газ, ванная, совмещенный туалет. Рай для молодоженов. Мебели никакой. Мы привезли с собой две подушки, одеяло и три чемодана книг. Ну и какой-то скарб: у меня один костюм, одни ботинки, у нее полтора платья...

Купили четыре табуретки. На две поставили чемодан, накрыли его белой бумагой, тарелки купили, ложки, вилки, и на несколько месяцев это сооружение служило нам столом. Спали на полу, а потом соседи подарили раскладушку, и на ней мы вдвоем так и спали. Уже позже несколько обставились: купили сервант, два кресла, коврик индийский из водорослей, трехстворчатый шифоньер, стол на кухню.

Молодые специалисты вокруг нас жили так же просто, небогато, но весело. Познакомились мы с местными медиками, с которыми и сейчас дружим. Врач Филатов; Людмила Ивановна и Борис Алексеевич Юговы – терапевты, популярные в городе люди; Юрий Трофимович Татарин, супруга его, акушер-гинеколог Раиса Николаевна... Врачей на весь город – на 62 тысячи человек – тогда было семь или восемь.

Николай Васильевич Ракунов работал начальником участка, исполняющим обязанности главного инженера, директора шахты. Потом он стал заведующим отделом промышленности и транспорта Губахинского горкома партии. Мы с ним очень дружили, тем более его жена была старшей медицинской сестрой и подружилась с моей.

Когда мы приехали, психиатров в Губахе не было. Горздравотдел добился открытия в городе первого психиатрического отделения, и четырнадцать лет возглавляла его Галина Михайловна Фёдорова.

Познакомился я с Георгием Владимировичем Кичиком, шахтером, ставшим председателем городского комитета народного контроля. А первым секретарем горкома партии был Дмитрий Яковлевич Литвинов. Через два года его перевели в область, на должность заместителя начальника Управления внутренних дел в звании подполковника, и он так же успешно на этой должности работал. Инициативный, твердый, я бы сказал, прогрессивный человек. Жили, как уже говорил, мы здесь очень скромно. Город небольшой, всё и все на виду, выделиться в чем-то... Разве только рвением в работе? По праздникам мы ходили обязательно в местный ресторан. Там играла живая музыка, и мы сидели за столами вместе с рабочими – руководители города, директора, сотрудники правоохранительных органов, врачи, учителя, управленцы.

Горько жалею о потерях. Ушли внезапно, друг за другом, Нэлли Григорьевна и Виктор Алексеевич Полянины, замечательные люди. Он тоже прошел шахтерскую тяжелую стезю, потом был первым заместителем председателя горисполкома, директором завода «Смена», где делали детские игрушки. Дружили семьями, ездили за грибами, за ягодами, на рыбалку, ходили в бассейн. Храню о них светлую память. Когда бываю в Губахе, стараюсь заглянуть на кладбище в Верхней Губахе, поклониться моим милым, добрым товарищам.

Вообще Губаха отличалась руководителями высокого уровня – это были очень передовые люди, с нетривиальным мышлением. Они тогда предложили, например, начать движение за город высокой культуры и образцового общественного порядка. Жители поддержали инициативу. Такое было впервые в Пермской области, но я думаю, что мало таких территорий было и в Советском Союзе.

При этом люди не думали о карьере. Просто работали, но работали искренне, много и честно. Не без амбиций, конечно. Молодые стремились проявить себя, а опытным руководителям не хотелось отставать от времени. Мне в жизни повезло: какие директора шахт встретились на старте моей «управленческой» биографии! Борис Васильевич Голубчиков, директор шахты имени Крупской, самый уважаемый в Кизеловском угольном бассейне, кавалер ордена Ленина; авторитетнейший был человек, горняк, заботился о людях, думал о перспективах. Впоследствии мне повезло, что он моим соседом оказался: на одной площадке были наши квартиры, дружили семьями.

Или взять Олега Морозова, возглавлявшего шахту «Ключевская»; Ивана Григорьевича Шапоренко – директора самой крупной в нашем городе шахты «Центральная», впоследствии главного инженера «Кизелугля». У него можно было учиться упорству и принципиальности: железный мужчина, настоящий шахтер. Стал мне близок Геннадий Мишустин – директор завода «Смена», впоследствии глава города.

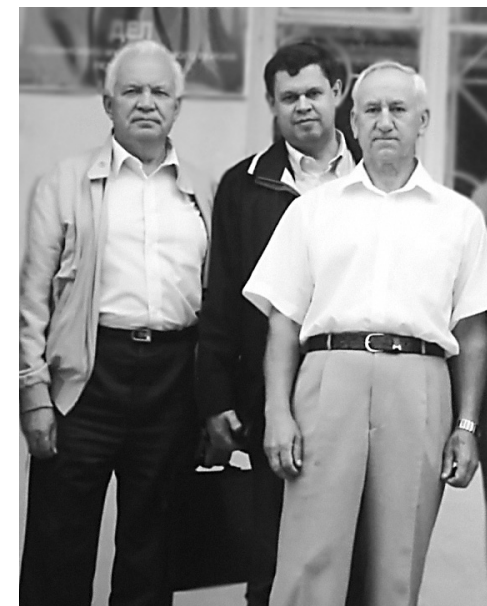
Сдружился с Борисом Григорьевичем Ивановым. Учитель физики, приехал к нам из Кировской области, как мы шутили: «мальчик из Уржума» (название очень популярной тогда книги о С. М. Кирове). Он недолго поработал в школе, а потом стал заместителем председателя горисполкома, избрался секретарем горкома партии. И самым первым из нас покинул Губаху: был выдвинут на должность заместителя начальника Управления народного образования Пермской области. Потом стал заместителем министра образования Российской Федерации. Воспитывал троих детей, жена Маргарита – учительница, тоже физик. До сих пор, на протяжении более сорока лет, мы дружим, встречаемся. Рад, что мне повезло быть рядом с таким умным, интеллигентным, очень дружелюбным человеком, сойтись с его семьей.

Самые теплые слова об Александре Григорьевиче Тюленеве, тоже потомственном шахтере, моем верном друге. Он прошел большой путь от инженера шахты «Нагорная» до первого секретаря городского комитета партии. Потом был начальником «Кизелугля», а сейчас живет в Армавире.

Первый прокурор новой России

В мае 1977 года судьба свела меня здесь с Валентином Георгиевичем Степанковым. Он – самый молодой прокурор страны – приехал в наш город по назначению Генерального прокурора Советского Союза. Это удивительно талантливый человек, работоспособный, очень грамотный юрист, замечательный друг, товарищ. Я это искренне могу сказать: неуёмной энергией обладал Валентин – интересовался и политикой, и культурной жизнью, естественно, был в курсе всех событий правоохранительной деятельности, выезжал на убийства, происшествия. Узнав ближе, его по-настоящему уважали сотрудники уголовного розыска. Вся губахинская милиция знала прокурора города. Степанков сам садился за руль видавшего виды потрепанного автомобиля. Тот ломался в самый неподходящий момент. Быстренько ремонтировали, и прокурор вновь отправлялся в поездки. Выступал в процессах.

Вскоре он стал пользоваться исключительной популярностью среди жителей города. Не преувеличу и не совру: в наших кругах уже тогда зародилось, пока несколько шутивное, предположение, что это точно будущий Генеральный прокурор СССР. Но мы нем-

Снова встретились в Губахе: мои друзья Валентин Степанков и Геннадий Мишустин

ного не угадали. Он стал первым прокурором суверенной Российской Федерации. И я, уже будучи депутатом Верховного Совета РФ, с искренним восторгом голосовал за своего земляка. Он на протяжении нескольких лет занимал пост Генерального прокурора, а это было сложнейшее время для нашей страны: политическое противостояние между первым Президентом Борисом Ельциным и законодательной и исполнительной властью достигло своего предела. Но Валентин Георгиевич оставался, прежде всего, профессионалом-юристом, стоящим на страже Закона, на страже Конституции.

Мне никогда не забыть один из его мужественных поступков. Некоторые участники так называемых октябрьских событий 1993 года, находившиеся в Белом доме, после обстрела здания танками были арестованы. В их числе был и генерал Варенников, знаменитый военачальник, участник Великой Отечественной войны, афганских событий. Его содержали в Лефортово. Валентин Георгиевич 9 мая взял нехитрую закуску – колбасу, огурцы, сыр, – бутылку водки, минеральную воду и поехал в следственный изолятор, который охранялся Федеральной службой безопасности. Сами понимаете, как мог быть воспринят руководством страны визит прокурора к опальному генералу. Но Степанков приехал, поздравил ветерана с Победой и не просто сказал ему спасибо, но заявил, что преклоняется перед ним за мужество, перед всеми, кто в годы сражений с оружием в руках защищал нашу Родину.

Конечно, сиделец был удивлен таким поступком Генерального прокурора. Надо было решиться на такой отчаянный, я бы сказал, шаг – прийти к арестованному, а уголовное дело расследовала Генеральная прокуратура России, и надзор над ним вел ведь сам Генеральный прокурор. Но Степанков приехал, чтобы отдать должное ветерану, поклониться герою войны. Отец Валентина Георгиевича тоже воевал, и он мог гордиться, что воспитал такого сына.

Вернулся Степанков из следственного изолятора к себе в кабинет, и почти моментально раздался звонок Бориса Николаевича Ельцина:

– Ты что, с ума сошел?.. Ведешь байки, разговоры с преступниками, которые посягнули на самое святое!..

И так далее, и тому подобное.

Валентин Георгиевич, отвечая президенту, был немногословен. И я не буду пересказывать его слова. Но, думаю, что Борис Николаевич «большой зуб нарисовал» на Генерального прокурора. Хотя в первые дни, когда Степанков только приступал к своим нелегким обязанностям, Ельциным публично была сказана крылатая фраза (я ее заключаю в кавычки): «Это – наш прокурор!».

Мы довольно регулярно встречаемся, и я горжусь дружбой с таким достойным и верным человеком. Несколько лет тому назад постановлением Совета народных депутатов Губахи Степанкову Валентину Георгиевичу и мне, Фёдорову Валерию Ивановичу, было присвоено высокое звание почетных граждан города Губахи. Это было неожиданно, но приятно. Помню, получали мы это высокое звание во Дворце энергетиков, в центре новой Губахи. Зал был полон, и мы с волнением произнесли слова благодарности жителям и руководителям города, Геннадия Ивановичу Мишустину за то, что они так высоко отметили нашу скромную деятельность. Теперь мы каждый год приезжаем туда, встречаемся с людьми, отчитываемся, по возможности помогаем нашему солнечному городу, участвуем в строительстве храма.

Памятью и верой крепка моя связь с Губахой.

По первому снегу

Ежегодно в Губаху приезжала «на первый снег» сборная команда СССР по биатлону. Тогда этот вид спорта еще не был так популярен, не было Дмитрия Губерниева с его искрометными телерепортажами. Теперь миллионы наших зрителей смотрят за перипетиями на биатлонных трассах Олимпийских игр, чемпионата и Кубка мира.

А в 1971 году я впервые встретился здесь со сборной страны по биатлону, которую длительное время успешно возглавлял самый знаменитый наш тренер Александр Васильевич Привалов. В Губаху они приехали в октябре, на первый снег. Конечно, это был для болельщиков фурор, потому что там и Александр Тихонов был, и Геннадий Михайлович Раменский, Владимир Иерусалимский, Евгений Глинский, Николай Серебренников, Николай Круглов – кумир публики.

Губахинцы тогда стали одними из самых, наверное, ярых болельщиков биатлона. В 1974 году Спорткомитет Советского Союза пригласил

меня в качестве официального гостя на первенство мира, которое впервые проводилось в Советском Союзе. Была выстроена замечательная биатлонная трасса в пригороде города Минска – «Раубичи». Особенно запомнилось, как в последний день состязаний 25 тысяч зрителей смотрели биатлонную эстафету: наши выиграли золотые медали и стали чемпионами.

Накануне этого старта производители лыжного инвентаря, французы, пришли в номер нашего капитана, прославленного советского биатлониста Александра Ивановича Тихонова (весь мир знал четырехкратного олимпийского чемпиона, десятикратного чемпиона мира, заслуженного мастера спорта). Они ему подарили пластиковые лыжи. В то время о «пластике» мы даже не думали. Самые лучшие лыжи были Järvinen, их производили финны, и весь мир на них бегал. А тут – такой презент! Тихонов был и есть отчаянный человек, он их сразу надел, вышел на лестничные марши и с третьего этажа гостиницы на них вихрем скатился на первый этаж.

Это всё увидел главный тренер Александр Привалов:

– Ты почему нарушаешь общественный порядок?

А Тихонов говорит:

– Александр Васильевич, я на них завтра побегу, они такие легкие, скользят даже по бетонному полу!

Тогда его личный тренер Евгений Глинский, врач команды, все сервисмены начали уговаривать:

– Саша, не надо. Мы не знаем, как они себя поведут...

Битый час уговаривали Тихонова, чтобы он оставил эту крамольную мысль и бежал на обычных лыжах, подготовленных нашими специалистами: от смазки многое зависит, как говорят спортсмены – «попало в мазь» или нет. Искусство сервисменов сочеталось с работой целой команды ученых, которая с утра во главе с Евгением Глинским ехала на трассы: замеряли температуру снега, крепость, структуру и так далее. Целая наука, я видел все это колдовство – уму непостижимо, сколько факторов приходилось учитывать, чтобы обеспечить спортсменам успех!

А мы в Губахе открыли первую в Прикамье освещенную лыжную трассу – три километра – для подготовки сборной команды страны, со-

орудили стрельбище на 20 мишеней, на летние тренировки – лыжероллерную трассу. И весь город по выходным становился на лыжи. Мы с женой каждую субботу и воскресенье обязательно 10–15 километров одолевали. Идешь по трассе, только успеваешь раскланиваться: «Здравствуйте! Здравствуйте!...». Здоровый образ жизни – это был не лозунг, не гнались за цифрами «охвата», губахинцы заботились о своем здоровье. Тем более, что условия вполне позволяли.

Город не только общался со сборной по биатлону – нам было доверено провести первое первенство Советского Союза среди юношей. Это же событие! Приехали сборные команды союзных республик, спортивных обществ ЦСКА, «Динамо», «Трудовые резервы», «Буревестник», «Урожай». Весь город жил этими соревнованиями. Губахинцы встречали участников хлебом-солью, обустроили их быт, болели.

На горе Крестовой, которая является самой главной достопримечательностью Губахи, выстроили горнолыжный стадион: трасса – самая большая для скоростного спуска, протяженностью 3100 метров. В 1982 году провели здесь соревнования на Кубок Советского Союза по горным лыжам. Приезжали выдающиеся спортсмены и тренеры во главе с Тягачёвым, Тальяновым.

Все, что строилось, конечно, служило и жителям. И не только местным: стадион пользуется очень большой популярностью. Любители экстрима едут и из других областей – гора Крестовая стала Меккой

Дружной парой – на лыжню!

горнолыжного спорта. Я хочу отметить, что всё это создавалось на государственные средства. Были открыты спортивные школы по биатлону, горным лыжам, по бегу на лыжах. Ни одной копейки советская власть не брала с детей, да и со взрослых тоже, за приобщение к спорту, занятия в секциях.

Размышляю: неужели советская власть такая была богатая? Просто стремились не столько говорить, сколько делать. Конечно, не всё получалось, но делалось очень многое. О личном обогащении мечтали разве что единицы. Духа накопительства я не встречал ни у кого из моих друзей и знакомых. Были одеты, обуты. Скапливали деньги на отпуск. Шахтеры, с их большими деньгами и продолжительным отпуском, обязательно выезжали на юг.

Дополню, что очень значимый для Губахи «Метафракс» строила вся страна. А возглавлял эту самую главную стройку Пермской области, важную и для всей страны, Леонид Петрович Липатов, начальник «Главзападуралстроя», депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда. На строительной площадке можно было одновременно встретить четыре-пять Героев. Лучшие силы Союза – строители, наладчики, сварщики – были командированы на эту стройку. Она находилась на контроле ЦК партии, Совета Министров СССР, ну и, естественно, Пермского обкома. Руководителем треста «Губахапромстрой» был замечательный человек – Роман Фёдорович Мецгер. К сожалению, жизнь его трагически оборвалась: поехал отдохнуть, что-то случилось с машиной, и она рухнула в обрыв.

От «Главзападуралстроя» пусковой комплекс курировал Александр Николаевич Юзефович, выпускник Уральского политехнического института, однокашник Ельцина. Он этим гордился, ведь Борис Николаевич всегда спрашивал пермских руководителей: «А как там живет Александр Юзефович?». Они были очень близкими людьми, регулярно встречались, отдыхали вместе.

Честно говорю: счастливое время! Всегда душевно вспоминаю годы, месяцы и дни, проведенные в стольном городе Губахе. Я говорю искренне и откровенно: спасибо судьбе, что она меня привела в этот город.

Были ли «застой»?

Прочел, давно уже, в одном литературном журнале рассказ, как простой парень, получив телеграмму о смерти матери в Подмосковье, пытался ноябрьскими днями 1982 года добраться из Сибири до столицы. Сюжет не из самых занимательных, но запомнился тем, как наложились личная беда и переживания простого человека на событие, трагическое для всей страны: в эти же дни ушел из жизни Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета Союза ССР Леонид Ильич Брежнев. В рассказе на бытовом уровне, в скандалах и суете аэропортового ожидания были обозначены, как срез той эпохи, наплевательское отношение к людям, бюрократизм, фальшь. Да, всё это проявлялось в общественной жизни, но мне трудно высказать какое-то обобщение о том времени, почему-то характеризуемом теперь как период застоя.

В годы «брежневского правления» я служил в армии, учился, стал юристом, начал работать – словом, полноценно жил! И у меня возникает внутренний протест против того, чтобы считать ту нашу жизнь «застойной». Она была разной. И, поверьте, очень динамичной и наполненной. Во всяком случае, для меня и моих близких. Да, думаю, и для большинства моих современников. Страна строила, крепла, трудилась. СССР уважали и на международной арене: шло укрепление армий Варшавского договора, что не мешало (а, скорее, очень способствовало) принятию наших мирных инициатив, имевших судьбоносное значение для развития всей цивилизации. Баланс сил, политика ограничения ядерных вооружений, Хельсинкские договоренности внушали уверенность, что войны не будет. Мы спокойно учились и трудились, ездили в туристические поездки, в Дома отдыха; бесплатное образование, бесплатная медицина... Полная занятость населения – тунеядцев преследовали по закону. Нормально жили, я вам скажу. Но – не без некоторых чудачеств со стороны очень пожилого партийно-государственного руководства и того же «дорогого» Леонида Ильича.

«Ты воевал на “Малой земле” или отсиживался в окопах Сталинграда?» – был и такой анекдот, спровоцированный неуёмным прославлением подвигов 18-й армии, где начальником политотдела был полков-

ник Брежнев. С которым, по тем же анекдотам, «товарищ Сталин непременно рекомендовал советоваться маршалу Жукову перед каждым стратегическим решением».

Все эти преувеличения и закидоны, впрочем, не могли умалить реального подвига тех же «малоземельцев», героического новороссийского десанта, как и всего народа в той войне. Но чуть ли не ежегодные вручения лидеру государства званий, звезд и орденов, лауреатских значков, которые уже не умещались на кителе, почетного оружия, миллионные тиражи «воспоминаний» – от этих перегибов старевшего на глазах руководства страны никуда не денешься. Это тоже, к сожалению, часть нашей истории...

Впрочем, вернемся в ставшую мне родной Губаху. Для меня это место на карте особенно значимо: здесь я состоялся как работник, здесь женился, а 22 апреля 1971 года родилась моя дочь Алла.

Семья: незабываемые годы в шахтерском городе

Ей было уже одиннадцать в том памятном ноябре 1982-го, когда шли траурные собрания в трудовых коллективах Губахи, и мне поручили провести митинг на заводе «Смена». В большом зале, когда я читал обращение Центрального Комитета к народам СССР, двум женщинам стало плохо, им оказали медицинскую помощь. Там был молодежный коллектив, 450 рабочих и инженерно-технических сотрудников: переживали многие вполне искренне. Мне кажется, что люди, пусть порой и с юмористическим оттенком, но любили незабвенного нашего «бровеносца» Леонида Ильича.

После его кончины злые языки пророчили: мол, следующие годы станут «пятилеткой пышных похорон». Так оно и случилось. В ноябре похоронили Леонида Ильича, поставили немощного Константина Устиновича Черненко, который через несколько месяцев тоже скончался. А потом генсеком избрали тоже пожилого Юрия Владимировича Андропова, который много лет возглавлял Комитет государственной безопасности СССР, а в последние годы был секретарем Центрального Комитета партии. Но это был выдающийся деятель, организатор. Жаль, что и у него здоровья и сил не хватило провести назревшие перемены в стране, а мысли он высказывал интересные, актуальные. Было стремление развить экономику, укрепить социум, навести элементарную дисциплину в обществе, на производстве. Мой сосед, один из лучших директоров Кизеловского угольного бассейна Борис Васильевич Голубчиков, говорил: «Да, лет пять-семь бы Юрию Владимировичу поруководить нашей страной, где бы мы были! Америке прищучили бы хвост!»

Для меня же следствием этих событий стали резкие перемены в жизни.

Школа Хмелёва

Еще начиная работать в прокуратуре Губахи, взял за правило очень внимательно выслушивать людей, проходящих на прием. Каждое такое обращение несло не только информацию о возможном нарушении закона, но и переживания конкретных людей, человеческую боль в связи с какой-то несправедливостью. И мне, молодому юристу, всегда хотелось, не откладывая, разобраться в ситуации, повлиять на нее.

Сейчас уже даже не вспомню, с какой именно жалобой пришла ко мне однажды та пожилая женщина, зато отчетливо вижу, как сразу потянулась моя рука к телефону, чтобы через коммутатор (АТС тогда еще в Губахе не было) вызвать председателя горисполкома Хмелёва.

Дело в том, что по приезду я был представлен его заместителю, сам мэр находился в отпуске. И вот – первый контакт, и смелое заявление вчерашнего выпускника юрфака: мол, нарушены права гражданки, и надо бы срочно с этим разобраться!

– Я с вами, товарищ прокурор, еще не знаком, – услышал в ответ спокойный, уверенный голос. – Приходите, познакомимся. Начнем работать. Во всем разберемся.

На следующий день мы впервые взглянули в глаза друг другу. И этот миг стал началом большой мужской дружбы. Дорогой, незабвенный мой Артемьич!.. После той памятной мне встречи мы почти два десятка лет шли по жизни рядом. Вениамина Артемьевича знала, кажется, вся Пермская область – бесменно в течение четверти века председате-

Вениамин Хмелёв (второй слева) и знаменитый певец Борис Штоколов (в центре) подружились в Губахе

Провожаем гостя – настоящий золотой голос России

ля горисполкома шахтерской Губахи, одного из лучших местных руководителей в Прикамье. Потом я не раз наблюдал, с каким глубоким и искренним уважением относились люди – от рядовых граждан вплоть до первого секретаря обкома и первых лиц облисполкома – к этому умнейшему и обаятельному человеку, кавалеру ордена Ленина, депутату областного Совета, делегату XX съезда КПСС.

Видел я, как упорно и последовательно он занимался, например, переселением жителей из зоны загазованности, душой болея за каждую семью, живущую в невыносимых условиях. Как строился новый город: росли кварталы жилых домов, поднялся больничный комплекс, открылись универмаг, гостиница, швейная фабрика, механический завод, фабрика игрушек, горнолыжный комплекс. Шло осуществление грандиозного проекта – рос комплекс «Метанол-750», которому было суждено вдохнуть новые силы и энергию в развитие Губахи. А она при

Хмёлеве хорошела, благоустраивалась, одевалась в зеленый наряд. И боролась за звание «Город высокой культуры и образцового общественного порядка».

Живи Хмелёв в наши дни, точно была бы его фамилия в списках «Форбса» – отличала Вениамина Артемьевича предпринимательская жилка, он умел зажигать своими идеями окружающих и воплощать в жизнь задуманное. Отлично разбираясь в людях, сформировал команду единомышленников: его заместитель Николай Кобычно вырос до начальника Пермского облплана; Олег Евдокимов – директор шахты «Центральная», Александр Бабкин – председатель Совета ветеранов города, Геннадий Мишустин заменил его потом на посту мэра.

Однажды Хмелёв просто и буднично сказал мне:

– Будешь моим заместителем.

– Да мне всего двадцать восемь – молод, наверное, для такой должности!

– А мне старые и не нужны. Нужен молодой и энергичный. Кого можно научить и с кого можно спросить. Приступай! Вместе будем работать.

Всегда гордился я, что прошел школу Хмелёва – по сути, еще один университет. С ним было хлопотно, беспокойно, «энергетически затратно», но очень интересно.

Мог ли он, жизнелюб, хозяин города, постоянно обивавший пороги московских министерств и ведомств с требованиями и просьбами о выделении средств на всё новые городские объекты, назвать это время «застойным»? А те, кто вместе с ним преображал этот уголок пермской земли? Я подружился здесь со многими знаковыми в моей жизни людьми. Жаль, что многие уже ушли в мир иной, но не могу и не хочу вычеркнуть их, ставших частью моей судьбы, из благодарной памяти.

Хмелёв слаженно работал с Юрием Николаевичем Кормщиковым, заслуженным шахтером, директором шахты № 4, избранным первым секретарем горкома партии. И я старался во всем соответствовать этой замечательной паре прирожденных руководителей. Каждый день и каждый час они были на виду у всего города, не давая ни малейшего повода для пересудов и упреков. Свою шахтерскую закалку Юрий Николаевич подкреплял активным общением с природой: никто, пожа-

луй, не ценит так лес и речку, возможность побыть на свежем воздухе, как шахтеры. Мне не раз доводилась возможность убедиться и поверить в особую удачливость рыбака Кормщикова. Даже сфотографировался однажды с его великолепной добычей – 24-килограммовым тайменем, пойманным на Усьве. Он этого гиганта два часа вываживал – порадовал трофеем и друзей, и свою замечательную супругу Маргариту Николаевну, тогда главврача 5-й больницы. Хорошая, дружная семья Кормщиковых близка нам с Галиной. Мы до сих пор при встречах вспоминаем шутливо ту «рыбацкую быль». А прежде всего, поминаем Артемьича...

В мае 1988 года, когда я лишь второй месяц работал начальником УВД, Хмелёв позвонил:

– Приеду, посмотрю, как ты устроился.

Я его встретил, поднялись в кабинет, и он неожиданно попросил:

– Сядь за стол, возьми трубку ВЧ. Хочу сам увидеть, как ты тут смотришься.

Внимательно в меня взгляделся. Кажется, остался доволен увиденным:

– У тебя всё получится. Работай честно!

...Через месяц позвонили его родственники:

– Вениамин Артемьевич скончался в Ростове от сердечного приступа...

Да, сердце свое он не берег, щедро растрачивая его на окружающих.

Мы вместе с будущим губернатором Геннадием Игумновым организовали доставку тела из Ростова и похороны. Я горевал. Как там, у Михаила Светлова: «...В заоблачный плёс ушел мой товарищ и песню унес...».

Это он, Вениамин Артемьевич Хмелёв, вез меня в октябре 1983 года к новой линии моей судьбы...

В сентябре того года вышло постановление Центрального Комитета партии об учреждении в органах внутренних дел (милиции) политотделов. Документ этот коснулся и моей биографии. В октябре – звонок из областного комитета партии секретарю горкома Кормщикову. На проводе секретарь обкома Виктор Александрович Петров, который курировал органы внутренних дел:

– Надо Фёдорова прислать, мы ему будем предлагать новую работу. Ты не против?

Вениамин Артемьевич тогда как раз собрался ехать по делам в Пермь, я попросился с ним, чтобы добраться туда быстрее, чем на поезде. А получилось наоборот: неожиданно, около Чусового, сломалась машина. Хмельёв волновался, что я опоздаю на прием. И впрямь, когда пришел к Петрову, тот встретил меня упреком:

– Видишь, какая карта тебе выпала, а ты опаздываешь на целых четыре часа.

И тут же официально предложил мне возглавить политотдел Управления внутренних дел Пермского облисполкома.

В пермской милиции

Назначение

Когда меня спрашивают близкие, знакомые, друзья, а то и телевизионщики, журналисты про самый памятный период в моей жизни, я, не раздумывая, отвечаю:

– Работа в пермской милиции.

...После устройства в гостиницу начал проходить собеседования: встретился с начальником УВД, с заведующим административными органами обкома партии, а им был мой однокашник Юрий Владимирович Антонов. Ему я особенно благодарен за помощь, за его отеческие советы: хотя он был младше меня, но к тому времени уже имел опыт руководящей работы в комсомоле и партии. Два дня пришлось побегать по врачам – слава богу, оказался практически здоров: спасибо губахинской лыжне! А потом поехал в Москву на собеседование в кадрах на Житной, на Огарёва, 6. Заключительная встреча с заместителем министра Василием Яковлевичем Лежнёвым мне особенно запомнилась. Очень суровый человек, заведовал раньше кадрами в Комитете госбезопасности. Нас было на приеме семь будущих начальников политотделов, и он нам выдал сурово:

– Учтите, вы будете отвечать не только за себя, но и за начальников УВД, за состояние партийной и политической работы в целом. Плохо будете работать – выгоним.

Видимо, считал правильным именно таким «напутствием» настроить нас на нелегкую службу. Но мы, уже имея за плечами опыт и милицмейскую биографию, были готовы к трудностям. Присвоили мне звание подполковника внутренней службы, потому что у меня воинское звание было «майор». И по выслуге, и по прохождению военных сборов я, в принципе, имел право на это воинское звание. 4 декабря приступил к обязанностям начальника нового органа в милиции.

В постановлении ЦК прямо указывалось, что «начальник политического отдела управления внутренних дел крайоблисполкома является членом коллегии данного министерства и подразделения органов внутренних дел». Так что нам давались большие властные полномочия.

Для начала объехал подразделения, постарался вникнуть в суть и специфику «милицмейской педагогики». Налаживая партийно-политическую, воспитательную работу, убедился, что многое мне уже знакомо и понятно: поработал милиционером, следователем, курировал милицию в Губахе, постоянно взаимодействовал с родной прокуратурой. В органах внутренних дел Губахинского горисполкома дружил с начальником горотдела Александром Викторовичем Семериковым, с Петром Ивановичем Татаркиным. Они держали меня в курсе всех событий, которые происходили в системе.

Начальник УВД полковник Виталий Иванович Шинкаренко был переведен в Пермь из Москвы в декабре 1982 года, а до этого работал начальником Управления в Саратове. До него пермскую милицию на протяжении четырнадцати лет возглавлял Иван Владимирович Мажура, участник Великой Отечественной войны, мужчина очень солидный, оригинальный, которого знала и уважала вся Пермская область. Он не раз бывал в Губахе, и мы с ним общались. (Замечу, «ничто на земле не проходит бесследно»: каждое такое знакомство, добрые отношения, откровенный разговор для меня – как странички большого учебника жизни. В сознании откладывались моменты и суждения, может быть, не казавшиеся тогда важными, но неизменно всплывавшие в нужное время и помогавшие многое понять и оценить.)

Пришлось привыкать в новой жизни, к новой работе, на которую ходил с желанием, стремясь вникнуть во все мелочи. Ездил в подразделения, в ГАИ, ходил на оперативные совещания, особенно в уголовный розыск, в ОБХСС. Начальником ОБХСС области был в ту пору Петр Латышев.

В уголовном розыске работал выдающийся, я считаю, сыщик Яков Вагин. Мы еще до моего назначения в Пермь вместе занимались делом о краже в губахинском универмаге и раскрыли это преступление. И теперь я с ним много раз выезжал к местам преступлений; все его советы, рассказы, рекомендации мне очень пригодились в дальнейшем, когда я возглавил Управление. Я его частенько приглашал вечерами, и мы с ним обсуждали, как лучше организовать оперативную работу по раскрытию сложных, запутанных убийств, в том числе методику осмотра места происшествия, поиска вещдоков, тактику допросов, работы с агентурой и так далее. Общение с ним помогло мне в профессиональном и личностном становлении. Выйдя на пенсию, Вагин возглавил Совет ветеранов, где трудился с прежней своей неуёмной энергией, создавал оперативные группы из ветеранов уголовного розыска, которые для молодежи были ценными наставниками. Его сын Сергей тоже работал в органах внутренних дел, дослужился до начальника Свердловского отдела внутренних дел Перми – это самый крупный район города. Сейчас он сменил отца в Совете ветеранов, так что династия Вагиных живет и здравствует, прославляя свой род и лучшие традиции пермской милиции.

По главной улице с оркестром

Замполиты на местах подобраны, сотрудники научились относиться к ним с должным уважением. Мы старались уйти от формализма и начётничества, работали в тесном контакте с командирами.

Мне интересно было взаимодействовать с Виталием Ивановичем Шинкаренко, хотя он был человек своеобразный. Очень любил играть в волейбол, но терпеть не мог проигрывать, а потому, когда мы три раза в неделю с утра играли в волейбол, сам подбирал команду. И не дай бог, если они проигрывали! До обеда в Управлении внутренних дел «гром и молнии», все «на уши вставали». Поэтому, как только его

команда начинала проигрывать, противник начинал «ошибаться» и делать все, чтобы команда Виталия Ивановича обязательно взяла верх. Для общего спокойствия...

«Заводной» был человек. Однажды, например, издал приказ: всё руководство Управления внутренних дел должно выходить на улицы Перми патрулировать вместе с дружинниками. И сам ходил по улицам с повязкой. Ему уже присвоили генеральское звание, и мы, полковники, его заместители, – все ходили по городу с красными повязками с восьми вечера до двенадцати ночи, поддерживая таким могучим отрядом охрану общественного порядка. Зрелище, как говорится, было не для слабонервных.

Он ввел традицию: строим, с барабаном, оркестром, с Красным знаменем маршировать по Комсомольскому проспекту, чтобы граждане видели боевой отряд милиции: есть у населения Перми и Пермской области надежная защита!

А когда ему присвоили звание генерала, то он в исполкоме обронил фразу: мол, я все-таки не пермский, из Саратова, если представится

возможность, до родного города пешком дойду. И тогда, видимо, сложилось «наверху» мнение отпустить его с Камы на Волгу, да и отработал здесь он почти пять с половиной лет.

Особо отмечу его непоказную душевную доброту. Когда мы с ним ездили в совместные командировки, например на подведение итогов

«Три богатыря».
С Виталием Шинкаренко (справа)
и Юрием Антоновым – на добрую память

или на заседание коллегии Министерства внутренних дел, он мне перед поездкой (а мы добирались до столицы любимым всеми пермяками фирменным поездом «Кама») непременно оказывал «материальную помощь» – выдавал 100 рублей: «Это тебе на кефир, на ряженку». Мы селились обычно в гостинице «Россия», там питались в довольно дорогом по тем временам буфете. На завтрак, на ужин – обязательно сосиски, ряженка, сметана, кефир... (Вспомните сценку из фильма «Мимино» – буфет в «России», с похмелья: «Вы почему кефир не кушаете, не любите?» – «Люблю...»)

Виталий Иванович был утвержден начальником Управления внутренних дел Саратовского обл-

исполкома. Несколько лет проработал там. Вышел на пенсию. Работал в транспортной инспекции. К сожалению, серьезно заболел. Я уже был тогда заместителем министра, помогал ему лекарствами. Но на 65-м году жизни он умер. После его кончины, бывая в командировках в Саратове, я обязательно заезжал в семью Виталия Ивановича, вместе с его женой и детьми посещал его могилу. Всегда считал своим долгом поклониться этому человеку, который много сделал для того, чтобы милицию в Пермском крае уважали.

Новая высота

В апреле 1988 года я вновь был приглашен на встречу с Виктором Александровичем Петровым, теперь уже председателем облисполкома. Он мне объявил:

– Мы будем рекомендовать областному комитету партии назначить тебя на должность начальника Управления внутренних дел.

Надо сказать, что мне довелось в течение полутора лет возглавлять административный отдел Пермского обкома партии. Это была очень ответственная должность – курировать правоохранительные органы, все силовые структуры вплоть до армейских подразделений, которые располагались на территории области. А это и ракетная дивизия стратегического назначения в поселке «Звездный», и корпус ПВО, Управление внутренних дел, суд, прокуратура, Комитет государственной безопасности, внутренние войска, колонии, четыре лесных управления, где находились заключенные. Ответственная должность. Я ежедневно встречался с широким кругом людей – с руководством Управления внутренних дел, с начальниками отделов, во время поездок по городам и районам шло общение с председателями горисполкомов, с первыми секретарями, с партийными вожаками отделов внутренних дел, прокуратуры, судов. Словом, был в курсе всех событий и прошел хорошую школу работы с кадрами.

На предварительной встрече с секретарем областного комитета партии Валентином Константиновичем Котовым получил от него необходимый инструктаж и поехал в Центральный Комитет партии и в Министерство внутренних дел Союза ССР на утверждение. В течение недели ежедневно встречался с руководством МВД, с кадровиками, побывал в правительстве, встретился с инструкторами, с заведующим административными органами ЦК партии. А 18 апреля вечером был приглашен к министру внутренних дел Александру Владимировичу Власову.

С ним у меня состоялась почти часовая беседа: зондаж, напутствие. Поинтересовался министр, как я себя чувствую, спросил о семье. И при мне подписал приказ о присвоении звания полковника милиции и назначении начальником Управления внутренних дел Пермского облисполкома. С этим приказом сел я в самолет и прилетел в Пермь.

22 апреля 1988 года в 14 часов состоялось совещание руководящих сотрудников Управления, которое провел первый секретарь областного комитета партии Борис Всеволодович Коноплёв.

Он представил меня в новой должности. Сказал:

– Бюро обкома рассматривало трех кандидатов, двое находятся в этом зале, но было принято решение рекомендовать на эту должность Фёдорова Валерия Ивановича. Будем надеяться, он оправдает высокое доверие и Центрального и областного комитетов партии – Управление внутренних дел будет на хорошем счету и у населения, и у руководства области.

Мне было знакомо абсолютное большинство личного состава. Знал почти всех начальников подразделений. Коллектив большой, задачи сложные, но, самое главное, я уже имел реальный план действий, определил для себя стратегию. Главное – изучить кадры, лучше узнать людей: с кем можно «идти в разведку», кто есть кто?

Непосвященным открою «секрет»: в силовых структурах работать легко. И – очень трудно.

С одной стороны, есть приказы, которые ты обязан беспрекословно выполнять, определены конкретные направления работы. Думать приходится, прежде всего, о том, что необходимо делать в русле тех задач, которые стоят перед доверенным тебе участком правоохранительной системы страны. Но и инициативу надо, конечно, проявлять, вносить свое в организацию дел и работу с людьми. А осуществить это бывает очень нелегко...

Больше гласности, больше науки!

Пытаясь найти новые подходы в работе, стал в обязательном порядке читать поступающую к нам литературу. И скажу: научно-исследовательские институты Министерства внутренних дел отлично тогда работали! Они анализировали пути и средства достижения высоких результатов в оперативно-служебной деятельности, выработывали рекомендации для следствия и оперативной работы, вели разбор ошибок, которые случаются в практической деятельности тех или иных подразделений Министерства внутренних дел. Это же целая кладовая необходимых знаний!

Я даже как-то попросил принести мне формуляры сотрудников из нашей «секретной» библиотеки. К некоторой досаде, обнаружил: этим кладезем научных изысканий, аккумулированным передовым опытом в работе министерства мои подчиненные интересовались мало. И на ближайшем совещании очень резко высказался о тех руководителях, старших офицерах, которые живут старым багажом. Имеют академическое специальное образование, оканчивали высшие учебные заведения, но на протяжении целого ряда лет не обращались к научной литературе, отвыкли пополнять знания. Потом, где-то месяц спустя, библиотекарь рассказала мне: брать «источники» стало практически все руководство Управления. Начальники подразделений, их заместители вошли в число постоянных читателей. Не знаю, кто уж что-то в итоге усваивал или просто пролистывал, но я верил: коль взял офицер научный труд, то обязательно что-нибудь у него в голове останется, а самое главное – в действиях обязательно появится новое, без чего никакого движения вперед быть не может. Более глубокому информированию личного состава послужили и организованные по моей инициативе встречи с руководителями облисполкома.

Следующий шаг – формирование группы «говорящих» работников высшего звена для общения с аудиторией. Два десятка начальников подразделений области стали выезжать в города, районы области, и каждый офицер должен был провести две – четыре встречи в больших и малых трудовых коллективах: на фермах, в колхозах, совхозах, на предприятиях, в учреждениях, школах и больницах. Приезжали на целый день, и группа во главе с начальником УВД или его заместителя-

Главное – внимание к соратникам! Вручение наград

ми с утра до вечера встречалась с населением. Потом в городском комитете партии и в горисполкоме мы подводили итоги: какие вопросы нам жители задавали, как их решать...

Скажу без преувеличения, отдача проявилась очень заметная. Подтвердилось это тем, что вскоре мне начали звонить председатели горисполкомов, первые секретари: «Обязательно приезжайте к нам!». Резонанс и в СМИ, и, особенно, среди населения свидетельствовал о важности налаживания прямой и обратной связи, о необходимости «шаговой» доступности для населения руководства Управления внутренних дел и местных органов. Мы ведь не скрывали насущные проблемы, особо обращая внимание на оценки жителями работы наших сослуживцев на местах. И, надо сказать, личный состав отдела внутренних дел города или района с некоторым напряжением и беспокойством стал относиться к итогам подобных встреч. Ведь нередко прямую от населения поступала критика конкретных участков, оперативных сотрудников или следователей.

«Обращался в дежурную часть, а мне дали от ворот поворот...». По каждому такому факту, заявленному на встрече, сразу же шел «разбор полетов» – случалось, что и вплоть до увольнения. Об этом все быстро узнали, внимание к заявлениям людей возросло.

Очередной шаг подсказала мне одна из ленинградских газет, опубликовавшая заметку о состоянии преступности в городе. Обсудил возможность давать в печати милицейскую хронику с другом-журналистом – редактором «Вечерней Перми» Сергеем Журавлёвым. И вот, в одном из номеров этой популярной городской газеты появилась сводка о происшествиях в Перми за истекшие сутки: столько-то краж, столько-то грабежей, столько-то человек в вытрезвитель попало...

А вечером «проснулся» у меня на столе белый телефон прямой связи с «первым» – позвонил из обкома Борис Всеволодович Коноплев: – Ты чего там надумал народ пугать? Вам больше делать нечего, что ли? Зачем нагнетаете страхи количеством краж? Да еще убийства... Зачем?

Говорю:

– Борис Всеволодович, извините, пожалуйста, на календаре восемьдесят восьмой год – открытость, гласность, перестройка. Мы говорим людям, что забота об охране общественного порядка должна быть общей. И народ должен знать, над чем мы работаем. Надо регулярно давать сведения о раскрытии преступлений.

– Ну ладно, посмотрим.

Утром переговорил с редактором газеты: «Вроде, пронесло». Он подтвердил: горком партии не возражает против таких публикаций.

И милицейские хроники стали регулярно печататься в любимой горожанами «Вечёрке». Не обошлось, правда, без казусов. Опубликовали как-то информацию о гибели водителя трактора в дорожном происшествии, и тут на пороге кабинета редактора возникает мужчина со словами: «А это я и есть тот самый тракторист!». Так что и сводки надо было проверять.

Потом подхватили эту линию «происшествий» областная газета «Звезда», телевидение – мы на деле становились более открытыми. Я регулярно выступал по телевидению, в вечерних новостях. Цель простая, но важная: население из первых уст должно знать, что есть мили-

Милиция города Чайковского держит отчет на очередном выезде руководителей УВД

ция, есть Управление внутренних дел, мы существуем на деньги налогоплательщиков и призваны защищать людей.

Пометил себе: особое внимание важному звену – участковым. Возрождались пункты общественного порядка, слеты дружинников. Патрульно-постовая служба обзавелась собаками. Мне удалось пробить открытие питомника служебного собаководства, поставить туда хорошего парня, который обучался в Ростове. Была открыта кафедра кинологической службы в Пермском высшем учебном заведении внутренних войск. Расположенный на Гайве (окраина Перми) военный институт стал развивать это направление. Даже вывели новую породу служебных собак, скрестив овчарку с волком.

Я постоянно был на колесах: ездил не только по подразделениям, в пожарную охрану, но заезжал даже на ночные дискотеки, смотрел, как наши сотрудники следят там за порядком, пресекают наркоторговлю. А поскольку было это ночами, приучил всех постоянно быть начеку. Когда назначались дежурные, ответственному по области вручался конверт с маршрутом. Тот должен был непременно посетить опреде-

ленный отдел или изолятор временного содержания, проконтролировать, как идет служба, в каких условиях живут задержанные.

Мне кажется, что удалось в эти годы главное – «приблизить» милицию к общественной жизни и населению. Мы стали проводить Дни милиции в Прикамье. В каждом отделе, в каждом городе, и особенно в Перми, организовывались всевозможные открытые мероприятия: демонстрировали возможности СОБРа, ОМОНа, пожарной охраны, проводили соревнования, эстафеты, стрельбы. Горожане приходили, смотрели, слушали наши отчеты. Мы встречались с населением в парках культуры, на стадионах, даже строевой смотр был, торжественный развод на службу на эспланаде около драматического театра. Всё это, мне кажется, воодушевляло наших сотрудников на безупречное выполнение своего служебного долга.

«Львята» резвятся

В то время считалось, что организованной преступности в стране развитого социализма нет и быть не может. Но вот в «Литературной газете» были опубликованы статьи «Лев готовится к прыжку» и «Лев прыгнул», вызвавшие широкий общественный резонанс. Там говорилось, в частности, что элемент организованной преступности есть и в Пермской области.

Я был вызван в обком партии, где мне «объяснили», что «у нас такого нет...». Пришлось разочаровать партийное руководство, что сия чаша, к сожалению, нас не обошла: есть в Прикамье и воры в законе, и «общаки», и тому подобное. Давайте, мол, ходить по грешной нашей земле. Но мы работаем в этом направлении, создали специальное подразделение – шестое. Командовать им будет выпускник академии, полковник, боевой афганец, отлично знает оперативную работу, ему и карты в руки...

Получили мы однажды информацию о преступной группе, «прописавшейся» на известном всем пермякам велозаводе, где производили муфту сцепления для ижевских «Москвичей». В полной сборке дефицитные узлы отправляли в Удмуртию. Но какими-то путями они попадали и на «черные рынки» страны. Причем, на самом автозаводе – никаких признаков хищений.

Составили конкретный план мероприятий по изобличению преступников. Сначала была идея внедрить к ним нашего сотрудника. Но посидели, порядили, подумали. Нет, не надо рисковать, бандиты могут нас вычислить, для местных оперативников это дело крайне опасное. И договорился я с начальником УВД Кировской области, нашим соседом – он выделил опытного оперативного работника. Тот приехал, пошел наниматься на велозавод. Сумел устроиться в нужном месте и через три месяца дал нам полную картину действий замаскированной группы. За профессионализм и смелость старший лейтенант был награжден денежной премией. В результате мы привлекли к уголовной ответственности более двадцати фигурантов: это были члены развернутой преступной группы, которая «курировала» на производстве сверхплановый выпуск муфт. Соответственно, ими была организована отправка «лишних» изделий с завода и дальнейшая реализация ходового товара.

А как-то обратился ко мне по осени Геннадий Степанович Миков, Герой Социалистического Труда, директор 9-го конезавода. Мы с ним к тому времени уже были народными депутатами Верховного Совета Российской Федерации. Человек он очень ответственный, да и звание Героя просто так не давалось: у него в хозяйстве и надои были выше всех, и урожайность втрое выше, чем в остальном Прикамье. Заготавливал кормов в запас на полтора года. Где-то хозяйства перебивались, кормили скот соломой, а у него и по весне оставалось кормов и силоса еще на полгода.

Он пожаловался:

– Воруяют у меня с полей свеклу, картошку и капусту. Помоги, пожалуйста.

Оперативники оделись потеплей, взяли приборы ночного видения, вышли в рейд. В две-три ночи несколько групп, действовавших на автомашинах, было поймано: жулики с совхозных полей воровали сельхозпродукцию с размахом.

Вдруг снова приезжает:

– Валерий Иванович, помогай! Я сейчас овощи продаю с машин горожанам – на площадях перед заводами, на Комсомольском проспекте.

А к моим женщинам подходят какие-то молодые ребята в трико и кожаных куртках, требуют мзду...

Через пару дней несколько наших молодых сотрудников стали на время продавцами сельхозпродукции от 9-го конезавода. И к ним, действительно, подошли в своей спортивной «униформе» какие-то качки. Новоявленные рэкетеры потребовали мзду за право торговли: мол, мы вас будем крышевать...

«Продавцы» вступили в переговоры. Обговорили подробно условия, поторговались. Ну а потом, как положено, арест и следствие. Попытки прессовать селян прекратились.

Автором статьи «Лев прыгнул» был, кстати, Александр Гуров: мы потом встретились и познакомились – сначала как два депутата ВС РСФСР, потом по службе. Это настоящий профессионал, глубоко исследовавший тему организованной преступности. Он очень многое сделал для того, чтобы выявить в нашем обществе эту проблему. Не так легко было открыто сказать о набиравшем в те годы силу негативном явлении – надо было иметь мужество и твердую гражданскую позицию.

Якутёнок и другие

Прижились у нас в Прикамье три вора в законе. Ну а самый главный, кто, так сказать, держал всю воровскую нить, авторитет – Николай Зыков, в просторечии Якутёнок.

Был я уже народным депутатом Верховного Совета Российской Федерации, когда приехал однажды ко мне взволнованный Андрей Вотинов, отвечавший за колонии. Говорит, что в следственном изоляторе может случиться большая неприятность: мол, вы в это воскресенье улетаете в Москву на съезд, а в понедельник Якутёнок, который находится под следствием за хранение наркотиков, намерен поднять в СИЗО бунт – «кипеш» (тогда, в начале 1990-х, на воровском жаргоне так называли неповиновение власти). В следственном изоляторе наполняемость была в три раза выше нормы – тысяч семь. Я уеду, а в изоляторе возникнет противостояние – чем оно кончится?..

Говорю:

– Давайте, Андрей Алексеевич, поступим так: сегодня суббота, я еду в изолятор, вы ко мне поднимаете Зыкова, приводите в следственную комнату, и я с ним беседую один на один...

И вот, открывается дверь, приводят ко мне из камеры невзрачного мужичка.

– Здравствуй! Как живешь? – спрашиваю для начала.

– Все нормально, сижу. За что только? Опять ты меня посадил неправильно, гражданин начальник.

– Ну, это вопрос особый. А вот я имею информацию о том, что ты решил уготовить на завтра. Да, я уезжаю в Москву, у меня важные встречи с президентом, с депутатами, с министром. А ты хочешь мне организовать тут кипеш в следственном изоляторе?

– Да вы что, гражданин начальник! – уловил я этот «переход на «вы». – Какой кипеш? Не слышал, ничего не знаю.

– Смотрю, ты вообще здесь ничего не знаешь, – начинаю напрягать собеседника. – Тогда я сейчас запущу маляву по тебе, что ты ни хрена тут никакой не «смотрящий»: ничего не знаешь, ничем не руководишь, а выдаешь себя за лидера преступности в нашей области. Какой ты вор в законе? Ты так, чмо... – И продолжаю уже тихо и интеллигентно: – Я завтра уезжаю на съезд. Если ты организуешь бунт, конечно, вернусь. Ты хочешь, чтобы вся страна узнала, что у депутата Верховного Совета России, у генерала Фёдорова случилось такое ЧП? Тебя, может, даже по телевизору покажут...

Смотрю, а собеседник мой даже приободрился ввиду таких заманчивых перспектив. Ну, думаю, ничего, сейчас я тебя ошарашу:

– ...Вернусь, но гарантирую: через несколько дней ты... умрешь. Слов на ветер я не бросаю. Сделаю всё, чтобы тебе пришел конец. Жизненный путь закончишь в этом следственном изоляторе. – И почему-то добавил: – От заворота кишок.

Это нас в детстве взрослые пугали «заворотом», чтобы не тащили в рот всякую дрянь. Не было страшнее угрозы. Вот и я с ним, как с маленьким:

– Всё, Николай, больше нам разговаривать с тобой не о чем. Думай сам, решай сам.

Нажимаю звонок:

– Уведите подследственного.

Как мне потом стало известно, вернулся он в свою камеру очень возбужденным: со мной, мол, разговаривал генерал Фёдоров, я его знаю давно, он мне пообещал смерть, если мы сделаем кипеш, он свое слово сдержит, принимаю решение – отменяем!

Этим «экспромтом» эпизод с предполагаемым бунтом и закончился. Не потребовался ОМОН, и главное – не было жертв.

Якутёнка тогда приговорили к лишению свободы на два с половиной года. Отбывал наказание он в колонии под Екатеринбургом. Мы знали, когда заканчивается срок. Было принято решение доподлинно выяснить, куда он будет путь держать, где выберет базу, жилье. Направили трех человек на хорошем автомобиле сопровождать его негласно. Только... получилась промашка. Оперативники приехали, около колонии остановились. Время было около четырех ночи. Утром администрация колонии должна выдать Якутёнку справку об освобождении. А вышло по-иному – опоздали. Оказывается, уже в первом часу ночи «первого дня свободы» он сумел получить необходимые документы и быстренько уехал. Изобретательные были ребята. А я о Якутёнке рассказываю, потому что это все-таки была интересная личность. Но закончил он, как и все преступники: в то время шел криминальный передел сфер влияния, и он был застрелен из автомата в центре Перми. Так бесславно и закончил свою жизнь уголовный авторитет Николай Зыков.

Убежден, что в оперативной работе, в борьбе с преступностью очень важно знать, чем живут «авторитеты», какие планируют акции, какое в этой среде настроение, что они думают об администрации, о полиции. У них свой мир, свои понятия о законности, о правах человека, но убежден, что с ними надо работать, надо чувствовать их пульс, а при необходимости и проявлять жесткость. Ни в коем случае не говорю о жестокости. Преступный мир живет по своим законам, но мы никогда не должны становиться похожими на них, приспосабливаться к их понятиям.

Ну а что я надавил на «авторитета»?.. Времени было в обрез, некогда порой изобретать более тонкие подходы.

«Хрустальная» сходка

Как-то вечером ко мне зашел мой первый заместитель Валентин Фёдорович Герцен, который ведал оперативной работой:

– Товарищ генерал, только что поступила информация: в город слезаются, съезжаются и уже приехали около полусотни воров в законе. Якутенок обеспечивает сходку. Возьмем под контроль это место.

– Оно известно?

– Да, известно. В Мотовилихе, ресторан «Горный хрусталь».

– Знаю такое заведение.

– Так вот, они там снимают зал полностью, закроют его. Уже внесли предоплату и хотят провести посиделки свои.

Подготовили план мероприятий, проинформировали Москву – Михаила Егорова, который был начальником Департамента главка по организованной преступности.

Воры съехались в Пермь, и в один из вечеров сходка в ресторане состоялась. Закуски, вино на столах, музыка, разговоры...

Мы были готовы, каждому сотруднику расписано, что должен делать. Руководил операцией полковник Герцен. Через некоторое время после начала «чаепития» наши соборцы и омовцы вошли в зал. Всех положили на пол, провели обыски, документирование и так далее. На этом сходка завершилась. Правда, никаких уголовных дел заведено не было: ни оружия, ни наркотиков у опытных главарей не обнаружили. Но главное, что мы показали свою силу, оперативные возможности. Воровской мир еще раз убедился в том, что органы внутренних дел на местах контролируют обстановку, знают, как и чем живет преступное сообщество.

Минус свой, конечно, получил и Якутенок как «ненадежный организатор». Его акции в воровском сообществе значительно снизились: не сумел «достойно» организовать встречу лидеров преступного мира Урала.

Вот такие «отпускные»

Стало как бы общим местом огульно утверждать сегодня, что в полиции почти открыто берут взятки, нарушают законность (как мы раньше говорили, «ведут себя неправильно»). Честно могу сказать, что

в то время (1985–1995 годы) подобных сообщений о предательстве в органах внутренних дел у нас практически не было. Хотя один случай могу вспомнить. Но это было настоящее ЧП, разбирали его потом на всех уровнях – от оперативного совещания до коллегии.

Поступила мне информация из Елово, что нашими милиционерами вместе с сотрудниками ФСБ задержан следователь, требовавший у одной гражданки тысячу рублей за прекращение уголовного дела, которое находилось в его производстве.

Немедля прыгнул в машину и помчался в Елово. Случай – из ряда вон выходящий! Приехал, встретился с задержанным следователем. Говорю:

– Что же ты, паразит, подводишь и меня, и товарищей?

И чуть не обомлел, когда узнал, какую версию для своей махинации он выдумал, потребовав с гражданки тысячу рублей – сумму по тем временам немалую.

Она спросила:

– А почему так дорого? Сынок, да у меня и денег столько нет. Я же на пенсии.

А он: мол, как хочешь, только наш начальник Валерий Фёдоров собирается в отпуск, сама понимаешь, нужно собрать деньги и ему отдать; так что извини, мне тут останутся совсем крохи...

Я, когда услышал такое, наверное, в лице переменялся, внутри все закипело. Потом остыл немного и только спросил:

– А совесть у тебя вообще есть?

Разные неприятные случаи бывали, но такой... Слава богу, единственный за семь лет моего руководства УВД в Пермской области.

Быт или не быт?

Вал забот: почти 30 тысяч человек личного состава, из них почти 9 тысяч в Перми, и каждой семье где-то надо жить. Нуждаются в заботе ветераны (застал я еще участников Великой Отечественной войны). У нас свой госпиталь, поликлиника, два детских садика. В ту пору был и пионерский лагерь «Дзержинец» на берегу Камы, около общесоюзного курорта «Усть-Качка». Чтобы его не потерять в годы реформ, предложил создать здесь региональный милицейский колледж. Сейчас

он уже отметил свое двадцатилетие. Носит имя Героя Российской Федерации Кузьмина. Замечательный педагогический коллектив, 400 курсантов. Красивая форма. Отличный руководитель – Сергей Каменев. Удивительный человек, педагог, самозабвенно работает. Создал профессиональный педагогический коллектив. Туда теперь высокий конкурс, с желанием идут учиться и девчонки, и мальчишки. Почти 90 процентов выпускников колледжа – кадетского корпуса, как сейчас он называется, – идут учиться дальше и служить в органах внутренних дел.

Ребята здесь просто преображаются. Помню, как мне один отец рассказывал: «Я через месяц своего мальчишку вообще не узнал. Раньше ходил весь расхристанный, вещи разбросаны по дому, а через месяц приехал – всё у него аккуратно уложено, ухожено, всё по распорядку. Спасибо за сынишку».

Я знаю, сейчас этот парень уже майор. Из выпускников выросли хорошие офицеры – вплоть до полковников, будут и генералы...

Когда я был начальником УВД, построены три детских садика по 240 мест, жилой дом на улице Пушкина, 13. ГАИ получила новое здание. Мы были шефами одной из самых лучших школ Перми. Открыли гостиницу при стадионе «Динамо», отремонтировали сам стадион, трибуны, положили тартановое покрытие. И первенство области по легкой атлетике стало всегда проходить на нашем стадионе.

Безусловно, «якать» тут было бы с моей стороны неправильно. Все делалось сообща, с помощью партийных и советских органов. При их деятельном участии и внимании построили новые здания отделов милиции в Кизеле, Красновишерске, Елово, Куеде, в Дзержинском и Кировском районах областного центра. И это не полный перечень обновленных ОВД, где раньше перебивались в хибарах с «удобствами во дворе», с печным отоплением. Помню, приехал однажды утром в Кисерт, шло занятие по специальной подготовке. Сидят слушатели в коридоре, а прокурор читает им лекцию. Жарко натоплена печь, и половина слушателей спит, потому что разморило.

Особенно плохие условия – в изоляторах временного содержания. Как говорится, «ни сидеть, ни охранять». Все старое, давно прогнило. Мы стремились создать там для своих сотрудников более-менее

сносные условия, ведь прежде чем требовать от личного состава результаты в служебной деятельности, надо обеспечить ему хорошие условия: чтобы и транспорт был, и бензин на выезд, и ремонтная база, и гараж теплый. И спортивный комплекс, хотя бы небольшой. Я даже иногда один на один начальникам отделов говорил:

– Учти, я от тебя требую и буду требовать должных результатов в оперативной служебной деятельности. Но если ты не будешь заниматься созданием комфортных условий для личного состава, то грош тебе цена. Вот уйдешь ты на повышение или на пенсию, и все забудут, какая у тебя была раскрываемость грабежей, угонов автотранспорта, других преступлений. А если выстроишь хороший изолятор или гаражи, поднимешь здание для ГАИ или спортивный зал – это будут помнить: «сделано при Иване Ивановиче»...

Ободрял коллег, советовал работать с исполкомами Советов депутатов, с секретарями райкомов и горкомов. И ведь добывали средства, общими усилиями строили. И люди нам были благодарны. К тому же, я убежден: милицейская власть должна быть уважаема не только своими действиями, но и культурой мест обитания и службы, ухоженностью кабинетов, самим видом дежурной части. А от опрятного внешнего вида и дисциплина зависит.

Делегат в... вытрезвителе

Хочу один курьезный случай из своей жизни рассказать, связанный с партийными органами. Молодые, может, не знают, что главным событием в СССР были съезды Коммунистической партии Советского Союза. Всего их было 27... Проходили они раз в пять лет. С речью выступал очередной генеральный или первый секретарь ЦК. Все партийцы потом изучали эти материалы, трудовые коллективы принимали повышенные обязательства и так далее.

Но вот, вместо очередного съезда генсек Михаил Сергеевич Горбачёв задумал провести партийную конференцию. Когда-то, еще при Ленине и Сталине, между съездами, поскольку время было тогда кипучее, горячее, а то и тревожное, чтобы скорректировать самые актуальные задачи, проводили такие форумы. Окончились они на восемнадцатой конференции. И вот было принято решение провести девятнадцатую.

Избирались делегаты на областных партийных форумах. И в Перми такой прошел. Тщательно выверялись кандидатуры: сколько рабочих, сколько инженеров и ученых, сколько женщин... Но уже проявились и элементы демократии: избирали представителей от воинов-афганцев, от молодежных организаций. И, конечно, партийных секретарей. Возглавлял, естественно, список делегатов первый секретарь обкома Борис Всеволодович Коноплёв.

И был избран на XIX партийную конференцию некий товарищ У. Он возглавлял партком на одном известнейшем заводе с очень крупной партийной организацией. Об их делах и инициативах писали центральные газеты. Было даже обращение Леонида Ильича Брежнева в поддержку их движения по наставничеству.

Ночью у меня зазвонил дома прямой телефон с дежурной частью УВД:

– Товарищ полковник, у нас ЧП – находится на вытрезвлении человек, клянется, что он партийный секретарь.

Вызываю дежурную машину, еду в вытрезвитель. Приехал, посмотрел – точно, это товарищ У. Он уже немножко очухался, но фамилию свою не говорит, критически оценивая ситуацию: видит, что попал куда не надо. А протоколы уже составлены. Я прочел их, вызвал сотрудников, которые задержали гражданина. И предстала картина, подробности которой выяснились уже потом, когда мы провели служебное расследование этого чрезвычайного происшествия. Надо сразу сказать: оно чуть мне не стоило должности, хотя я работал начальником УВД еще только год.

За каждым промышленным предприятием в то время были закреплены подшефные районы – колхозы, совхозы. У этого завода тоже один из недалёких районов в подопечных был. И целая делегация заводского руководства в субботу поехала туда посмотреть, как работают командированные в помощь селу.

Ну а потом местные партийные руководители, председатель райисполкома и два-три директора хозяйств сошлись с делегацией на обед. Выпили водочки, видимо, «отлакировали» пивком и поехали домой. По пути «товарища У.» развезло – понятно: жарко, душно, кондиционеров тогда в машинах не наблюдалось.

Водитель бедолагу доставил до подъезда: всё, до свидания!

А тому захотелось справить малую нужду, что он и совершил прямо в подъезде. Облегчился и... уснул. Женщина какая-то случайно мимо проходила, увидела – мужик лежит, причем в плохо пахнущей сырости. Вызвала милицию. Наряд приехал, забрал невменяемого товарища. Привезли в вытрезвитель, фельдшер его осмотрела, определила: «Вполне пригоден для нахождения в медицинском вытрезвителе». Документов при нем никаких нет, отправили отсыпаться. Тут он очухался и начал «качать права».

Посочувствовали, отпустили. Но документы уже были оформлены, записи в журнале сделаны. Сообщили руководству района, что вот такой, мол, имеется прискорбный факт. Первый секретарь райкома доложил первому секретарю горкома, тот – секретарю обкома Котову. Дошло до первого.

Утром зазвонил прямой телефон. Борис Всеволодович:

– Что ты там наделал?

– Лично я – ничего.

– А ты почему арестовал секретаря парткома?

– Я его не задерживал, он пьяный был.

– Это же ЧП! О нем мне надлежит докладывать в Центральный Комитет партии! Это же делегат! Через пять дней нам ехать в Москву. Ты хочешь меня опозорить на всю страну, перед ЦК выставить?

– Борис Всеволодович, не я же пил, а он...

– С тобой еще разберусь. Не верю, что это не провокация. Приезжай срочно!

Создали группу – судья, прокурор, представитель ФСБ, мои коллеги, главный нарколог области. Началось служебное расследование.

Коноплёв:

– Вечером проведем закрытое заседание бюро обкома партии и рассмотрим – или персональное дело полковника Фёдорова, или персональное дело этого товарища.

Что делать? Позвонил министру, сообщил о случившемся. Он только спросил:

– Валерий, ты мне скажи: уверен, что твои подчиненные были правы?

– Уверен на сто процентов, потому что сам встречался с личным составом ночью, и сам натурально видел этого делегата.

– Вот если ты так уверен, иди до конца. Потому что в Нижнем Тагиле – я тебе раскрою тайну – точно такое же ЧП. Там тоже делегат партийной конференции попал в вытрезвитель. Составили документы, придали огласке, а потом сотрудники органов внутренних дел заявили: «Мы ошиблись, неправильно действовали». И начальник райотдела уже двух сотрудников уволил, других наказал, потому что они превысили свои служебные полномочия, забрали товарища неправильно. Я высылать к вам никого не буду, тебе верю.

Понял я тогда подоплёку событий и обостренную реакцию Коноплёва: уже реализовывался курс Горбачёва на замену старого партаппарата и состава ЦК. Первыми, простите за тавтологию, под руку попадали первые секретари обкомов, за многие годы общения хорошо узнавшие и поддерживавшие друг друга. Теперь многие жили в тревожном ожидании итогов перестройки и результатов «нового мышления» лично для них. А тут такая неприятность...

На бюро обкома разговор состоялся жесткий. Пришлось мне доказывать нашу правоту. Потому что, например, главный нарколог области выступил крайне «осторожно»:

– Да, может, был запах, выпил стакан пива, закусил воблой. Остаточные явления могут проявиться через три, четыре, пять часов... Сотрудники могли унюхать, но это не повод для задержания...

И сам виновник переполоха приободрился:

– Я выпил только две бутылки пива, меня разморило.

Пришлось призвать его собутыльников. Те врать не стали:

– Немножко употребляли и более крепкие напитки.

Так что всё закончилось позором для этого партработника. К моему сожалению, честно скажу. Он был известен как неплохой человек, и я о нем знал только хорошее, но от правды и ответственности никуда не денешься. А сотрудникам своим (их было четверо) еще до этого сказал:

– Ребята, вы не беспокойтесь. Если и накажут, то только меня. С ваших голов ни один волос не упадет.

Уж если уверен в своих подчиненных, то должен стоять до конца, защищать их. Не дай бог, вильнуть, уйти в сторону, поддаться давлению. Тогда не надо становиться руководителем, не стоит работать в милиции.

«Выдвинем из среды!»

В Красноярске проходило Всесоюзное совещание руководителей органов внутренних дел и председателей облисполкомов. Шел ноябрь 1989 года. Мы с Петровым туда прилетели, утром началось совещание. На нем выступил Виктор Александрович, рассказал о работе пермской милиции, о создании газеты «02». Выступление было встречено аплодисментами – инициатива понравилась коллегам.

Потом уральцев собрал министр внутренних дел Василий Петрович Трушин, человек очень интеллигентный, длительное время возглавлявший московскую милицию. Он поведал нам об общественно-политической обстановке в стране и подчеркнул, что надо всем нам готовиться к выборам в Верховный Совет Российской Федерации:

– Вы подумайте, кого можно выдвинуть из милицейской среды. Потому что теперь многое будет зависеть от законодательной власти: это и продвижение наших интересов, и бюджетные ассигнования. Закон о милиции надо совершенствовать. Я не буду против, если из вас, из присутствующих здесь, кто-то решится выдвинуть свою кандидатуру.

Это предложение мне запало в голову. И когда была объявлена дата выборов – март 1990 года, – посоветовался со своими коллегами, с руководством, естественно, с родственниками, и принял решение.

Нас, откликнувшихся на призыв министра, оказалось на Урале трое: еще из Свердловска и Челябинска. (И все три начальника УВД были избраны народными депутатами.) Я баллотировался по Западно-Уральскому избирательному округу № 64, в который входило 27 городов и районов. Пришлось поездить: побывал в каждом городе, во многих поселках, на предприятиях, на фермах, в колхозах, совхозах, в воинских частях, в органах внутренних дел, в трудовых коллективах. В каждом городе у меня было за день по пять-шесть встреч. Рассказывал людям свою биографию, делился видением, что нужно улучшать в правоохранительных органах, менять в стране, чтобы улучшить благосостояние

народа. Меня внимательно слушали. Помогали вести предвыборную кампанию сотрудники органов внутренних дел и работники гор-, рай-исполкомов. Ведь на тот момент я уже был народным депутатом областного Совета – все они меня знали.

Аудитория задавала разные вопросы. Были и пожелания: например, телепрограмму «Взгляд» убрать с первого канала, мол, шибко лихие

...И была наглядная агитация

ребята несут на экране уж совсем несусветное. Особенно активны были пенсионеры, ветераны КПСС. В трудовых коллективах меня спрашивали почти на каждой встрече: «А как вы оцениваете статью шесть Конституции? Следует убрать тезис о руководящей роли партии или нет?». Отвечал, что гегемонии одной партии не должно быть, власть у нас в стране принадлежит народу.

Конечно, были у меня надежные доверенные лица: в штабе помогали Яков Абрамович Вагин – он возглавлял пенсионерские организации, – Владимир Иванович Микляев, мой заместитель, подключались руководители отделов внутренних дел. Виктор Николаевич Русаков, пресс-секретарь УВД, Александр Сергеевич Шихов, Сергей Фёдорович Жу-

равлёв наладили связи с прессой. Естественно, очень многое в эти дни делали сотрудники политотдела.

В больших трудовых коллективах – в Кунгуре, в Лысьве на металлургическом заводе, в Березниках и Соликамске, на Александровском машиностроительном – легче было достичь понимания.

Запомилась встреча на Суксунском оптико-механическом заводе. Там тогда делали линзы, очки по французской технологии. На стыке смен, днем, в клубе собрался в основном женский коллектив – человек,

наверное, триста – триста пятьдесят. Я обычно, когда встречался с избирателями, на трибуне старался не возвышаться, выходил в зал и разговаривал. Так мне и людям комфортнее. Обычно надевал форму: считал, что это вызовет больше доверия, у меня ведь семь конкурентов.

Выступал минут двадцать, закончил шуткой – о себе самом, но в третьем лице:

– Перед вами семь кандидатов. Советую: из тех, кого я знаю лучше всех, проголосовать за самого последнего в бюллетене – он на букву «Ф». «Галочку» здесь поставите, и я думаю, что Фёдоров будет вам благодарен, а вы потом увидите, что сделали правильный выбор, потому что этот ваш народный депутат будет упорно работать и то, что обещал, обязательно сделает.

– Какие-то вопросы к кандидату есть? – спрашивает ведущий.

Рядом, на первом ряду, сидит интеллигентная женщина средних лет. И вдруг она говорит мне:

– Вы тут красиво убеждали голосовать за Фёдорова. А вот если бы он сам приехал, я бы посмотрела на него, да и мои товарки, женщины нашего завода, тоже посмотрели бы. Мы бы тогда, конечно, более осознанно сделали выбор. А то ведь мы его не знаем, не слышали, живьем не видели.

Я спрашиваю:

– А как вас звать?

– Люба.

– А величать?

– Любовь Ивановна.

– Любовь Ивановна, я в течение получаса стою около вас, можно сказать, вас глазами ем. Фёдоров Валерий – это я. – Подошел, ее обнял. – Так вы будете голосовать за меня?

– Так это вы? А я что-то это самое... Пропустила, видно...

В зале захохотали, похлопали, вопросов больше не было – встреча завершилась. Понятно, отвлеклась Любовь Ивановна: у женщин много забот – работа, магазины, дети, муж, дом... Я стал после этого случая внимательнее приглядываться, кто и как меня слушает, какие проблемы людям особенно близки. Набирался опыта общения в новом для меня качестве.

Придумали вместе со штабом использовать местное радио. По пятницам оно в каждом городке обязательно выходит в эфир. Решили записать на пленку выступление на семь-восемь минут, продуманное, четкое. Пресс-служба раздаст ее в отделы внутренних дел, а те договорятся с местным радиовещанием, и в пятницу, в последний день агитации, мой голос будет транслироваться во всем избирательном округе. Так и поступили: перед финалом избирательной кампании прозвучал мой призыв прийти на выборы, и голосовать... понятно за кого!

Избрали меня народным депутатом России. Это, по сути, явилось общественным признанием авторитета работников органов внутренних дел. Мы убедились в том, что народ знает и понимает нас. Открытость и доступность сотрудников советской милиции сыграла свою роль и принесла нам ожидаемый результат.

Впереди хлопотная депутатская работа, выполнение наказов избирателей, а округ огромный – половина Пермской области: от Чайковского до Чердыни и Ныроба.

При первом сборе депутатов от нашей области убедился, какой «звездный» состав избрали пермяки: Геннадий Миков – директор 9-го конезавода, Герой Социалистического Труда; Вениамин Сухарев – гендиректор «Пермнефтеоргсинтеза»; Юрий Булаев – гендиректор завода имени Ленина (Мотовилиха); Рафаил Кадыров – директор Нытвенского металлургического завода; Геннадий Белкин – мэр города Березники; Геннадий Тушнолобов – мэр города Соликамска; Ирина Залевская – редактор газеты «Молодая гвардия»; Виктор Петров – председатель облисполкома, и другие.

Все мы пришли с искренней верой и большим желанием в непростых экономических и политических условиях сделать всё возможное, чтобы люди наши жили лучше, была стабильность. Честно говоря, мы в то время даже не могли предполагать, какие катаклизмы ждут всех нас, наше государство. Россия была на перепутье: социализм, капитализм, рыночные отношения, приватизация, политическое противостояние. Не зря говорят: «Не дай вам бог жить в эпоху перемен». (Слава богу, мы выстояли, сейчас Россия воспряла, что, увы, не всем в мире нравится. Но это уже другая тема для разговора и раздумий...)

Тогда можно было совмещать должности начальника УВД и народного депутата. Я участвовал в работе исторических съездов – еще до избрания президентом председателя Верховного Совета России Бориса Николаевича Ельцина. Мы с ним сидели рядышком, через проход. Когда он приходил в зал заседаний, всегда первым здоровался, мы с ним были и до этого знакомы.

Не буду много рассказывать про депутатскую деятельность, она была в те сложные, судьбоносные для страны годы очень напряженной. Мешало, что тогда излишне много привносилось политиканства, каждый «креативщик» хотел заявить о себе – демократы, псевдодемократы, крикливые демагоги. В управлении страной стали появляться сомнительные личности. Даже на высокие должности, в том числе министров, порой выдвигали странных людей, которые не только не имели опыта руководства, а и вообще мало что знали о жизни. К сожалению, так было...

Всегда будь готов!

Служба в правоохранительных органах очень сложна и нередко опасна. Она требует эмоциональных затрат и немалых физических сил. Без хорошей физподготовки нам никак нельзя, какую бы должность ни занимал. Настойчиво внедрял это в сознание подчиненных и даже издал приказ, обязывающий каждого сотрудника органов внутренних дел два часа в неделю посвящать занятиям физкультурой. Существовали определенные нормативы, и каждый, каким бы рангом ни обладал, был просто обязан хорошо стрелять, прыгать, бегать, бороться, совершенствовать свое спортивное мастерство в лыжной подготовке, в подтягивании, владеть на уровне рефлекса несколькими приемами самбо – с оружием и без такового.

Исходил я из того, что, заступая на охрану общественного порядка, каждый солдат правопорядка должен быть готов к неожиданностям. Он вооружен, обладает правами, имеет обязанности, которые записаны в Законе о полиции. Там всё строго регламентировано – как вести себя при нападении, когда можно применять оружие и когда нельзя. Ходила такая шутка: «Милиционер Иванов выстрелил в воздух. Но... промахнулся!».

Надо быть собранным, физически крепким и выдержанным, чтобы всегда быть готовым выполнить свой служебный и милицейский долг. У нас в Управлении со времен Виталия Ивановича Шинкаренко все начальники УВД поддерживали этот девиз. Спорт помогает службе, сплачивает коллектив. Проявляются характеры, воспитываются навыки взаимодействия, чувство команды.

Каждую неделю, круглогодично, мы играли в волейбол. Во вторник с семи утра до половины девятого – спортзал, душ, баня, и в девять ты на работе. В девять тридцать – общий селектор, подводим итоги минувшего дня. В четверг – то же самое, но предварительно, в половине седьмого, мы приходили на стадион «Динамо» в тир, там – обязательные стрельбы.

Мне довелось на протяжении почти семи лет возглавлять местное общество «Динамо» – это была выборная должность. Общество объединяло сотрудников ФСБ, органов внутренних дел, пожарной охраны. По штату это дело курировал подполковник внутренней службы Петр Григорьевич Кельман. (Кстати, полковником он стал так. Я поехал в Министерство внутренних дел, попросил генерала Дунаева дать «сверх потолка» это звание Петру Григорьевичу как одному из знаменитых наших «динамовцев», уважаемому во всех спортивных кругах.)

Умелый организатор, Кельман многое сделал для того, чтобы среди «динамовцев» появилось больше разрядников и мастеров – легкоатлетов и саночников, прыгунов с трамплина и биатлонистов. Мы регулярно соперничали со сборной Мотовилихи, с командой «Молот» на традиционных майских легкоатлетических эстафетах на призы газеты «Звезда». Петр Григорьевич знал и любил спорт. Сам играл в команде мастеров по футболу.

Зимой, когда выпадал снег, включалась спортивная база «Динамо» – не очень далеко от стадиона и от Управления внутренних дел. Прежде там были только детский спортивный городок, небольшой трамплин и скромный деревянный дом послевоенной постройки. Мы дом немножко подремонтировали, купили пластиковые лыжи, у каждого руководителя УВД были свои. И утром по субботам от стадиона «Динамо» стал отправляться служебный автобус, который возил сотрудников и руководство области на базу.

Построение – и старт на 10 километров. Я обязательно бежал со всеми лыжниками всю дистанцию, потом в баню и – на работу. Правду сказать, первую неделю-две некоторым коллегам это было тяжело, особенно у кого вечер пятницы прошел с «нагрузкой»: дни рождения, а то и «обмывание» звания или награды. Раньше в субботу выходить на работу можно было в более свободном режиме, а тут все руководители знали, что наутро нужно бежать «десятку», и сачкануть, как у нас говорили, никому не дозволялось.

Через пару месяцев узнал мнение жен моих коллег: «Хорошо придумали, Валерий Иванович, что наши мужья стали бегать на лыжах, оздоравливаться».

«Лыжные субботы» стали традицией. И ежели кто-то накануне нарушил спортивный режим, в нашем мужском коллективе сразу это замечали, потому что «дыхалка» хуже работала, пот с выпивохи тёк градом. Не избежать нарушителям смешков и подначек, будь ты хоть полковник! Нужно, мол, товарищ, беречь себя и не увлекаться спиртными напитками, быть всегда в хорошей спортивной форме...

Исправление трудом

Особая грань работы – служба исполнения наказаний. Раньше она была в системе Министерства внутренних дел, а когда министром юстиции стал Сергей Вадимович Степашин, ему удалось уговорить президента, чтобы ее передали Министерству юстиции. Потом было принято решение, я думаю, совершенно правильное, выделить ее в отдельную силовую структуру, которая называется сейчас Федеральной службой исполнения наказаний. Но в бытность мою начальником УВД это был огромный пласт работы, в том числе по организации производства. Это целое, так сказать, «министерство» в составе Управления внутренних дел. Было несколько колоний: № 9 в Соликамске, № 10 в Чусовом, в Кунгуре две колонии – № 18 и № 30, в Перми женская колония. У нас дислоцировались и три колонии государственных преступников – 35-я, 36-я и 37-я.

В ИТК все осужденные обязаны были трудиться. А производство существовало в очень широком диапазоне – от пошива одежды до изготовления снарядов для минометов. Причем качество всех изделий было отличное, за этим следил аппарат военпредов во главе с подполковником. И когда я приезжал, заключенные сетовали: «Гражданин начальник, зачем над нами этот военпред? Мы же знаем, для чего мины производим – для нашей армии. А совесть – лучший контролер. Мы не напартачим, не подведем наших солдат!».

Служба эта одно время называлась «исправительных дел и социальной реабилитации». Возглавлял ее генерал Андрей Алексеевич Вотин. Личный состав – не одна тысяча, да около 20 тысяч осужденных. Я делаю акцент на слово «труд», потому что наши производства были, по существу, большими промышленными предприятиями – с мастерами, бригадирами, главными инженерами, технологами, снабженцами. Не случайно Министерство внутренних дел Союза ССР входило в десятку самых крупнейших министерств по объему выпускаемой продукции. Можно, конечно, спорить об уровне экономической эффективности подневольного труда, но воспитательный фактор «трудовой терапии» – вне сомнения.

Мы выпускали всё – от миц, сапог, спецодежды, рудстойки, мебели, запорной аппаратуры для нефтяников до сельскохозяйственной про-

дукции. Даже грибы-вешенки выращивали, ягоды. Производили почти половину деталей для пермского велосипеда и для известнейших, тогда очень дефицитных мотопил «Дружба», «Урал». Может, не поверите, но в конце месяца, а особенно квартала, у меня в приемной «гостевали» директора многих заводов. Приезжали с просьбой повлиять на выполнение и перевыполнение государственного плана.

Но тут на экономику обрушились реформы, приватизация... Все наши производственные связи с промышленными предприятиями были разорваны, да они и сами зачастую ничего уже не производили.

И в колониях сразу упал заработок, да и вообще безработица нагрянула. Вот и думай: что хорошо, что плохо?.. Заключенные стали бездельничать, играть в карты и разве что еще работали, наводя порядок на территории. На прием, который я ежемесячно вел, ко мне часто стали приходить родственники осужденных и просить: «Товарищ генерал, помогите устроить моего сына (зятя, мужа, отца моих детей), потому надо алименты платить, да и ему “на ларёк”. Уж где-нибудь устройте, чтобы он работал».

Вместо былых «забастовочных комитетов» – мол, и так уж «государство нас наказало» – новые требования: «Дайте нам работу: иски надо гасить, детям алименты платить, семья бедствует!»

Как времена, однако, меняются...

Добавлю о наших колониях в районе Чусового. Там на протяжении ряда лет содержались политические заключенные, шпионы, по 70-й статье. Сидели и Щаранский, и Ковалёв, и другие известные в определенных кругах лица... Летом 1993 года мне передали указание президента Бориса Николаевича Ельцина об амнистии последних шести «политических» заключенных. Их таковыми на Западе считали, но на самом деле это были обычные предатели-«инициативники» – те, кто пытался с секретной информацией перейти границу и продать ее на Западе.

Я поехал в колонию, объявил об амнистии, и отпустили неудавшихся «шпиёнов» на свободу... «с чистой совестью», как гласил плакат на зоне. А потом обратились ко мне из общества «Мемориал», которое занималось делами о реабилитации политических заключенных 1930-х годов, периодом репрессий. Просьба – передать одну из коло-

ний в ведение местного отделения «Мемориала», чтобы создать там музейный комплекс. Я долго думал, потом принял единоличное командирское решение передать бывший лагерь историкам и правозащитникам.

Сейчас там открыт музей, его основатель даже стал лауреатом Строгановской премии. Мне не надо славы: мол, стоял у истоков... Но скажу, что принятое мной тогда решение в министерстве не очень одобряли. Некоторые мои друзья до сих пор упрекают: мол, не надо было такую сомнительную славу нашему краю создавать. Однако считаю: история есть история. Я принял решение как депутат Верховного Совета, как начальник УВД и как гражданин. Счел, что надо открыто показывать, в каких условиях там жили, и кто сидел.

Помню, что там отбывал наказание украинец Василий Стус. Он скончался от болезни и был похоронен там же, около лагеря. После развала Союза приехала делегация с Украины, забрали прах. Говорят, тысячи киевлян встречали гроб – похоронили как выдающегося поэта. Потом приехали ко мне несколько членов Союза писателей Украины и видные «незалежные» правозащитники, требовали какие-то две тетради: мол, были таковые изъяты у поэта. Объяснил гостям: я этим уже занимался, личное дело Стуса прочел от корки до корки и не нашел никаких свидетельств о том, что нашими оперативными сотрудниками, администрацией колонии или еще кем-то изымались тетради со стихами. Показал документы, его личное дело. Они пролиставали, не обнаружив даже намёков на правдивость рожденной кем-то легенды.

На этом с украинскими националистами и литературоведами мы и расстались.

Мороженое от генерала

Вот о чем особенно горько говорить – это о детских колониях. Их было две, и я регулярно там бывал. С болью в душе размышлял: а в будущем что с этими ребятами станет? Вырастут преступниками, или все же удастся помочь им найти другую дорогу в жизни? В колонии обучение в школе было обязательным. Дети из неблагополуч-

ных семей, пожалуй, впервые начинали системно осваивать знания, общаться с воспитателями.

А тут приходит приказ тогдашнего министра МВД Вадима Бакатина, чтобы эти детские воспитательные колонии из исправительно-трудовой системы передать в инспекцию по делам несовершеннолетних Управления внутренних дел напрямую. Этим они как бы выводились из «зековского направления», чтобы занимались ими педагоги – более демократичные люди. Когда мы обсудили этот вопрос, я написал пространное трехстраничное письмо министру: полагаю, мол, что это решение не очень правильное.

Мне позвонили из секретариата и сказали, что письмо прочитано, доложено министру, и он сказал: есть приказ, его надо выполнять. Но где-то через год все-таки вернули детские воспитательные колонии в систему исправительных дел. Я оказался прав, потому что видел всё сам, с ребятами много общался, понимал менталитет «малолеток». В основном они работали на велосипедном производстве, собирали колеса, монтировали спицы, шины – полный комплект. Какой-то заработок был. А главное – занятость.

Как-то в один из приездов в колонию объявил: у нас есть команда «Амкар» в Перми, которая играет в высшей лиге. Так у меня есть предложение – двенадцать лучших ребят из каждого отряда, передовых в учебе, производстве и дисциплине, повезу на футбольный матч.

Объявили такое соревнование. Подвели итоги. Я приехал заранее, поздравил передовиков. Уселись вместе в обычный автобус, никакой охраны, ни пистолетов, ни омонцовцев. Поехали на стадион «Звезда». Договорился, чтобы нас пропустили без билетов. Сели немножко в стороне от основной массы болельщиков. Началась игра, трибуны загудели... Ребята сначала были немножко зашоренные, да и то сказать – впервые с генералом проехали по городу, прошли по стадиону, увидели яркое зрелище. Постепенно увлеклись перипетиями на зеленом поле.

В перерыве я купил каждому по мороженому. Смотрю, они растаяли раньше подарка, начали улыбаться, впечатлениями делиться – мальчишки, для которых возникло мгновение счастья обычной жизни.

И – доверия: я им обещал, что не будет никакой охраны, всё под мою личную ответственность.

В колонии много было потом разговоров об этой поездке. Может, кто-то из этих ребят помнит ее...

Штурм

19 мая 1989 года в следственном изоляторе № 3 города Кизела заключенные захватили четырех заложников. Вместе с заместителем облпрокурора Бахаревым и бойцами ОМОНа я вылетел туда. Двенадцать зачинщиков были арестованы, задержаны. Заложники все остались живы. Но особо запомнились мне долгие переговоры...

Преступники требовали от нас автобусы, деньги – как обычно. А мы тянули время, чтобы лучше подготовить и провести спецоперацию. Привезли родителей заключенных, братьев. Совместно пытались уговорить. Те слушают – никакой реакции. Я убедился, что обращения родителей к преступникам: мол, «опомнись, сынок, выходи, я здесь тебя жду...» – эффекта не имеют. Наоборот, озлобляют: «Издаётеесь над матерью, психологически воздействуете, она сама так никогда не скажет...».

Твердо убежден, дилетантизм, самонадеянность, уверенность в своих талантах переговорщиков освобождению заложников не помощники. Нужны профессионалы. Сейчас такие в органах имеются. Их учили в академии новым приемам, сложному мастерству вести грамотные переговоры с захватчиками, с вооруженными преступниками, с террористами. Это целая наука, и ею надо обладать, чтобы задачи решать квалифицированно и эффективно.

Мы тогда, в 1989-м, были во многом еще не очень готовы к эксцессам. Например, у нас не оказалось специалистов-взрывников. Переложили, образно говоря, взрывчатку на двери, чтобы начать штурм. Ахнуло так, что у всех уши заложило. Коридоры следственного изолятора были изрешечены. Когда мы с прибывшим на место происшествия Игорем Юрьевичем Лумповым, в то время прокурором Пермской области, зашли в камеру, куда поместили задержанных инициаторов (а многих из них мы знали по именам), они, раненые, помятые, ошарашенные, на корточках сидели. Прокурор, как положено, спрашивал:

– Фамилия, имя, отчество, статья? Замечания есть?

– Нет, гражданин начальник. Спасибо, что живы!

Мне запомнилось, как горячо благодарили они: «Спасибо, что живы». Уверены были, что непременно будут все убиты.

Потом был суд, добавили им еще немалый срок. А ведь одному из них всего полгода оставалось до освобождения.

«ИМН» – без имен

В следственном изоляторе № 1 находились те, кто был под следствием, под судом или в ожидании отправки в колонию. Самые опасные в спецблоке – так называемые «имээнщики»: лица, приговоренные к исключительной мере наказания. Обычно их находилось там десятков-другой.

О смертниках не принято много рассказывать, и я не хочу вдаваться в подробности. Могу только сказать, что мне их никогда не было жаль. Слишком многое об их гнусных делах выяснялось в ходе следствия, и слишком бесчеловечными были поступки этих нелюдей, чтобы им сочувствовать. И уходили они в мир иной трусливо и отвратительно, обнажая свою мерзкую сущность и полное безволие перед лицом неизбежной кары.

У этих камер – отдельный пост, особая охрана, особый инструктаж персоналу. Сидели смертники обычно до полутора лет, а то и по два-три года. Потому что, как в народе говорят, «На суд – пересуд»: одна инстанция, вторая, Верховный суд, Президиум, потом «на помилование», потом указ о том, что в помиловании отказано... И все это время томительное ожидание исполнения приговора.

Что бросалось в глаза всегда: как только открывалась дверь камеры, ее обитатель впадал в ступор, потому что неизвестно, с чем пришли к нему. Может быть, как раз и объявят... И еще: я не видел ни одного приговоренного к смертной казни, который бы не стал веровать в Бога. Осужденные за страшные, особо опасные преступления, имеющие на своих обгаренных кровью руках не одну загубленную невинную душу, – все начинали обращаться к высшим силам, и камера, глядишь, уже оклеена образами святых. Просили дать Библию, некоторые начинали учить иностранный язык – это в ожидании неминуемой смерти!

Я приходил к ним, стараясь понять: как решились на такое? Помню совсем еще мальчишку, который совершил в районе кондитерской фабрики города Перми убийство пяти человек: целую семью жизни лишил – отца, мать, детей пяти и девяти лет, их бабушку. А ведь дружил с этими людьми. И нанес десятки ножевых ранений, в том числе 19 ударов в область сердца ребенка – пятилетнего мальчика. А самому убийце в момент совершения преступления всего 17 дней оставалось до 18 лет. По тогдашнему Уголовному кодексу для несовершеннолетних, за любое умышленное и неумышленное преступление Фемида могла дать не более десяти лет.

Я хотел понять: что вело по жизни этого парня, по сути, убившего в себе все человеческое, а это страшнее смертной казни. Только разговор не получился. Начал он огрызаться:

– А что вы меня тут провоцируете? Что на нервах играете? Какое ваше дело?

Я лишь спросил:

– Тебе хоть снятся эти пять трупов и мальчик безвинный?

Ничего он мне не ответил.

Честно могу сказать, что из всей череды убийц, которыми приходилось заниматься, не встретил ни одного, кто бы искренне раскаивался в содеянном. Ни одного! И спрашивается: почему преступник на себя берет такое право – лишать человека жизни, а государство должно быть к нему снисходительно? Он же осознавал, что совершает, – и тут уж, по-моему, должен действовать один принцип: око за око...

Заметки на полях

Двойные стандарты

Когда впоследствии я стал членом Парламентской ассамблеи Совета Европы и был включен в Комитет по правам человека ПАСЕ, то записался в подкомитет по смертной казни, который возглавляла некая баронесса из Нидерландов. Она искренне, всей душой верила, что смертную казнь на Земле отменяют все государства.

Когда Россия вступала в Совет Европы в 1996 году, то взяла обязательство: исключительная мера наказания – смертная казнь – из Уголовного кодекса будет убрана. Указом Президента казни были приостановлены, но некоторые суды продолжали выносить суровые приговоры,

хоть они и не исполнялись. Ввели такое понятие, как пожизненное лишение свободы. Сейчас уже много вынесено таких приговоров.

Прилетели как-то в Японию, обсудить эту проблему. Смертная казнь в Корее есть, в Сингапуре, в Китае, в самой Японии. Мы прилетели вечером, наутро намечено заседание с участием представителей местных исправительных учреждений и Министерства юстиции. Так японцы двух осужденных, которые несколько лет ждали исполнения смертных приговоров, поспешно казнили той самой ночью. Трудно передать, что творилось с делегацией, когда об этом стало известно.

Баронесса была вообще в шоке. Для нее случившееся предстало личной трагедией: мол, казнь связана именно с ее прилетом. Я много раз с ней разговаривал. Спрашивал: почему вы жмете так на нас, на Белоруссию? Вот в США из пятидесяти штатов более чем в тридцати пяти существует смертная казнь, и они регулярно лишают жизни несколько сотен человек. Ну как же – самая демократичная страна! Но никогда не было обсуждения на эту тему. И о позиции Китая тоже молчат поборники демократии и прав человека.

Такое проявление двойных стандартов характерно для западных политиков, в том числе и для Парламентской ассамблеи Совета Европы, в которой я пробыл одиннадцать лет и после окончания сенаторских полномочий. Даже удостоен звания Почетного члена ПАСЕ: мне вручили удостоверение и постоянный пропуск на заседания ассамблеи. Но об этой работе на «европейском векторе» – как-нибудь в другой раз...

Галина Старовойтова – депутат Верховного Совета, известная правозащитница. Одно время в демократических кругах ходило мнение, что Борис Николаевич Ельцин хочет назначить ее вместо Павла Грачёва на должность министра обороны Российской Федерации, – в то время стало модно назначать женщин министрами обороны в некоторых странах. Да и сейчас и в Финляндии министр обороны – женщина, и в ФРГ – женщина, и в Испании – женщина, даже будучи беременной, принимала парад, приходила в строевые подразделения. Все это смотрится не очень разумно и красиво, но такова «гендерная политика». Слава богу, Борис Николаевич не привел даму на подобную должность.

Так вот, как-то обедали с Галиной Старовойтовой, и она рассказывала о своей поездке в Англию, где им предложили в Министерстве юстиции съездить в колонию (тогда было принято обвинять нас в жестоких условиях содержания заключенных). Она взахлёб делилась восторженными впечатлениями о тамошних тюремных условиях:

– Вы знаете, Валерий Иванович, какой кофе готовят осужденные за убийство? Такие милые, начитанные люди... – и так далее.

Ну а я ей прямо заявил, что против отмены смертной казни.

Она:

– Нет, вы жестокий человек, надо все-таки быть гуманными.

Преступники расстреляли Старовойтову в подъезде собственного дома. Но их пребывание на этой земле почему-то продолжают сохранять...

Мне за годы работы в Перми нередко приходилось выезжать на места убийств, участвовать в организации раскрытия этих преступлений. Я уже говорил, что у нас были замечательные сыщики, настоящие профессионалы, имена которых знали и в МВД России, и в МВД Советского Союза. Пермский сыск был одним из передовых. Мы входили в тройку – пятерку лучших по раскрытию умышленных убийств в Российской Федерации.

В памяти у меня осталось нераскрытое убийство подполковника ФСБ Крестьянникова. Он был застрелен за рулем автомобиля около гаража, через форточку. Была создана объединенная следственная группа в составе ФСБ и Управления внутренних дел. Приезжал к нам главный сыщик МВД России, начальник уголовного розыска Иван Храпов, целую неделю работал с нами. Мы каждый день встречались с оперативными сотрудниками, отработывали все версии, но так и осталось это преступление нераскрытым.

Хотя и говорят некоторые либералы, что «надо быть гуманными, государство не должно быть таким строгим», но у нас в народе ведь правильно мыслят: а почему преступник берет на себя решение лишить человека жизни? Он же знает, на что идет.

Нет, повторю: око за око, зуб за зуб...

...Вместе с «линией»

Особое впечатление оставили в памяти перипетии так называемого преодоления пьянства и алкоголизма. Незабвенный наш «генеральный секретарь» (вмиг ставший в народной молве «минеральным») Михаил Сергеевич Горбачёв принял известное решение, и в мае 1986 года обрушилось на страну известное постановление «О борьбе...». Органы внутренних дел много времени и сил тратили на борьбу

с пьянством на предприятиях, на подборе пьяных с улиц, усилили контроль за работой медицинских вытрезвителей. А надо сказать, вытрезвители были в каждом городе, и работали они весьма напряженно.

Потом возникли сомнения в целесообразности существования этого вида милицейских «услуг». Их ликвидировали, переложив тяжесть проблемы на медицинские учреждения, которые, образно говоря, просто взвыли от наплыва грязных, неуправляемых пациентов.

Да, к сожалению, пьянство в России существует, иные граждане не знают норму в потреблении горячительных напитков. А зимы у нас долгие, холодные. Гибнут порой из-за того, что «не дойдут до дома с дружеской попойки»: или морду набьют, или ограбят забулдыгу, или замерзнет. Вот и подумаешь: не лучше ли было ему провести в вытрезвителе четыре-пять часов за не очень большую плату? Ну, да еще за толику позора в родном производственном коллективе.

Мы на службу пьянчугам посылали «берёзки», как в просторечии называлось сообщение: на информлистке была нарисована зеленая береза, которую обнимает пьяный. Трудовые коллективы по получении послания из милиции обсуждали выпивоху, лишали его премии, путевок и так далее, вплоть до подвижки вспять очереди на квартиру. Профсоюзная организация выносила случай на товарищеский суд, обсуждали, что дальше делать с провинившимся.

Тогда существовали ЛТП – лечебно-трудовые профилактории. В Пермской области таких было два, на пятьсот человек каждое. Направляли туда по решению суда, с согласия трудового коллектива и родственников. Срок в основном года два. И как ни болел за права человека, а реабилитация алкоголиков была в ту пору в Пермской области около 24 процентов. А за каждым процентом – живые люди, которым помогли.

Я встречался с женами, с членами семей пьянчуг, которые прошли через ЛТП, – ни одного отрицательного отзыва: мол, моего сына, или зятя, или мужа зря забрали в профилакторий. Все с благодарностью говорили: вот, слава богу, семья хоть отдохнет от хозяина, который пропивал все, руки распускал, обижал детей, соседей. В ЛТП тоже мужики нередко делились: мол, как-никак, а здоровье окрепло, помогает трудовая терапия, лечат знающие врачи-психиатры. В совокупно-

сти с системой медицинских вытрезвителей этим хоть как-то выстраивалась система конкретной помощи оступившимся людям.

Помню, как-то я приехал (это, наверное, было в 1987 году) в Соликамск. Около полуночи заглянул в медицинский вытрезвитель. Там около двух десятков «клиентов» уже собралось. Смотрю – одного закрыли в «клетку», как называли камеру. Он там буянил, ругался: мол, меня неправильно взяли, я трезвый! – и так далее. Подошел к нему, представился.

– А я тебя уволю! – услышал в ответ. – Вы тут ходите-ходите, знаю, вам деньги надо срубить – и всё.

Почему-то я тогда близко к сердцу воспринял упрек в якобы вымогательстве, говорю:

– Давайте так, я утром приеду. Вам во сколько на работу? К семи?

Решил сам отвезти буяна в трудовой коллектив. Дал указание сотрудникам: утром, когда он проспится, воды не давать. Это вот такой будет мой жестокий ответ на его суровые обещания и с работы уволить, и погоны снять.

Приехал я ни свет ни заря. Привели его ко мне.

Первое дело:

– Дайте попить.

– Здесь воды нет, поехали на предприятие, в бригаду.

Мы с начальником отдела внутренних дел поехали в этот трудовой коллектив. Собрали бригаду, человек двадцать пять.

Я вышел к людям:

– Вот я вам привез из вытрезвителя вашего коллегу, вашего товарища по работе. Есть протокол. Прочитать?..

Ну и «по оригиналу»: как он вел себя, как буянил, чем угрожал и так далее.

Выходит один из рабочих:

– Если бы вы не приехали сами, а прислали нам «берёзку», мы бы такому не поверили, потому что этот червяк мухи не обидит.

А тот одно твердит:

– Дайте попить!

Тут вся бригада захотела. Сначала он залпом стакан воды выпил, а потом уже начал оправдываться. Конечно, ему стыдно стало. Мне он

слова извинения сказал, отметив «воспитательное воздействие» трудового коллектива. Насколько искренне – на его совести, но, думаю, случай на предприятии без внимания и определенного резонанса не остался.

Да, в области значительно сократилось количество преступлений в пьяном виде и количество убийств – очень резко, почти в четыре раза. С 800–900 убийств в год (в 1995 году – 920) снижение было до 270–290. Вот и серьезный повод для раздумий.

Так жить нельзя!

Позвонил мне режиссер Станислав Говорухин: «Собираюсь в Пермь». Он мальчишкой жил в Березниках, и ему захотелось посетить город, где провел босоное детство. А задумка уже, видимо, была снимать фильм, который он потом назвал «Так жить нельзя!».

Плюсы в антиалкогольной борьбе середины 1990-х, конечно, были: выросла рождаемость, число разводов уменьшилось. Для нас особенно важно, повторю: снизилось количество зарегистрированных убийств. Но и минусы нешуточные: за спиртным возникли страшные очереди. Ограниченное время продажи, ограниченное количество ликероводочных изделий. Магазины позакрывались – на миллионный город Пермь «точек» семь, наверное, осталось. Протянулись к ним километровые очереди. Люди ругались в ожидании, копилось недовольство.

Мы стали выделять по несколько сотен милиционеров только на охрану общественного порядка при продаже спиртного. Всё это, конечно, негативно сказывалось на работе милиции, а самое главное, я бы сказал, на морально-политическом климате в обществе. В очередях нередко возникали драки, каждый хотел пролезть без очереди, а давали по две бутылки в одни руки. Потом перешли на талоны – очереди не исчезли, но появились новая «валюта» и новые виды злоупотреблений. Под гул недовольных вокруг водочных «синдикатов» начала группироваться преступность, всегда поднимающая голову в смутные времена.

Вышел фильм Говорухина. Несколько кадров мрачных очередей в Перми и Березниках попали в ленту, имевшую огромный обществен-

ный резонанс. Рассказывали, что Бакатин – тогда министр внутренних дел СССР – посмотрел минут десять, встал и ушел из зала. Ему правда в корне не понравилась: там была и критика министерства, и необходимые эти очереди, крики, бомжи, озверелые люди...

Атмосфера накалилась. Под огонь критики попал начальник городского Управления внутренних дел Перми, а им тогда был Петр Михайлович Латышев. В СМИ уже начали публиковать слухи, что милиция якобы находится в контакте с работниками торговли, продает водку из-под полы. Мол, у таксистов можно спиртное свободно купить, а «органы» спекуляцию не пресекают. И еще: ликероводочный завод в Перми большой, и если бы всю водку, которую там в течение суток выпускают, отдали бы в торговлю, и она «досталась бы народу», то и никаких проблем бы не возникло...

Я тогда по телевидению, под камеру, сказал, что берусь за этот вопрос, и с завтрашнего дня ни одна выпущенная бутылка не попадет на сторону. Всё, что будет произведено, всё доедет до торговли! Как начальник УВД гарантировал.

Вернувшись в Управление внутренних дел, пригласил начальников ОБХСС и ОМОНа – поставил перед ними задачу: с завтрашнего дня выставить оцепление вокруг завода, ни одну машину не впускать и не выпускать без жесткой проверки. И все грузовики, которые будут развозить продукцию, сопровождать с торговым работником, двумя омовцами и экспедиторами. Под роспись сдавать всю продукцию в магазины.

После выступления по ТВ было у меня такое ощущение – город притаился: неужто сделает милицейский начальник? Или это громкие, но пустые обещания?

Позвонил заместитель губернатора Евгений Саулович Сапиро – ему больше всех приходилось заниматься «рыночной экономикой»:

– Ну, ты отчаянный человек! А вообще, решение хорошее.

И мы напряженность сняли. Население Перми еще раз убедилось, что и руководство области, и начальник УВД, и милиция могут влиять на обстоятельства.

Когда начался «водочный кризис» в торговле, конечно, как и предрекали ученые, практики и СМИ, увеличилось самогонварение. При-

веду одну цифру: почти 25 процентов преступлений, зарегистрированных за те два-три года из общего количества (а их регистрировалось почти 30 тысяч), были статьи по самогонварению. Подпольные винокурни заработали почти в каждом доме, начали варить зелье, исчез сахар, о дрожжах даже не буду говорить – стали острым дефицитом.

Возникли «сахарные бунты». Люди выходили на улицы: почему нет сахара? Так что в период властвования Михаила Горбачёва мне пришлось испытать, что такое народный гнев – за «сахарными» пошли и «табачные» бунты. В магазинах пустые полки, талоны не отоваривались, люди возмущались, перекрывали улицы.

Я и на «табачные» бунты выезжал, разговаривал, убеждал. И, в принципе, слава богу, никаких тяжелых эксцессов в Перми не произошло. Силу мы никогда не применяли, да и понимали, что протестующие совершенно правы. Как и в случае с водкой, пришлось учитывать, сколько местная фабрика произвела сигарет, в какие они попали магазины. И люди знали, что органы внутренних дел это контролируют.

Но что мне бросилось в глаза? Толпы людей перекрывали автобусное и троллейбусное движение. Вставали трамваи. Крики, ругань с обеих сторон: кому-то ведь срочно ехать надо – в больницу, на вокзал, к ребенку, а тут лозунги и ненависть. С толпой надо было говорить. Только кому? Лицом к лицу с ней оказались, в первую очередь, сотрудники органов внутренних дел: полковник Сергей Новиков, Анатолий Лобов, другие коллеги. Мы втроем-вчетвером – несколько раз со мной был полковник Леонид Пилат, мой однокашник по юридическому факультету – выходили к людям. Ни одного представителя советской власти от горисполкома, от исполкомовцев Дзержинского, Ленинского, Индустриального районов не видели: больше всего власть боялась гнева народа. Не однажды я слышал на стихийных митингах: «А где советская власть?». Боялись отцы города встречаться с народом, потому что сказать было нечего.

Участковым и сотрудникам ОБХСС была дана команда выявлять самогонщиков и изымать самогонные аппараты. А техническая мысль, следует особо отметить, достигла высочайшего уровня. Талантливые мастеровые делали столь изящные и ладные аппараты, что поневоле задумаешься о беспределности инженерной мысли. Помню, когда мы

приехали на заседание коллегии Министерства внутренних дел Союза ССР в Москву (министром был в то время Бакатин), то в холле зала коллегии была выставка самогонных аппаратов, изъятых лучшим участковым Советского Союза на своем административном участке. Обычно на административных участках проживало от четырех до пяти тысяч человек. Так вот, этот капитан милиции изъял на своем участке за короткий период 71 самогонный аппарат! И министр его представил как пример: мол, вот так надо уметь организовывать работу, быть принципиальным, честным и выполнять приказы министра и решения Центрального Комитета партии по борьбе с пьянством и алкоголизмом!

Вокруг самогонных аппаратов ходили, словно на вернисаже, генералы и полковники, качали головами, а в душе, конечно... Но в то время на эту тему дискутировать не приходилось. Исполняя решения партии и приказы руководства!

В одном из сельских райотделов милиции нашей области я по приезде посмотрел статистику и уголовные дела, которые были возбуждены по самогоноварению, находились в дознании и в следствии. Обнаружил «дело» на бабулю, которой исполнилось аж 82 года! Помню, вызвал начальника и следователя, ну и участкового заодно – инициаторов возбуждения данного уголовного дела – и постыдил их перед всем коллективом отдела внутренних дел:

– Ребята, что же вы делаете? Нельзя же быть такими ярыми и бездумными исполнителями! Бабушка уже стоит перед образами и вратами, собирается в мир иной, а вы ей даете туда путевку в виде уголовного дела. Чувство меры ведь должно быть!

Сейчас размышляю порой: неужели одним головотяпством партийного руководства объясняются издержки перестройки? Или сама экономическая система уже не способна была обеспечить людям элементарных потребностей? Но жить ТАК уже было нельзя...

Подарок Бакатина

Министр Вадим Бакатин позвонил по ВЧ под самый Новый год:

– Как живешь? Доложи обстановку!

Доложил вкратце.

– Хочу сделать вам подарок. Тебе и личному составу.

– Какой, товарищ министр?

– Вертолет! Область у тебя большая, преступлений много, народу больше трех миллионов. Думаю, вертолет вам очень нужен в оперативных целях. Тридцатого декабря машина должна быть у тебя. Пока она в Улан-Удэ. Давай, командируй туда своих. Знаешь же, что у нас плановая экономика: раз министерству выделили, то оно должно получить и закрыть вопрос в этом году.

Что на это сказать?

– Спасибо, товарищ министр! Есть командировать для получения, товарищ министр!

Срочно связался с командиром второго авиаотряда на Бахаревке, у меня были с ним хорошие отношения. Говорю:

– Дай мне двух вертолетчиков в Улан-Удэ.

Словом, 30 декабря к вечеру вертолет был уже в Перми, в аэропорту Бахаревка. Проблем эта техника мне принесла немало: пришлось создать специальную команду, заняться всем спектром авиационных дел. Но – «дарёному коню...». К тому же, подарок стал большим подспорьем в работе, потому что по приказу министра внутренних дел при убийстве двух и более человек, при крупном дорожно-транспортном происшествии на место должны прибыть первое лицо Управления внутренних дел или его заместитель. Оперативная группа в Управлении всегда была начеку – следователь, оперативные сотрудники, эксперт, и наличие вертолета много раз помогало раскрытию преступлений, быстрому реагированию на те или иные события, в том числе и в поимке особо опасных преступников и беглецов из колоний.

Потом мы договорились с генералом Новиковым – моим заместителем по охране общественного порядка – практиковать на Ми-8 внезапное десантирование с проверками в тот или иной район нашей области. (Сергей Александрович Новиков – отличный человек, хороший сотрудник, знающий дело, любящий работу, старательный.) «Десантом» руководил ответственный от Управления внутренних дел, брали с собой сотрудников Государственной автомобильной инспекции, из системы охраны общественного порядка – всего человек пятнадцать – и вылетали в тот или иной район. Наводили, как мы говорили, «шорох» на дорогах, в общественных местах и других точках.

Тут в чем заваyka? Вот, например, кто-то из нарушителей рассчитывает на поддержку «своих» гаишников, а прилетают на происшеств-

вие совсем другие люди: им что Сидоров, что Петров... Помню, как в Кишерти во время такого неожиданного вертолетного рейда был задержан судья районного народного суда – в нетрезвом виде за рулем. Не уверен, что местные гаишники решились бы на такое задержание. Да ни в жизнь, как говорят.

А однажды обратился Иван Васильевич Камский, первый секретарь Оханского райкома партии:

– Валерий Иванович, ты что же делаешь? Меня сейчас Коноплёв убьет вместе со вторым секретарем, который отвечает за село!

– А что случилось?

– Так вчера к нам слетелось какое-то воронье и одиннадцать комбайнеров забрали!

А мне об этом утром уже доложили. Отвечаю:

– Насколько я знаю, они же пьяные были, причем на комбайнах. И правильно, что их взяли прямо в поле. Как можно работать в таком виде? А перевернется? Сам пострадает и технику убьет. Комбайн-то сколько сто́ит?

– Да я понимаю, что правильно задержали, и гарантирую: по башкам надаю всем – директорам, бригадирам, агрономам, чтобы смотрели за этим делом. Но ведь уборка идет, давай, помоги вернуть права! Пусть комбайны не простаивают!

Конечно, страда, надо хлеб добывать. Применили к выпивохам другие меры административного воздействия.

Из «Чайки» – в «Волгу»

И еще пришел мне на память случай, когда в 1994 году к нам в область приехал Председатель Правительства Российской Федерации Виктор Степанович Черномырдин, человек легендарный, особенно в области «лингвистической» – настоящий мастер острого словца.

Был составлен план его пребывания, который мы с руководством Комитета госбезопасности утвердили – там командовал Вячеслав Иванович Волох. Предусматривались встречи с трудовыми коллективами на заводах имени Свердлова, имени Ленина в Мотовилихе. Это самый старый пушечный завод в нашей стране и самый крупный – до 60 тысяч работников. Они тогда «Грады» делали и другую

военную технику – номенклатура большая была. Для поездок гостю приготовили автомобиль «Чайка». А уже разворачивались тревожные события в Чечне, да и политический кризис 1993 года не был еще до конца исчерпан.

Приехали в Мотовилиху. Черномырдин в цехах общается с рабочим классом. Вдруг подходит ко мне Волох и говорит:

– Давай отойдем в сторонку. Поступила информация от оперативного сотрудника и в дежурную часть, что готовится нападение из гранатомета на кортеж председателя Правительства. В одном из домов по пути следования, возможно, находится террорист. Валерий Иванович, ты за это дело отвечаешь, принимай решение.

Ей богу, не сразу поверил, что в нашем городе такое может случиться: тем более, к визиту готовились, всё проверяли. Как говаривал сам Виктор Степанович, «никогда такого не было – и вот опять!».

Но надо действовать. Уже минут через десять кортеж должен выезжать к зданию облисполкома для встречи с активом области, а потом предстоял выезд на моторостроительный завод. Там будут ждать министры, губернатор. Подхожу к Черномырдину:

– Виктор Степанович, надо переговорить.

– А что случилось?

– Предлагаю дальше поехать на моей «Волге» – я вам покажу город. А «Чайка» подъедет потом.

Он понимающе кивнул:

– Интересное предложение. Ну, как скажете...

И не стал задавать мне вопросов. Начальнику его охраны я сообщил, конечно, в чем дело, а Виктора Степановича информировать не стал.

Формируется кортеж. Мы садимся в «Волгу». Впереди, рядом с водителем, личный врач Черномырдина, на заднем сиденье расположились он и я. Проехали по бульвару Гагарина, мимо гарнизонного универмага, института галургии, выезжаем на Комсомольский проспект и едем к зданию облисполкома. Никаких эксцессов. Видимо, был ложный сигнал. Виктор Степанович оставался абсолютно спокойным, хотя, конечно, всё понял, но ничего так и не спросил.

Потом мы обедали. Я ему подарил книжку «10 тысяч жаргонных слов преступного элемента». Эта книга его так заинтересовала – даже

есть прекратил и стал читать вслух «воровскую феню» и ее расшифровку. Расхохотался и даже в машине, пока ехал в аэропорт, продолжал читать. (Мы потом встречались, когда я стал работать в Москве. Он говорил: «Я иногда читаю эту книжку, которую ты подарил. Оригинальная штука, очень образная речь...».)

Когда проводили председателя Правительства, остались узким кругом: губернатор Кузнецов, его боевой заместитель Игумнов. Отметим рюмочкой завершение визита. Домой решили ехать на «Чайке». По дороге они меня спрашивают:

– А ты почему Черномырдина забрал к себе в машину?

Вынужден был сказать об угрозе. И тут друзья на меня наехали:

– Это что же, мы были как подсадные утки в этой «Чайке»! Ехали и не знали, что под прицелом!..

Успокоил:

– Никакого «прицела» не допустили бы, а сохранность второго лица в нашей стране – для милиции закон.

У меня были очень теплые отношения с Геннадием Вячеславовичем Игумновым и Борисом Юрьевичем Кузнецовым, и, конечно, с Евгением Сауловичем Сапиро. Мы очень плотно совместно работали – это были уже современные руководители, которые вели жизнь Прикамья в сложнейших условиях перестройки, а уж потом нагрязнули и ваучеры, и приватизация, и безденежье, новые законы, новые налоги... Они и в кризисное время проявили себя очень хорошими управленцами, замечательными людьми.

Я их всегда приглашал на наши офицерские собрания. Когда коллегам присваивали звания полковников, ввел за правило, чтобы не было каких-то полулегальных междусобойчиков, устраивать офицерское собрание – вручение папахи, погон. Так вручали и ордена, боевое наградное оружие или грамоты министра внутренних дел. И обязательно участниками этих торжественных моментов были Геннадий Игумнов и Евгений Сапиро. Они помогали органам внутренних дел и словом и делом. Первого потом избрали губернатором, а Евгения Сауловича – председателем Законодательного Собрания. В 1998 году Сапиро был назначен министром по делам национальностей Российской Федерации. Сам их жизненный путь говорит о неординарности этих личностей.

Они хорошо дополняли друг друга. Геннадий Вячеславович – отличный организатор, знающий область, ее проблемы. А Евгений Саулович пришел в исполнительную власть из науки, университетский профессор, экономист. В облисполкоме раньше проводилась раз в месяц учеба для руководителей областного масштаба. Самые лучшие лекции на экономические темы читал именно он: очень доступным, ярким, образным и при этом научным языком рассказывал о сложных экономических проблемах, без утайки о минусах в ведении народного хозяйства анализировал ситуацию в области, на Урале и в целом в стране.

Искренне могу сказать, что любо-дорого было смотреть, как они дружно с Игумновым работали: очень профессионально, добиваясь хорошего конечного результата по любому вопросу. Губернатору Борису Юрьевичу Кузнецову было с такими коллегами комфортно, он им полностью доверял, знал, что они работают честно, не на себя, а на область.

Мы работали вместе. Геннадий Игумнов, Борис Кузнецов и мой заместитель Сергей Новиков (сидят справа налево) – участники совещания с главным гаишником России Владимиром Федоровым (стоит слева) и Владимиром Мовчаном – стражем пермских дорог

Стать генералом...

В апреле 1990 года в Перми проходила сессия областного Совета народных депутатов. Я в то время еще оставался его депутатом, хотя уже был избран в Верховный Совет. И вот, во время заседания входит в зал дежурный офицер Управления внутренних дел, ищет меня глазами, подходит и говорит:

– Товарищ полковник, звонил по ВЧ министр внутренних дел Бакагин, просил, чтобы вы ему перезвонили.

Я доложил спикеру, что меня вызывают по служебному вопросу. Еду по Комсомольскому проспекту, а мысли одолевают: какие вопросы возникли у министра? Надо сосредоточиться для доклада.

Приезжаю, набираю нужный номер. Через несколько минут:

– Бакагин слушает...

Я представился. А он торжественным тоном говорит:

– Валерий Иванович, я вас искренне и душевно поздравляю с присвоением высокого звания генерал-майора милиции. Считаю, в этом большая заслуга и ваших родителей. От моего имени обязательно поздравьте маму и папу за то, что они воспитали настоящего генерала... – И еще продолжались теплые слова.

А я перед разговором разложил все имеющиеся под рукой сводки и данные о состоянии преступности. Так, перебирая бумаги, и выслушал поздравление:

– Продолжайте работать так же успешно. До встречи!

На этом разговор закончился. С облегчением сел, отдышался, ни с кем, естественно, новостью делиться не стал, а поехал опять на заседание облсовета. В перерыве председательствующий спросил: что, мол, за срочность, какие вопросы у министра были, какие указания? Пришлось сказать, что замечаний к пермской милиции не возникло, а было лишь поздравление в связи с присвоением мне звания генерал-майора.

После перерыва спикер начал работу сессии с объявления: нашему коллеге-депутату присвоено звание генерал-майора. Раздались аплодисменты.

Присвоение высокого звания означало для меня определенный рубеж, повышающий ответственность, и, что скрывать, было очень

Генерал. На строевом смотре

радостным событием. Особенно приятно было известить родителей, передать им слова министра и глубокую свою благодарность.

В один из дней Первого Съезда народных депутатов России в Кремле в здание, где проходили заседания, первый раз пришли к нам Михаил Горбачёв и Николай Рыжков – Председатель Совета Министров СССР. Естественно, многие из нас стремились с ними заговорить, в том числе и я. Оказался рядом с Горбачёвым. Его охранник Медведев попытался меня оттеснить: «Куда ты?». Это мне – депутату, генералу! Он сразу: «Я понял!».

Поприветствовал я Рыжкова:

– Николай Иванович, здоровья желаю! Генерал Фёдоров из Перми.

– О, земляк, уралец. Как живешь? Как работается?

– Николай Иванович, я подошел к вам не докладывать о своей жизни, а высказать свою искреннюю благодарность.

– Это за что? – удивился Рыжков.

– В конце апреля получил постановление Совета Министров Союза ССР за вашей подписью о присвоении мне звания генерал-майора.

Он меня обнял и говорит:

– Это хорошо, что подписал. Значит, правильно работаем с кадрами. Поздравляю еще раз и надеюсь на таких депутатов, как ты.

Мы потом много раз встречались с Николаем Ивановичем, когда он стал депутатом Государственной Думы. А годы спустя судьба вновь нас свела в Совете Федерации. И до сих пор с этим знаковым государственным деятелем у меня сохраняются хорошие, не побоюсь сказать, дружеские отношения. Он ко мне по-отечески относится. Одно время я был членом комиссии по естественным монополиям, а он – ее председателем. Мы с Николаем Ивановичем много ездили по стране и за границу выезжали, на Байкале были, в Иркутске встречались с Валентином Распутиным. Оказалось, Рыжков дружил с этим замечательным писателем.

Мне помнятся наши откровенные разговоры с Рыжковым при дальних перелетах. Он – глубокий аналитик, очень информированный. И при этом очень доброжелательный и искренний человек. Я порой даже смущался, когда Николай Иванович меня рекомендовал при знакомствах:

– Вы учтите, Валерий Фёдоров – это еще советский генерал. А в то время получить звание было не так легко, как сейчас. «Звезды» с неба на погоны не падали – надо было трудиться!

Согласитесь, приятно слышать такое из уст выдающегося человека, руководителя, который много сделал для развития нашей страны и сейчас продолжает работать. Несмотря на свои большие годы, активно участвует в деятельности Совета Федерации, где я работал рядом с ним почти десять лет.

Михалковы

Коль речь зашла об известных людях, хочу рассказать о знакомстве с великим (не побоюсь этого слова) советским поэтом Сергеем Михалковым. Как это нередко бывало тогда, все началось со звонка из обкома партии. На проводе – первый секретарь Борис Всеволодович Коноплёв:

– Знаешь, что проходят Дни литературы в Пермской области?

– Конечно, – отвечаю. – Мы же принимаем участие в организации встречи, в охране общественного порядка.

– Я слышал, у тебя катер есть генеральский?

– Да, есть.

– Он... подходящий?

– Нормальный, там и кухня есть, и команда хорошая, и капитан. Чисто, уютно, всё по-взрослому.

– А ты можешь организовать поездку по Каме Сергея Михалкова и нового секретаря Союза писателей России Юрия Верченко?

– Ну конечно, пожалуйста!

Словом, заехал в гостиницу обкома, забрал в машину знаменитых литераторов и – на пристань. Подали к причалу флагманский катер. Встретил нас приветливый капитан:

– Пойдем вверх по течению в сторону реки Чусовой, там хорошие места.

Сидим на верхней палубе, знакомимся, разговариваем. Михалков – замечательный рассказчик, юморной. Плыдем так минут пятнадцать. Он вдруг говорит:

– Ну что, полковник, на прекрасной реке, в прекрасной компании, на прекрасном пароходе есть что-нибудь выпить?

Я говорю:

– Да вы что? Сейчас же идет борьба с пьянством и алкоголизмом – меня с работы снимут. Могу предложить минеральную воду. Сейчас употребление крепких напитков не поощряется, а, наоборот, ведет к наказанию!

Он сразу:

– А зачем мы тогда сели на этот пароход?

– Посмотрим красоты Камы, Чусовой, панораму славного города Перми.

– Что я, этих елок и домов по берегам не видел, что ли?! – И прямо по-настоящему заорал: – Капитан, табань! Поворачивай, едем назад! – И говорит: – У нас в номере есть две бутылки. Сейчас поедем ко мне, выпьем, посидим. Коль ты ничего не можешь организовать, давай, поворачивай назад!

– Да нет, подождите, – успокаиваю я поэта, – может быть, что-то найдем. Давайте спустимся в трюм, а то даже корабль еще не осмотрели.

– Ну пойдем, прогуляемся. И – всё! Давай к берегу – туда, где нас взял, вызывай машину!

Спускаемся вниз. В салоне накрыт шикарный стол – закуски сервированы, пиво, водка, шампанское...

Он говорит:

– О! Это меняет дело. «Купил» ты нас, хоть и не первое апреля. Вижу, ты отличный хозяин...

Вот так неформально и даже очень весело началось наше знакомство. Для меня это был автор моего любимого в детстве «Дяди Стёпы – милиционера», Гимна СССР, многих спектаклей и фильмов. В каждом доме на полках – его произведения. Стихи Михалкова разучивали в школах. И вот представился случай поговорить с человеком, который общался с многими великими мира сего начиная от Сталина.

Было интересно услышать живой рассказ о событиях его жизни, об отношении к искусству, к природе, к женщинам. Не скрою, успел немножко подготовиться к встрече, перечёл басни Михалкова и другие стихи – так что мог поддерживать разговор, спрашивать «по делу». И даже процитировал одну из запомнившихся мне басен о том, как «американский доллар важный, который нынче лезет всем в заем, однажды – с советским встретился рублем...»:

– *«И ну куражиться, и ну вовсю хвалиться: / "Передо мной трепещет род людской, / Открыты для меня все двери, все столицы, / Министры и купцы, и прочих званий лица / Спешат ко мне с протянутой рукой. / Я все могу купить, чего ни пожелаю... / Сравниться ли со мной какому-то рублю?.." / "А я с тобой не думаю равняться, – / Советский рубль сказал ему в ответ. – / Тебе в любой стране лишь стоит появиться, / Как по твоим следам нужда и смерть идут. / За черные дела тебя берут убийцы, / Торговцы родиной тебя в карман кладут. / А я народный рубль, и я в руках народа, / Который строит мир и к миру мир зовет, / И всем врагам назло я крепну год от года. / А ну, посторонись – / Советский рубль идет!"»*

(Кстати, сейчас подумал: вот заменить в басне «советский» на «российский» – и актуальность написанного в 1952 году не изменится.)

Всё это гостю моему было приятно, возникла ниточка добрых, искренних отношений. Он записал мне номер телефона:

– Как будешь в Москве, обязательно заезжай, знай, что есть у тебя теперь друг – Сергей Михалков. Звони обязательно. У меня сын

Никита, так я ему о тебе обязательно расскажу – надеюсь, познакомитесь...

Примерно через месяц Сергей Владимирович позвонил мне и попросил разузнать об одном человеке, находившемся в местах лишения свободы: как и что с ним? Потом еще перезванивались от случая к случаю.

Однажды вечером, когда рабочий день уже закончился, а я только что приехал с мероприятия, дежурный офицер в приемной подошел с докладом, как положено. А я смотрю – неподалеку стоит какой-то купчина в одежде старинной, с цепочкой от карманных часов.

– Здравствуйте, я вас жду!

Смотрю – да это Никита Михалков! Поздоровался, зашли в кабинет.

– Знаете, Валерий Иванович, мы вместе с моим другом Анатолием Ромашиным снимаем фильм. Пароход у нас тут. И сын мой Степан тоже здесь, в съемочной группе. Я приехал к вам, потому что папа мне наказывал: «Поедешь в Пермь – обязательно зайти к Валерию Фёдорову. Ты должен с ним познакомиться и впредь общаться». Вот выполняю папину просьбу. Давайте ему об этом доложим.

По ВЧ позвонили в Москву. Никита сообщил:

– Я в кабинете Валерия Ивановича нахожусь.

Сергей Владимирович со мной переговорил, мы сказали теплые слова друг другу. А потом начался разговор с Никитой, который оказался интереснейшим собеседником. И хоть виделись мы первый раз, сразу возникла теплая атмосфера дружеского общения. Перешли на «ты». Рассказал ему: только что закончились события с захватом и освобождением заложников в следственном изоляторе. Обрисовал детали происшествия. Он очень внимательно слушал.

– Так ведь это целый сценарий, Валерий Иванович, для хорошего фильма о мужестве ребят.

Зашли в мою маленькую комнату для отдыха. Он заинтересованно спросил:

– А что в холодильнике у тебя?

Отвечаю:

– Молоко. Я в основном по этому делу.

– Нет, это несерьезно. Я, как купец, приглашаю тебя на свой корабль, поехали, посидим.

В этот момент мне особенно живо вспомнился прием на катере Михалкова-старшего. История повторялась. Только в новом ракурсе. Решил отказаться:

– Мне утром в шесть часов выезжать в Карагайский район: наша группа офицеров руководящего состава встречается с населением.

– Так до утра навалом времени. Когда первая встреча?

– В восемь часов...

– О, нормально! Поехали ко мне, еще немножко пообщаемся.

Едем по вечернему городу, на мне, как положено, форма. Никита вдруг говорит:

– Слушай, надо бы что-то прикупить, у меня на судне не очень богато.

– В продаже алкоголя нет.

– Заедем в какой-нибудь ресторан, там возьмем!

Пришлось подсказать водителю:

– Давай к ресторану «Урал».

Остановились на углу, около оперного театра. Думаю, гость, условно, важный и желанный, надо бы принять как следует, но не пойду же я в милицейской форме просить бутылку водки!..

– Ты не ходи. – Никита мгновенно ситуацию понял. – Я сам сейчас зайду, кой-чего возьму.

Ушел. Сидим в машине, ждем двадцать минут, полчаса, сорок минут – нет Никиты. Прошу водителя: давай, мол, разведай, что там. Не успел он дверцу открыть, смотрим: вываливается на улицу вся ресторанная братия во главе с поварами и директором – провожают Никиту Сергеевича. Официанты пару больших коробок несут в машину, укладывают в багажник:

– Спасибо, Никита Сергеевич, что зашли!

И представил я себе картину, как Михалков в купеческом обличье зашел в зал и попросил старшего метрдотеля: «Мне бы вот...». Понятно, посетители окружили: да мы вас так не отпустим! Не объяснять же публике, что начальник милиции в машине ждет.

Словом, пообщался Никита с пермяками накоротке, положили любимому артисту и режиссеру с собой закуски всякой разной, ну и водку, шампанское. Поехали мы на причал, накрыли на пароходе стол, долго

сидели – чуть не до часу ночи. Я познакомился тогда с его другом – актером Ромашиним, с сыном Степаном. Вчетвером посидели по-мужски, разговаривали обо всем. Очень памятная для меня встреча.

Кама, словно рифма, связала для меня два визита Михалковых в Пермь. А что касается выпивки и застолья – что делать, традиции на Руси не меняются. Не помешала же пара рюмок нормальному общению вполне сдержанных в отношении спиртного людей. Всегда я был против пьянства и разгула. Но и загонять людей в «нелегальные» условия, думаю, нужды особой у государства не было. Пришлось как-то противостоять «перегибам»...

С тех пор наши отношения укрепились. Особенно когда переехал я в Москву. Встречаемся время от времени с Никитой, был на последнем юбилее Сергея Владимировича, порадовал его шуткой про милицию и «дядю Стёпу Михалкова». Выяснилось, к тому же, что Никита – отчаянный охотник: в Вологде мы много раз на охоте бывали, на вертолете с ним летали на Вытегру и далее. У него теперь там даже заимка своя есть, дружеские отношения были (и остаются) с тогдашним вологодским губернатором Вячеславом Евгеньевичем Позгалёвым. Храню дорогую мне фотографию, где мы втроем в один из вечеров.

Никита Михалков много раз бывал на наших Рождественских чтениях в Академии управления. Берегу эти очень теплые, дружеские отношения. И рассказываю не для хвастовства: мол, приобщился к знаменитостям. Просто это пример, как милицейская жизнь сводит с людьми искусства.

А порой – и с людьми из «большой политики»...

На крыльях – над страной

Не могу не вспомнить еще одного замечательного крупного руководителя, политика, организатора. Достаточно сказать, что он работал в трех правительствах – Казахстана, СССР и Российской Федерации. Это самый молодой министр черной металлургии Олег Николаевич Сосковец.

В 1996 году, будучи доверенным лицом президента на выборах, мы с ним, а также с начальником ФСБ Барсуковым и Валентином Алексеевичем Соболевым, заместителем начальника ФСБ России, летали вме-

сте по стране в президентском самолете и в самолете первого вице-преьера в предвыборном турне.

Надо сказать, что рейтинг Бориса Николаевича упал тогда до «уровня погрешности». Все осознавали, что обстановку в стране надо менять. Но – умом понимали, что приход к власти тех же «зюгановцев» (при всем моем уважении к лидеру КПРФ) принесет новые осложнения. И мы сделали ставку на то, что надо «голосовать сердцем». Лозунг ушел в народ.

Мне пришлось в мае – июне летать каждый день по предвыборным делам, находиться вместе с Наиной Иосифовной, с Борисом

Николаевичем, с его дочерью Татьяной. Был всегда с нами и помощник президента. Мы частенько завтракали, обедали и ужинали вместе с Борисом Николаевичем, и всегда рядом находился начальник протокола Владимир Николаевич Шевченко – удивительно скромный человек, исключительной порядочности. Я рад, что меня с ним судьба свела. Общение с такими людьми многому учит. Мы до сих пор иногда с ним созваниваемся, поздравляем друг друга в дни рождения, с всенародными праздниками. Я на его примере еще раз убедился, сколько есть не очень заметных, но по-настоящему государственных людей, ответственных за нашу страну, болеющих за нее.

Министр внутренних дел Анатолий Сергеевич Куликов вызвал меня в субботний день:

– Борис Николаевич собирается в понедельник вылететь в Ставропольский край. Ты как доверенное лицо летишь вместе с ним. Летят Барсуков, Коржаков, Соболев, Шевченко, Лужков, Ресин, Наина Иосифовна. А еще Каданников. – Бывший гендиректор ВАЗа в то время работал уже заместителем председателя Правительства. – Я тебе дам особое поручение. Основное мероприятие будет в Будённовске. Надо подготовить девятнадцать человек на награждение государственными наградами – и живых, и погибших. За ночь оформить все наградные, подписать их, подготовить Указ Президента, взять с собой награды и вручить. Протокол укажет время.

Собрал я всех сотрудников наградного управления. Быстро сделали всё.

Вручали награды в пережившем налет террористов Буденновске вместе с Борисом Николаевичем. Я зачитывал Указ Президента, Ельцин вручал. Потом было собрание избирателей в городском Доме культуры. На площади перед Дворцом казаки подарили Борису Николаевичу коня, нагайку, кричали: «Любо!». Зашли мы в зал, сели вместе – Олег Сосковец, Лужков, Ресин, Коржаков и я – в первом ряду, прямо перед трибуной. Объявили выступление Ельцина. Он выходит – зал неистовствует. Начинается речь. Говорит бойко, складно, без передышки.

Лужков:

– Ну, дед дает! Откуда такое здоровье? Слушай, как четко – не мэкает, не вэкает.

Храню благодарность
от первого Президента России

– Деревня! – усмехнулся Коржаков. – Видишь у трибуны две рамки стеклянные? Так это суфлёры: недавно Билл Клинтон подарил Борису Николаевичу. Вот он и читает по тексту. А залу-то не видно.

Так пригодилась Ельцину новая техника, впервые опробованная на выборах.

Вспоминаю, мы были в Новосибирске, в театре оперы и балета. Конечно, впечатляющая площадь, шикарное здание – Большой театр, мне кажется, меркнет. А ведь в войну строили, в 1942 году, при Сталине возвели такое монументальное, величественное сооружение. Решил Ельцин посмотреть метро. И, как в Перми в 1991 году, так и тут: мы с Коржаковым еле-еле защитили Ельцина от толпы, не стали даже спускаться в подземку при такой толкучке.

Проще было на встречах в цехах, на заводах, фабриках. Я видел, как Борис Николаевич, если в какой-то беседе с рабочими, с руководством того или иного завода попадал в неловкое положение, не мог ответить четко на тот или иной вопрос, то говорил: «А где Сосковец? Олег, иди сюда, отвечай давай». Потому что это была «ходячая энциклопедия». Сосковец знал и помнил, мне кажется, всё в любой отрасли: любую цифру приводил, не напрягаясь, отвечал и на житейские вопросы, и на глобальные, стратегические. Мы с Валентином Соболевым нередко поражались объему его эрудиции, знанию дела. И Олег Николаевич как-то душой прикипел к нам: мы вели многочасовые душевные разговоры о жизни, о политике.

Сосковец был очень привержен Ельцину, пользовался уважением в среде директоров крупных предприятий. Особенно это было видно, когда мы встречались с тем или иным руководителем металлургической промышленности, в том числе я вспоминаю встречу с Юрием Булаевым – директором Мотовилихинского завода. Да и в Лысьве, в Чусовом знали, что Сосковец – это ас, бывший директор Карагандинского металлургического завода, министр металлургической промышленности СССР. Я много раз присутствовал на встречах с избирателями, которые он проводил как самое доверенное лицо Ельцина. Это были большие залы, тысячи людей. Непринужденно, без бумажки вел Олег Николаевич откровенные, убедительные разговоры с итоговым лозунгом: «Голосуйте за Бориса Николаевича, голосуйте сердцем!».

Однажды он пригласил меня на встречу с приехавшим в Россию министром внутренних дел Польши. Олег Николаевич курировал правоохранительные органы в нашей стране. Это у него я проходил собеседование при утверждении на пост замминистра. Очевидно, он и потом присматривался ко мне. Так вот, должна была состояться официальная встреча польской делегации с первым заместителем председателя Правительства и нашим министром МВД:

– Я тебя включил в список приглашенных, надо привыкать к общественно-политической работе. Мероприятия на таком уровне очень помогут твоей адаптации.

Приехали с министром Куликовым в Белый дом, идем по коридору. Глядим, идет навстречу министр из Польши, рядом – Олег Николаевич. Он здоровается с Анатолием Сергеевичем, следом я протягиваю руку. А он меня дружески обнимает. Куликов удивленно вскинул бровь. Провели встречу. Потом едем на Житную, в машине он спрашивает:

– Слушай, а ты чего не сказал, что близко знаешь Олега Николаевича?

– Ну я же не могу это афишировать.

– А откуда знаком?

Я рассказал. Для министра было неким откровением, что у меня имеются такие отношения «наверху», и я не хвастаю ими.

Добрые отношения с Сосковцом так и остались, сейчас они такие же теплые, тем более, что жизнь... Как говорится, «земля круглая – всякое случается». Елена Николаевна, его жена, сейчас работает вместе с моим зятем Стасом. Она заведует родильным отделением Центральной клинической больницы. Стас заведует одним из подразделений ЦКБ и является ее заместителем. Так что сейчас мы иногда встречаемся на различных торжественных собраниях и домашних мероприятиях.

Мне импонирует неизменно достойное поведение Олега Сосковца: сейчас он не занимается политикой, отошел от руководства правительством по известным причинам, но – никаких попыток кого-то упрекнуть. Работает, руководит одной из финансовых групп, в том числе занимается металлургией России. Умный, начитанный, знающий специалист и политик – у него много друзей в нашей стране.

Пресс прессы

«Пермский период» мне особенно памятен тем, что в своей работе мы постоянно искали современные методы, новые подходы. Можно припомнить массу примеров, когда вдруг возникала идея, а из нее выросло дело. Например, я не раз наблюдал в Москве работу конной милиции при проведении общественных мероприятий – футбольных матчей, митингов, демонстраций. Убеждался, как вид экипированного всадника и всхрапывающего боевого коня отрезвляюще действует на любителей беспорядков – почище уговоров.

Из автомашин и с мотоциклов не всё углядишь при патрулировании. Ну как в том же Балатовском парке, в лесах городской черты и в других подобных местах отдыха пермяков следить за порядком? Другое дело – проехать по лесной тропке или по аллеям садоводческих товариществ верхом на скакуне, с милицейской выправкой и зорким взглядом! Совсем рядом с Пермью был 9-й конезавод, а еще коневодством занимались в районах с преимущественно татарским и башкирским населением. Словом, с лошадьми вопрос можно было решить.

Издан приказ о создании конной милиции при городском Управлении внутренних дел. На ипподроме взяли в аренду несколько конюшен, выбрали контингент из бывших деревенских, которые имели бы склонность к уходу за лошадьми, купили амуницию. Конная милиция начала работать. Думаю, идея дала хорошие результаты. Инициатива была одобрена и руководством области, и населением. В печати появились положительные отклики и интересные репортажи...

Надо сказать, мы активно работали с журналистами. Я ввел практику раз в месяц в Управлении внутренних дел проводить брифинг для всех средств массовой информации. Зал вместимостью человек в сорок был всегда заполнен. Проходили наши встречи час-полтора. Всегда исповедовал я максимальную открытость в работе органов внутренних дел, доступность для людей, для прессы, работающей с населением, – это осталось для меня важнейшим принципом в работе по сей день.

Редакции меня нередко приглашали, и я охотно ходил на встречи с журналистскими коллективами – в областную газету «Звезда», в «Ве-

чернюю Пермь», в районные и городские издания. Довольно часто выступал по телевидению. Делал это, конечно, не во имя саморекламы. Задача – поведать как можно большей аудитории о работе милиции, не скрывая острых проблем, откликаясь на события, которые волнуют всех.

В редакциях газет можно было импровизировать, но в ТВ-студии не хотелось выступать перед людьми экспромтом – не перед толпой же находишься, а перед камерой, фиксирующей каждый жест и каждое слово. Приходилось серьезно готовиться к каждой встрече. (Маленькая ремарка. Интересно, что после выступления на телевидении бухгалтеры сразу приносили ведомость, и надо было расписаться в ней. Рублей восемь – десять платили за интервью. А сейчас, чтобы попасть на ТВ, самим надо деньги платить: выступай, но «бабки вперед» – и любой каприз за ваши деньги! Да и во многих редакциях сложилась порочная, на мой взгляд, практика: публикация положительного материала стоит определенных сумм. Как, наверное, и отрицательного...)

Предмет моей особой гордости: в 1989 году наше Управление внутренних дел создало одну из первых в стране милицейскую газету. Назвали ее «Досье 02». Пригласили на работу лучших в пишущей пермской братии журналистов. Коллектив маленький, четыре-пять человек, но это были очень талантливые, увлеченные, честные работники, обладавшие хорошими перьями и пониманием задач массового отраслевого издания. Конечно, проблемы правопорядка, защиты граждан от криминала и произвола волновали тогда всех. И мы довели выпуск нашей газеты до 50 тысяч экземпляров: почти 40 тысяч шло по подписке, 10 тысяч – в розницу. Выходили один раз в неделю, в пятницу, и газету ждали, читали, цитировали.

Но всё это требовало определенных средств. Деньги же были бюджетные, государственные. Помогали выпускать газету некоторые руководители банков, промышленных предприятий, но особенно хорошо поучаствовал Соликамский бумкомбинат. Я съездил к директору Баранову, рассказал о наших проблемах. И договорились, что несколько тонн сверхплановой бумаги ежегодно будут выделяться для газеты «Досье 02». Это был вклад коллектива соликамских бумажников

в наше общее дело. В то время каждая третья газета в СССР печаталась на бумаге, которая производилась здесь.

Помню, как ко мне обратился знаменитый романист Юлиан Семёнов. Он тогда взялся издавать газету «Совершенно секретно». Но – дефицит бумаги!.. И он мне звонил: «Валерий, подключись, пожалуйста!». Я съездил на комбинат, который производил бумагу высших сортов, и помог писателю Юлиану Семёнову и его быстро ставшей популярной газете.

Отцы эфира

Вскоре мы сделали еще один важный шаг – открыли первое в стране «Авторадио». В Советском Союзе оно впервые вышло в эфир у нас, и основателем его было Управление внутренних дел Пермской области. Чем и горжусь.

Идею подал бывший начальник ГАИ Владимир Мовчан. Как-то он ко мне пришел:

– Валерий Иванович, я слышал, в Венгрии есть «Авторадио», которое занимается профилактикой автодорожных преступлений и работает на полицейскую тему. Можно, я съезжу к венграм в командировку?

Я принял командирское решение:

– Давай езжай, посмотри, как оно там работает, и попробуем это делать у себя.

Съездил, доложил по возвращении. Началась работа над проектом. Мы изыскали деньги, энтузиастов типа Игоря Гольдберга, ставшего «мотором» нового дела, и радиоканал «Авторадио», решив технические и организационные проблемы, вышел в эфир.

Мы убедились, какое это имело колоссальное значение для пропаганды работы органов внутренних дел, для профилактики угонов и других преступлений, потому что радио работало, как сейчас говорят, в системе онлайн. Мы регулярно, каждый час давали сводки об обстановке в области и городе. И все автолюбители, кто имел радиоприемник в автомобиле или находился дома или на даче, слушали передачи «Авторадио».

Вещание было очень доступным и мобильным: вопросы-ответы, музыка, новости самые актуальные и оперативные. Угнали машину – потерпевший звонил на «Авторадио» и сообщал: «У меня в 15 часов 16 минут от магазина на такой-то улице, от подъезда дома номер... угнали машину». Сообщали номер автомобиля, марку, цвет. И очень многие откликались: «Вижу вашу машину...». Это помогало в работе, в розыске, крепла связь с населением – обратная связь налаживалась на глазах, принося замечательный эффект. В эфир стала выходить «Прямая линия» с начальником УВД: раз в месяц я садился к микрофону и целый час вместе с моим пресс-секретарем Виктором Русаковым общался напрямую с радиослушателями.

В сентябре 1995 года новый министр МВД Анатолий Сергеевич Куликов приехал к нам с инспекторской проверкой. В ранге министра это был первый его выезд за пределы Москвы. В Перми я его встретил и привез на «Авторадио». Он был приятно удивлен. Выступил в течение 30 минут в эфире. И потом, когда я его провожал в аэропорт, мы еще раз об этой новинке поговорили.

Министр отметил:

– Это вообще шикарная штука. Надо ее пропагандировать.

Так после пермского «Авторадио» зародилось такое же в Москве. И когда я был уже заместителем министра, частенько меня отмечали как одного из основателей этого дела. Но – все забывается... Сейчас этот радиоканал в Перми потерял свою популярность. Однако в Москве и во многих городах и весях «Авторадио» работает на благородное дело укрепления общественного порядка и пропаганду нелегкой милицейской службы.

Министр А. С. Куликов был восхищен нашим «Авторадио»

И вновь о СИЗО

Хочу вернуться к проблемам следственных изоляторов нашей области. Там находятся люди до суда, в период следствия. Только после суда, после вступления приговора в законную силу осужденного направляются в места лишения свободы. Несколько месяцев, а иногда даже и год он может находиться в следственном изоляторе. Там условия, конечно, не очень хорошие, за годы советской власти и в то время, когда я работал, ни одного следственного изолятора в нашей стране вновь построено не было. Когда образовалась новая Россия, мы стали более открыты, к нам стали ездить из Совета Европы, правозащитные организации, общество «Мемориал», стали функционировать общественные комиссии. И они увидели, что люди пребывают там в непростых условиях, скажу, даже в очень трудных. Тогда мы все-таки уговорили премьера Черномырдина, он проникся этой проблемой и подписал постановление о строительстве новых изоляторов, потому что их перенасыщенность достигла предела.

В марте 1995 года я откровенно высказался на одном из брифингов с журналистами нашей области, когда они попросили устроить экскурсию в тюрьму:

– Я не буду вас туда водить. Денег, вы знаете, в стране не хватает даже на заработную плату, и на содержание уголовно-преступного элемента – тоже. Условия в следственных изоляторах нашей области, особенно в следственном изоляторе номер один города Перми, – скотские. Не хватает хлеба, кормят плохо. Я обратился к предпринимателям, руководителям, банкирам. Они помогают с покупкой лекарств, хозяйственного мыла, потому что даже этого там нет. Я на камеру обращаюсь к преступному миру: «Не воруйте, не хулиганьте, не грабьте людей, потому что мы вас найдем, арестуем, и вы будете сидеть в скотских условиях. Лучше живите дома, не стремитесь к нам. Хороших условий я вам не гарантирую».

А в ту пору в «Комсомольской правде» в пятницу на второй странице была популярная рубрика «Люди, которые нас удивили». Цитировались высказывания нескольких известных людей, яркие, интересные, что прозвучали на минувшей неделе. И я – вдруг в этой рубрике! Там была опубликована фотография генеральской милицейской фуражки

и написано: «Генерал Фёдоров сказал, что условия в следственном изоляторе скотские. Обращаюсь к вам – не попадайте туда!».

Мне часто напоминали потом это высказывание...

Тот самый Чурбанов

В марте 1984 года мы с начальником Управления внутренних дел Виталием Ивановичем Шинкаренко были приглашены на Всероссийское совещание сотрудников милиции Нечерноземья в Смоленске. Руководителем форума был первый заместитель министра внутренних дел СССР Юрий Михайлович Чурбанов. Он выступил с докладом, а потом отдельно собрал начальников УВД и начальников политотделов в каком-то Дворце культуры. А с нами еще был Борис Сергеевич Еремеев, майор, начальник Кунгурского отдела внутренних дел.

Он мне предложил:

– Давайте, Валерий Иванович, сядем за первый стол.

Сели, ждем. Входит генерал-полковник Чурбанов – холёный, с пробором в волосах, благоухающий, симпатичный такой, стройный. Словом, импозантный генерал. И произносит маленький спич: мол, надо больше заниматься селом, чтобы люди работали спокойно, не было хищений зерна, ГСМ... Что-то еще сказал о роли участковых, пожелал нам успехов.

А Борис Сергеевич начал считать орденские планки у генерала. Когда закончилось совещание, он мне говорит:

– Я насчитал у замминистра двадцать один орден, вот это да! А у меня только две медали всего. А ведь возраст у нас одинаковый.

– Так это все-таки бывший зять Брежнева и первый зам!

Почему-то мне врезалось в память это первое знакомство. Судьба распорядилась так, что спустя одиннадцать лет я поселился в том самом кабинете, где длительное время работал генерал Чурбанов. Впоследствии он был осужден к семи годам лишения свободы и провел их в колонии № 13 Нижнего Тагила. (У нас тогда была одна колония для сотрудников правоохранительных органов на весь СССР. Сейчас их, кажется, уже три, насколько я знаю. Преступность растёт, к сожалению, и среди сотрудников правоохранительных органов.)

Так вот, о Юрии Михайловиче. Помню, заместитель министра Петр Мищенко рассказывал, как заехал в эту колонию, где находились осужденные сотрудники правоохранительных органов (судьи, прокуроры, сотрудники Комитета государственной безопасности). И встретился там с Чурбановым. Тот очень был тронут его вниманием. Он тогда работал слесарем, собирал металлические чашечки под мороженое. Никаких льготных условий для бывшего заместителя министра не было создано. От звонка до звонка срок отсидел.

Вернувшись из мест лишения свободы, он попросил о встрече. Приехал и говорит:

– Мы с вами не знакомы, но я в этом кабинете провел не один год. Вспоминаю с благодарностью нелегкую службу в органах внутренних дел Союза ССР. Обращайтесь в любое время, Валерий Иванович. Я сейчас относительно независимый человек, даже бы сказал, состоятельный, работаю в компании, которая производит цемент... – А в то время, в 1996–1998 годах, действительно был дефицит цемента. Он продолжает: – У меня есть возможности, могу помочь. Я знаю, что органам внутренних дел иногда приходится где-то искать внебюджетные средства. Готов содействовать.

Пока я работал, он регулярно приезжал в канун Дня милиции к нам в Главное управление кадров, заходил ко мне, поздравлял с праздником, вручал маленький сувенир. Я отказывался. А он:

– Это просто скромный знак внимания, потому что вы продолжаете славные традиции славной советской милиции, рожденной революцией.

Думаю, это был очень неплохой человек. Вот только близость к сильным мира сего пошла ему не на пользу.

В степи, под Курганом...

Ну и расскажу, при каких обстоятельствах я получил следующее звание – генерал-лейтенанта милиции. В 1993 году, после известных осенних событий на улицах столицы, меня пригласил министр внутренних дел Виктор Фёдорович Ерин и официально предложил новую должность – возглавить Управление внутренних дел Владимирского облисполкома.

– Мы учли, что ты уже почти три десятка лет работаешь в Перми, а сам владимирский. Надо тебе, наверное, перебраться поближе к родителям.

– Если вы оказываете мне такое высокое доверие, то я, наверное, соглашусь.

– Давай тогда так договоримся: сейчас я улетаю с Ельциным в Индию, а двадцать первого ты прилетаешь в Москву, мы едем во Владимир, я собираю личный состав, зачитываю приказ, и ты продолжишь службу там.

Я говорю Виктору Фёдоровичу:

– У нас будет в Кургане кустовое совещание Уральского региона, которое проводит Владимир Александрович Фёдоров, – это был главный гаишник страны. – Можно, я съезжу туда в последний раз как пермяк, скажу всем коллегам спасибо, мы столько лет рядом проработали, знаем друг друга...

– Согласен, съезди. А потом уж как договорились.

Я поехал в Курган на машине. Заночевали мы в Свердловске и утром, легко позавтракав, поехали дальше. В автомобиле со мной рядом был мой друг и коллега Александр Макарович Никитин, министр внутренних дел Удмуртской Республики. Мы сидели за водителем, разговаривали. Ехали небольшой колонной: впереди шла машина сопровождения ГАИ, мы – за ней. И уже на территории Курганской области случилась беда. Впереди оказался бензозаправщик, из машины сопровождения ему дали команду прижаться вправо. Не знаю почему, но водитель поехал влево, и произошло столкновение...

Словом, оказались мы вместе с Александром Макаровичем в ближайшей сельской больнице. Сделали нам рентген, утром объявили нерадостную весть: у обоих компрессионный перелом позвоночника – у меня третий и четвертый позвонки, у него – четвертый и пятый. Лежим без движения, вспоминаем тот бензовоз, который, к счастью, не взорвался, а то и головешек бы от нас не осталось. Потом министр прислал заместителя начальника медицинского управления, врача из нашего центрального госпиталя, и в их сопровождении мы переехали в Курган.

Виктор Фёдорович Ерин, добрая душа, заботливый товарищ, прислал свой самолет, и нас перевезли из Кургана в Центральный госпиталь Министерства внутренних дел на улице Народного Ополчения, 35. В течение почти двух месяцев находился я там. Ходить нельзя, лежать – только на спине. Уколы, массаж. Самое главное, что остался жив, а уж что дальше – тут многое зависит от врачей и состояния организма. Настрой у нас с Макарычем был, естественно, на полное выздоровление.

Еще раз убедился, что у меня очень много друзей. В палате постоянно раздавались звонки: «Как ты там?». Ежедневно кто-нибудь из коллег приезжал из Перми. Каждый день навещали начальник ГАИ Владимир Александрович Фёдоров или его первый заместитель Владимир Ульянович Тимошин. Звонили коллеги из министерства. Естественно, заботились родители, родственники, близкие.

По два-три раза на неделе приходил мой ближайший друг и коллега Юрий Владимирович Антонов вместе с женой. Приносили мне всякие вкусности. Я уговаривал: так часто не ходите! Но они игнорировали мои просьбы, стараясь скрасить мое больничное пребывание, настраивали: мол, все будет хорошо.

Все так и свершилось: через пару месяцев я был выписан. Меня снова учили ходить, сделали корсет. В день преодолевал поначалу по одной ступеньке: такое задание от доктора было – ступенька в день. Потом начал ходить в бассейн. Наконец, отправили в Пермь, и там в течение полугода я ездил на работу, по подразделениям, лежа на заднем сиденье. Совещания проводил стоя. Стоял на мероприятиях и в гостях. Как раз 60 лет исполнилось Евгению Сауловичу Сапиро – так мне на столе водрузили тумбочку вроде трибуны, на нее тарелку, бокал, и я так, празднуя день рождения друга, стоял. Выстоял у стены в драмтеатре юбилейный вечер газеты «Вечерняя Пермь» – не мог не поддержать редактора Сергея Журавлева, который в ответ назвал меня «самым стойким генералом России».

Трудновато было вести коллегии по четыре-пять часов. Члены коллегии сидели за столом президиума, а я ходил по сцене или, прислонившись к стене, вел заседание. Личный состав смущался, как-то не по себе им было, конечно: генерал стоит, а мы сидим. Но постепенно и к этому все привыкли.

Утро мое начиналось так: в семь часов – в бассейн «Динамо», принимал там водные процедуры, выполнял обязательный комплекс упражнений. Даже 1 января 1994 года в семь утра я был в бассейне. И так – в течение шести месяцев. Выстоял, вылечился и сейчас не ощущаю последствий происшествия. Только иногда думаю: а случись худшее – какая бы это была трагедия для семьи, для моих родных и друзей. И наверняка для многих моих коллег, с которыми успел съесть не один пуд соли...

Но вернусь немного назад. Я еще в госпитале. Приходит дежурный врач:

– Валерий Иванович, есть информация: министр собирается к вам. Ждем с ним первого заместителя Евгения Александровича Абрамова и заместителя Владимира Петровича Страшко.

Потом появляются главный врач, лечащий врач, заведующий отделением, приказывают навести в палате марафет – не каждый день приезжает к больному министр.

И вот в Центральный госпиталь прибыли Ерин и два его боевых заместителя.

Виктор Фёдорович говорит:

– Я приехал, чтобы вас, Валерий Иванович, поздравить – объявить Указ Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина о присвоении вам очередного звания генерал-лейтенанта. Вот указ, а вот вам погоны. – И вручает мне, лежащему под одеялом, золотые погоны. И говорит, что есть, мол, предложение это дело «обмыть».

Владимир Петрович наливает коньяк, опускает в стакан погоны, как положено, выпиваем по несколько глотков коньяка.

– Расскажи подробнее, как все там было.

Рассказываю, как ехали из Свердловска, как нас встретил начальник Курганского УВД на границе.

– Мы, – говорю, – поздоровались, сели сразу в машину и поехали, потому что руководитель нашего кустового совещания Владимир Александрович Фёдоров уже там был на месте...

И тут Абрамов говорит:

– Товарищ министр, давайте тут конкретнее разберемся. Ты еще раз повтори: вот вас встретили на границе...

– ...Мы вышли из машины, поздоровались и сразу дальше поехали.

– Вот видите, товарищ министр, – заметил Абрамов, – молодые генералы приткие, торопливые, всё куда-то спешат. А ведь у нас всегда была традиция – она существует для всех путников, в том числе для милиционеров: когда на границе встречаются, обязательно надо что сделать? Надо обязательно по рюмке выпить, товарищ министр.

Тот подтвердил:

– Да, не возбраняется.

– А эти, глядите, отступили от вековых традиций гостеприимства, даже не отметились по глотку на границе области. И где бы был тот чёртов бензовоз, если бы минут пятнадцать они традицию соблюдали?! Уехал бы за это время за десять километров...

Посмеялись, визит закончился.

Так получил я звание генерал-лейтенанта. Еще было неизвестно, буду я ходить или нет, останусь ли годен к службе в органах внутренних дел. Но Виктор Фёдорович Ерин принял решение дать мне высокое звание генерал-лейтенанта милиции – одному из первых среди

начальников Управлений внутренних дел облисполкомов. За что я искренне ему благодарен.

Но... сорвалось мое назначение во Владимир, не пришлось поработать на своей родной земле. Начальником УВД там стал мой земляк, будущий Герой Российской Федерации Иван Иванович Голубев.

«Не огорчайся, сынок!..»

В продолжение этой истории мне вспоминается, как после доставки нас в Москву ко мне приехала мама Лидия Васильевна, мой любимый и дорогой человек. Приехала из Коврова, проведать сынка.

Пришла в палату. Конечно, слезы, объятия. Дрожащими руками потрогала мое одеяло, посмотрела, чисты ли простыни, и говорит:

– Да, сынок, тут у вас хорошая больница. Всё культурно так, ты отдельно лежишь, у тебя тут и умывальник, и душ, и туалет, и холодильник, и телевизор – все хорошо.

– Да, мам, тут нас кормят отменно, хоть ем пока с чайной ложечки, лёжа, пью через трубочку и компот, и молоко...

А на тумбочке лежат погоны генерал-лейтенанта.

– Мам, вчера приходил министр ко мне, проведаль, поздравил.

– С чем же, сынок?

– Он объявил, что мне дали звание генерал-лейтенанта.

– Ну и ладно, сынок, ты не переживай.

– А что, мам?

– Ну ты же был майором, а теперь в лейтенанты. Ну и ладно. Ты, самое главное, живой, а это все ерунда: майор, лейтенант. Ничего, все будет нормально. Выздоровеешь, и все вернется, все заслуги, если будешь хорошо стараться.

Я опешил:

– Мам, да меня ведь повысили. Было звание генерал-майор, а теперь стал генерал-лейтенантом милиции.

– Нет, ты меня не обманывай. Я в этом деле маленько понимаю. У нас в деревне два парня в офицерах были, я их знала, когда они приезжали. Когда майор – он выше, а лейтенант – это значительно ниже. Не обманывай, сынок...

Не сразу убедил родного человека, что у генералов совсем другая иерархия. Пояснил: у майора одна звезда? Одна. А у лейтенанта две звезды? Две. Вот и у генерал-майора одна большая звезда, а у генерал-лейтенанта две большие звезды – значит, это повышение.

Говорит:

– Ну, тогда я тебя поздравляю. А я думала, тебя разжаловали немножко, из-за того, что ты больной и попал в дорожное происшествие.

Потом мы часто, когда она еще была жива, садясь за стол, под чаёк нередко вспоминали, как мама пыталась меня убедить, что генерал-лейтенант ниже майора.

Коллеги

Надо несколько слов сказать о коллегах из Комитета государственной безопасности, с которыми мы работали в крепкой связке. Мне довелось дружить со многими начальниками УФСБ, КГБ по Пермской области.

В первый год моей работы КГБ области возглавлял полковник Олейников. Он, правда, недолго был. Хороший, добрый человек, отличный спортсмен. Мы много раз встречались на волейбольной площадке. Бакатин его забрал к себе первым заместителем. Потом был Дмитрий Вохмянин, с ним тоже очень успешно и, я бы даже сказал, дружно работали в то трудное время. Он в марте 1990 года, как и я, выдвигался депутатом в Верховный Совет Российской Федерации, правда, не прошел.

Вспоминаю, мы взяли за правило с начальниками ФСБ на всех массовых, торжественных, праздничных мероприятиях быть вместе. Важно, чтобы руководство области, хозяйственные партийные лидеры, общественность видели, что мы дружны, помогаем друг другу.

Как-то прилетал в область член Политбюро Александр Николаевич Яковлев, известный правозащитник, бывший посол Российской Федерации в Канаде. Он там десять лет пробыл, и Михаил Горбачёв, как только пришел к власти, его к себе приблизил. Многие действия, которые совершал Михаил Сергеевич, шли по наущению Александра Николаевича: от него он много взял и положительного, и отрицательного. И вот Яковлев приехал в Пермь.

Сразу бросилось в глаза – инвалид, ранение в ногу, хромота была у него заметная. В годы войны проходил обучение на краткосрочных курсах командиров взводов пехоты в районе Бершети. Это недалеко от Перми; там были военные лагеря организованы, и в течение трех месяцев Яковлев в них жил. И он, приехав в Пермь, захотел вернуться в годы своей молодости. Посетил и промышленные предприятия. А в конце визита собрал довольно узкий партийно-хозяйственный актив и выступил с речью.

Мы с генералом Дмитрием Вохмяниным сидели в первом ряду, перед трибуной. И когда член Политбюро начал выступление, у нас, образно говоря, глаза полезли на лоб, такую сумятицу он нес в головы людей.

Я говорю:

– Дмитрий Николаевич, давай пиши шифровку в Центр, потому что это по твоей линии, политика. Он несет такие антигосударственные, антикоммунистические идеи, что об этом твои начальники обязаны знать!

Поверьте, я таких разрушительных идей еще никогда не слышал ни от одного из руководителей партии и правительства. Хотя, вроде, уже был в политике не первый год.

Не знаю, что там предпринял Вохмянин, но потом нам прислали из Москвы Вячеслава Ивановича Волоха. В Перми он получил звание генерал-майора. Очень открытый, добрый человек, профессионал. Жаль, что мало поработал, потому что мы очень хорошо понимали друг друга. Было очень комфортно работать.

Последним начальником ФСБ области, которого я застал, был Сергей Павлович Езубченко, с которым я виделся только один раз – на демонстрации 7 ноября 1995 года. Он только-только был представлен личному составу Управления ФСБ Пермской области, а потом оказался в госпитале. А я уехал в Москву, и он уже работал с Владимиром Сикериним, который заменил меня.

– Деда, а правда, хорошо быть генералом? – спросил меня много лет назад совсем еще маленький внук, наслушавшись известной песни.

Служба в милиции в плане карьеры, считаю, вполне мне удалась, но, полагаю, звезды на мои погоны «упали» не без помощи моей семьи,

родителей, педагогов, друзей. И, конечно, моих коллег, руководителей Пермской области, Министерства внутренних дел, которые ходатайствовали о присвоении мне высоких званий.

Я комфортно себя чувствовал, находясь на сложном посту начальника УВД, когда была партийная власть: обком КПСС возглавлял тогда Борис Всеволодович Коноплёв, не побоюсь сказать – выдающийся человек, который прошел по жизни с высоко поднятой головой. Начинал с рабочей специальности, работал мастером на моторостроительном заводе, был начальником цеха, парторгом на строительстве Камской ГЭС – знал производство, сельское хозяйство, был председателем облисполкома, длительное время – первым секретарем областного комитета партии.

Он знал жизнь не по сводкам, не по телевизору, не по рапортам чиновников. «Царь Борис» был по-настоящему строг и справедлив. Часто бывал на предприятиях, в коллективах организаций и хозяйств, непременно вникал в условия труда, настроения простых людей. Был жесток и непримирим к необязательным людям, разгильдяям, особенно – в среде начальствующего состава и чиновников. Пермляки гордились, что у нас такой руководитель. Он очень многое успел сделать для развития промышленности и села, сочетая безусловное внимание к «оборонке» с заботой о строительстве в области новых птицефабрик, развитии кормовой базы животноводства, крупных овощеводческих комплексов. После выхода на пенсию он не покинул Пермь, хотя имел возможность жить в столицах. Он мог прямо глядеть людям в глаза, ни на миг не предав партию коммунистов.

Не могу не отметить большое влияние на меня Виктора Александровича Петрова: он был секретарем областного комитета партии, председателем облисполкома. Я непосредственно работал рядом с ним. Да и дачи у нас были по соседству – через два дома. Мы по выходным нередко встречались на садовых участках. Приветливый, доброжелательный, улыбчивый, он был очень ответственным человеком, любящим Пермский край, свою работу.

С Валентином Константиновичем Котовым, отвечавшим в обкоме за правоохранные органы, поближе мы познакомились в Москве во время учебы в Академии общественных наук, и это «студенчество»

избавило наше общение от лишнего формализма. Он длительное время возглавлял орготдел областного комитета партии, потом был секретарем по идеологии и, как я уже упоминал, курировал и нас, милицию. Всегда его советы были очень мудрыми, дельными. Было просто приятно общаться с интеллигентным, очень воспитанным, начитанным человеком. Что ни говори, партия умела вести подбор и расстановку кадров.

Просто обязан сказать самые добрые слова о товарище, с которым мы учились на юридическом факультете. Юрий Владимирович Антонов моложе меня на два года. Он много сделал для меня, для моей семьи. Мы дружим до сих пор. Вот уж воистину обаятельный, очень симпатичный человек, хороший рассказчик, гостеприимный хозяин. Почти полвека нашей дружбе: до сих пор дружат и наши жены, наши дети, а сейчас и внуки. У нас с ним есть что вспомнить, что обсудить. Очень грамотный специалист, прошел большую школу, из аппарата обкома был приглашен на работу в Центральный Комитет партии, работал у первого и последнего Президента Советского Союза Михаила Горбачёва. Потом трудился в банковской сфере. Дай бог ему здоровья и процветания! Это настоящий друг. Он много делает и для Пермского землячества: был одним из его организаторов и остается душой сообщества «московских пермяков».

Финансы и романсы

Была в начале 1990-х ситуация, что заработную плату руководители УВД стали получать самыми последними. Пришлось даже издать приказ по Управлению внутренних дел: сколько денег придет, сначала отправляем личному составу, а начальник заработную плату будет получать впредь самым последним. Приказ был доведен до всего личного состава.

Да, настало время такое, что есть счет, но нет денег. Нет наличности, раз нет кассового плана в магазинах и финансовом управлении. Приходилось обращаться к Медведеву, директору фабрики Гознака, которая печатала дензнаки: «Поработайте сверхурочно, помогите нам с заработной платой».

«Всё, что могу...». В те годы наградой за беззаветную службу нередко бывал... флакон недорогого одеколона

Он несколько раз откликнулся, и личный состав Пермской области получал положенную им за несколько месяцев заработную плату.

Это слава богу, что у нас в городе была такая фабрика, а кому не повезло – как быть? Когда я уже был народным депутатом России, звонили из Верховного Совета, из Администрации Президента:

– Помогите, пожалуйста, полетит самолет Як-40, так про-

контролируй, свяжись с Медведевым, чтобы деньги, которые отпечатывают на фабрике Гознака, придержали и отправили...

Деньги нужны были, чтобы выдать заработную плату трудящимся области или республики – снять напряжение перед приездом Президента Российской Федерации.

Милиция тогда была федерального значения, союзного и местная. Почти 40 процентов было местной милиции, а 60 – финансировалось из федерального бюджета. По местным как-то можно было договориться с губернатором. А в то время область возглавлял мой коллега, бывший начальник Камского речного пароходства Борис Кузнецов, заместители – Геннадий Игумнов и мой близкий друг Евгений Сапиро. Я обращался к ним: помогите выплатить местной милиции заработную плату. А на местах мы договаривались, чтобы начальник отдела внутренних дел, получив определенную сумму денег, делил ее на весь личный состав, в том числе и на тех, кто получал из федерального бюджета. Приходилось идти на это, и финансисты нашу уловку знали.

Помню, положение уже просто критическое, несколько месяцев люди не получали заработную плату. В одну из суббот я позвонил министру.

Он обещал:

– Где-то через неделю, наверное, и тебе дадим.

Поехал к губернатору:

– Борис Юрьевич, денег нет, личный состав напряжен. Вы знаете, люди на службе, люди с оружием, не случилось бы чего. Семьи у всех...

– Что надо, Валерий?

– Надо мне в долг взять у вас шесть миллиардов рублей.

– У меня таких денег нет.

– Я уже разговаривал с начальником финансового управления, деньги у вас есть. Я в пятницу верну, мне министр обещал.

Он немножко подумал:

– Знаешь, для чистоты эксперимента напиши мне расписку.

И я пишу: «Губернатору Пермской области Борису Юрьевичу Кузнецову от начальника УВД Фёдорова Валерия. Расписка: обязуюсь выплатить взятые в долг у финансового управления Пермской области 6 млрд. рублей до пятницы (такого-то числа), в чем и подписываюсь: Фёдоров Валерий. Дата, число, подпись».

Борис Юрьевич взял бумажку, при мне позвонил начальнику финансового управления:

– Выдай, пожалуйста, Фёдорову деньги.

И всё. Вот так мы жили. Важны были дружеские отношения и умение уговаривать. Но временами очень сложно было. Конечно, должность начальника УВД и почетная, и знаковая, но и нелегкая. Надо отвечать за борьбу с преступностью, за строительство жилья, за устройство детей в детские сады, за жизни наших людей, за обеспечение их оружием, патронами, бензином, которого тоже не хватало. Плюс почти 20 тысяч осужденных: их тоже надо кормить, транспортировать, платить за связь.

Один раз мне поступил ультиматум от Управления телефонной связи нашей области, что с завтрашнего дня, мол, будет отключена связь в Управлении внутренних дел и его подразделениях. Я возмутился, позвонил начальнику, не буду приводить фамилию, и говорю:

– Получил от тебя ультиматум. Денег у меня нет. И в ближайшее время не планирую их получить. Но, видимо, когда-то они поступят, и я долги отдам. Но если ты завтра исполнишь свой глупый приказ, а ты меня шантажируешь, я вызываю ОМОН, окружаю ваше здание, возьму своих связистов и буду эксплуатировать связь сам. Но все теле-

фоны в Управлении внутренних дел, особенно в дежурных и пожарных частях, будут работать!

И положил трубку.

Связь в органах внутренних дел Пермского края работала с тех пор бесперебойно.

Получил как-то информацию от генерала Вотинова, что в женской колонии хотят отключить отопление.

– У нас своей котельной пока нет. Мы только ее проектируем. Нас снабжает одно из крупнейших автотранспортных предприятий. Они завтра отключат тепло. Больше тысячи женщин у нас, родильный дом и детский сад, там три десятка ребят...

В этой колонии, действительно, находились 1200 осужденных женщин. Некоторые – беременные. Они рожали, и в течение трех лет ребенок воспитывался в детском садике. Если мама продолжала отбывать заслуженное наказание, то ребенка направляли в детский дом. И только после выхода из мест лишения свободы родительница имела право его забрать.

Попросил приехать полковника Владимира Суворова, начальника Управления пожарной охраны области:

– У тебя найдется очень въедливый пожарный, старший лейтенант какой-нибудь? Направь его срочно к этим автомобилистам. И пусть он очень принципиально подойдет к состоянию противопожарной безопасности на данном предприятии.

Через три часа ко мне в приемную приезжает руководитель того АТП и просится на прием.

Секретарь Тамара Васильевна Евграфова:

– Я доложу, но генерал сейчас занят.

А я ее предупредил:

– Давай часок его подержим.

Ко мне приходит один посетитель, другой... Наконец говорю:

– Тамара Васильевна, пожалуйста, пригласите такого-то.

Он заходит:

– Товарищ генерал, у меня беда!

– Что случилось?

– Приходили из пожарной охраны и закрыли весь гараж. А у меня бетоновозы, панелевозы. Срывается план. Встают заводы. Вы же знаете, что у нас самое крупное автотранспортное предприятие.

Я говорю: мол, ничего не знаю. А что случилось?

– Вот, старший лейтенант такой-то написал протокол на трех страницах, пятьдесят один пункт. Когда я их выполню?..

Я говорю:

– Вы же знаете, я не буду вмешиваться.

– Помогите!

Раздается звонок. Включаю громкую связь.

– Товарищ генерал, у нас в колонии отключают отопление.

Я говорю:

– Как отопление отключают? Там же люди.

– Распоряжение такого-то руководителя...

А тот сидит и слушает. И я говорю:

– Вы давайте езжайте к нему, надо как-то договариваться.

– Он не хочет с нами разговаривать.

– А я, что ли, ему буду звонить? У вас есть начальник колонии. Пусть едет и договаривается.

Сидит начальник, смотрит на меня и вдруг заявляет:

– Я понял.

– Тогда звони при мне и давай отбой.

Никаких решений по отключению системы теплоснабжения колонии № 32 принято не было. Приходилось и так использовать свое служебное положение. Нехорошо, конечно, но ведь во благо. А куда было деваться?

Многие помнят нелегкую обстановку с 1991 по 1993 год. Противостояние Верховного Совета и Президента, чехарда министров в Правительстве России. Преступный мир поднял голову, возникла массовая безработица. Участились нападения на сотрудников органов внутренних дел. Бюджет трещал, нас недофинансировали. И тогда я принял решение: встретился с двумя местными банкирами и попросил купить 450 «черёмух» – газовых баллончиков для защиты от хулиганов.

Они купили партию баллончиков, подарили Управлению внутренних дел. Я решил эту «черёмуху» вручить каждой сотруднице инспекции по делам несовершеннолетних. Ведь почти 90 процентов здесь – женщины, работают в основном педагоги, хотя и являются по службе милиционерами. Им с пистолетом ходить к несовершеннолетним вроде и не к лицу, но приходилось встречаться с хулиганами, преступниками, и нужен был какой-то элемент защиты, придававший сотруднице уверенности и смелости.

Да, связь с предпринимателями стала необходимой. Вот возьмем, к примеру, официальный праздник – День советской милиции, теперь – День сотрудников органов внутренних дел. Ежегодно российская милиция проводит торжественные собрания, концерты. В каждой области чествуют ветеранов, отличившихся сотрудников, вручают ведомственные награды. И у нас тоже была традиция проводить областное торжественное собрание с приглашением руководителей промышленных предприятий, руководства города, области. Обязательно приходили секретари областного комитета партии, председатель облисполкома, руководители вузов, жены наших сотрудников. В основном собирались во Дворце культуры имени Свердлова (сейчас – имени Солдатова). Потом, для разнообразия, несколько раз проводили праздник в оперном или драматическом театре. С обязательным концертом и, желательно, с участием в нем известных исполнителей.

В 1988 году впервые я проводил в должности начальника УВД такое торжественное собрание: доклад, приветствия от руководства области, большой праздничный концерт. Мне удалось договориться с банкирами и предпринимателями оплатить приглашение Ларисы Долиной. Она приехала, спела нам «Льдинку» и другие модные тогда песни. Рядом со мной сидел Иван Владимирович Мажура, бывший начальник УВД. Ему концерт не понравился: «Нет, у нас было лучше! Чего она тут поет про какую-то льдинку?». Ну, о вкусах не спорят. А народ был доволен: из Москвы приехала «звезда» советской эстрады, которую видели только по телевизору, а здесь она живую поет для пермской милиции!

Естественно, надо было организовать хотя бы маленький скромный банкет. Но на всё это, да на цветы, на подарки отличившимся нужны были средства. А тут даже зарплату не выплачивают. И решил я при-

В клубе УВД и на концертах
Дня милиции нашими
непременными гостями
были артисты из столицы

Александр Фатюшин
и Наталья Гундарева – актеры
театра имени Маяковского

Талант Игоря Костоловского
восхищал и очаровывал нашу
публику

гласить человек шесть предпринимателей (не буду приводить фамилии, некоторые из них стали министрами, вице-премьерами, крупными руководителями отраслей). Они пришли, не зная, зачем приглашает их начальник УВД. Вижу напряженные лица. Здание Управления внутренних дел на Комсомольской площади Перми среди жителей называлось «Башня смерти». Ходили (пустые, впрочем) слухи в народе: мол, в былые времена здесь расстреливали преступников, осужденных к исключительной мере наказания. (Журналисты меня как-то всё пытали: «Покажите нам эти подвалы, где расстреливали»). Я весь журналистский корпус привел туда – никаких «подземелий», есть только

несколько складских помещений для столовой и так далее. Вроде слух этот умолк, когда журналисты воочию увидели: никаких подвалов у нас нет.)

Так вот, зашли бизнесмены, банкиры в кабинет – чай, кофе. Начался так:

– Уважаемые коллеги! Спасибо, что нашли время и откликнулись на мое приглашение. Мы просто обязаны знать, чем живут и как работают предприятия и организации. Вы знаете слова милицейского гимна о «незримом бое»: мы смотрим за теми, кто «честно жить не хочет». Но я вам официально заявляю: по информации руководства Управления и соответствующих служб, у нас к вам, присутствующим в этом кабинете, сидящим за этим столом, никаких претензий нет.

У них сразу, смотрю, повеселели лица, сами раскрепостились...

И один мне говорит:

– Валерий Иванович, какие к нам вопросы? Какие предложения? Я говорю:

– Вы знаете, надвигается десятое ноября, праздник советской милиции. Понадобятся какие-то скромные траты, но у нас денег в бюджете, в смете, которая утверждена Министерством внутренних дел, на эти цели нет ни рубля, а на личные средства нам, конечно, праздник не поднять. Надо бы купить подарки ветеранам, лучшим сотрудникам, цветы, может быть. Для экспертов, для сотрудников уголовного розыска какую-то технику купить, фотоаппараты...

– Нет вопросов. Валерий Иванович, мы скинемся, выберем ответственного за это дело и, конечно, поможем.

Мы пожали друг другу руки, и с тех пор на праздничные мероприятия они оказывали Управлению внутренних дел посильную и, я бы уточнил, **законную** помощь, потому что каждая копейка тратилась подконтрольно, и, конечно, не возникало никаких особых привилегий этим фирмам.

Заметки на полях

Денежный «вопрос»

На наших дружеских посиделках основной «поставщик» анекдотов – многоуважаемый профессор Евгений Саулович Сапиро. Запомнил сказанную им как-то шутку: «На вопрос “Колебались ли в проведении линии

партии?» мудрый Рабинович ответил: “Да, колебался... Вместе с линией!”».

В нашей работе было очень много указаний от Центрального Комитета КПСС. После очередного «эпохального документа» следовало распоряжение министра внутренних дел «обратить особое внимание» на то-то и то-то, «взять под особый контроль», «под личный контроль начальников УВД, министров внутренних дел союзных республик и регионов». Однажды получил приказ за подписью министра, в котором предписывалось впредь оценивать работу управлений внутренних дел и министерства по результатам работы... службы ОБХСС (Отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности). Политотдел в Москве вслед принял решение: начальники УВД (а, сами понимаете, мы все были членами партии) должны состоять на учете именно в партийной организации ОБХСС. Что незамедлительно пришлось сделать. И в течение двух лет был я на партучете в ОБХСС, чтобы «усилить влияние, контроль и оказание практической помощи». Заодно у меня прибавилось информации не только сугубо служебного порядка о разных растратах и хищениях...

И, коль уж зашла речь о деньгах, замечу: мне очень импонирует инициатива министра финансов России Антона Силуанова, который предлагает освободить Россию от бумажных купюр. Глава Минфина намерен заменить их безналом. Думаю, что это один из способов уменьшить коррупцию и справиться с фальшивомонетчиками, при этом устранив и зарплату «в конвертах».

Идея ограничить оборот наличных денег и перейти к электронным способам расчета витает давно. Многие страны стремятся, чтобы любые финансовые операции совершались исключительно в безналичном виде. Однако экскурс в экономические реалии показывает: оборот наличных денег становится все больше и больше. Это головная боль многих развитых, да и развивающихся, стран. Давайте посмотрим: эмиссия купюр стоит гораздо дороже их реальной ценности. В настоящее время, я посмотрел, выпуск одной тысячи банкнот достоинством хоть в 5 рублей, хоть в 100, с уровнями защиты (до 14-ти! – на нашей фабрике «Гознак» в Перми знают, как это делается) обходится более чем в 3 тысячи рублей. В то же время металл для изготовления мантисы – медь, никель, цинк, мельхиор – в совокупности с оплатой труда может в десятки раз превосходить номинал.

Кроме того, весь этот кэш, всю эту огромную денежную и монетную массу надо где-то безопасно содержать. Нужны огромные банковские

хранилища, средства доставки по месту назначения. Посмотрите, как по нашим улицам колесят бронированные автомобили, а их охраняют инкассаторы, а на инкассаторов нападают и даже регулярно убивают. Преступный промысел существует в этой сфере не первое столетие. Некий пермский инкассатор Шурман попал даже в Книгу рекордов, ограбив доверенный ему многомиллионный груз.

Самое главное, оборот наличных денег очень трудно контролировать. Оплата труда из рук в руки, расчет за покупки в магазинах мимо кассы, хранение денег под матрасом, как у Корейко, и, наконец, как уже говорил, взятки. И проследить за обращением наличных денег в ряде случаев практически невозможно. А когда будут все расчеты по безналу, точно могу сказать: возникнет один из самых верных и проверенных способов контроля. Это серьезно осложнит промысел преступных элементов, которые хотели бы жить за счет других.

Ну и, конечно, то, что напрямую связано с оплатой труда. По статистике, 40 процентов сотрудников, занятых малым и средним бизнесом, получают зарплату в конвертах, к тому же, существует 55 процентов мест, где подрабатывают без оформления трудовой книжки. В каждой области губернаторы время от времени призывают бороться с предпринимателями, выплачивающими «по-черному» зарплату в конвертах.

Сам видел, например: в Вологде губернатор регулярно следит, на сколько процентов в этом году удалось снизить количество сотрудников, которые получают зарплату в конвертах. В результате, бюджет выигрывает, деньги идут на неотложные социальные нужды. Вот и Пенсионный фонд каждый день крутит недешевую рекламу по всем каналам телевидения, что лучше всего, мол, жить на «белую» зарплату, потому что надо же думать о будущей пенсии.

По данным опроса Национального агентства финансовых исследований, еще достаточно много россиян оплачивают повседневные товары и услуги только наличными. Понятно, расплатиться картой можно далеко не везде. Не возьмут на рынках, лишь недавно начали принимать в метро и другом общественном транспорте. Даже в Москве, в некоторых заведениях, если вдруг занесла тебя нелегкая в какое-то кафе или ресторан, предупреждают нередко: «У нас что-то сегодня не работает система, платите наличными». Подозреваю, данное предприятие общественного питания работает «в черную», уходит от налогов... А мы, чаще всего, соглашаемся и платим налом, хотя знаем о строгом указании «точкам» работать с карточками.

За границей не раз даже в такси мог заплатить карточкой. Теперь это возможно и у нас. Думаю, что переход на электронные варианты расчета – шаг положительный и необходимый. Убежден, это не только будущее денежного оборота во всем мире, но и один из реальных способов борьбы с коррупцией. Потому и заговорил об этом.

Хотя, конечно, есть в электронных безналичных расчетах и определенные риски. Во-первых, растет киберпреступность. Если хакер взломает коды и пароли к депозитам, ему ничего не стоит обчистить клиента до последней копейки. Во-вторых, бывают и технические сбои. Если они происходят, то даже при наличии средств вы можете испытать серьезные неудобства. Ну и есть проблема психологического свойства. Приходя в магазин с наличными, четко понимаешь, сколько готов потратить. А при расчете карточкой контроль над средствами ослабевает. По себе знаю, легче идешь на траты, берешь товар, не очень разглядывая цену. Помню, немец из Потсдама Петер Панах, с которым я жил в одной комнате, когда учился в Академии общественных наук, говорил при случае: «Это очень дешево, почти подарок». Так и тут, вроде «подарка»: никакие деньги не тратишь, просто нажимаешь пин-код. Всего четыре циферки, и кошелек-то вроде не опустел, а траты, в итоге, оказываются гораздо большими, чем рассчитывал.

Впрочем, это заметки на полях. Мое повествование о другом...

От августа 1991-го к событиям 1993-го

Мы с женой приехали в санаторий «Салют» Министерства внутренних дел России на отдых. И тут ГКЧП объявил, что Михаил Сергеевич Горбачёв болен, исполняет обязанности главы государства Янаев. В Москве создали печально известный «комитет», провели несколько странную пресс-конференцию.

Со мной рядом как раз находился на отдыхе министр внутренних дел Белоруссии генерал Пискунов. Я ему говорю:

- Надо лететь домой!
- Но у нас в Беларуси все спокойно.
- Нет, я все-таки срочно вылетаю в Пермь.

Галина Михайловна осталась еще на несколько дней.

До отлета позвонил полковнику милиции Николаю Ивановичу Бойко, который был начальником Управления внутренних дел города

Сочи: мол, ВЧ у меня в номере нет, не получаю указаний. Услышал в ответ: «Пожалуйста, приезжайте. ВЧ есть, шифровки уже пришли».

Я приехал, прочел шифровки из министерства, позвонил в свое УВД, сказал, чтобы никаких политических заявлений не делали. И первым рейсом – в Пермь. (С Николаем Ивановичем мы тогда и познакомились – в августе 1991 года. До сих пор дружим. Впоследствии он стал генералом, заместителем начальника Главного управления внутренних дел по Краснодарскому краю. И мы с ним потом, уже в бытность мою заместителем министра, очень много контактировали: коммуникабельный, знающий человек исключительной ответственности, высокопрофессиональный, очень современный работник – с ним всегда было приятно встречаться, работать. Я искренне желаю Николаю Ивановичу долгих лет жизни. И успехов династии Бойко: у него и дети работают в органах внутренних дел. Побольше бы таких генералов в нашей полиции!)

Прилетел в Пермь. Никаких политических действий не предпринимали. Позиция ясная: мы будем охранять спокойствие в области, чтобы не было никаких катаклизмов, массовых волнений. Перешли, конечно, на усиленный вариант несения службы. Как только закончился путч, было принято решение проанализировать действия правоохранительных органов. Проверяли все наши приказы, нашу деятельность, потом обсуждали их на заседаниях комиссии, на сессии областного Совета. Действия УВД, и мои в частности, были признаны законными: никаких претензий ни ко мне, ни к личному составу, ни к одному сотруднику пермской милиции не было предъявлено.

А в сентябре 1993 года, когда возникло противостояние Верховного Совета народных депутатов России и президента Бориса Ельцина, я получил телеграмму от спикера Хасбулатова: мол, давайте прилетайте в Москву на внеочередной чрезвычайный съезд! Эту телеграмму я положил в стол и то же самое посоветовал своим товарищам – нас по стране почти два десятка депутатов от внутренних органов было. Позвонил, в частности, генералу Смирнову:

– Ты тоже не вздумай туда ездить.

Абсолютное большинство коллег-депутатов в Белый дом не поехали, и я тоже. В четыре часа утра собрал руководящий состав Управления внутренних дел, рассказал, что надвигаются, видимо, события в Москве, идет противостояние, обострилась борьба за власть Верховного Совета во главе с его председателем Хасбулатовым и вице-президентом Руцким против Ельцина.

– Я, как народный депутат, не поехал на этот съезд, остаюсь здесь, принял такое решение. Выступаю в поддержку президента. Кто не согласен с такой позицией, прошу высказаться.

Коллеги одобрили мою линию.

– Тогда давайте от имени руководящего состава Управления внутренних дел Пермской области дадим телеграмму президенту, что личный состав милиции Прикамья верен присяге и поддерживает законно избранную власть в его лице.

Так и сделали.

Приходили нам телеграммы и от мятежной стороны: от Руцкого поступило указание на имя руководителей Управлений внутренних дел: окружить здание администрации, телевидение взять в свои руки, арестовывать чиновников, если потребуется, причем можно применять оружие.

Из министерства пришла шифровка: весь личный состав пермского ОМОНа (а это 150 человек) срочно отправить в Москву, в распоряжение министра внутренних дел. Этой же ночью я дал команду полковнику Разгону – командиру ОМОНа: собрать личный состав и быть готовыми выехать в командировку.

А где взять самолет? Позвонил начальнику пермского авиаотряда:

– В семь утра надо сто пятьдесят человек с амуницией, с оружием отправить в Москву.

– У меня самолета для этого нет.

– По пассажирскому расписанию борт в семь часов отправляется. Даю команду снять его с рейса и отправить сначала ОМОН, а потом отпавишь пассажиров. Объяснишь задержку вылета неприбытием самолета...

Весь личный состав в установленное время вылетел в Москву. А потом, как мне руководство и Виктор Фёдорович Ерин говорили, перм-

ский ОМОН из всех отрядов особого назначения, которые были призваны в Москву, прилетел в числе первых. В самом центре столицы, около Белого дома, нарезали пермским бойцам сектор обеспечения порядка. И они с честью выполнили свои служебно-боевые задачи.

Особое назначение

Должен сказать, как и откуда появился ОМОН в нашей пермской милиции.

В октябре или ноябре 1988 года поступил приказ министра внутренних дел СССР Вадима Бакатина: принято решение в 20 областях Российской Федерации создать отряды милиции особого назначения и закончить комплектование этих отрядов к 1 января 1989 года. Приказ регламентировал критерии отбора, порядок формирования, комплектования данных отрядов. Задача была возложена лично на начальников Управлений внутренних дел.

Собрал своих заместителей, определили график встреч с личным составом по подразделениям. В течение нескольких дней я объехал семь районных отделов внутренних дел Перми, встретился с каждым кандидатом в омовцы. Важны были морально-волевые качества, физическая подготовка, образование, семейное положение – создавалось нечто новое, и мы чувствовали, что времена наступают горячие.

В декабре закончили формирование: 150 человек, новые подразделения, оружие, громоздкую амуницию надо было где-то разместить. Этим делом у нас занимался Сергей Александрович Новиков, мой заместитель, начальник службы общественной безопасности. Он знал город, территорию, руководителей хорошо потому, что был в свое время заместителем начальника городского отдела внутренних дел Перми. Пришел ко мне с предложением:

– Наверное, лучше всего, товарищ полковник, расположиться в общежитии фабрики Гознака. Я хорошо знаю директора Юрия Медведева, мы с ним договоримся: они нам отдадут общежитие за счет уплотнения, и мы на первых порах отряд разместим. Там есть и небольшая стоянка для автомобилей, даже охрана имеется – Гознак всё же...

Съездили туда, определились и начали готовить дежурную часть, спальные помещения, оружейную комнату и так далее. В январе лич-

ный состав был собран и приступил к занятиям в учебном центре Управления внутренних дел. Мне было важно встретиться с личным составом отряда, подобрать руководителей ОМОНа.

На первой встрече, как сейчас помню, начал разговор с фразы:

– У нас в России поэт – больше, чем поэт. Вы это, наверное, помните и знаете все. Как и стихотворение «Можешь выйти на площадь в тот назначенный час?». Мы с вами должны помнить, что отряд создается для того, чтобы быть «больше, чем милиция» – быть всегда на страже, быть готовыми охранять порядок в любых условиях, быть силовой поддержкой начальника УВД и быть готовыми, если надо, поддержать действия власти.

Командиром был назначен Сергей Степанович Разгон, его заместителем – Виктор Александрович Галанов. Подполковник Галанов, боевой офицер, к сожалению, в марте 1995 года, находясь в служебной командировке в Грозном, был убит чеченскими сепаратистами.

Это была первая жертва наша в Чеченской войне среди личного состава ОМОНа...

В отряде собрались высокопрофессиональные ребята, умеющие и думать, и стрелять, действовать быстро, жестко, по-боевому. Они хорошо показали себя и в военных действиях, и при задержании особо опасных преступников. Многие из них имеют по восемь – десять поездок в «горячие точки». Горжусь, что пермский ОМОН очень хорошо работал везде и всегда. К сожалению, несколько человек погибли при исполнении воинского долга. Многие награждены боевыми орденами, в том числе орденом Мужества, медалями. Это хорошие ребята, сейчас они все переведены в состав национальной гвардии.

В апреле 1990 года на связь вышел первый заместитель министра внутренних дел Союза ССР Иван Фёдорович Шилов:

– Ты еще на работе?

– Да, но собираюсь домой. У вас половина седьмого, а у нас уже полдевятого.

– Сейчас придет тебе «красная» телеграмма, необходимо послать ваш ОМОН для выполнения служебно-боевых задач в Тбилиси. Давай, поднимай бойцов, берите самолет – и в Тбилиси. Там массовые волнения, неповиновение властям...

Пригласил Новикова, подписал приказ. Назначили отбытие личного состава на 23 часа 30 минут. Так было четко все отработано командованием отряда, что 149 человек из 150 явились в аэропорт Перми и через три часа после звонка из Москвы были готовы лететь с полным боевым снаряжением для выполнения поставленной задачи. Только один по объективной причине задержался на несколько минут. Это говорит о том, каким был уровень организации в наших органах внутренних дел, в отряде милиции особого назначения. И такая же степень готовности была и есть в СОБРах.

Выполнили задачу. Все вернулись живые и здоровые. Мы встречали их торжественно с оркестром, благодарили, никаких претензий от руководства к ним не было. Но потом, на пике «демократизации», стали события в Тбилиси обсуждать в специальной комиссии, в Верховном Совете СССР: как кто себя вел? Из Грузии приехали ко мне несколько

членов парламента, члены официальной комиссии. Я позвонил генералу Шилову, спросил, как мне себя вести. Он ответил просто:

– Спокойно. Все вопросы ко мне.

– Но я же так не могу.

– Я тебе сказал – действуй!

Члены комиссии встречались с руководством ОМОНа, с бойцами, которые были в Тбилиси, допытывались:

– Какие у вас лопатки были? Саперные?

Помните, возник тогда шум-гам: мол, омовцы и десантники орудовали в толпе саперными лопатками и травили «черёмухой».

– Если вы хотите докопаться до истины, не надо лжи, – сказал я проверяющим. – У нас на вооружении бойцов ОМОНа саперных лопаток нет. Вот, смотрите, приказ по снабжению: автоматы, каски, сапоги, куртки, дубинки...

– Нет, у вас еще должны быть лопатки!..

Так они и уехали ни с чем. Но приходилось выдерживать и такое...

Дорогие сердцу имена

Начинаю особую и очень дорогую мне главу повествования.

Собственно говоря, каждый период моей жизни завершается не просто итогом пережитого, но и необходимостью благодарной памятью обозначить дорогие сердцу имена. И пусть не покажутся моим читателям эти обязательные для меня главки скучным перечислением: за каждым человеком, которого называю, – частичка моей души, моей жизни, и пусть внуки и близкие мои знают их имена. В начале повествования о пермском милицейском периоде моей жизни уже говорил: первая моя задача, когда пришел в УВД, – сформировать коллектив единомышленников, которому мог бы доверять, опереться на честных, проверенных офицеров.

Думаю, у меня это получилось. Горжусь, что работал в таком дружном, сплоченном, высокопрофессиональном коллективе, на который мог всецело положиться. Я верил в своих заместителей, офицеров, рядовых, потому что мы работали честно, открыто, добросовестно и – во имя Закона.

Генерала Владимира Сикерина, например, я знал с тех пор, когда он был еще подполковником, служил во внутренних войсках, в нашей дивизии, потом был начальником штаба дивизии. Мы дружили семьями. Потом он стал успешным начальником училища внутренних войск. Когда я был рекомендован на должность заместителя министра, Анатолий Сергеевич Куликов, возглавлявший тогда МВД РФ, стал проводить такую политику, чтобы командиров дивизий – представителей внутренних войск – рекомендовать в начальники Управлений внутренних дел. Так генерал Сикерин и оказался на этой должности.

Он работал успешно, частенько советовался, звонил, приезжал в Москву. Самое главное, что он сохранил коллектив, который удалось сформировать за эти семь лет – продолжил добрые традиции, умел слушать людей, понапрасну не вмешиваться. Тем более, у них были дружеские отношения с Геннадием Вячеславовичем Игумновым. И сейчас мы, когда я бываю в Перми, встречаемся. Генерал-лейтенант Владимир Григорьевич Сикерин – душа коллектива, председатель генеральского собрания нашего края.

Непреренно хочу вспомнить добрым словом Валентина Фёдоровича Герцена, которого я знал еще по Кизелу. Он прошел Афганистан, окончил академию, возглавлял отдел по борьбе с организованной преступностью, вырос до первого заместителя начальника службы криминальной милиции. В ноябре 1995 года получил звание генерала, а потом, после Сикерина, был несколько лет начальником Управления внутренних дел. Любопытный штрих: оказывается, мы срочную службу проходили в одном полку, на одной ракетной площадке, и только спустя несколько десятков лет это обнаружили. Получается, что в одной воинской части № 12826 выросли два генерала, два начальника Управления внутренних дел Пермской области.

Не раз здесь упомянут мной генерал Сергей Александрович Новиков, начальник службы общественной безопасности. Он при мне вырос. Взял его к себе замом, когда он был заместителем начальника городского отдела внутренних дел города Перми. Очень ответственный, знающий человек, беспрекословно выполняющий любые приказы, вдумчивый, интеллигентный. Я знаю, что его уважали руководители и области, и города Перми, и на местах: с ним было всегда приятно работать.

Отдаю должное одному из моих близких друзей Юрию Антоновичу Бражкину. Он был заместителем начальника УВД по кадрам. Пришел в органы с завода имени Свердлова, был партийным работником, очень хорошо вписался в систему Министерства внутренних дел, любил и знал кадровую работу, тонко разбирался в людях, видел и плюсы и минусы. Его рекомендации по выдвижению (или невыдвижению) того или иного сотрудника на вышестоящую должность всегда были очень точны и лаконичны, а самое главное – проверены. Он всегда скрупулезно подходил к делу и, мне кажется, никогда не ошибался. Потом, по объективным обстоятельствам, я его назначил своим заместителем по тылу. Прагматичный, знающий, вхожий во все инстанции, он и там был на своем месте.

Когда Бражкин вышел на заслуженный отдых, я внес неординарное предложение: назначить «на тыл» начальника экспертно-криминалистического Управления отдела внутренних дел нашей области подполковника милиции Михаила Ивановича Сединина. Многие были очень этим удивлены, но я давно изучил и его характер, и с товарищами его встречался, и знал его хозяйственные таланты. И мы угадали: Сединин очень хорошо выполнял свои нелегкие служебные обязанности, когда не хватало ни бензина, ни обмундирования, ни карандашей, ни бумаги, ни машин. Он умело выкруливал эти дела, и мне с ним приятно было работать. До сих пор с теплотой вспоминаю о тебе, Михаил Иванович.

Работу с личным составом возглавил Геннадий Васильевич Шубин. Тоже неоднозначное было решение. Когда сделал ему предложение, он и сам удивился:

– Да вы что, товарищ генерал, я же оперативник!

– А вот мне и надо, чтобы был человек, который прошел многое, который знает всех сотрудников, работал «на земле». Будешь заботиться о людях.

Так он вошел в нашу команду и отлично работал. Замести-

С радостью жду каждую нашу встречу:
Леонид Пилат и Николай Салтыков

телем начальника был Александр Викторович Фёдоров, мой однофамилец. Среди личного состава нас называли «Фёдоров большой» и «Фёдоров маленький».

При мне работал начальник службы расследования преступлений Геннадий Иванович Федотов, большой профессионал, с ним дело ладилось. В этом отделе работали Сергей Иванович Безруков, будущий генерал, потом Останин, который тогда был на маленькой должности, но тоже стал генералом.

Я вспоминаю своих ближайших помощников: Анатолия Степановича Лобова, которому после окончания академии я порекомендовал поработать в Ленинском отделе внутренних дел. Сначала он не очень охотно воспринял это, потому что в академию уезжал с должности заместителя начальника Областного управления внутренних дел по охране общественного порядка. А тут вроде как понижение.

Я сказал:

– Ты поработай, это пригодится. – Интересно, что на этой должности и его отец работал, Степан Иванович Лобов. – Как раз и преемственность к месту будет: начальники Ленинского – Лобовы! Это памятно и значимо.

Он согласился и потом, когда я его рекомендовал на должность заместителя начальника Управления внутренних дел города Перми, очень долго сопротивлялся:

– Нет, оставьте меня в Ленинском, на этой должности, мне здесь нравиться.

Хочу выразить искреннюю благодарность за совместную работу Николаю Васильевичу Салтыкову. Когда я пришел в УВД, он был мне помощником по комсомолу в политотделе. Моряк, служил в Военно-Морском флоте, потом работал в уголовном розыске. Был рекомендован на работу с молодежью, и у него это очень хорошо получалось. Заботливый, замечательный семьянин. Мы с ним до сих пор дружим, общаемся. Когда я приезжаю в Пермь, они меня непременно встречают – и Лобов, и Николай Васильевич.

А Леонид Георгиевич Пилат, Николай Васильевич Салтыков и Сергей Иванович Безруков – это мои товарищи, с которыми я сохранил тесные дружеские и деловые отношения. Огромное им спаси-

бо, что они есть, потому что у нас много общего: всегда есть о чем поговорить, чем поделиться. Мы понимаем друг друга с полуслова, и наши посиделки при встречах продолжаются не один час.

Всегда вспоминаю добрым словом Владимира Ивановича Микляева – настоящего милиционера, очень умного, коммуникабельного человека. Он возглавлял службу организации Управления, штаб. Не могу не упомянуть и начальника секретариата Анатолия Михайловича Пономарева, его заместителя Виктора Владимировича Фадеева.

Просто обязан сказать еще раз про пресс-службу, про Виктора Николаевича Русакова, который много сделал для того, чтобы слово о пермской милиции звучало громко и правдиво. Мы были открыты для населения, для прессы. Дружить с журналистами и рассказывать им о своих проблемах, чтобы они их объективно и доходчиво объясняли читателям, – это нелегко, и не каждый может выполнять сложнейшую роль коммуникатора со средствами массовой информации.

Вспоминаю добрым словом Александра Павловича Герасимова, начальника информационного центра: все цифры и факты о жизни и деятельности Управления внутренних дел аккумулировались здесь.

Об уголовном розыске я уже говорил – о мастере сыска Якове Абрамовиче Вагине, Аскольде Марковиче Петрове. Там работали потом и Марканов, и Михаил Колотыгин. Обязательно должен добром упомянуть сотрудников межрайонного отдела по внутрикамерной разработке (ВКР), о Владимире Павловиче Польшгалове который дневал и, бывало, ночевал на работе – в изоляторе временного содержания, в городском и районных отделах: по оперативной работе мы с ним очень часто встречались, взаимодействовали со спецобщественностью, давали агентам конкретные задания. От того, как работал Польшгалов, многое зависело в раскрываемости преступлений. Это был высочайший специалист оперативной работы, сложных комбинаций, и у него был подобран очень боевой коллектив.

Должен сказать об Андрее Николаевиче Боронине, о бывшем отделе БХСС, при мне это был отдел борьбы с преступлениями в сфере экономики. Уже шла речь о бывшем Шестом управлении – потом оно стало Управлением по организованной преступности при УВД. Мной глубоко

уважаемый Борис Арсеньевич Сорокин – участник боевых действий, был ранен в Чечне. Мы долго боролись за его жизнь, и он выжил, выстоял и победил.

В отделе профилактики работал Аркадий Леонидович Каменев, позднее он стал начальником Управления внутренних дел города Перми, а до этого руководил Индустриальным райотделом милиции. Потом, когда мэра Перми Юрия Петровича Трутнева избрали губернатором, то он порекомендовал Аркадия Леонидовича на должность мэра города, и тот длительное время успешно работал на этом посту.

Вспоминаю Владимира Александровича Бессонова, руководителя отдела милиции общественной безопасности. Очень активный офицер, знающий специфику нелегкой работы по охране общественного порядка в городах, районах, при проведении массовых мероприятий. Самые теплые слова в адрес Михаила Васильевича Лузина – при мне он работал в УБХСС, УБОПе. Это настоящий «профи», человек слова и дела, спортсмен.

О Владимире Мовчане я уже упоминал. Считаю, у нас сформировалась тогда одна из лучших в стране инспекций ГАИ. Упомяну Управление пожарной государственной службы, Владимира Петровича Суворова. Было большое Управление вневедомственной охраны, отличные офицеры возглавляли его, внесли свой вклад в развитие этой службы...

Пусть простят меня те, кого не упомянул в этих записках. Всплывают в памяти лица и имена сослуживцев, друзей, коллег – все дороги и близки. Вы – неотъемлемая часть моей жизни и судьбы.

Последний поклон

Каждый, кто приходит в наше Управление внутренних дел, сразу оказывается у мемориальной доски, где начертаны имена сотрудников, погибших в Великой Отечественной войне и в мирное время. Там есть и Герои Советского Союза, и близкие наши предшественники, которые служили в органах внутренних дел и отдали свои жизни за свободу и независимость нашей Родины. Это имена тех, кто погиб, выполняя свой служебный милицейский долг.

Когда в 1983 году я пришел работать в УВД, на мемориальной доске было всего лишь несколько таких имен. Уже возглавляя управление, узнал: при мне погиб первый из моих сослуживцев – участковый Гайнского отдела внутренних дел Валерий Ховинен. Я добился, чтобы его посмертно наградили орденом Мужества, который был тогда только введен. Через несколько месяцев поехал вручать награду семье погибшего. Это была первая неболевая потеря, когда я возглавлял управление. А сейчас их уже несколько десятков.

Став заместителем министра, не раз был вынужден заниматься траурными, прискорбными делами. За год в системе МВД России мы теряли в мирное время 400–450 наших сотрудников. Они исполнили свой долг до конца и погибли на посту, защищая граждан, защищая общественный порядок.

Память бессмертна. Цветы к пермскому мемориалу погибшим солдатам правопорядка

В 1997 году был я личным гостем директора ФБР США Луиса Фри, и когда я пришел к нему в офис на официальную встречу, он мне сказал:

– У меня за время деятельности ФБР погибло менее двадцати человек в мирное время, а у вас каждый год погибает более четырехсот. Я понимаю, как это сложно – хоронить своих товарищей, которые могли бы жить, могли радоваться жизни, но сделали всё для того, чтобы исполнить свой долг и присягу.

Конечно, я был тронут этими словами. В самом деле, нелегка наша служба и, к сожалению, не очень высоко оплачиваема. Преступники хорошо вооружены, коварны, хитры, да и кинематограф и телевидение играют частенько «не в ту степь», односторонне и провокационно раскрывая работу органов внутренних дел. А ведь товарищи наши защищают людей иногда ценой собственной жизни.

...Читаю скорбные списки. Вижу имя Якова Баталова, полковника, отличного сыщика, оперативника, который погиб, возвращаясь с расследования преступления по Кунгурской трассе. Вижу имена погибших сотрудников нашего ОМОНа...

Нам есть кем гордиться.

Низко склоняю голову перед вами. Светлая вам память!..

МИНИСТЕРСКИЕ БУДНИ

...Наступил 2018 год. Продолжаю работать над книгой воспоминаний, хочется успеть к юбилею. Что ни говори, близится рубежная дата – время подвести определенные итоги. Эти записи помогают мне в раздумьях о жизни, в оценке своих действий. И, надеюсь, внукам моим дадут возможность больше узнать о нашем времени, которое, увы, становится в удаляющейся перспективе все более туманным, обросшим суждениями недобросовестных политиканов и мифами нанятых историков.

Перед близкими своими не могу кривить душой и, пользуясь наступившими «зимними каникулами», продолжу это путешествие по страницам собственной биографии, а, значит, в какой-то мере и по истории (не побоюсь этого слова) моей страны, с которой, в свою очередь, неразрывно связана деятельность Министерства внутренних дел, где прошли очень важные для меня годы...

17 марта 1996 года Президент России Борис Ельцин, недовольный действиями членов фракции Коммунистической партии Российской Федерации в Государственной Думе, да и деятельностью всей нижней палаты (избрана 19 декабря 1995 года, самая большая фракция была коммунистической), принял решение распустить Думу и запретить компартию. А заодно перенести срок очередных выборов президента, которые уже были объявлены.

Не стану здесь рассуждать, чем такое эмоциональное решение главы государства могло обернуться для страны, находящейся, по сути, в серьезном политическом кризисе на фоне растущих экономических и социальных проблем. Но вот о том, как я оказался в столице и чуть ли не в эпицентре очень значимых событий, рассказать пора...

Здравствуй, Москва!

В конце ноября 1995 года всюду шла предвыборная кампания в Государственную Думу, и я был зарегистрирован как кандидат в депутаты. Вообще-то, намеревался идти как самовыдвиженец, но потом друзья меня попросили заявиться от партии «Наш дом – Россия», лидером которой был Виктор Степанович Черномырдин.

Наш штаб активно работал, я регулярно встречался с избирателями. Были хорошие прогнозы: социологи предрекали мне победу. Но надо сказать, что к тому времени уже состоялся разговор с министром внутренних дел Анатолием Сергеевичем Куликовым: мол, после коллегии, в начале ноября, он внесет предложение Председателю Правительства В. С. Черномырдину о назначении меня своим заместителем. Однако подтверждения тому все не было. Похоже, планы где-то наверху еще корректировались...

Однажды премьер, он же лидер партии, незабвенный мастер политического афоризма, меня спросил:

- Сколько ты можешь дать мне голосов?
- Наверное, с полмиллиона наберу...

На этом разговор и закончился. И вдруг узнаю, что 4 декабря будет подписано постановление о назначении меня заместителем министра внутренних дел Российской Федерации. По закону был обязан немедленно прекратить избирательную кампанию. Но штабу, чтобы не расхолаживались и не волновались, сказал: мол, неважно себя чувствую, заболел, горло саднит...

Несколько дней не ездил на встречи – было уже не очень приличным агитировать, говорить с людьми о депутатских планах, получать от избирателей наказы на будущее. Дождался выхода постановления

о состоявшемся назначении и тогда официально обратился в Центральную избирательную комиссию, чтобы снять свою фамилию из списков кандидатов в Государственную Думу Российской Федерации.

Начались хлопоты по сдаче дел. Заботиться о преемнике не пришлось. Сверху было ясно сказано, что на эту должность будет назначен начальник Военного училища внутренних войск, генерал-майор Владимир Григорьевич Сикерин. Я его достаточно хорошо знал. Спросил Куликова:

- Кто его будет представлять личному составу?
- Ты уже в должности замминистра, сам и представишь.

Собрал я руководящий состав Управления внутренних дел Пермского облисполкома, объявил распоряжение правительства, зачитал приказ министра о назначении генерал-майора Сикерина. Пожали руки, и я с коллегами попрощался. А в субботу, 11 декабря, собрав нехитрый скарб, поспешил к поезду «Кама», чтобы отправиться в Москву, хорошо знакомую мне с детства, потом по учебе в Академии, по частым командировкам. Но теперь я ехал в город, где предстояло жить и служить, стать москвичом.

...Комок к горлу: по приезде на вокзал увидел огромное количество провожающих. Знал, что близкие товарищи мои придут, но такого волнующе многолюдного «соборания» не ожидал. К нам подошел Владимир Парфенов, в то время начальник Пермского отделения Свердловской железной дороги, и пригласил в свой штабной вагон. Подъехали губернатор, его заместители, мои друзья, товарищи. Зашли в штабной. Стоя выпили «на посошок» по рюмке, и отправился я в новую жизнь.

На Курском вокзале меня встречали Игорь Васильевич Астапкин, в то время начальник Главного управления кадров Министерства внутренних дел, и начальник ГАИ МВД России генерал Владимир Александрович Фёдоров, мой старинный замечательный друг и товарищ. Отвезли в служебное жилье на Мичуринский проспект. Хорошая трехкомнатная квартира со всей обстановкой. Утром прибыл на Житную, 16, в кабинет Анатолия Сергеевича Куликова, и он провел в актовом зале, где я был представлен личному составу.

Начались мои министерские будни. «Тринадцатое» число – 13 декабря 1995 года, – окажется ли оно счастливым для меня? Откровенно

скажу, было нелегко привыкать к новой должности, к новым обязанностям, новым коллегам. С одной стороны, чувство гордости за доверие, но... и чувство неизведанности, сомнения: а справлюсь ли? В Перми мне все было знакомо, а здесь – другой мир, иные отношения, а главное – груз большой государственной ответственности ложился на мои плечи.

Помог мне осваиваться Игорь Николаевич Кожевников, великолепный юрист и опытный руководитель, начальник Следственного департамента МВД. Первым заместителем у него работал мой однокурсник Владимир Авенирович Алфёров. Это тоже как-то ободрило и помогло адаптироваться в министерстве.

В конце года шло подведение итогов. Первым делом я назначил встречи во всех подразделениях нашего главка: сотрудники отчитывались, я их внимательно слушал, кое-что брал на карандаш, по возможности делал свои предложения. Слава богу, все-таки кадровой работой мне приходилось ежедневно заниматься в Перми: эта большая жизненная школа мне очень пригождалась на новом месте.

Провели итоговые совещания, теперь предстояло оценить работу личного состава главка за год. Готовился к моему первому выступлению основательно, хотелось передать свое видение задач и проблем в стремлении привнести новое в работу главка. Причем сразу подчеркнул, что никаких экстравагантных шагов по смене руководителей подразделений делать не собираюсь: действовать начнем планомерно, внимательно изучим, кто как тянет нелегкий служебный воз. В это время шла военная кампания в Чечне. Личный состав главка принимал в операциях самое активное участие. Надо было отбирать, готовить и командировать туда надежный личный состав.

В таких вот напряженных трудовых буднях и началась моя столичная жизнь – не до прогулок...

Товарищ министр

Было с кого брать пример в работе. Министр Анатолий Сергеевич Куликов – это очень яркая личность, организованный, системный, как говорится, человек, элитный генерал, преданный Родине. Отличный

аналитик, он умел видеть проблемы, внимательно вникать в них. Большую часть времени ему приходилось в тот момент посвящать решению военных вопросов в Чечне, куда он и сам постоянно выезжал. В его кабинете висела оперативная карта с флажками, обозначившими пункты сосредоточения масхадовцев, наших подразделений и сил сепаратистов. Он находился, по сути, в самом горниле тех событий, которые творились тогда на Северном Кавказе.

Каждый понедельник, в десять утра, он проводил большие оперативные совещания с заместителями. Мы докладывали, что сделано за неделю, и Анатолий Сергеевич подводил итоги, четко отмечая достоинства и недостатки нами проделанного, нацеливал на достижения лучших результатов.

Я видел, как много сосредоточенного внимания уделял он работе с личным составом. Сбережение людей, забота о сотрудниках были у него непоказными. Однако сочетались с жесткостью в антикоррупционном противостоянии. По инициативе Куликова впервые в нашей системе МВД было создано управление собственной безопасности. Он стремился надежно защитить сотрудников от попыток преступного элемента воздействовать на личный состав, особенно на руководителей. Самая главная задача, которую он поставил перед службой собственной безопасности, – ограничить влияние криминала на правоохранные органы, предупредить и исключить элементы коррупции.

Мне очень импонировало и вызывало большое доверие то, что Анатолий Сергеевич не считал себя знатоком всего и вся, каким-то непрекаемым авторитетом, особенно в оперативной работе. Он не стеснялся учиться: изучал документы, встречался с операми, регулярно выезжал в подразделения. Запомнилось, и даже стало легендой, когда

он как рядовой гражданин приходил в отделы милиции, обращался в ГАИ, к пожарным. Честно могу сказать, этими непредсказуемыми визитами он наводил ужас на дежурные части.

Ему там порой говорили, не узнавая:

– Ты чего сюда приперся, мужик?

Он реально убеждался в обоснованности жалоб населения на непотребное обращение с простыми людьми. Такие проверки в дежурных частях, в изоляторах временного содержания, в пожарных подразделениях заставляли нерадивых врасплох. Главное, после этого делались правильные выводы, чтобы личный состав не гонялся за цифрой в «показателях», а ответственно и внимательно работал, что называется, на налогоплательщика.

Много времени уделял Анатолий Сергеевич вопросам служебной подготовки личного состава и нас нацеливал строже смотреть, чтобы личный состав обязательно занимался физической подготовкой, совершенствованием профессионального мастерства. Это была сфера моей заботы – воспитание личного состава, подбор кадров, присвоение очередных воинских званий, культурно-массовая работа.

Всегда исповедовал я неформальный подход к порученному делу, и вскоре в главке был выработан ряд новаций, которые министр одобрил и поддержал. Мне довелось стать одним из инициаторов подготовки директивы о неотложных мерах по коренному улучшению работы с личным составом. Подчеркну, такая директива в системе МВД появилась впервые. Анатолий Сергеевич, определяя ее концепцию, во главу угла поставил простой и ясный принцип: если личный состав будет выполнять свои нелегкие обязанности профессионально, с достоинством и честью, тогда все поставленные цели будут достигнуты.

В стране шел далеко не однозначный процесс реформирования. Сменился не только экономический уклад – менялись общественные отношения и даже нормы морали. Появились новые виды преступности, связанные с частной собственностью, ценными бумагами, наследованием. Коррупция предстала в невиданных ранее масштабах. Противостоять ей и натиску организованной преступности могли только честные, убежденные и подготовленные люди.

За один 1995 год в Российской Федерации было награждено орденами и медалями более 10 тысяч сотрудников органов внутренних дел и внутренних войск, а семь из них удостоены высокого звания Героя России. И, наряду с этим, среди сотрудников выявлено более 11 тысяч правонарушений, на 15 процентов увеличилось число осужденных за преступления. Из общего количества лиц, вовлеченных в 1995 году в коррупцию, каждый пятый являлся сотрудником органов внутренних дел. Нужны были срочные и эффективные меры противодействия нежелательным явлениям.

Недаром в нашей директиве отмечалось, что очень медленно решается вопрос о создании психологической службы в органах внутренних дел. Было зафиксировано: остается невыполненным требование об организации обучения руководителей теории и практики воспитания. Эти недостатки отрицательно влияли на боеспособность, оперативно-служебную готовность органов внутренних дел, сказывались на морально-психологическом состоянии личного состава. Во главу угла мы стремились поставить повседневную целенаправленную воспитательную работу с подчиненными, особенно с личным составом в основном звене МВД России – городских, районных и линейных органах внутренних дел. Были поставлены четкие задачи по расширению связей с населением, со средствами массовой информации. Требовалось повысить воздействие воспитательной работы на результативную оперативно-служебную деятельность, на решение боевых задач и укрепление дисциплины.

Не забыли и об организации наставничества. Директива требовала

Встаём под знамена МВД

завершить создание системы психологического обеспечения профессиональной деятельности, культурно-эстетического воспитания личного состава. Даже проведение Дней милиции нацелили на более эффективное использование праздничных мероприятий для повышения ее авторитета, укрепления связей с населением, героизации лучших сотрудников, пропаганды патриотизма. Словом, определился целый комплекс неотложных воспитательных мер.

Теперь было необходимо довести содержание документа до всех сотрудников, организовать его вдумчивое, неформальное изучение руководящим составом органов внутренних дел и внутренних войск в системе профессиональной подготовки. Потребовалось развернуть на всех уровнях системы ОВД России работу по фактическому воплощению в жизнь новых требований.

«На заседании коллегий и военных советов оперативно рассмотреть вопросы, вытекающие из настоящей директивы, и определить меры по выполнению предъявленных требований», – такое указание министра Куликова сопровождало появление этого – заданного и с моим непосредственным участием – очень важного вектора в формировании современных органов правопорядка. Еще раз подчеркну: Анатолий Сергеевич был кровно заинтересован в продвижении наших идей. Он видел, что для повышения авторитета Министерства внутренних дел среди населения необходимы новый уровень профессионализма в работе, культура, забота о населении и внимательное, бережливое отношение к Конституции, к праву.

С легкой руки Анатолия Сергеевича, реализовалось и другое мое предложение – заслушивать на заседании коллегии отчеты начальников Управлений внутренних дел облисполкомов, министерств республик, входящих в Российскую Федерацию, о том, как они ведут воспитательную работу среди личного состава. Это явилось очень серьезным стимулом и большой помощью всему главку, лично мне как заместителю министра, потому что настоящим экзаменом для руководителя Управления внутренних дел того или иного региона был отчет о том, как он сам непосредственно участвует в процессе воспитания кадров. До этого обычно с начальников требовали в основном показатели раскрываемости преступлений, состояния профилактики, снижения

уровня преступности, а теперь впервые на коллегию стали регулярно выноситься вопросы работы с людьми.

Небольшой штрих: в 1995 году в системе МВД сотрудниками было утеряно из табельного оружия 605 пистолетов. Невольно возникала тревога: в чьи руки ушел этот арсенал? Мы проработали приказ, в котором определили меры поощрения для Управлений внутренних дел, зональных подразделений, если они добьются искоренения подобного явления. И за два последующих года действия этого приказа количество утерь табельного оружия сократилось вдвое. Значит, и «пряником» можно влиять на ситуацию.

Необходимо отметить, что с момента своего прихода на должность министра Анатолий Сергеевич ввел ежемесячное и еженедельное планирование деятельности руководящего состава. Один из обязательных пунктов для командиров и начальников – работа с личным составом: посещение семей, встречи в трудовых коллективах, в учебных заведениях, организация брифингов, выступления по радио, телевидению. Все это, естественно, работало на укрепление связей населения с милицией, милиции с населением. Мне был близок именно такой стиль работы. Моя позиция, проверенная на опыте работы в пермской милиции, пережитая мною душевно, стала глубоким убеждением, что иначе с людьми работать нельзя!

«Готов к отставке!...»

Общая атмосфера в министерстве царила весьма дружелюбная. Министра уважали, и он относился к нам с добротой и пониманием. Напомню, что на новую должность я приехал в середине декабря. А где-то за неделю до Нового года на очередном оперативном совещании министр спрашивает загов:

– Кто будет дежурить первого января по Министерству внутренних дел?

Все, конечно, сразу отвели глаза, склонили головы, уткнулись в свои записные тетради. А министр продолжает:

– Конечно, уважаемые коллеги, у нас нет и в помине быть не может никакой «дедовщины». Так что будем последовательны, начнем

с молодых. А самый молодой заместитель министра у нас – Валерий Иванович Фёдоров. Ему, наверное, и дежурить!

Все вздохнули с облегчением. Я только улыбнулся:

– Готов принять это поручение как проявление особого доверия.

Действительно, очень ответственно – держать руку на пульсе событий по всей России.

Не буду пересказывать подробности моего первого «дежурства по стране», да и не помню всех перипетий этой праздничной вахты. Почему-то запомнилось другое: когда выехал ранним утром первого дня Нового года к месту службы на Огарева, 6, то увидел, что машин и людей на улицах города почти нет. И окна в домах уже погасли, пока я ехал. Народ отходил ко сну после праздничной ночи...

Эта картина мне запомнилась на всю жизнь: раннее темно-синее утро, непривычно обезлюдившая Москва, нет обычных пробок, тишина... Первый день января. Что сулит мне этот новый год в столице? Обжиться-то, казалось, дело нетрудное. Но 1996 год оказался сложным.

Министр нас собрал вечером 17 марта в 20 часов у себя в кабинете. Внешне спокойно, но явно волнуясь, сказал, что его приглашал президент. Борис Ельцин заявил, что намерен распустить Государственную Думу, запретить КПРФ, а заодно и перенести сроки предстоящих выборов.

На это Куликов ответил, что категорически против таких шагов.

– Я готов к отставке, – сказал он насупившемуся Борису Николаевичу, – но это антиконституционный акт. Повторение девяносто третьего года невозможно.

– Иди, подумай, посоветуйся с замами, – заключил Ельцин, нахмурившись.

Теперь министр спрашивал нас:

– Вы разделяете мое мнение? Я своего менять не буду. Но вы определитесь сами. Прошу высказаться.

Каждый из заместителей, в том числе и я, определили свое отношение к планам Ельцина. Позиция оказалась единой:

– Товарищ министр, в докладе президенту можете сослаться на нас всех: мы категорически против данных указов и просили бы учесть наше единое мнение.

Куликов высказал нам благодарность за поддержку и стал готовиться к нелегкому разговору с главой государства. Как знаю, он ездил к генпрокурору Скуратову, встречался с Игорем Николаевичем Кожевниковым, который был, наверное, тогда самым знающим правоведом и законником. Они проанализировали и расписали все минусы предполагаемого президентского акта. И в шесть часов утра следующего дня Анатолий Сергеевич поехал в Кремль на встречу с Ельциным. Мы оставались на рабочих местах, отчетливо понимая, что сейчас может решиться судьба не только министра.

Как потом нам рассказал Анатолий Сергеевич, он в приемной президента неожиданно встретил еще двух Куликовых – Александра Куликова, начальника Управления внутренних дел Московской области, и Николая, начальника Главного управления внутренних дел города Москвы. Удивился совпадению: на совещании одни однофамильцы. Успел им на ухо сообщить, что мнение коллегии Министерства внутренних дел – не поддерживать подобные шаги президента.

Анатолий Сергеевич решительно выступил на совещании с критикой предполагаемых планов Ельцина и еще раз заявил ясно и открыто, что Министерство внутренних дел и он, как министр, категорически против антиконституционных актов. При этом подчеркнул:

– Это не только мое мнение, но и моих заместителей.

Тогда обескураженный Ельцин спросил:

– Они у вас что, все коммунисты?

– Нет, товарищ президент. Просто мы считаем, что в девяносто первом – девяносто третьем основания у вас были для силовых решений, а сейчас ситуация другая. Это похоже на авантюру...

И тогда Ельцин принял, очевидно, нелегкое для себя решение. Может быть, впервые он укротил свою волю и порыв, принял доводы министра внутренних дел, отказавшись от явно антиконституционных действий. Но мы пока об этом не знали. Когда Анатолий Сергеевич вернулся из Кремля, настроение было у него не лучшее. Мы внимательно выслушали его рассказ об этом важном утреннем совещании и, что скрывать, внутренне стали готовиться к худшему, зная характер главы государства.

И тут хочу привести один только факт о человечности Куликова. Я тогда к нему чуть позднее зашел и говорю:

– Анатолий Сергеевич, уволят, наверное, нас всех за такое решительное противодействие. А я только-только приехал, три месяца в Москве, квартиру в Перми сдал, жена уже увольняется с работы, а жилья своего у меня в Москве так до сих пор и нет. В принципе все определилось, документы нужные подал в жилищное управление города. Может, позвоните мэру Лужкову, чтобы мне оформили квартиру? А то потом куда я пойду? Буду, как бомж, болтаться по Москве?

Вообще-то я никогда об устройстве собственного быта особенно не переживал, да и семья привыкла к частым переездам. Но тут ситуация возникла опасная. Анатолий Сергеевич при мне позвонил Юрию Михайловичу Лужкову, и в тот же день получил я ордер, подписанный, с печатью гербовой. Душевно благодарен Куликову, что в такие трудные часы и минуты, когда его собственная судьба висела на волоске, он нашел возможность помочь. С ним, конечно, было очень хорошо работать.

Вся эта история помогла мне увериться, что МВД – это не только карательная система, но и важный форпост защиты общества и граждан, политический орган. Деятельность министерства, без всякого преувеличения, влияет на ход развития страны, на процессы развития демократии, укрепление демократических начал и соблюдение основного закона – Конституции.

Президент Ельцин все-таки отказался от своего настоятельного, но безрассудного решения, и в этом, уверен, очень большая заслуга лично Анатолия Сергеевича Куликова.

Человеческий фактор

В должности замминистра взял себе за правило – обязательно самому посетить как можно больше подразделений, Управлений внутренних дел, Министерств внутренних дел республик. Продолжилась привычная жизнь на колесах. Почти каждую неделю выезжал на подведение итогов комплексных инспекций.

Торжественное вручение знамени УВД в городе Кирове

Первая поездка, помнится, была в Волгоград.

В январе 1996 года заместитель министра внутренних дел Валерий Фёдоров проводил проверку ОВД Волгоградской области. На пресс-конференции по итогам проверки Валерий Фёдоров сообщил, что раскрываемость преступлений ОВД Волгоградской области находится на среднероссийском уровне. В то же время недостаточно активно ведется работа по пресечению организованной преступности. В области орудуют не менее 300 преступных групп. Он подчеркнул, что это проверка плановая, она не ставила целью проведение чистки, а стала частью работы министерства по обеспечению четкого функционирования своих звеньев. Многие проблемы местной милиции, отметил Фёдоров, характерны для всей страны: следственные изоляторы, исправительно-трудовые учреждения переполнены, большинство ИТУ потеряли свою производственную базу, сложная проблема с милицейскими кадрами, остро не хватает участковых и работников дорожно-патрульной службы.

«РИА Новости». 30 января 1996 года

С Валерием Быстровым за годы службы в министерстве я объехал почти все подразделения. Встречался с милицейскими коллективами, внимательно слушал людей. Приходилось критиковать и отчитывать отдельных начальников управлений внутренних дел. После иных поездок был вынужден рекомендовать министру освободить от занимаемой должности того или иного руководителя, кто не выполнял должным образом свои служебные обязанности.

Взял за правило приезжать на работу к восьми часам утра. Сразу пять–шесть срочных звонков в УВД по закрытой связи ВЧ. Это необходимое условие – быть в курсе дел, знать, чем живет личный состав, какие проблемы возникли, какие задачи следует решать.

Меня утвердили председателем Центральной аттестационной комиссии Министерства внутренних дел. Ознакомившись с делами, убедился, что ее работу следует менять в корне. Продумал предложения, и министр подписал приказ, чтобы ежегодно начальники Управлений внутренних дел, их заместители по оперативной, кадровой и воспитательной работе приезжали держать отчет на данной комиссии. Это явилось серьезным и неизбежным экзаменом для полковников

Статс-секретарь МВД на думской трибуне

и генералов – действующих и будущих. В Центральную аттестационную комиссию входили все начальники главков, и для руководителей с мест важен был принципиальный и профессиональный разговор. Ну, и стимул работать еще лучше.

Вскоре моя должность стала называться «статс-секретарь – заместитель министра внутренних дел, начальник Главного управления кадров Министерства внутренних дел».

Как-то в шутку я Анатолию Сергеевичу сказал:

– Товарищ министр, как же так – у меня три должности, а оклад только один?

– Валерий Иванович, это не ко мне. Это к президенту, – отшутился он.

Постепенно обрастал я широким кругом контактов и знакомств. Как статс-секретарю приходилось встречаться с депутатами Государственной Думы. Куликов всячески поддерживал общение руководства министерства с парламентскими фракциями. И я, и генерал Колесников, и сам министр встречались с парламентскими фракциями, а это и коммунисты, и «Наш дом – Россия», и ЛДПР, и «Яблоко» тоже тогда имело свою фракцию. Деловые встречи с депутатами были взаимно полезны и давали хороший импульс к обсуждению и решению многих важных проблем. Нам хотелось, чтобы народные представители лучше знали и понимали наши проблемы. А это помогало совместно решать вопросы совершенствования законодательства, вести проработку бюджета.

А с финансами была напряженка. Заместитель министра по тылу Владимир Андреевич Дурбажев каждый день по несколько часов проводил в стенах Минфина, добывая средства, жизненно необходимые для проведения военной кампании, да и на зарплату сотрудникам не хватало.

Приведу один эпизод.

Когда приходил очередной транш из Министерства финансов, Владимир Андреевич на оперативном совещании докладывал свои соображения, как делить деньги на выдачу зарплаты. Первым шел, естественно, город Москва, потом Санкт-Петербург, а четвертым–пятым неизменно называлось УВД Пермского облисполкома. Тут надо поделить одну маленькую «тайной». Из семи заместителей министра трое были из Перми: Петр Латышев, Владимир Дурбажев и я.

Один раз министр, выслушав предложения, сказал:

– Да, Владимир Андреевич, все верно. Но давайте поступим так, записывайте: первым полностью зарплату выплатить главным управлениям Москвы, Санкт-Петербурга, Орла, а потом уже всем остальным, сколько останется...

Мы недоумеваем: а при чем тут Орел?

– Ребята, там же губернатором Егор Семенович Строев, а это теперь третий человек в государстве. Вы учтите это!

Волей-неволей пришлось учесть значение и влияние Председателя Совета Федерации.

Опаленные войной

В то время разворачивались печально известные чеченские события. Мы ими много занимались, особенно Анатолий Сергеевич. Он утвердил план выездов в Чечню своих заместителей.

С апреля по май 1996 года туда был направлен мой друг Петр Латышев. Я должен был возглавить группировку Министерства внутренних дел с 14 августа. 21 апреля в селе Кечиху был убит генерал Дудаев, президент самопровозглашенной Ичкерии. Исполняющим обязанности назначен Яндарбиев. И к началу августа сепаратисты, заблаговременно просочившись в город Грозный (как потом стало известно, группировкой около 8 тысяч боевиков), заблокировали наши части и подразделения федеральных войск. Наша штаб-квартира находилась на стадионе «Динамо», там располагался ожидавший меня на смену замминистра Павел Голубец. С ним было с полтысячи наших военнослужащих и сотрудников СОБРа и ОМОНа.

Уже к 1 августа боевики захватили центр города, блокпосты. Тогда Анатолий Сергеевич принял срочное решение: мне надлежало немедленно вылететь с группой офицеров, сотрудников органов внутренних дел, заменить главу координационного центра.

Вспоминаю, как семья меня провожала из Жуковки. Мирное августовское утро. Тишина. Птички поют...

Из аэропорта «Чкаловский» вылетели в Моздок, оттуда на вертолете в Ханкалу. Поступил приказ от министра: срочно выезжай в Грозный, двигайтесь под покровом ночи, чтобы утром приступить к исполнению обязанностей начальника координационного центра МВД России в Чеченской Республике.

Приказ есть приказ. Заводим БТР, садимся на броню и под покровом ночи выезжаем в Грозный. Автоматы, каски, напряженные лица сослуживцев. И вдруг начинается стрельба. Знаете, когда сидишь на броне и вокруг посвист пуль, а всего несколько часов назад ты был в солнечной тихой Москве, ощущения возникают непередаваемые. Гнетущего страха не возникло, просто шло тревожное привыкание к боевой обстановке и обостренному чувству ответственности за свое поведение и за личный состав. Бог миловал, приехали. Встретился с Павлом Голубцом, обговорили, как и что. Он мне показал оперативные документы, карты, расчеты.

Начались для меня военные будни. В окруженном Грозном на стадионе «Динамо» у меня было, напомним, только 565 вооруженных бойцов. Связь лишь по телефону. Хорошо, что ВЧ работала. В полночь начинался обстрел нашего не особо укрепленного стадиона. Утром убирали ветки деревьев, обломки кирпичей и шифера. Иногда такой сильный обстрел был, что по колено наваливало этого мусора.

Прибыли в Грозный. Вот он – стадион...

В семь утра обязательно проводил селекторное совещание по телефону, а позывной у меня был очень оригинальный – «три семерки». И весь руководящий состав шутил: «портвейн» на связи. Я к этому тоже относился с юмором, необходимым в тяжелые дни испытаний.

Все наши опорные пункты осадили бандиты, постоянно велась перестрелка. Здания МВД и ФСБ республики тоже были окружены сепаратистами. Связи никакой – ни боезапас подвезти, ни воды, ни продовольствия. Дошло до того, что мне приходилось порой делить паек среди сотрудников: ведь неизвестно, сколько мы здесь пробудем в окружении, а привезти запас можно только прорвавшись с боями. Приходилось экономить и патроны, и гранаты, и мины, и паек тоже. По одной бутылке воды выдавали каждому и по банке тушенки. Я раньше очень любил солдатскую тушенку. Но за тот месяц она так надоела, что сейчас я к ней отношусь довольно равнодушно...

После очередного обстрела.
Ранен мой охранник

13 августа командующий группировкой войск Министерства обороны генерал Константин Пуликовский, с которым я постоянно был на связи, координируя наши действия, выступил с обращением к населению Грозного. (Это замечательный был командир, дай бог ему здоровья! Помню, потом уже, во время встреч, которые были у меня с Масхадовым, он говорил: «А вы, военные из России, неправильно поступили, поставили Константина Пуликовского командовать. Он же ведь злой на нас, потому что сын у него здесь погиб, и он относится, конечно, к нашему народу очень неправильно».)

Так вот, Константин Пуликовский гуманно предупредил жителей Грозного о необходимости покинуть город за 40 часов. Он собирался использовать все силы, все имеющиеся средства – от стрелкового оружия, минометов и огнеметов до штурмовой и бомбардировочной авиации – для разгрома боевиков, занявших Грозный.

Ночью я позвонил Анатолию Сергеевичу:

– Товарищ министр, если будет принято решение производить бомбовые удары по сепаратистам, бомба случайно может попасть и на стадион «Динамо». Я вот не знаю: каков разлет бомб при бомбардировке с воздуха?

– Ну, – говорит, – бывает до пятидесяти – полутора сотен метров.

– Значит, точно в нас попадут!

И тогда Анатолий Сергеевич сказал:

– Если возникнет опасность для личного состава, принимай решение единолично и выводите ребят из Грозного. Надеюсь, что примешь верное решение.

Так министр вновь проявил себя волевым и заботливым командиром.

22 августа генерал Александр Лебедь, секретарь Совета безопасности, полномочный представитель Президента в Чеченской Республике, заключил соглашение о неотложных мерах по предотвращению огня и боевых действий в Грозном и на территории республики с 12 часов следующего дня. Это были так называемые Хасавюртовские соглашения. Но мы, находясь в окружении, об этом даже не знали... Пока не пришел порученец от бандитов и заявил:

– Что же вы стреляете? Лебедь подписал соглашение с Яндарбиевым, и между нами никакой стрельбы не должно быть.

Однажды ночью на стадион, в наш штаб, сумел ползком добраться совсем еще мальчишка – рядовой внутренних войск. Я, естественно, с ним встретился. И он вдруг попросил:

– Товарищ генерал, не могли бы вы дать нам немножко гранат... и сигарет.

Не запомнил фамилию этого русского парнишки, но сам он остался в моей памяти. Под разящим пулеметным огнем, под снайперскими прицелами он дополз к нам в расположение и, стесняясь, попросил гранат и курева.

Я не курил. Но от генерала Голубца остались сигареты. Нашел этот блок Marlboro и даю солдатику.

Он смущенно:

– Товарищ генерал, нам бы «Приму».

– Да у меня нет ничего, только вот это.

Всегда горжусь своими соратниками – это очень мужественные люди

Мы порой ворчим и сетуем: мол, молодежь у нас плохая. Для меня тот парень – пример истинного героизма, патриот нашей Родины. Настоящий солдат, защитник Отечества.

Скажу вполне откровенно: Хасавюртовский мир был унижением для нас, всех, кто был задействован в этой кровавой чеченской кампании. Хочу еще раз подчеркнуть: ни один объект, защищаемый нами, не был захвачен сепаратистами. Мы успели много

сделать по их укреплению за летние месяцы. И как не испытывать горечь от этих вот цифр: **с 6 по 23 августа личного состава внутренних войск было убито 168 человек, сотрудников милиции – 24. Ранено 1126 человек (из внутренних войск – 912, из органов внутренних дел – 214).**

Сотрудники МВД России стояли насмерть и проявили чудеса храбрости. Не забуду, как – в отсутствие лекарств, воды, элементарного снабжения – на проводимых селекторных совещаниях от наших офицеров не было никаких стенаний и плача, только говорили:

– Товарищ генерал, докладывайте министру: мы стоим, мы обороняемся. Объекты, которые закреплены за нами и в которых находится личный состав, не будет сдан ни один!

Что и было сделано. И я горжусь этими людьми.

История еще рассудит, но сдача Грозного, по-моему, была предопределена не совсем чистыми политическими играми господ типа Бере-

зовского и волонтеристскими замашками оказавшегося вне критики генерала Лебеда, а не просчетами в действиях федеральных сил. Впрочем, мы еще поговорим на эту тему...

Хроника текущих событий

Искренне заявляю: описывать работу в Министерстве внутренних дел мне не очень легко. И по ряду причин.

Во-первых, далеко не обо всем еще можно рассказывать – особенно о том, что связано с моими обязательствами хранить государственные тайны. Существует, безусловно, и мой внутренний «цензор» в отношении упоминания отдельных лиц и трактовки некоторых событий. Да и память может подводить, тем более что эти записи – не строгое документальное повествование, а скорее, мое личное восприятие жизненных ситуаций и желание сохранить для внуков и близких имена людей, значимых для меня. И если что-то окажется не совсем точным, прошу простить...

Во-вторых, невольно почувствовал, с каким объемом информации связаны эти годы в Москве. Министерство внутренних дел – это очень большой и сложный организм, в нормальном функционировании которого заинтересованы и организации, и люди – от президента страны до рядового гражданина, живущего в городе или маленькой деревушке. Описывать свое участие в будничной работе такого большого механизма стало бы, наверное, не очень благодарным занятием, но и обойти этот период жизни, наверное, неправильно. Каждый день был насыщен всевозможными событиями. Попробую для большей объективности просто привести некоторые обзоры и справочные материалы.

В интервью газете «Звезда» после назначения заместителем министра внутренних дел России Валерий Фёдоров подчеркнул, что полностью поддерживает начатую по инициативе министра МВД России Анатолия Куликова операцию «Чистые руки» и со своей стороны сделает все возможное, чтобы в рядах работников милиции трудились честные, чистые и порядочные лица.

Газета «Звезда», Пермь. 9 декабря 1995 года

Готовится заключение Договора о сотрудничестве между Россией и Венгрией в борьбе с организованной преступностью, терроризмом и наркобизнесом, – заявил в интервью корреспонденту «РИА Новости» замминистра внутренних дел, генерал-лейтенант милиции Валерий Фёдоров, принимавший участие в работе международной конференции руководителей правоохранительных органов стран Европы и США.

Фёдоров сказал, что в ходе его встреч с находившимся в Будапеште министром юстиции США Джэнет Рино и директором ФБР Луис Фри удалось достичь соглашения о более тесном сотрудничестве правоохранительных органов России и США в борьбе с международным терроризмом, контрабандой оружия, наркотиков, расщепляющихся материалов, изготовлением фальшивых денег и их отмыванием.

«РИА Новости». 26 апреля 1996 года

«Почти в пять раз выросло в России за последние несколько лет число преступных групп с международными связями, в которые вовлечено более 2 тысяч активных участников», сообщил в интервью корреспонденту «РИА Новости» замминистра, генерал-лейтенант милиции Валерий Фёдоров. «В сфере влияния этих групп, – отметил генерал, – находится контрабанда оружия, сырьевых ресурсов, продуктов моря, незаконные финансовые операции. Огромные доходы этим преступным формированиям приносит наркобизнес, хищение автомобилей престижных марок, игорный, шоу-бизнес и рэкет. Борьбу против этих проявлений организованной преступности, – подчеркнул Фёдоров, – органы внутренних дел ведут во взаимодействии со своими коллегами из США, Германии, Австрии, Венгрии, Канады, Италии, Франции, Болгарии и других стран. Только в прошлом году совместными усилиями проводились мероприятия по 160 материалам следственно-розыскной деятельности».

«РИА Новости». 5 мая 1996 года

«25 августа 1996 года в селе Новые Атаги замминистра внутренних дел Валерий Фёдоров встретился с министром внутренних дел Республики Ичкерия Казбеком Махашевым, сделав ему предупреждение в связи с несоблюдением графика вывода вооруженных формирований из Грозного. На этой встрече Валерий Фёдоров и Казбек Махашев обсудили пункт 1 протокола о функционировании правоохранительных органов в Чечне на переходный период. Стороны согласились, что создающиеся правоохранительные органы будут действовать в соответствии с российскими законами, формироваться на паритетных началах».

ТАСС. 30 августа 1996 года

«9 сентября 1996 года в Грозном состоялась встреча заместителя Министра внутренних дел Фёдорова с комендантами Чеченской Республики. Рассмотрен весь комплекс вопросов, касающихся деятельности объединенных комендатур. Валерий Фёдоров подчеркнул, что особое внимание уделено вопросам проверки проводки колонн, приема граждан, изъятия оружия. Он отметил, что в стадии решения находится проблема возобновления работы следственных органов. По мнению заместителя министра, комендатурам и их нуждам следует определять особое внимание, так как это единственные органы власти в Грозном».

ТАСС. 9 сентября 1996 года

«23 сентября 1996 года заместитель министра внутренних дел генерал-лейтенант Валерий Фёдоров сообщил, что в Грозном будет действовать Уголовный кодекс Российской Федерации, и на этой основе в городе создаются временные правоохранительные органы. При этом он подчеркнул, что создаваемые органы будут действовать на временной основе для создания координационного правительства. По оценке генерала, вопросы о действиях российского законодательства в Грозном были камнем преткновения на проходивших двух всесторонних консультациях.

Чеченская сторона ссылалась на указ, подписанный 4 июля президентом Республики Ичкерия Зелымханом Яндарбиевым, согласно которому с 12 сентября на ее территории вводится уголовный кодекс, основанный на законах шариата. Тем не менее, твердая позиция федеральной стороны, отметил Валерий Фёдоров, не допускающая создания органов внутренних дел, юстиции, прокуратуры вне рамок законов Российской Федерации, а также проявленная позиция и здравый смысл позволили найти общий знаменатель. Валерий Фёдоров сообщил, что схема комплектования временных правоохранительных органов в Грозном выработана на совместных консультациях, согласована с Александром Лебедем, Асланом Масхадовым и МВД России, она основана на районных отделах довоенного Грозного и будет комплектоваться профессиональными опытными работниками милиции. «Проблема в том, – добавил генерал, – чтобы все сохранившиеся кадры согласились работать в такое сложное и опасное время».

ТАСС. 23 сентября 1996 года

«18 октября 1996 года в Центральной объединенной комендатуре Грозного состоялась встреча исполняющего обязанности командующего объединенной группировкой федеральных сил в Чечне Владимира Сухо-

рученкова и заместителя министра внутренних дел Валерия Фёдорова с начальником штаба чеченских военных формирований Асланом Масхадовым и министром внутренних дел Чеченской Республики Казбеком Ахашевым. Обе стороны заверили друг друга, что предпримут все усилия для того, чтобы не допустить каких-либо провокаций на территории Чечни. По их мнению, мирный процесс в республике не может быть нарушен ни при каких обстоятельствах, а все возникающие спорные вопросы должны решаться исключительно переговорным путем».

ТАСС. 18 октября 1996 года

Думаю, эти сообщения ведущих СМИ Российской Федерации коротко, но емко говорят о наших действиях.

Война за... умы

Вернусь вновь к Хасавюртовскому соглашению. Считаю, оно было выработано и принято слишком поспешно. Какие цели и на каком основании преследовал Александр Лебедь, обсуждать сейчас не буду, думаю, читатели имеют свои, надеюсь, правильные оценки и выводы. Только хочу отметить, что нам, находившимся в центре осажденного сепаратистами Грозного, была дана команда не препятствовать выходу бандитов из города. Был составлен график, и каждый день на автомобилях, на МАЗах, КРАЗах и даже автобусах тысячи боевиков с оружием в руках, со стрельбой, с криками «Аллах Акбар!» отправлялись к местам постоянной дислокации в Шали, Гудермесе, Ведено... Ехали во главе с командирами, с развевающимися флагами, оскорбительными выкриками. Горько и обидно это было видеть.

Такого, по-моему, не должно быть в принципе – чтобы бандиты, преступники разъезжали открыто, свободно, как победители. Этот позор всем нам: мне и личному составу, который был в то время в Грозном, военнослужащим Российской армии и сотрудникам, бойцам ОМОНа, СОБРа, милиционерам из разных городов и республик.

Никогда не сотрутся из моей памяти провокационные действия ОБСЕ, Международного Красного Креста, которые делали все для того, чтобы унижить федеральные власти, органы внутренних дел, внутрен-

ние войска. Противопоставляя сепаратистов как «борцов за демократию, за самостийность» нехорошим «кровавым» федералам, «душителям национально-освободительного движения», Запад создавал мировое общественное мнение...

Недаром на одном из заседаний Государственной Думы министр Анатолий Куликов с горечью отметил, что мы проиграли информационную войну. Один чеченец, Мовлади Удугов, сумел повлиять на настроения мирового сообщества больше, чем все наши федеральные теле- и радиоканалы. Это была жесткая, но правильная оценка министра, потому что в СМИ, а в то время особенно на НТВ, да и других телеканалах велась оскорбительная пропаганда: мол, органы внутренних дел, войска занимаются грабежами и хищениями, насилием над мирным чеченским народом. Только спустя годы стало отчетливо ясно, по чьему заказу работали отдельные политики, журналисты и правозащитники типа Сергея Ковалева, наемные «гусинские» СМИ...

Помню, когда террористы взяли в плен журналистку Елену Масюк, она там пробыла сто дней. Девушка, прямо сказать, тоже не отличалась до этого объективным взглядом при освещении действий федералов (так они нас называли в своих репортажах). И только после того, как сама побывала в лапах сепаратистов, увидела изнутри всю подлость и коварство этих «борцов за свободу Ичкерии», взгляды ее на террористов кардинально изменились, и вышла она из застенков совершенно другим человеком.

Я неоднократно встречался с Тьерри, председателем Красного Креста в Российской Федерации. Было, например, принято решение о создании госпиталя на территории Чеченской Республики. Посоветовал Тьерри открыть его в Ханкале: здесь, мол, будет спокойнее под охраной федеральных войск. Но он сказал:

– Ты не прав, мы будем открывать госпиталь в Атагах.

Что и было ими сделано. Открыли госпиталь. Привезли туда международный врачебный персонал. Начали лечить и боевиков, и мирных граждан... А теперь вспомните трагические дни декабря 1996 года. Бандиты напали на этот госпиталь: они отрезали головы невинным людям, глумились над мирным населением, над врачами, которые по велению сердца приехали помогать чеченскому народу.

Помню, когда я уже вернулся из Чечни в Москву и сложил полномочия начальника координационного центра, Тьерри приехал ко мне и пригласил на официальные проводы: он покидал место службы в Москве. Я тогда сразу решил: не пойду туда, чтобы не говорить в его адрес фальшивые добрые слова, слишком велика была обида, что он меня не послушал.

«Вертушка» – основное средство передвижения в воюющей Чечне, и всегда рядом мой заместитель Вячеслав Овчинников

Конечно, про чеченские события можно рассказывать много. Я в контакте работал с Вячеславом Тихомировым, с Константином Пуликовским. Особенно повезло мне с заместителем Вячеславом Овчинниковым, который был у меня в координационном центре начальником штаба. Он многое сделал для сбережения личного состава – настоящий офицер, боевой командир, который участвовал во многих «горячих точках», был комендантом в Грозном. Мне повезло с Вячеславом: мы с ним с полувзгляда понимали друг

друга. В том, что ни одна мина не поразила наших сотрудников, которые находились в окружении на стадионе «Динамо», – большая заслуга опытного офицера Вячеслава Овчинникова. Мы до сих пор с ним встречаемся, нам есть что вспомнить, есть о чем поговорить.

Дорогие сердцу имена

Мне очень важно на этих страницах вспомнить друзей – Аркадия Баскаева, Владимира Дурбажева, Станислава Кавуна, Игоря Межакова, Вячеслава Селиванова, Александра Стрельникова и еще многих-мно-

гих дорогих и памятных сердцу коллег по министерству. Один знакомый в Перми, узнав о моем переводе в Москву, высказал сочувствие: мол, те искренние дружеские отношения, что сложились на Урале, в столице ты вряд ли найдешь, «столичная чиновная номенклатура и сложившиеся там кланы живут по особым законам, где не считается за грех и подножку подставить провинциалу». Мол, на этом «минном поле» следует остерегаться не только недоброжелателей, но и любых новых знакомцев...

Однако изменить себя в угоду осторожности и недоверию к людям я не мог. Особенно по отношению к «ближнему кругу» общения. Работая в Министерстве внутренних дел, мне довелось со многими заместителями министра не только служить, но и дружить.

Повторюсь, но особо хочу отметить Игоря Николаевича Кожевникова, заместителя министра, начальника Следственного комитета, генерал-полковника юстиции. Мы жили в Жуковке – соседи по даче. Может, и это бытовое обстоятельство сблизило с удивительно интеллигентным, много знающим, обходительным человеком, глубоким и мудрым законником.

Владимира Петровича Страшко я знаю, как кажется мне, уже тысячу лет – с тех пор, когда он работал в Свердловске, а я в Перми. Тоже оказались соседями по даче. Он был и заместителем министра по тылу, и первым заместителем министра внутренних дел Российской Федерации, генерал-полковником. И – очень внимательным, искренним товарищем. Мы с ним ровесники, хорошо понимаем друг друга.

С Петром Григорьевичем Мищенковым у нас кабинеты оказались рядом. Он отвечал за работу Управления исправительных дел. В наших взглядах на многие подведомственные ему проблемы оказалось немало сходства. Я еще был полон впечатлений и раздумий о проблемах системы УИН в Пермской области и не стеснялся в наших беседах делиться своими соображениями.

Много контактировал с заместителем министра Игорем Николаевичем Зубовым, профессором, обладающим особым даром очень четко и точно излагать свои мысли. Сейчас он статс-секретарь МВД и много делает для того, чтобы законы, принимаемые Государственной Думой,

соответствовали духу времени и задачам, которые стоят перед органами внутренних дел.

Когда заместителем министра внутренних дел был Владимир Андреевич Дурбажев, очень много было сделано по созданию комфортных условий для работы личного состава, для сотрудников органов внутренних дел: по жилью, медицинскому обслуживанию. Был закончен наш долгострой – Центральный госпиталь внутренних войск Российской Федерации.

С теплым чувством вспоминаю Владимира Ивановича Козлова, первого заместителя министра внутренних дел, моего товарища и коллегу; Николая Георгиевича Соловьева, первого заместителя министра внутренних дел, начальника Следственного комитета, который сменил меня на этой должности. Рад, что на этих страницах могу высказать слова глубокой благодарности Ивану Ивановичу Голубеву, заместителю министра, моему земляку, Герою Российской Федерации, моим коллегам в Главном управлении кадров и кадровой политики: это Вячеслав Брычев, Виктор Макаров, Александр Орлов, Александр Батышев, Анатолий Прошин, Василий Бушкевич; Виктор Митрохин – начальник отдела организации работы с кадрами внутренних дел; Валерий Майданов – начальник департамента делопроизводства; Владимир Кубышко – начальник департамента государственной службы и кадров. Назову из отдела присвоения званий Виктора Таирова, Александра Ганина; из отдела по организации деятельности образовательных учреждений и профориентационной работы – Василия Кудина... Помню и многих-многих других.

Уже упоминал Игоря Васильевича Астапкина. Воин-афганец, разносторонне талантливый человек, много лет работал в Главном управлении кадров, возглавлял его. А еще поэт, автор ряда книг. Вспоминаю Станислава Андреевича Швидкина, Анатолия Стефановича Шаповалова. Из Управления правового обеспечения – Валерия Васильевича Черникова, это профессор, замечательный, очень знающий человек, который много сделал для того, чтобы я чувствовал себя по-настоящему уверенным в Государственной Думе в качестве статс-секретаря. А первым заместителем у него была генерал-майор милиции Татьяна Николаевна Москалькова, впоследствии народный депутат Российской

Федерации нескольких созывов, сейчас она Уполномоченный по правам человека. Мы до сих пор с ней дружим. Я горжусь, что у нас в органах внутренних дел такие замечательные генеральши работали и работают.

Много добрых слов хотелось бы сказать о Владимире Васильевиче Калашникове, моем первом заместителе, но скажу коротко: это моя надежда и опора. Хочу отметить и Юрия Петровича Пузанова, который отвечал за подготовку специалистов высшей и средней квалификации, в том числе за подготовку специалистов из зарубежных стран.

Светлана Перова, начальник Финансово-хозяйственного управления Министерства внутренних дел, – первая генеральша в системе нашего МВД. (Министр Сергей Вадимович Степашин иной раз, помнится, сетовал: «А почему у нас ни одного генерала женщины нет? Обязательно надо найти достойную, умную, знающую». Он этим хотел приблизить образ министерства к людям.)

Хочу сказать, что еще с 1996 года мы в главке много делали для того, чтобы поднять имидж МВД и Управлений внутренних дел на местах, в регионах. Разработали эскиз нового знамени, вышел указ президента об утверждении знамени Министерства внутренних дел и знамен управлений и министерств республик, входящих в состав Российской Федерации. Был разработан торжественный ритуал вручения регалий.

Особенно памятно первое вручение знамени Министерства внутренних дел. Анатолий Сергеевич поручил мне организовать это торжество. Он согласовал его с президентом и Председателем Правительства Виктором Степановичем Черномырдиным, и мы в течение двух недель репетировали на Красной площади ритуал вручения знамени личному составу МВД. Здесь, в сердце страны, Виктор Черномырдин 6 ноября 1996 года передал алый стяг Министерству внутренних дел. Это было очень эмоциональное событие. А через несколько дней здесь же, на Красной площади, произошло вручение знамени личному составу Главного управления внутренних дел города Москвы.

Иногда я размышляю о символах, прошлых и настоящих, сопровождавших меня по жизни, – от пионерского галстука до Знамени Победы, увиденного мной на параде в Москве. Почему нас продолжают так

Красная площадь: премьер Виктор Черномырдин вручает знамя столичной милиции

волновать и вдохновлять, казалось бы, обычные для кого-то куски цветной материи? Что видится нам в этом кумаче? Наверное, столь многое, что словами и не выразить...

В числе моих коллег, которых я очень хорошо помню и уважаю, генерал-полковник Александр Семенович Коваленко, бывший начальник штаба, который и при Ерине работал, и при Куликове, и при Рушайло, и при Степашине. Мои самые теплые слова о генерал-лейтенанте Александре Макаровиче Никитине, моем коллеге, моем соседе. Он длительное время был министром внутренних дел Удмуртской Республики. Мы часто с ним встречались, обменивались оперативной информацией, делегациями, вместе проводили Дни милиции, КВНы: они – у нас, мы – у них. Учились друг у друга, крепко дружили, а потом наша «дружба по службе» перешла в семейную: начали общаться и семьями.

Как-то раз я приехал в Институт Министерства внутренних дел в Малый Ивановский, где один товарищ работал уже лет десять начальником. И воочию убедился в убожестве аудиторий, раздевалок, переходов, туалетов, кабинетов, зала ученого совета. Тогда счел нужным обратиться к руководству МВД:

– Товарищ министр, думаю, такого руководителя надо срочно менять. Мы потеряем и уровень образования, и институт в целом.

– Какие есть предложения?

– Давайте возьмем Никитина. Он и свое министерство оборудовал, и успешно строит отделы на местах, умеет устанавливать деловые отношения с хозяйственными руководителями. Я думаю, что мы не прогадаем, если поручим Александру Макаровичу эту нелегкую должность. Тем более я знаю, что он защитился, кандидат наук, имеет склонность к преподавательской и исследовательской деятельности.

Министр пригласил Никитина, тот дал согласие, я ему нарисовал круг задач и сказал:

– Александр Макарович, извини, дружба дружбой, а служба службой. Через год приеду, посмотрю, что ты сделал.

Через год приезжаю – неузнаваемые аудитории, зал ученого совета, столовая...

Вот что значит инициатива и «роль личности в истории». (Помню, когда учился в университете, попала в руки брошюра Георгия Плеханова «Роль личности в истории». Стоило ее прочесть: там все очень четко и ясно изложено.) От руководителя зависит очень многое, и эту прописную истину надо помнить всегда, главное – чтобы он соответствовал своему месту, выполнял свои обязанности с достоинством и честью.

...Приступая к работе над этими записками, я не думал, что берусь за столь сложное и кропотливое дело. Как отметил один древний летописец: «Мнится, писать – легкое дело. Пишут два перста, а болит все тело...». Особенно меня беспокоит тот факт, что, как ни старайся, не скажешь и не напишешь обо всех, чьи образы храню и буду беречь в душе. Без обид, друзья! Всех вас помню и горжусь, что вы есть, что вы были в моей жизни. Я встречался со многими интересными людьми, известными и не очень, а некоторых вообще знает только ограниченный круг людей. Но для меня все они дороги, очень много значат в моей судьбе. Вспоминается красноармеец Сухов из известного кинофильма «Белое солнце пустыни». Как он писал своей жене? «Встречались мне люди душевные, можно сказать, деликатные... Отметить надобно – народ подобрался покладистый, душевный, с огоньком...».

Герой России Виктор Фёдорович Ерин – министр внутренних дел. Прямо сказать, ему пришлось служить на этой высокой должности в самое трудное время, хотя быть министром нелегко всегда. Очень сложная, ответственная и нервная работа. Всегда на виду, нарастают торосы проблем. Он возглавлял министерство в сложнейший период становления новой России: неясность перспектив, отсутствие заработной платы для личного состава, забастовки, митинги, рост организованной преступности. Но Виктор Фёдорович всегда мужественно и с достоинством отстаивал своих сотрудников, честь Министерства внутренних дел. В его бытность министром, в 1991 году, был принят Закон о милиции Российской Федерации, в котором появилось много новелл. Настоящий профессионал, он прошел все ступеньки милицмейской службы. Начинал в Татарии, я знаю, как его там помнят, как гордятся им жители Татарстана, сотрудники органов внутренних дел. И это правильно.

Помню, на проводимых совещаниях, в том числе кустовых, с выездом в разные города, это был очень строгий, принципиальный руководитель, досконально знающий все тонкости милицмейской службы. «На арапа» у него не пройдешь и не прошмыгнешь. Однако после совещания обязательно устраивал короткий обед и говорил:

– Сегодня был строжайший профессиональный разговор. Я думаю, вы сделаете правильные выводы из того, что мы обсуждали, и знаю, что не подведете. Я всегда помню, что вы – моя опора; то, как вы работаете, как вы служите, определяет отношение ко мне руководства страны и населения нашей Российской Федерации.

Этот дружеский тон, естественно, окрылял. И уже трудно было решиться подвести нашего министра.

А какую команду он собрал! Одни только фамилии: генерал-полковники Евгений Абрамов, Михаил Егоров, Владимир Страшко, генерал-лейтенант Савелий Тесис... Исключительно порядочные люди, настоящие профессионалы.

Мы видели, как они слаженно работают. По любому вопросу в любое время можно было позвонить, зайти в кабинет – тебя выслушают, тебе помогут, подскажут, как лучше поступить в той или иной сложной ситуации.

Я благодарно вспоминаю годы службы в команде министра Виктора Ерина. Когда я попал в тяжелую аварию, он, еще не зная, чем все закончится, буду я ходить или не буду, смогу ли продолжить милицмейскую службу или меня комиссуют, обратился к Борису Николаевичу Ельцину, и 6 ноября 1993 года мне было присвоено высокое звание генерал-лейтенанта милиции. Высокие человеческие качества – как можно забыть это и не сказать: спасибо, Виктор Фёдорович, спасибо вашей команде за добрую службу, за доброе отношение!

Хотел бы сказать еще об одном очень близком мне человеке – Александре Александровиче Стрелкове, генерал-полковнике. Он служил начальником Главного Управления лесных исправительных учреждений МВД СССР, затем МВД Российской Федерации. Это поистине удивительная, цельная личность. Признаюсь, никогда не подумал бы, что в России ни одной тюрьмы нет, где он не побывал бы с инспекцией. По внешнему виду и по поведению он, скорее, напоминает мудрого педагога с тонким юмором, богатым интеллектом, а не руководителя тюремного ведомства, да плюс еще и лесного. На нем соблюдение режима, жизнь личного состава, содержание лесных поселков, производственные планы... За заготовку и переработку леса с него спрашивали и в Госплане Советского Союза, и в Совете Министров СССР и Российской Федерации. Лес нужен был всем. Он умно, прилежно и очень успешно тянул эту нелегкую лямку. А как уважали его руководители лесных учреждений, начальники колоний! Я это видел своими глазами. Ведь у нас в Пермской области было аж четыре лесных управления, и еще наше управление в ИТУ – почти 60 тысяч осужденных, содержащихся в колониях.

Александр Александрович открыл для меня целую «энциклопедию» тюремного «сектора», к которому в России всегда существовало очень сложное отношение при всеобщем признании его необходимости. Это были и вопросы режима, и производственные проблемы, и организация оперативно-розыскной работы. А когда народным депутатом я приезжал в Москву, в выходные и между заседаниями он всегда находил время встретиться, пригласить меня на семейный обед. Любовь Афанасьевна, его жена, – прекрасная хозяйка. Он обязательно в конце недели намечал, какие памятные места в Москве нам надо обя-

зательно посетить. И он эти незабываемые экскурсии проводил с душой, искренне радуясь вместе со мной открытиям, которые я делал в столице.

Несколько слов об Александре Борисовиче Степанове, полковнике милиции, заместителе начальника Владимирского Управления внутренних дел, воине-афганце. Я познакомился с этим моим земляком, когда он еще был начальником отдела внутренних дел города Гусь-Хрустального. Александр Борисович прошел все ступеньки милицмейской службы. Я бы сказал, это настоящий «сыскарь», как у нас называют сотрудников уголовного розыска. И сын его, Дмитрий, сейчас уже тоже полковник, работает в аппарате Министерства внутренних дел Российской Федерации. Сын пошел по стопам своего отца: династии не редкость в нашей службе. Мы до сих пор дружим семьями, встречаемся. Когда я бываю в Коврове, то обязательно и он со своей замечательной женой Надеждой туда приезжает.

Повезло мне по жизни и с генералом Тимошиным: Владимир Ульянович всегда готов откликнуться на мои просьбы. «Боление» на футбол за «Динамо», разговоры «за жизнь» доставляют, убежден, радость общения нам обоим. А с нами – Николай Иванович Панкин, производитель лучшего хлеба в Москве, удивительно добрый и отзывчивый человек. Его дары леса и рыбацкие уловы всегда почитаемы на нашем семейном столе.

«Здравствуй, это я!..»

Есть голоса, которые я, откликаясь на телефонный звонок, узнаю сразу. А еще звучат в памяти интонации тех дорогих мне собеседников, кто, к горечи моей, ушел из этой жизни. Так что – в продолжение темы «дорогие мне имена» мог бы обозначить эту особую для меня главу – «Незабытые телефоны. Незабытые голоса».

От технического прогресса никуда не денешься: сейчас средства связи развиты до такой степени, что телефонные компании в нашей стране и в мире «подсадили» весь Земной шар на мобильники – это уже целая индустрия цивилизации. У меня два телефона, как и у многих

граждан нашей страны. (Статистика утверждает, что на все население нашей страны – 145 миллионов человек, включая грудных детей, – приходится почти столько же телефонов в пользовании.) Один мой телефон – личный, другой – служебный. Активно пользуюсь и тем, и другим.

Вспоминаю, когда еще учился в университете в середине 1960-х, мне довелось знать семью выпускницы нашего факультета, которая потом стала руководителем юридической службы завода имени Дзержинского – одного из крупнейших предприятий Перми. Это был оборонный завод, который выпускал и гражданскую продукцию: знаменитые мотопилы «Урал», «Дружба». Так вот, я был свидетелем: когда семейству, наконец, установили домашний телефон, то супруг моей коллеги, весьма уважаемый в городе человек, начал радостно звонить всем своим знакомым: «Вы знаете, нам поставили телефон! Запишите номер!». Это было для семьи счастье и как бы определенное признание общественного или служебного статуса кого-то из хозяев.

А сейчас это обычное явление, мобильник стал настолько привычен, что уже времени порой не находим на несколько строк письма или личную встречу. Думаю, это несколько обеднило нашу жизнь, сделало общение поверхностным, упрощенным. Ведь когда садился за письмо близкому (или дальнему) человеку, обязательно возникали минуты раздумий. И прежде чем лист бумаги покрывался твоими каракулями, обдумывалась не только тема разговора, но и глубже осознавались мотивы, эмоции, слова. Хотя, повторю, современная телефония – большое достижение человечества.

Регулярно – ежедневно и ежечасно – пользуюсь своей телефонной книгой. В ней очень много номеров, за которыми возникают образы тех, с кем сводила работа, жизнь. Чаще всего, это очень дорогие мне люди. Случайных адресов в этой книге нет. Я взял себе за правило: заносить сюда только значимые номера и не удалять из нее имена дорогих мне людей, которых уже нет на этой земле. Они ушли из жизни. Но я берегу их номера, словно в надежде, что, сняв трубку, снова услышу, как в песне Высоцкого: «Здравствуй, это я!»...

Они не только в электронной памяти аппарата, но и в моей. Открываю телефонную книгу, и всплывают лица, вспоминаются добрые дела,

отношения, которые нас связывали. Полсотни имен. Не распределяя никого по рангу, а только следуя русскому алфавиту, хочу помянуть их хотя бы несколькими словами.

Первый в этом скорбном, но важном для меня списке – **Багапш Сергей Васильевич**, президент Абхазской Республики. Он много сделал для укрепления самостоятельности солнечной Абхазии, ее дружбы с Россией. Мы с ним немало общались, беседовали откровенно. Жаль, что этот горячий сердцем, очень гостеприимный человек очень рано закончил свой жизненный путь.

Белкин Геннадий, бывший мэр города Березники Пермского края, мой близкий, давнишний товарищ. Мы с ним были избраны народными депутатами Российской Федерации, вместе ездили в Москву, в Кремль. Будучи начальником Управления внутренних дел, я часто бывал в этом самом крупном после Перми городе края – там был самый большой из горотделов коллектив сотрудников. До последнего его жизненного часа мы, образно говоря, держались за руки...

Бобылев Иван Тимофеевич. Это настоящая глыба: драматург, режиссер, художественный руководитель Пермского академического театра драмы, народный артист Советского Союза, лауреат Государственной премии. Его очень уважали в Перми. Участник Великой Отечественной, он после войны поступил в театральную школу, учился вместе с Михаилом Ульяновым. Я видел, как они дружили. Истинно народные артисты, которые прошли огни и воды, многое испытали. А какой это был простой в общении, милый, добрый человек, уважаемый и в театральной среде, и среди руководства области, и среди своих благодарных зрителей! Мы со студенчества выросли на его спектаклях. Не забуду его проникновенные слова об искусстве, о чести, о достоинстве, о вкладе работника искусства в воспитание любви к Родине, сказанные им на вручении престижной Строгановской премии.

Быков Александр Михайлович. Старший брат моей жены Галины Михайловны. Обычный работяга, замечательный водитель, искренний друг, добрый, отзывчивый парень, бывший десантник. Он гордился, что три года отслужил в этих славных войсках: ушел в армию неуклюжим мальчишкой, а вернулся мужественным, боеспособным и физически очень крепким человеком. Когда я приезжал к своей теще в дерев-

ню Маслиха Гусь-Хрустального района Владимирской области, мы с ним обычно ходили на рыбалку, и он был у нас за старшего. Мы брали бредень, шли на речку Гусь. Он командовал заходить в воду, подсказывал, как заносить бредень. Любитель тихой грибной охоты, простой советский человек, труженик.

Быстров Валерий Николаевич, генерал-майор милиции, мой верный соратник. Когда я заступал на должность заместителя министра, прежде всего надо было подобрать себе помощника. За неделю посмотрел несколько личных дел и, почти интуитивно, выбрал Валерия. Слава богу, не ошибся: это великолепный офицер, ставший на годы моей надежной опорой. Мы с ним вместе испытали военные тяготы в Чеченской Республике, во всех поездках из Ханкалы он находился рядом. В боевых условиях было принято (может, из некоторого суеверия, подкрепленного, увы, трагическими случаями), что в последние десять дней командировки надо бы поменьше выезжать в особо опасные места, где шли перестрелки. И я на таком «финише» как-то сказал:

– Валера, ты уж сегодня не ездь, давай я с солдатами поеду на БТРе.

– Нет, Валерий Иванович. А что про меня подумает личный состав?!

Скромный на вид, это был очень мужественный, заботливый человек. Мы вместе объехали почти все регионы Российской Федерации, многое пережили. Он был и помощником, и советчиком, и другом – моим личным и нашей семьи.

Волох Вячеслав Иванович, генерал-лейтенант ФСБ, мой коллега по службе. Он приехал в Пермь из Москвы полковником, получил назначение на должность начальника Федеральной службы безопасности по Пермской области. Мы сразу сошлись и характером, и семьями, понимая друг друга с полуслова. Довелось мне работать с несколькими начальниками Комитета госбезопасности, потом ФСБ, но, прямо скажу, именно со Славой Волохом было очень приятно и легко взаимодействовать по службе и по жизни. Правда, в Перми он не очень долго пробыл, года полтора, потом получил звание генерала, и его перевели в столицу. Затем он на протяжении четырех лет был официальным представителем ФСБ России в Швеции, где я не раз его навещал. Хорошо владел английским, но, к удивлению шведских коллег, в том числе

сотрудников их спецслужб и Министерства иностранных дел, приехав в Стокгольм, сразу же направился на курсы изучения шведского языка, сдал экзамен и очень прилично на нем общался. Одно слово – настоящий профессионал.

Воронцов Вячеслав Иванович (он ушел из жизни совсем недавно), генерал-майор милиции. Это мой заместитель в Главном управлении кадров Министерства внутренних дел. Отвечал за воспитательную работу, пользовался большой популярностью среди личного состава, у работников культуры и даже в среде шоу-бизнеса. Его знали и уважали в органах внутренних дел. Концерты к Дню милиции он помогал готовить на радость всей стране.

Глазунов Илья Сергеевич. Благодарные слова о нем – в отдельной главе. Просто хочу еще раз сказать: спасибо, Илья Сергеевич, что вы были, что вы меня допустили к себе, что мы с вами общались, дружили. Низкий вам поклон.

Гундарцев Владимир Ильич. Это олимпийский чемпион, слава и гордость отечественного биатлона. Недаром говаривал Николай Серебрянников, один из лучших тренеров по биатлону в Советском Союзе и России: «Герой Гренобля – наш Ильич!». И на самом деле, там «наш Ильич» завоевал золотую медаль в эстафете и бронзовую медаль на десятикилометровой дистанции. Потом всю жизнь был тренером по огневой подготовке. Очень доступный, добрый, внимательный человек. Приезжая в Губаху на сборы с командой Советского Союза, обязательно привозил моей жене конфеты, дочке – всякие сладости. И когда я поселился в столице, мы стали очень часто общаться.

Григорьев Алексей. Один из лучших директоров компании «ФосАгро». Я знал его всего лишь три года, но их хватило, чтобы проникнуться симпатией к этому очень внимательному, строгому, знающему руководителю, который прошел все ступеньки служебной лестницы в нашей компании. Он досконально знал производство. Последняя его должность – генеральный директор в «ФосАгро-Череповец». Потом был назначен генеральным директором «Апатита» в Кировске Мурманской области, а через сорок дней после назначения случилась трагедия: вертолет, на котором они летели, разбился, и с Алексеем мы потеряли в этой катастрофе еще 18 человек.

Ермаков Геннадий Иванович. Бывший первый секретарь Березниковского горкома комсомола, с которым я познакомился в 1970 году, и с тех пор судьба меня с ним вела по жизни. Он вырос до должности заместителя министра химической промышленности СССР. Работал в Центральном Комитете партии, а потом, когда Советского Союза и министерства не стало, возглавлял одну из крупнейших организаций, которая занимается горноспасательными делами.

Иерусалимский Владимир – знаменитый лыжник. Он был чемпионом Советского Союза на марафонской дистанции, самой длинной – 70 километров: во времена расцвета у нас лыжного спорта была и такая дистанция в первенстве страны. Так вот, Володя был чемпионом на этой тяжелейшей дистанции, требовавшей особой выносливости и силы духа. А потом он стал тренером сборной команды Советского Союза по биатлону, по лыжам. В Губахе я видел, как он тренировал будущих и действующих олимпийских чемпионов, как красиво стоял на лыжне, передавая свои профессиональные навыки молодым спортсменам по принципу: делай как я, делай лучше меня! Я наблюдал порой, как он открывал банку сгущенки, выпивал половину (вместо обеда) – и снова в мороз, бежал на лыжню, к ребятам, показывая, как лучше одолеть тот или иной подъем, пройти коварный спуск.

Много раз бывал у него дома в Химках. Храню память об этой скромной семье и об этом большой души человеке.

Исправников Владимир Олегович. Мы с ним были народными депутатами Российской Федерации. Он работал в Правительстве Российской Федерации. Для меня важный жизненный фактор – общение с этим превосходным экономистом, профессором, отлично ориентирующимся в государственных делах. Мне нравились его ум, поражала начитанность. Каждая наша беседа обогащала меня чем-то новым.

Кибардин Лев Николаевич – старинный друг и коллега. Мы сошлись в 1983 году, когда я вернулся на работу в органы внутренних дел. Он тогда был заместителем начальника УИНа Пермской области, а потом его перевели на должность первого заместителя начальника Управления внутренних дел. Мы жили рядом, дружили семьями, вместе проводили праздники, ездили на природу. К сожалению, в его семье случились трагедии, которые очень переживали и мы с Галиной

Михайловной: у Кибардиных было двое сыновей – Андрюша и Даня. Оба ушли из жизни совсем юными: один – в 14 лет, другой – в 17... На Южном кладбище в Перми они похоронены рядом.

Лев Николаевич со своей женой, нашей подругой Галиной Тихоновной переехали в Коломну. Здесь мы не раз встречались, продолжая крепко дружить. Это был очень обаятельный человек. Любил меня называть «мой генерал».

Кикоть Владимир Яковлевич, генерал-лейтенант милиции. Мы познакомились, когда он был заместителем начальника Санкт-Петербургского университета МВД. Ученый с большой буквы, Владимир Яковлевич возглавил самое крупное наше учебное заведение – Московский университет МВД – и успешно им руководил. Его любили все – курсанты, преподаватели, ученые, он пользовался большим уважением среди своих коллег, среди личного состава. Талант наставника не каждому дается, а для него это было, можно сказать, призванием.

Мы вместе работали в Совете Федерации. Общались почти каждый день. И были, конечно, проводниками законодательной линии, помогающей успешной деятельности системы органов внутренних дел, продвижению важных законов в области правопорядка. Затем он был назначен на очень высокую должность в Администрации Президента Российской Федерации – начальником кадров Администрации.

Когда мне исполнилось семьдесят, пригласил его на свой юбилей.

– Валерий Иванович, я обязательно приеду. Мы с вами старые друзья, нам есть что вспомнить...

Приехал, очень тепло и душевно поздравил. Мы договорились, что я привезу ему фотографии с этого праздника. Позвонил через несколько дней в его приемную:

– Подскажите: когда можно встретиться с Владимиром Яковлевичем?

Секретарша вдруг начала рыдать. Спрашиваю:

– Что случилось?

Она, сквозь слезы:

– Владимир Яковлевич уехал на несколько минут к доктору, ему там стало плохо, видно, что-то сделали не так, и он скончался.

Я был буквально ошеломлен: ну не может такого быть!.. Он ушел из жизни на 61-м году. По ходатайству коллектива университета и руководства министерства спустя год Московскому университету МВД России было присвоено имя Владимира Яковлевича Кикотя. Так что он продолжает жить в новых поколениях курсантов и в нашей памяти – всех, кто его знал.

Коноплёв Борис Всеволодович. Я не раз в этих записках упоминал имя первого секретаря Пермского областного комитета партии. Крупная личность, из тех, что нечасто встречаются на жизненном пути, но коль попал в орбиту общения с ним – не забудешь никогда. Мне повезло работать под его началом. Как говорил наш друг Юрий Яковлевич Антонов, народный депутат, близкий мне человек, директор завода имени Калинина, производившего топливные агрегаты для авиадвигателей: «Все мы птенцы гнезда Бориса...». Коноплёв оставил нам книгу воспоминаний, но она не дает в полной мере представление о масштабе, мудрости и завидной компетентности этого яркого, сильного руководителя, так много сделавшего не только для Прикамья, но и для всей страны.

Корсаков Николай Иванович. Я всегда вспоминаю этого улыбочивого человека, неизменно передававшего впоследствии через друзей «морской привет Валерию Ивановичу и океанский привет – очаровательной супруге Галине Михайловне». Это мой наставник, глубокоуважаемый человек, с которым меня познакомил другой мой наставник по жизни, Вениамин Артемьевич Хмелёв. Юнга Северного флота, Николай Корсаков мальчишкой ушел на войну, служил в суровом краю и гордился своей боевой юностью. А мы гордились, что у нас есть такой старший товарищ. Когда ему исполнилось девяносто, я прилетел к нему из Москвы. Он с большой радостью встретил, и мы широко и торжественно отметили славный юбилей Николая Ивановича. Напомнили собравшимся, как он был и заведующим отделом культуры, и первым секретарем горкома партии в Губахе, как возглавлял Пермское телевидение. Его знали и уважали люди во многих городах и селах Прикамья, ценили артисты театров, писатели и поэты, журналисты, художники – словом, все люди пермской культуры.

Я видел, какой он сам высококультурный, организованный и начитанный человек. Мне часто приходилось бывать у него дома, отмечать даты и события. Последние годы Зоя Прокопьевна, его супруга, тоже участница Великой Отечественной, с которой они познакомились и поженились сразу после войны, очень болела, и он за ней до самого последнего дня бережно ухаживал, стирал, готовил. И когда мы приходили к нему в гости, непременно пек рыбный пирог – фирменное блюдо незабвенного Николая Ивановича.

Кузнецов Борис Юрьевич – первый губернатор Пермской области в эпоху наступивших в стране перемен. Человек, который сделал себя сам: парнишка из обычной вятской деревушки вырос до руководителя Камского речного пароходства, а потом был избран руководителем области. По списку партии «Наш дом – Россия» вошел в число народных депутатов. Находясь на государственной службе, дорос до первого заместителя Председателя Государственной Думы Российской Федерации. Борис Юрьевич очень любил поэзию, был прекрасным рассказчиком. С ним всегда было очень приятно общаться.

Кулаков Владимир Фёдорович – генерал-полковник, бывший командующий 58-й армией, которая воевала на Кавказе. Впоследствии нам всегда было о чем поговорить в минуты общения: одно время я довольно тесно и часто контактировал с ним как командующим. Мне, представителю Министерства внутренних дел, довелось, находясь в районах боевых действий, регулярно проводить с ним войсковые операции. А потом нас судьба свела несколько неожиданным образом: я в МВД, а он как начальник Главного управления по воспитательной работе Министерства обороны – занимались, по сути, одним делом, еще больше сблизившим нас. Ну и, конечно, важно, что мы долгие годы были членами Совета Федерации. Вместе бывали в командировках за рубежом, работали в одном комитете, в одной комиссии и привыкли чувствовать настроение друг друга. Нас, двух генерал-полковников, многое объединяло.

Куликов Виктор Георгиевич – Маршал Советского Союза, первый заместитель Министра обороны СССР, главнокомандующий войсками Варшавского договора. Он с первого дня войны 22 июня воевал с фашистами. С честью одолел все ступеньки армейского «ранжира»

и дослужился до начальника Генерального штаба. Мы с ним охотно и полезно контактировали, когда я был замминистра, а он возглавлял благотворительный фонд «Консул», который многое делал для военно-патриотического воспитания наших сотрудников. Часто приходил, выступал в наших милицеских коллективах. Мы регулярно встречались. В 1997 году он меня взял с собой в командировку, в служебную поездку на Кубу. И потом до самого конца, когда он болел, я часто приезжал к нему, был и на его девяностолетии. Мы, его близкие друзья и товарищи, приезжаем на могилу на Новодевичьем – поклониться великому военачальнику, Герою Советского Союза Виктору Георгиевичу Куликову.

Кунаков Александр, начальник ГАИ Владимирской области, полковник. Сам из ростовчан, но прижился в наших краях, волей случая оказавшись здесь. Очень ответственный, настоящий милиционер, душой болеющий за свой участок работы. Быть руководителем областного ГАИ очень сложно, много возникает разных соблазнов и давлений, но этот человек выстоял. И всегда мы с ним славно встречались, когда я приезжал во Владимир, в Гусь-Хрустальный или в Ковров.

Курицын Игорь Викторович – это мой друг детства. Как мы с ним в 12 лет встретились, сдружились, так вот почти 60 лет были близки. Судьба бросала меня в разные города, он оставался жить в Коврове, работал на заводе Дегтярёва. И когда я приезжал в город нашего детства, не было ни одного дня, чтобы мы не встретились – у нас была настоящая, я говорю это уверенно, настоящая мужская дружба с самых ранних лет, а они много значат в жизни. Продолжаю дружить с его семьей.

Луценко Геннадий Павлович – мой однокашник. С сентября 1965 года мы жили в одной комнате номер 16 в общежитии на улице Елькина. Как вместе из рядов Советской Армии пришли учиться на юрфак, так все четыре года и были вместе. На двоих – два галстука, одна нейлоновая рубашка и несколько книг. Делились хлебом и молоком. Он был у меня в гостях в Коврове. Замечательный, умный и отзывчивый человек. Он меня всегда называл «Лера». Сам из простой крестьянской семьи из Казахстана. После окончания университета вернулся в Кустанайскую область, очень хорошо работал в прокуратуре, стал

прокурором области, вышел на пенсию в звании государственного советника – это генерал-майор.

До последнего дня мы с ним созванивались. Жаль, виделись редко, но какие это были незабываемые душевные встречи!..

Митрохин Виктор Владимирович, генерал-майор внутренней службы, заместитель начальника Главного управления кадров. При мне он работал начальником одного из отделов, получил звание генерал-майора. Это был профессиональный кадровик – очень внимательный, заботливый человек. Не зря говорилось, что «кадры решают все», и вот такие сотрудники, организаторы делали очень много для того, чтобы в органах внутренних дел, в системе министерства работали люди умелые, честные, добросовестные и смелые.

Никитин Константин – генеральный директор ОАО «Апатит». Не скажу, что давно был знаком с ним – всего около двух с небольшим лет. Он вырос на этом предприятии, знал всю подноготную комбината, был депутатом Мурманской областной Думы. Будучи генеральным директором, занимался развитием производства. Погиб в одном вертолете с Алексеем Григорьевым...

Ноткин Борис Исаевич. Только недавно его похоронили. Судьба свела меня с одним из известнейших тележурналистов. Многим памятна и любима программа на ТВЦ «Приглашает Борис Ноткин». Это был образец интеллигентного, обаятельного телеведущего. Мне повезло, что я знал его и как доброжелательного товарища.

Пантелеев Олег Евгеньевич – генерал, член Совета Федерации, сенатор от Курганской области. Мы с ним много лет представляли российскую делегацию в Парламентской ассамблее Совета Европы. Замечательный фотожурналист, удивительно наблюдательный любитель живой природы. Я любовался его фотографиями животного мира – это незабываемо. Он рассказывал: чтобы запечатлеть один миг из жизни глухаря или сойки, лисы или медведя, тигра или даже цветка, надо иногда лежать неподвижно час, два, а то и три – в жару, в холод.

Когда я встречался с его коллегами, такими же увлеченными фотодокументалистами, они говорили: Олег для нас – как патриарх. Он оставил после себя и много замечательных фотографий, и добрую память о себе.

Петров Виктор Александрович. Мой руководитель, секретарь Пермского областного комитета партии. Я уже рассказывал, как он предложил мне переехать из Губахи в Пермь на новую работу. Затем он был председателем облизполкома. Нелегкое время, нелегкая должность – мотаться по области, строить, выбивать средства, обеспечивать перевозки, убирать зерно, строить птицефабрики... Строитель по профессии, он хорошо знал проблемы отрасли и хозяйства в целом.

Мы с ним были народными депутатами Российской Федерации. Не забуду вас, Виктор Александрович.

Починок Александр Петрович. Мы познакомились в мае 1990 года. Он тогда был обычным преподавателем кафедры политэкономии Челябинского университета, молодой, худой, живой, очень настырный. За несколько лет сделал блестящую карьеру – своим умом, усердием, умением убеждать, а главное, своими знаниями. Занимал посты министра по налогам и сборам и министра по труду и социальным вопросам. Мы с ним работали рядом – депутаты, уральцы. Как заместитель министра внутренних дел и статс-секретарь, я общался с Починком по самым разным поводам и проблемам. Затем мы оба стали сенаторами. Были вместе в российской делегации в Парламентской ассамблее Совета Европы, отстаивая интересы нашей Родины в парламентах других государств.

Страшко Нелли Максимовна – симпатичная женщина, жена моего близкого друга, коллеги, земляка Владимира Петровича Страшко. Я с ней близко познакомился в 1995 году, а с Владимиром Петровичем мы начали дружить значительно раньше, когда я еще работал в Перми, а он в Свердловске. Когда мне дали служебную дачу в Жуковке, наши дома оказались рядом. Короткие часы отдыха мы, конечно, проводили вместе. И когда моя мама и мама Владимира Петровича приезжали к нам, то они, почти ровесницы, тесно и дружно общались. И потом мы регулярно проводили праздники, вместе бывали на концертах, у нас было много общих друзей. В ее день рождения я обязательно поздравлял по телефону с самого утра и неизменно слышал: «Валерий Иванович, вечером с Галиной Михайловной на бокал шампанского приезжайте обязательно!». Это и лестно было, и звучало как приказ.

Мы приезжали в радушный дом Нелли Максимовны – светлой души человека. И когда теперь бываем на Троекуровском кладбище, обязательно кладем цветы к замечательному памятнику работы знаменитого скульптора Рукавишникова, который поставил жене Владимир Петрович Страшко.

Ступак Виталий. Это мой однокашник, мы с ним учились в университете. Он был самым старшим среди студентов нашего курса. Приехал учиться из далекого городка Ныроба на севере Прикамья. Отличался степенностью, житейской обстоятельностью, не очень свойственной нам, ребятам моложе. Судьба вновь свела нас, когда я стал начальником УВД. Он оказался в моем подчинении. Мы с ним решали хозяйственные вопросы, занимались укреплением и развитием системы УВД. Он был моим хорошим и верным помощником. Дружба наша никогда не сказывалась на служебных отношениях. Мы не давали тому даже повода...

Галина Михайловна на протяжении ряда лет, когда он приезжал в Москву, помогала ему советами как врач. Он ее слушался и благодарил, порой шутил, что, мол, есть у него личный врач – пусть и не по профилю пациента, но «Галина Михайловна мне помогает жить и быть в строю»... Жаль, что товарищ моих юных лет ушел в иной мир...

Сухарев Вениамин Платонович. Один из выдающихся «красных» директоров, возглавлял крупный комбинат «Пермнефтеоргсинтез», который вошел в компанию «ЛУКОЙЛ». Народный депутат Российской Федерации. Мы с ним очень часто встречались. Это был замечательный рассказчик, внимательный друг. С ним разговариваешь по телефону – никогда не опустит трубку без двух-трех анекдотов: они всегда у него были свежие, в тему, и потом мы пересказывали его байки своим близким.

Тиунова Галина Кузьминична. Простая милая женщина, наша родственница. Она обязательно держала поросенка и в ноябре приглашала нас с Галиной Михайловной на свежатину. А какие пекла блины! Хорошая хозяйка была, добрая женщина – из тех, кто несуетливо и ненавязчиво сопровождают, может, самые лучшие моменты нашей жизни.

Толкунова Валентина. Думаю, не надо представлять эту замечательную певицу – душу нашего народа. Удивительный, редкий, добрейший человек. Не боюсь назвать ее другом нашей семьи. Всегда помню, ее девиз и песню «Я не могу иначе»... Вспоминаю, были мы с Валерием Быстровым в служебной командировке в Воронеже. Уезжали оттуда на поезде в Москву. Провожать нас приехали на вокзал начальник УВД, заместитель губернатора, еще кто-то из воронежских властей. Подходим к вагону и слышим – сзади заиграла музыка, песня звучит. Начальник УВД сразу восторжен, я тоже несколько озадачен был: что такое? В армию вроде бы никого не провожают. Смотрим: батюшки мои, три десятка женщин и мужчин среднего возраста идут, играет гармонь, а во главе этого самодеятельного веселого хора – наша уважаемая Валентина Толкунова. Увидела меня, обрадовалась, обнялась. «Ты куда?» – спрашиваю. Улыбнулась: «Я тут была с концертами, вот и провожают мои слушатели...». Ехали в разных купе, она была с сыном Колей. Сынишку мы посадили в мое купе, а с нею почти до самого утра говорили о жизни. Какая же всенародная любовь досталась этой замечательной певице! Сколько ее знал, она всегда была открыта людям и очень к ним добра. Воистину золотой голос России.

Трошев Геннадий Николаевич, генерал-полковник, Герой Российской Федерации. Мне с ним довелось быть в нелегкие дни Чеченской кампании – и первой, и второй. Это один из тех русских военачальников, кто не берег себя, но берег каждого солдата. Прежде чем разработать военную операцию, он думал о том, чтобы сохранить людей, сберечь жизни своих солдат. Вот за что любили этого мужественного генерала.

Много потом с ним общались после войны, будучи в Совете Федерации. А его последняя должность – в Администрации Президента, он руководил казачеством нашей страны. Помню, когда на заседании Совета Федерации рассматривался закон о казачестве, я выступил в его поддержку. Проголосовали «за». И через несколько минут раздался звонок: «Валерий, привет тебе! Спасибо за теплые слова в отношении казачества. Я еще раз убедился в том, что ты – мой настоящий друг». Было приятно услышать от боевого товарища эти теплые слова.

И опять как бы «знак судьбы»: Геннадий Николаевич полетел в мою Пермь открывать спортивные соревнования, вручать награды борцам. «Боинг», ночной рейс «Москва – Пермь»...

Самолет разбился на подлете к аэропорту Большое Савино.

Пуля не достала его на войне. В мирной обстановке не стало боевого генерала Геннадия Николаевича Трошева. Сейчас на месте падения самолета – мемориал.

Фёдоров Виктор Иванович. С глубокой печалью вспоминаю о моем любимом младшем брате.

Вот уж воистину, «горе-горькое по свету шлялося и на нас невзначай набрело...». Однажды его такой родной голос прозвучал в трубке как-то глухо: врачи обнаружили опухоль, видимо, злокачественную: «Поможешь с лечением в Москве?...». Я бросился в Минздрав, поднял знакомых: что предпринять, где лечить, к кому обратиться?..

Рекомендация была одна: Чиссов Валерий Иванович. Так судьба свела меня с этим редким человеком – директором Московского научно-исследовательского онкологического института имени П. А. Герцена, главным онкологом Минздрава РФ, академиком РАН. Достаточно сказать, что он был директором этого института больше тридцати лет. Он сделал вместе со своими сотрудниками все возможное, чтобы продлить жизнь моего брата, и они подарили еще более пяти лет общения! Низкий поклон врачебному искусству, стараниям медиков. Валерий Иванович – добрейшей души человек, даже просто своим участием помогал нам в горе. Не буду говорить о его высоком профессионализме – об этом говорят многочисленные монографии на тему онкологии и награды: Госпремия Правительства РСФСР, Премия Правительства РФ в области науки и техники, Государственная премия России. Да, врачи не боги. Но есть врачи от Бога! В эту когорту я включаю своего близкого друга – полного тезку Валерия Ивановича Чиссова...

На десять лет Виктор был моложе меня. Ушел из жизни в 57 лет. Комок к горлу – помолчу...

Журавлёва Юлия. Это любимая, единственная дочь моего близкого друга Сережи Журавлёва. Я называл ее «Юлишной» – как Лёлишну, героиню повести пермского писателя Льва Давыдычева. Она выросла на моих глазах, стала мамой. Мне пришлось по просьбе Сережи помочь

ей в Москве. К сожалению, у нее тоже была неизлечимая болезнь. И снова ей помогал преодолевать страшный недуг главный онколог нашей страны Валерий Иванович Чиссов. Он ее лечил и значительно продлил дни Юлии на этой земле. Но, к сожалению, уже было поздно. Сейчас Сережа со своей супругой воспитывают двух ее дочерей – своих внучек. Дай Бог им всех благ и долгих лет жизни!

Фёдорова Идея Васильевна. Жена моего родного дяди Константина Кузьмича Фёдорова. Заслуженная учительница Советского Союза, директор школы, работник районного отдела образования, преподаватель русского языка и литературы. Могу с полным правом сказать, что она была одной из лучших преподавательниц и школьных руководителей в Перми. Знаю многих людей, которых она учила, и они всегда с гордостью говорили: «А у меня учительницей была Идея Васильевна!». А когда узнавали, что она моя тетя, я вам скажу, мне было очень приятно, что и на меня они как бы переносили тепло своего отношения к ней.

Когда служил в армии, мне папа всегда наказывал: «Валера, обязательно пиши письма своему дядьке в Пермь, Константину Кузьмичу и Идее Васильевне». И я, так сказать, по отцовскому велению регулярно, раза два-три в год, обязательно писал Идее Васильевне: на полтора – два листка напишу о своей службе, своих мыслях... А потом, когда решил поступать на юрфак, то позвонил пермской родне: «Второго августа я приеду. Можно, я у вас остановлюсь и подготовлюсь к экзаменам?» Они с радостью меня приняли. Помню, пришли мы в их двухкомнатную квартиру в «сталинском» доме на улице Ленина, меня, прежде всего, накормили, а потом Идея Васильевна говорит: «Вот, храню все твои письма за эти годы. Мне было интересно, как пишет племянник моего мужа, я ведь еще и учительница. Хорошо, что ты грамотный, очень мало было ошибок в письмах». Я аж вспотел. Подумал: «Ничего себе! Я-то просто весточки посылал дяде и тете, а тут меня, оказывается, проверяли».

Все эти августовские дни Константин Кузьмич меня готовил по истории, а Идея Васильевна консультировала по русскому языку и литературе. Каждый день писал под ее руководством сочинения. Она проверяла и орфографию, и синтаксис, и содержание. Это Идея Васильевна научила меня четко формулировать каждую фразу. Преподавате-

ли, которые принимали экзамен, кажется, были несколько удивлены, как этот старший сержант образно и грамотно построил ответ. И когда я из университета принес свой экзаменационный лист с пятеркой по русскому, моя тетя, конечно, была горда своим вкладом в мое успешное поступление в вуз.

Разве такое забудешь?

Фрейдзон Владимир. Я с этим пермяком познакомился уже в Москве: он был членом нашего землячества, входил в его президиум. Веселый, добрый, неунывающий человек, фотограф, журналист. Работал в «Известиях» после того как поднял на высоту многотиражную заводскую газету «Мотовилихинский рабочий». Он делал замечательные выпуски и о нашем Пермском землячестве. Открытый миру был человек.

Шапиро Наум Иосифович. Наума я знал очень мало, но он в моем списке значится не случайно. В нашей загородной «резиденции» я задумал произвести реконструкцию маленького, старенького, 1927 года постройки, дома: решил его практически разломать и сделать второй этаж, потому что в нем были не комнаты, а маленькие клетушки. Электропроводку делал Наум.

Мы с ним сразу сошлись так, как сходятся, бывает, приятные друг другу люди. Обычный электрик оказался высоким профессионалом, приятно было общаться с ним. Когда он умер, мне позвонила его жена и сказала:

– Валерий Иванович, Наум ушел из жизни. Он всегда гордился знакомством с вами и вашим отношением к нему.

Включаю свет в своем доме и сразу вспоминаю Наума: спасибо за честную, хорошую работу.

Я знал этих людей. С кем-то общался часто, с кем-то – реже. Наверное, не все нужное и главное мы друг другу успели сказать при жизни. Но с этих страниц пусть прозвучит моя искренняя благодарность им. Память о вас, дорогие мои, была, есть и будет. Вы были в моей жизни и останетесь в ней навсегда. Спасибо вам за все!

Эту, я бы сказал, грустную главу хотел бы завершить словами известной песни Владимира Высоцкого. Помните: «Ну, здравствуй, это я...».

Пусть уже не могу набрать эти номера и сказать: «Ну, здравствуй...». Но я вас помню. Мы на этой грешной земле временные жильцы. И пока живем, надо всегда оставаться людьми – добрыми и памятьливыми. Обелиски не так уж трудно водрузить, а вот хранить в душе память о тех, кто был с тобой рядом, делил с тобой радости и горести, помнить и любить их – удается не всегда.

Приметы времени

Еще у меня есть несколько записных книжек, которые вел, когда был заместителем министра. Каждая запись – примета времени. Открываю блокнот.

«2 ноября 1996 года. Заседание трехсторонней комиссии в Правительстве Российской Федерации...» Трехсторонняя комиссия – это профсоюзы, работодатели и государственные органы. Я был ее членом. Хочу привести несколько цифр и фактов.

Из выступления председателя независимых профсоюзов России Михаила Шмакова: *«Мы рассматриваем вопрос о положении дел с выплатой заработной платы в стране. Долгов на 1 ноября накопилось 43 триллиона, на 1 января долг был 20 триллионов. Вооруженным Силам государство должно 7 триллионов, угольщикам – 3 триллиона».*

Из выступлений Г. Меликьяна, министра труда России: *«Задолженность по заработной плате растет быстрее, чем инфляция. В месяцу рост задолженности составляет 16 процентов».*

Виктор Степанович Черномырдин, Председатель Правительства: *«Проблем у нас с вами много. Но особая проблема – это выплата заработной платы. Самая острая она на сегодня. Положение нетерпимое».*

А вот попавший ко мне по службе трагический текст. Привожу его полностью, без купюр: *«В моей смерти прошу винить тех, кто наверху. И так мы получаем мизер, и тот не выплачивают вовремя. Спасибо министру и правительству. Мое самоубийство прошу считать политическим. Последняя сила осталась в России, вы и ее губите. Подумайте, кто вас защищать будет? Вологодская область. Прапорщик (имя, фамилия), 1961 года рождения. В органах внутренних дел с 1991 года».*

Это было в самом конце 1998 года. В то время министром внутренних дел был Сергей Вадимович Степашин. Как только он узнал об этом трагическом случае, сразу вылетел в Вологду. Разбирался, оказал помощь семье прапорщика. Мы приняли экстренные меры по выплате заработной платы.

Горестно говорить об этом. Но до сих пор, вспоминаю эту трагедию – и не по себе становится. Слава богу, это время уже к нам никогда не вернется.

А вас прошу остаться...

Мне довелось служить в Министерстве внутренних дел с четырьмя министрами: это Анатолий Сергеевич Куликов, Сергей Вадимович Степашин, Владимир Борисович Рушайло, Борис Вячеславович Грызлов.

Хочу особо отметить: все министры, с кем я работал, особо заботились об общественном авторитете органов внутренних дел. Достаточно сказать, что Анатолий Сергеевич Куликов организовал радиостанцию «Милицейская волна». А при Владимире Борисовиче Рушайло была создана телевизионная «Дежурная часть» – передача очень интересная и популярная.

Указ президента Ельцина об освобождении от занимаемой должности Куликова и назначении Сергея Вадимовича Степашина был неожиданным для всех нас, в том числе и для самого генерала армии Куликова.

Как принято в силовых структурах, первыми из команды бывшего министра уходят в отставку заместитель министра по кадрам и начальник тыла. Мы с Владимиром Андреевичем Дурбажевым переговорили и написали рапорты с просьбой освободить от занимаемой должности. Первым к Сергею Вадимовичу Степашину пошел Дурбажев. Состоялась беседа. Он вышел и сказал, что получил согласие об отставке.

Захожу в кабинет, представляюсь, как положено:

– Заместитель министра внутренних дел генерал-полковник Валерий Фёдоров.

Пригласил присесть.

Я говорю:

– Сергей Вадимович, я понимаю ситуацию – так принято. Откровенно говоря, уже слышал разговоры, что, мол, Фёдорова убирают.

Он вдруг:

– Нет, Валерий, ты будешь со мной продолжать работать. А чтобы не ползли лишние слухи, сделаем так. Я послезавтра по поручению президента улетаю с делегацией министерства на традиционную встречу министров внутренних дел СНГ. В делегацию включаю тебя. И думаю, всем все станет ясно.

Мы улетели в Ташкент. А по прилете слухи прекратились.

На первой встрече с заместителями Сергей Вадимович сказал:

– Вы здесь все профессионалы. Но и я систему немного знаю. – Это он поскромничал: его биография и его опыт были нам известны. – Учтите, вы должны заниматься своей профессиональной служебной деятельностью. А политик в Министерстве внутренних дел один – министр внутренних дел Степашин.

Сергея Вадимовича я знал с мая 1990 года. Мы были народными депутатами Российской Федерации, и наши пути-дорожки пересекались регулярно на съездах, на заседаниях Верховного Совета. А когда я стал заместителем министра, он работал начальником административного департамента, в Правительстве отвечал за работу силовых структур. Потом был некоторое время министром юстиции. Мне доводилось с ним часто контактировать.

Мы оба оказались любителями футбола, ездили на игры, страстно болели за наше любимое «Динамо». Он, что называется, понимал в спорте, много сделал для развития футбола, особенно динамовского. Через него и я был включен в попечительский совет футбольного клуба «Динамо». Знал всех тренеров, от Георгия Ярцева до Андрея Кобелева.

Мне посчастливилось общаться и дружить с Константином Ивановичем Бесковым, с обаятельной Валерией Николаевной, его женой. Конечно, это был уникальный тренер, особого таланта человек. Посидеть с ним на футболе – это пройти целую академию стратегии и тактики игры, так детально и ярко он делал разбор матча. Когда Бесков лежал в нашем госпитале, я частенько приезжал к нему, и, если

по телевизору транслировали футбол, то с ним эти полтора часа превращались в интереснейший «разбор полетов». Мы отмечали его юбилей на 75 и 80 лет. Я видел, какая большая человеческая дружба связывала Степашина с Константином Ивановичем.

После ухода из жизни Бескова третьим в наших «болениях» на стадионе стал наш общий друг Георгий Владимирович Веренич, с которым мы сошлись еще в Чечне, генерал, заместитель командующего войсками Московского округа внутренних войск. В зоне боевых действий мы с ним жили в соседних вагончиках, постоянно выезжали в подразделения по территории Чеченской Республики, летали на вертолете, ездили на БТРе. Объехали почти всю Чечню. Это исключительно ответственный и надежный человек – побольше бы таких офицеров нашей стране, как генерал Георгий Веренич! Он когда-то учился вместе со Степашиным (даже их койки стояли рядом), и до сих пор два бывших курсанта дружат и работают вместе.

С Сергеем Вадимовичем Степашиным было легко психологически: это открытый человек, сразу схватывающий проблему, быстро принимающий решения, без тяготины и проволочек. Он многое сделал для того, чтобы укрепить авторитет органов внутренних дел, активно работал со СМИ, проводил ежемесячные пресс-конференции, а я как раз отвечал за работу с прессой.

Самарская трагедия

При Сергее Вадимовиче Степашине мне добавилось служебных обязанностей. Как-то он меня вызывает и говорит:

– Я так чувствую, что у тебя там маловато работы.

Возразил: мол, так не считаю, нагрузки имею серьезные. А я уже был статс-секретарем, как заместитель министра отвечал за кадровую, юридическую и правовую работу плюс за работу со СМИ, с регионами, с Госдумой, Советом Федерации, с Правительством. И даже за культурно-массовую работу...

– Нет, – говорит министр, – я думаю, что тебе надо и пожарную охрану «под крыло» взять, будешь отвечать и за нее!

Так дополнились мои служебные обязанности кураторством над противопожарной службой страны. Пришлось срочно вникать в закон о пожарной охране, изучать работу пожарных органов. Дело облегчалось тем, что и раньше, когда я приезжал в регионы, обязательно посещал пожарные части. И, конечно, было важно, что работать пришлось совместно с настоящим профессионалом – начальником службы пожарной безопасности нашей страны генералом Серебренниковым Евгением Александровичем, возглавлявшим очень организованную, мобильную службу, где работало почти 210 тысяч сотрудников.

Зимой 1999 года мы с женой были в отпуске в ее родной деревне Маслиха Владимирской области. Когда уезжал, министру сказал: если что-то случится, готов быстро выехать, за три часа до Москвы доберусь.

Вечер 10 февраля. Топим в большой комнате «лежанку», варим в горшке картошку с мясом, работает телевизор, зима, снежок, хорошее настроение. И вдруг, часов в семь, в новостях – сообщение о трагедии, произошедшей в Самаре: горит здание Главного управления внутренних дел Самарской области на улице Куйбышева. И, судя по всему, пожар очень серьезный.

Сразу же позвонил в приемную министра и в Управление внутренних дел Владимирской области. Послали мне из Гусь-Хрустального машину. В Москве заехал в министерство, а в это время на аэродроме в Чкаловском уже готовился самолет. Подъехали туда генерал Евгений Серебренников, начальник управления кадров Александр Стрельников. Вылетели вместе в Самару.

На месте происшествия увидели, что здание УВД полностью уничтожено огнем. Оценили степень разрушения, подсчитали потери личного состава, проконтролировали ход аварийно-спасательных работ.

Вскоре прибыл министр по чрезвычайным ситуациям Сергей Шойгу с группой своих офицеров. Развернули штаб прямо на территории УВД, рядом с горящим и дымящимся зданием.

К пяти часам утра пожар ликвидировали. Сверили списки личного состава. **Трагедия унесла жизни 57 сотрудников милиции, 348 человек признаны пострадавшими.**

Приступили к выработке плана первоочередных мероприятий по восстановлению деятельности УВД Самарской области. Министр его утвердил. Провели необходимые экспертизы, и надо было готовиться к прощанию с погибшими товарищами. Вместе с губернатором Константином Титовым определили время и место массовых похорон после ужасной трагедии. Выехали с ним на кладбище, провели планировку площадки для 60 захоронений.

Насколько помню, нам удалось сначала идентифицировать более двадцати человек. Остальные находились в моргах. Еще продолжались экспертизы, работала прокуратура, приехали следователи. Тяжело рассказывать про все эти траурные дела. В спортивном комплексе назначили место гражданской панихиды. На прощание с погибшими прилетели министр внутренних дел, руководитель кадровой службы Администрации Президента, представители общественности, депутаты Государственной Думы.

Мы побыли на поминках, поехали в аэропорт с губернатором Константином Титовым провожать министра. И в аэропорту Сергей Вадимович принял решение: мне надо остаться здесь и вместе с Титовым закончить все работы по идентификации и захоронению наших погибших сотрудников. Скажу, это, конечно, довольно сложная работа. Трупы были обезображены, сразу личность не определить, надо проводить комплекс экспертиз, устанавливать вещдоки...

Была экстренно оказана материальная помощь: семьям погибших сотрудников, работников ОВД – 15 тысяч рублей, а сотрудникам, находящимся на излечении, – 10 тысяч. Были открыты благотворительные счета. На них поступило почти 70 миллионов рублей.

В это время известный виолончелист Мстислав Ростропович готовил постановку оперы в Самарском театре. В эти печальные дни маэстро дал благотворительный концерт, а вырученные деньги направил

в помощь пострадавшим. Мы с министром и губернатором поехали на встречу с музыкантом – поблагодарить. Встретились. Надо как-то помянуть безвременно погибших сотрудников органов внутренних дел. Налили по рюмке. В это время подошла Галина Вишневская. Я изумился, услышав, что такого великого человека можно так грубо ругать только за то, что он немножко принял алкоголя. Но Ростропович к этому очень спокойно отнесся и говорит: «Не обращайтесь внимания на женщину...». Я слышал, как он министру сказал: «Ребята, я окажу материальную помощь семье каждого погибшего сотрудника». И попросил выделить ему офицера, автомобиль, дать адреса. За время нахождения в Самаре маэстро посетил семьи погибших и собственноручно вручил им деньги, выразил соболезнование. При этом попросил:

– Валерий Иванович, только никаких интервью на эту тему, никаких рассказов, что Ростропович, мол, помогает. Делаю это от души, тихо и скромно – мне не надо никакого пиара.

Первый благотворительный взнос великий музыкант передал жене Сергея Анатольевича Никифорова, заместителя начальника отдела УБЭП Самарской области. Поехал для этого в родильный дом. Ребенок родился после гибели отца, и Ростропович заявил, что берет дитя на свое попечение до совершеннолетия. Вот такой факт.

Не забуду наше посещение Самарской городской клинической больницы, куда было направлено большинство сотрудников, получивших на пожаре ожоги, термоингаляционные травмы и увечья. Министр внутренних дел, я, Серебренников вместе с начальником ГУВД генерал-майором милиции Глуховым, не откладывая, навестили практически всех, находящихся там на излечении.

30 августа 2002 года, в канун празднования 200-летия МВД России, была освящена часовня, воздвигнутая на месте сгоревшего здания в память о погибших товарищах...

Как-то Сергей Вадимович проводил пресс-конференцию, на которой наиболее въедливые корреспонденты стали буквально наезжать на него, огульно обвиняя сотрудников органов внутренних дел в коррупции, грубости и прочих грехах. Словом, нарисовали очень несимпатичный образ современного милиционера: мол, чуть ли не одни «оборотни» вокруг. А он вдруг говорит:

– Товарищ Фёдоров, встаньте, пожалуйста! Посмотрите, журналисты, на обычного милицейского генерала с простым человеческим лицом. У вас какие-то вопросы остались? А у нас личный состав в основном весь такой симпатичный.

Эта шутливость сняла возникшую напряженность – Сергей Вадимович, надо сказать, обладает хорошим чувством юмора...

Та самая пресс-конференция

И еще одну его особенность хочу отметить: куда бы ни был назначен работать Степашин, вскоре о той организации, которую ему доверили возглавлять, начинали говорить много хорошего, отмечать положительные перемены. Он всегда придавал новый импульс работе того или иного подразделения, будь то ФСБ, ФСК, Министерство юстиции или Министерство внутренних дел. При нем были заключены многочисленные соглашения со всеми силовыми структурами – с прокуратурой, таможней, охраной. Была установлена очень тесная связь с Русской православной церковью, особенно с Патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

Духовность и согласие

В Академии управления Министерства внутренних дел мы проводили ежегодные Рождественские чтения. Вот одна из информаций:

«21 января 1997 года Министерство внутренних дел России и Московская Патриархия Русской православной церкви провели в Академии МВД России Рождественские чтения. Они прошли под девизом “Духовность. Согласие. Правосознание” в порядке реализации Соглашения о сотрудничестве между Московской Патриархией и Министерством внутренних дел от 30 августа 1996 года».

Эти чтения проводились регулярно. А с 1997 года на них с докладами стали выступать министр Анатолий Сергеевич Куликов и Патриарх Московский и всея Руси Алексий II, глава Русской православной церкви. Хочу вспомнить еще некоторых выступавших в тот год. Вступительное слово сказал первый заместитель министра внутренних дел Владимир Ильич Колесников. Прозвучали обращения к участникам Рождественских чтений Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, Председателя Государственной Думы и Федерального Собрания Геннадия Николаевича Селезнёва, мэра города Москвы Юрия Михайловича Лужкова. Выступали епископ Евгений Верейский («Православие и правопослушность граждан на страже закона и правопорядка»), Никита Сергеевич Михалков («Православие должно уметь отстаивать себя»), Владимир Вольфович Жириновский («Спасение в единении»), Валентина Владимировна Толкунова («О задаче искусства...»). Мне довелось сказать на этих чтениях заключительное слово.

На следующий год, 28 января 1998 года, наши Рождественские чтения прошли в Академии управления под девизом: «Духовное возрождение. Правопорядок. Молодежь». И вновь – приветствие патриарха Алексия, доклад министра внутренних дел Российской Федерации, генерала армии Куликова. Выступили многие знаковые люди страны, среди них: министр юстиции Сергей Вадимович Степашин; секретарь Совета безопасности Российской Федерации Иван Петрович Рыбкин; председатель Союза кинематографистов, председатель президиума Российского фонда культуры, народный артист России Никита Сергеевич Михалков; заместитель Председателя Государственной Думы Светлана Петровна Горячева; президент Международного фонда развития кино и телевидения для детей и юношества, народный артист СССР Ролан Антонович Быков, председатель Комитета Государственной Думы по культуре, кинорежиссер Станислав Сергеевич Говорухин.

Хочу подчеркнуть самим перечислением участников: это было событие в общественно-политической жизни нашей страны. С 1999 года решением патриарха, с согласия президента и председателя Правительства общественные Рождественские чтения мы стали проводить в Кремле, в Большом Кремлевском Дворце. Я имел честь два раза выступать с основным докладом на этих чтениях, вместе с патриархом.

В свое время Сергей Вадимович Степашин собрал руководство МВД: – Вы знаете, наверное, историю улицы Житной, как появилось наше здание: здесь был храм большой старинный, его взорвали, уничтожили. Наша обязанность – в память о нем построить часовню Казанской иконы Божией Матери. Это поручение Фёдорову и Толкачёву. Давайте думайте, ищите средства, делайте проект, и в течение года чтобы это было сделано.

Анатолий Бичуков быстро создал проект, получили благословение у патриарха Алексия. Мне было поручено заложить первый камень в основание здания. И мы дали обещание патриарху, что в течение года этот храм-часовню возведем.

Александр Васильевич Толкачёв каждую неделю, а то и ежедневно, бывал на строительстве, контролировал, как оно ведется, привлёк необходимые средства. Даже ездил в Свердловск, к своим коллегам. Сам он родом из Серова и ныне почетный гражданин этого города, знал

всех руководителей области, бывал в Красноуральске и Первоуральске, в Ревде и Нижнем Тагиле. Уральские промышленники здорово нам помогли. Приняли участие руководитель «Северстали» Алексей Мордашов, Дмитрий Бакатин (фирма «Спутник»). Не буду называть всех жертвователей: золотыми буквами на памятной доске начертаны имена тех, кто помогал строительству храма.

Его открытие состоялось в мае 2000 года. Мы договорились, что на торжество пригласим патриарха Алексия II, первого президента России Бориса Николаевича Ельцина, при котором был заложен этот храм,

Высокая награда –
благодарность патриарха

и нового президента – Владимира Владимировича Путина, который тогда только-только вступил в должность.

Борис Николаевич быстро уехал, он себя уже чувствовал неважно, к тому же, было очень жарко. А Владимир Владимирович остался, обошел выставку, которую мы сделали на первом этаже. Мы за скромным столом в нашей столовой посидели за чашкой чаю, и я горжусь, что мне при новом президенте патриарх вручил второй орден Русской православной церкви за строительство данного храма. Это очень памятное событие в моей жизни.

Приятно видеть, что теперь здесь постоянно открыты двери, народ посещает это место – святое для сотрудников органов внутренних дел и для всех жителей города Москвы. Очень хорошо, что министерство восстановило не только храм, но в какой-то степени и справедливость.

Мы где-то встречались...

Мне повезло общаться со многими интересными личностями, работать рядом с ними, начиная от первого Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина. Много раз довелось встречаться с Виктором Степановичем Черномырдиным, с руководством Администрации Президента – Волошиным, Юмашевым, Илюшиным, Яровым.

Вспоминаются неоднократные встречи с бывшим министром внутренних дел СССР Александром Владимировичем Власовым. Когда он уже был на пенсии, мне пришлось помогать ему, он серьезно болел. Устроил его в наш госпиталь, где ветерану предоставили отдельную палату, часто приезжал к нему, мы много беседовали. В день рождения приехал к нему домой – от лица министерства поздравить с днем рождения. Спрашиваю:

– Александр Владимирович, а вас кто-то из Правительства поздравил?

Он говорит:

– Нет, Валерий, никто не позвонил.

Я был огорчен, что бывшему Председателю Правительства Российской Федерации, министру Союза ССР из исполнительного органа даже не позвонили, не поздравили заслуженного человека, который работал в ряде республик первым руководителем, был народным депутатом, кандидатом на пост Председателя Верховного Совета Российской Федерации.

Чем могли помогали мы ему, лечился он долго. Ушел из жизни незаметно, тихо. Странное дело: когда речь шла о бандитах, ворах в законе, все средства массовой информации начинали выпуски с сообщений о расстрелах и убийствах лидеров преступного мира. Показывали пышные похороны... Это, конечно, нас не красит. Хочется сказать некоторым нашим деятелям и журналистам: нужно помнить людей, которые честно трудились во имя России.

Мне приходилось работать с министрами Зурабовым, Кудриным, Крашениниковым, Фёдоровым, Шевченко, Филипповым, Грефом, Реймером, Гордеевым, Шуваловым. Встречался с Михаилом Ефимовичем Фрадковым, Виктором Михайловичем Зубковым, Михаилом Михайловичем Касьяновым – у меня с ними были хорошие деловые отношения. Но особо хочу отметить министра обороны Российской Федерации, первого Маршала Российской Федерации, Героя России Игоря Дмитриевича Сергеева, бывшего Главнокомандующего ракетными войсками стратегического назначения. Судьба меня свела и сдружила с маршалом и его семьей. По его приглашению я довольно часто по субботам приезжал к ним на дачу. Мы ходили с ним, с его сыном Димой и еще двумя друзьями в баню, пили крепко заваренный чай с медом, с конфетами и вели долгие беседы о жизни, о развитии армии, вспоминали о совместных операциях в Чеченской Республике.

Ежегодно в ноябре по приглашению бывшего главкома Яковлева мы вместе с Игорем Дмитриевичем приезжали на День ракетных войск во Власиху, в Одинцовском районе. Я – непременно в форме генерал-полковника. На встречах меня позиционировали как ракетчика, ведь я выходец из ракетных войск. Это было очень приятно. Обязательно приезжал на это торжественное собрание Владимир Вольфович Жириновский, всегда в форме полковника. Его очень приветливо и благо-

душно встречали, с улыбками, аплодисментами. Однажды он вышел на трибуну с интересным заявлением:

– Заметьте, вот в президиуме этого высокого собрания, в этом замечательном клубе, где находятся ракетчики, наш ядерный щит, мощь нашей армии, нашей страны, полковник – один только я. Но вы учтите, я – генерал, потому что сам видел указ президента Бориса Николаевича Ельцина о присвоении мне генеральского звания. Но злой гений Александр Коржаков этот указ уничтожил и так и не пустил его в действие...

Зал заплодировал несостоявшемуся генералу – это надо было видеть и слышать: Владимир Вольфович в своем репертуаре.

Хочу сказать и про Совет ветеранов органов внутренних дел, я по должности был его куратором. Возглавлял Совет Борис Тихонович Шумилин, легендарный партизан, белорус. Этот очень ответственный, неординарный человек много сделал для развития наставничества в органах внутренних дел, для повышения роли ветеранов. Мы с ним очень часто общались, вместе ходили по министерствам, в Правительство, отстаивая интересы ветеранов – тех, кто жизнь посвятил охране правопорядка в стране. Например, в Министерство финансов неоднократно ходатайствовали, чтобы нам разрешили организовать Всероссийскую лотерею. И добились: Совет стал иметь какие-то доходы от нее.

Сегодняшний Совет ветеранов возглавляет знаменитый Иван Фёдорович Шилов – легендарная личность в органах внутренних дел. Он прошел путь от курсанта, солдата внутренних войск до начальника УВД Приморья, а потом и Московской области. Был начальником уголовного розыска и начальником Следственного комитета МВД России, первым заместителем министра внутренних дел Союза ССР. И даже временно исполняющим обязанности министра внутренних дел СССР – правда, всего один день, когда ушел из жизни Борис Пуго, участник ГКЧП.

Иван Фёдорович – мой настоящий советчик и наставник, мы с ним тепло общаемся, не раз вместе отдыхали в Сочи и Кисловодске.

Хорошие связи у министерства были с мэрией Москвы – с Юрием Михайловичем Лужковым, Валерием Павловичем Шанцевым, Владимиром Иосифовичем Ресиним. Мэрия Москвы, конечно, очень много

делала и делает для того, чтобы почти 120 тысяч личного состава, входящего в гарнизон милиции, были обеспечены жильем, обмундированием, техникой, бензином, премиальными. На плечах городских властей ремонт и строительство новых зданий, покупка современной техники для органов внутренних дел. От мэрии всегда мы получали, я бы сказал, мгновенную реакцию и решение проблем. Лишнего не просили, и руководители столицы всегда шли нам навстречу.

Знаковое ежегодное событие – празднование Дня советской милиции. Помню слова поэта Роберта Рождественского, который говорил: «Я хочу, чтобы праздник День милиции стал не только внутренним делом Министерства внутренних дел». И воистину, еще со времен Николая Анисимовича Щёлокова, одного из лучших министров внутренних дел Союза ССР, это праздник всего народа. Объективные историки и специалисты, сотрудники милиции помнят вклад Николая Анисимовича в развитие и укрепление МВД СССР.

Подготовка к праздничному концерту, которого всегда ждали – и до сих пор он популярен в России, – была возложена на Главное управле-

После концерта. Друзья мои, артисты эстрады

ние кадров Министерства внутренних дел. Составлялись план и сценарий. Вячеслав Иванович Воронцов и мой заместитель в Главном управлении кадров Анатолий Александрович Прошин отвечали за это дело. Привлекались многие режиссеры, постановщики, артисты. Этот замечательный вечер проходил в киноконцертном зале «Россия», а потом переместился в бывший Кремлевский Дворец съездов. Мне довелось приблизиться к миру, который называют «шоу-бизнесом», познакомиться с такими исполнителями, как Иосиф Кобзон, Алла Пугачёва, Игорь Крутой, Лев Лещенко, Владимир Винокур, Надежда Бабкина, Александр Буйнов, Валерий Леонтьев, Олег Газманов... Особо хочу отметить вклад Виктора Елисеева, художественного руководителя Ансамбля песни и пляски внутренних войск, который знают во всех уголках нашей страны, во многих странах мира.

Мне довелось близко общаться и дружить с великолепным танцором и незаурядным человеком Махмудом Эсамбаевым. Многие для пропаганды искусства среди сотрудников органов внутренних дел сделали Валентин Юдашкин, София Ротару, Филипп Киркоров, Кристина Орбакайте, Игорь Николаев, Валентина Толкунова. Они бескорыстно откликались на наши просьбы выступить. Когда шла Чеченская кампания, мы сделали традицией регулярные поездки этих популярных исполнителей к бойцам. Они по первому зову приезжали в госпитали Министерства внутренних дел, внутренних войск, в само министерство и давали шефские концерты для раненых и сотрудников органов внутренних дел. Я им за это искренне благодарен.

Среди новаций Сергея Вадимовича Степашина особо отмечу одну. Он, став министром, сразу оговорил: нам придется на ином уровне заниматься формированием общественных отношений, кардинально менять содержание и стиль работы с общественными организациями,

Хорошо дружить с Надеждой...

Госдумой, партийными, профсоюзными органами страны, участвовать в выборах. Так, с его легкой руки, было создано Управление региональных и общественных связей во главе с доктором наук Александром Васильевичем Толкачёвым, который работал у нас в кадрах и которого я тоже хорошо знал еще по Перми. Взаимодействовать с этим очень внимательным, знающим человеком было и приятно, и полезно. Я хорошо знаю его семью, жену Зою Николаевну, двух замечательных сыновей. Именно Толкачёв приложил немало усилий, чтобы концерты в министерстве и в госпиталях проводились регулярно и на высоком уровне. При содействии Александра Васильевича – спасибо ему за это – все лучшие творческие силы российской эстрады, все знаменитые артисты стали друзьями и помощниками нашего министерства.

Я уже рассказывал о моей дружбе с Ильёй Сергеевичем Глазуновым. Светла меня судьба и с выдающимся художником Александром Максавичем Шиловым. Когда работал в Перми, впервые увидел шикарно изданный альбом избранных произведений народного художника СССР Шилова. С большим интересом и вниманием рассматривал их, а потом мне удалось купить этот альбом. Тогда и не думал, что не раз побываю у художника в квартире, на выставках, куда он меня регулярно приглашает. Ко Дню Москвы в мэрии он обычно собирает близких друзей и дарит городу свои новые произведения.

Анатолий Андреевич Бичуков, народный скульптор, народный художник, заместитель Зураба Церетели в Академии художеств, еще при министре Щёлокове был руководителем Студии художников имени Верещагина Министерства внутренних дел Союза ССР, потом Российской Федерации. У него много прекрасных скульптур, в том числе и воплощенные им образы Сергея Есенина, Владимира Высоцкого. Каждый день вижу, проезжая на службу: в начале Поклонной горы стоит скульптурная группа работы Анатолия Бичукова – три воина Земли Русской встали на пригорке...

Заметки на полях

Таланты «тайной гвардии»

У меня хранится немало картин. Дарили товарищи, коллеги по работе, знакомые презентовали на дни рождения. Есть портреты жены Галины Михайловны, внуков Никиты и Жени — их рисовал член-корреспон-

дент Академии художеств Олег Александрович Леонов, руководитель Студии художников имени Верещагина Министерства внутренних дел. У меня с ним теплые, дружеские отношения. У него и жена – художник, они вместе продолжают славные традиции русских баталистов.

Так вот, коллекция наша началась в Перми – с картины, которую подарил мой секретный агент, бывший несколько лет у меня «на связи». В милиции есть такой институт внештатных информаторов – очень важный для получения объективных данных о преступном мире. Когда я уезжал из Перми на работу в министерство, он попросил о встрече. Я охотно согласился:

– У меня тоже есть такое желание. Хотел бы тебя чем-то отблагодарить, сказать спасибо за все, руку пожать.

Встретились в условленном месте. И вдруг он говорит:

– Вы, наверное, не знаете, но я – начинающий художник. Хочу вам от всей души подарить картину «Березовый лес».

Смотрю – светлый, очень неплохой лирический пейзаж.

Теперь это память о незаурядном человеке. Ведь привлек я в свое время действительно талантливого агента, исполнителя сложных заданий. Такие не за страх, а за совесть помогают органам внутренних дел раскрывать запутанные преступления. Низкий поклон этим мужественным людям. Оперативная работа была, есть и будет основой в борьбе с криминалом, в раскрытии особо тяжких преступлений. Так называемая «спецообщественность» – это наши глаза и уши. Но много на эту тему распространяться не стоит.

Помню, как однажды начальник Кунгурского отдела внутренних дел попросил меня подписать приказ о поощрении внештатного сотрудника за раскрытие убийства. Я сам поехал в Кунгур, встретился с этим человеком, пожал ему руку. Поощрили, как сейчас помню, ста рублями – в то время неплохие деньги. И я ему сказал: «Поздравляю, но учти – пятьдесят рублей тебе, а пятьдесят отдашь супруге». Он улыбнулся: «Не беспокойтесь, полсотни мне хватит с ребятами погулять, выпить рюмку в компании. Вы ведь знаете, какая у нас служба! Если бы я сказал супруге или корешкам, что, мол, гуляем на деньги, которые мне дал генерал Фёдоров, у них был бы шок, и вряд ли они бы этому поверили. Не скрою, очень горд, что вы лично со мной встретились...».

Меня эта встреча тоже тронула. Наша «тайная гвардия» – не просто необходимый элемент секретной работы. Это особый слой ответственных и отважных внештатных сотрудников, которым поручаются важные задачи, от которых порой многое зависит. Есть среди

привлекаемых помощников люди со сложной судьбой, к ним – разный уровень доверия, но я здесь говорю, в первую очередь, о неслучайных людях, обладающих высокими гражданскими качествами, тактическим и оперативным мастерством, храбростью и даже актерскими талантами. А иногда, как выяснилось, еще и даром художника.

Как это важно по жизни – обретать круг товарищей. Для этого, казалось бы, немного надо усилий. Разве что душевных. Послушайте Александра Пушкина: «Все предрассудки истребя, мы почитаем всех нулями, а единицами себя». Не дай бог возомнить о себе. Будьте проще, живите открыто, и к вам потянутся люди.

Остров свободы

Особо – несколько слов о маршале Викторе Георгиевиче Куликове – настоящем герое, участнике Великой Отечественной войны, Главнокомандующем силами Варшавского договора. Хочу поведать о некоторых гранях его уникальной личности.

Кажется, уже упоминал, что он возглавлял благотворительный фонд «Консул», в рамках которого делал немало добра самым разным людям. С его помощью мы ежегодно проводили конкурс на лучшего слушателя Академии и других высших учебных заведений в системе Министерства внутренних дел. Офицеры брали постоянное шефство над семьями, над детьми погибших в Чеченскую кампанию сотрудников органов внутренних дел.

Часто вспоминаю, как в 1997 году маршал пригласил меня в поездку на Кубу, где он в прошлые годы много работал и многое сделал для развития и укрепления кубинской армии. Он лично дружил с Фиделем и Раулем Кастро, с другими руководителями кубинской революции и Кубинской Республики.

Я был включен в состав официальной делегации. Мы полетели на Остров свободы, остановились в апартаментах рядом с резиденцией Фиделя. К сожалению, с самим легендарным бородачом из-за его болезни увидеться не удалось, но зато нам посвятил немало времени второй секретарь, заместитель Фиделя, его родной брат Рауль. У нас

состоялась шестичасовая беседа. Общение с Раулем Кастро стало для меня незабываемым. Этот выдающийся революционер, государственный деятель оказался простым в общении, талантливым рассказчиком. Мне было удивительно и волнующе услышать из первых уст, как они с братом пришли к марксизму-ленинизму, прониклись коммунистическими идеями. Иногда, правда, в его словах проскальзывала обида, что в последнее время Советский Союз и Российская Федерация меньше оказывают внимания Кубе.

– К сожалению, сокращаются контакты, торговые отношения. Но мы не держим зла на великий русский народ, на ваше руководство, потому что знаем, как и вам нелегко сейчас. Наша дружба навсегда. Мы верим в наши народы, и мы идем вместе, у нас единый враг – американский империализм. Мы живем на протяжении почти полувека в блокаде, но строим социализм, заботимся о людях, делаем все для того, чтобы кубинцы жили лучше.

И еще, касаясь проблем республики, он рассказал нам интересный факт:

– Поскольку я имею честь разговаривать с сотрудниками Министерства внутренних дел России, в порядке «обмена опытом» скажу: у нас появилось слишком много жалоб на антиобщественные элементы – девиц легкого поведения. И я поручил товарищам – вашим кубинским коллегам – собрать их. Набралась в клубе немалая аудитория – весьма специфическая. А я думаю: что же им скажу? Ничего, выкрутился. Вышел на трибуну и говорю: «Входя в этот зал, увидел много очень красивых девушек. Вы же лицо нашей нации! Лицо Кубы! А что же так дешево себя продаете – за какие-то пять – десять долларов? Вот, мне доложили: в Париже девушки легкого поведения получают за услуги значительно больше. А вы дешевите! Разве можно так унижать достоинство нашей революции?!». В зале – хохот, девицы захлопали в ладоши. А потом уже состоялся настоящий, деловой, я бы сказал, суровый мужской разговор о чести и достоинстве кубинской женщины...

Этот рассказ государственного деятеля мне запомнился: еще раз убедился, что кубинские руководители – настоящие народные лидеры, люди, знающие, чего они хотят, и в трудных условиях делающие все для того, чтобы не уронить знамя кубинской революции.

Реальная угроза

Когда я был в Чечне, к нам прилетел как-то генерал Александр Иванович Лебедь: мы проводили совместно с представителями Министерства обороны, руководством внутренних войск, Министерства внутренних дел закрытые переговоры с вожаками сепаратистов. Со стороны федералов принимали участие Александр Лебедь, Вячеслав Тихомиров и ваш покорный слуга. А со стороны сепаратистов представлял исполняющий обязанности президента Яндарбиев, с ним были Масхадов, Удугов и другие – думаю, человек семьдесят.

Открыл совещание Тихомиров. Он обратился к той стороне просто:

– Ну что, уважаемые господа-товарищи-бандиты!..

И с Масхадовым приходилось вести диалог

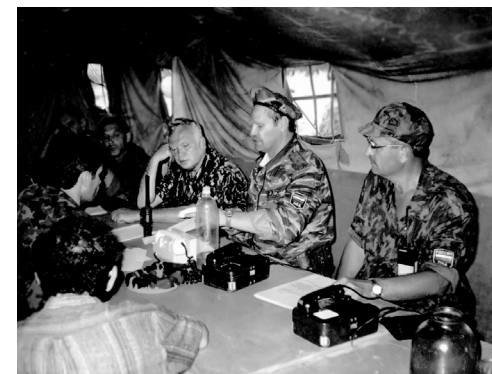
был Мовлади Удугов – очень жесткий и грамотный, волевой переговорщик. С ним надо было ухо держать вострѐ. Когда переговоры совсем зашли в тупик, Александр Лебедь говорит Яндарбиеву: мол, давай, пойдем в отдельную комнату, один на один переговорим, а тут Аслан с Тихомировым и Фёдоровым пусть ведут приватную беседу. Что ж, поговорим за жизнь...

Надо сказать, сепаратисты привыкли к этому его полусутокливому обращению и воспринимали уже как привычный оборот речи. Но мне это запомнилось, как и то, с какой нескрываемой иронией восприняли они его «вступительное слово».

Шли переговоры час, полтора. А потом что-то стало тормозить. Я еще раз убедился, каким язвительным и подготовленным

И вдруг начальник оперативного штаба Масхадова задаст мне вопрос:

– Господин Фёдоров, в Перми у вас дочь окончила медицинский институт, работала в областной больнице врачом, а потом ее перевели ординатором в районную больницу номер семь Свердловского района города Перми, на прием. Почему такое понижение случилось?

Переговоры с сепаратистами шли нелегко

Искренне могу сказать, это фальшивое выражение якобы участия было неожиданным для меня: вражеская сторона знает, чем занимается моя дочь, осведомлена о ее делах. Ведь перевод дочери в ординатуру произошел всего две недели назад, я сам узнал об этом только недавно, из телефонного разговора. Тем более, с чего бы вдруг появился интерес к таким подробностям, таким деталям биографии моей дочери, которая живет в далекой Перми?

Понял, что столкнулся с провокационной формой определенного психологического давления. Сейчас откровенно могу сказать, что тогда под рубашкой побежали капли пота. Но виду подать было нельзя. Спокойно (насколько хватило «актерского мастерства») отреагировал: мол, у дочери все в порядке, в областной больнице работа ей менее интересна, а на приеме пациентов она больше практики получит.

Закончилось совещание. Но мысли о близких, их благополучии не давали покоя. Как быть, что делать в такой, не очень приятной ситуации? По прибытии в Ханкалу, к месту расположения, позвонил министру, рассказал ему о случившемся и спросил, как быть.

Анатолий Сергеевич сказал:

– Вот видишь, как у них поставлена разведка: за каждым из нас, безусловно, следят. Не переживай! Мы создадим условия, чтобы близкие были неприкосновенны!..

Так я убедился, что террористы активно действовали против нас, отслеживали каждый наш шаг, в том числе и членов наших семей.

Алла родила сына в мае 1999 года. А в июне бандиты опубликовали список 50 руководителей, которые принимали участие в Чеченской кампании и которые подлежали уничтожению. Сменивший Степашина министр Владимир Борисович Рушайло принял решение установить охрану моей дочери и внука. Когда она в Перми выходила на прогулку с коляской, сотрудники оперативно-поискового подразделения охраняли их, и без соответствующего согласования дочь не выходила из дома.

В таких условиях приходилось жить и нам, и нашим семьям. Мы ездили по Москве, имея на всякий случай в автомобиле автомат. Владимир Ильич Колесников из-за своего большого роста и по давнишней привычке ездил всегда рядом с водителем, впереди. Министр принял решение: всему руководству ездить только на заднем сиденье, в автомобилях с тонированными стеклами, часто менять номера авто, как и телефонные. Приходилось в мирной Москве жить по правилам, я бы сказал, военного положения. Таковы не очень приятные грани жизни сотрудников органов внутренних дел, в том числе и руководителей.

Но запугать нас бандиты не смогли.

Мы понимали: терроризм – это такая адская машина, такая злая и подлая сила, которая не останавливается ни перед чем. Мы убедились в этом и в Афганистане, и в Иране, и в Сирии, и в Ливии. Игиловцы, алькайдовцы, как и масхадовские отщепенцы басаевы и радуевы, давно перешагнули «красную черту» человечности и гуманности, являя собой преступную нечисть, в какие бы национально-освободительные и религиозные одежды ни рядились.

Помню террористический акт на Манежной площади в столице. Тогда погиб один человек. Мы немедленно провели совещание с руководящим составом МВД России, на которое были приглашены и руководители Московской области, Главного управления внутренних дел Московской области, мэрии и ГУВД столицы. Министр Владимир Борисович Рушайло сказал тогда заместителю мэра Шанцеву (Лужков почему-то уклонился от присутствия на обсуждении), что сейчас придется досматривать людей в местах массового скопления – в театрах, на стадионах, рынках, ставить видеокамеры, рамки и проверять граждан, чтобы подозрительные лица с элементами взрывчатки не могли туда проникнуть. Валерий Павлинович, однако, возмутился:

– Да вы что, такая огромная Москва, проводится масса общественных мероприятий! Где мы столько камер и рамок возьмем? Вы тут не выдумывайте, а давайте работайте и охраняйте лучше!

Но ему было жестко сказано, что жизнь меняется: у преступников, у террористов есть планы внести сумятицу в жизнь наших мирных людей, в том числе и в столице. В чем все и убедились, когда через несколько дней террористами был взорван один дом, другой... Сейчас ни у кого не возникает тени сомнения и протеста, что нужно проходить предварительный контроль, посещая футбольный матч, театры, концерт, идя на рынок, вокзал, в аэропорт.

К сожалению, жизнь вносит существенные коррективы в действия мирного населения, обычных граждан. Мы должны быть бдительны и противопоставлять терроризму – этому международному злу – наше единство, умение защищаться, совместно предупреждать коварные преступления.

...Только что услышал сообщение: президент Соединенных Штатов Америки Трамп позвонил нашему президенту Владимиру Владимировичу Путину и поделился оперативной информацией ЦРУ и ФБР, что готовится террористический акт в одном из религиозных учреждений Санкт-Петербурга. Наши органы быстро среагировали и задержали террористов, которые на самом деле готовили это чудовищное преступление в городе на Неве.

Помните, как Америку потрясли события 11 сентября – атаку на башни Всемирного торгового центра? Тогда возникло международное сотрудничество в борьбе с террористами. Жаль, оно не всегда бывает последовательным со стороны руководства США...

Кадры решают всё

Замечу: каждый министр обязательно обращал особое внимание на работу с кадрами. Решением Сергея Вадимовича Степашина мне было поручено подготовить концепцию министерства о состоянии работы с кадрами и кадровой политики. Мы очень долго готовились к коллегии, которая прошла в декабре 1998 года. Создали очень большую

группу в составе действующих сотрудников органов внутренних дел, ветеранов, привлекли научные силы из Российской академии наук, из наших высших учебных заведений. 23 декабря состоялась коллегия, на которой я выступал с докладом. Он занял почти полчаса и был достаточно наглядным за счет использования слайдов и других технических возможностей. Мы впервые пригласили на подобную презентацию представителей средств массовой информации: были корреспонденты радио, телевидения, журналистский корпус, пишущий на правоохранительные темы.

Вообще-то, по регламенту, на коллегии основной доклад не должен превышать 15 минут. Но министр сказал мне:

– Валерий, вопрос необычный, очень важный для министерства. Да и не только для нас. Давай, как только пройдет пятнадцать минут, попроси дополнительное время, и я добавлю столько же.

На том и решили.

Мы честно сказали себе и всему населению России: произошло снижение престижа службы, идет отток наиболее квалифицированных кадров. Всего с 1992 года по различным причинам из органов внутренних дел страны было уволено почти 635 тысяч человек. Отметим, что механизм комплектования органов внутренних дел и внутренних войск в новых социально-политических и экономических условиях жизнедеятельности российского общества, в принципе, налажен. К тому моменту общая численность персонала органов внутренних дел составляла более 1 миллиона 600 тысяч человек (из них почти 1 миллион 100 тысяч – рядовые и начальствующий состав и около 500 тысяч – гражданский персонал).

Но было откровенно сказано, что кадровая работа еще не стала приоритетной задачей руководителей и командиров всех уровней системы МВД России. Основные усилия сконцентрировались на количественных показателях, и, добившись здесь определенных позитивных сдвигов, руководство и кадровый аппарат не обеспечили кардинальных качественных перемен в организации отбора, расстановке, обучении и воспитании личного состава.

Остается высокой текучесть кадров – около 8 процентов. По отрицательным мотивам увольнялось в среднем до 11 процентов в год от

общего числа уволенных. За девять месяцев 1998 года количество нарушений дисциплины составило 118 тысяч, а число сотрудников, привлеченных к ответственности за нарушение законности и преступления, за 11 месяцев достигло 11,5 тысячи. Из них 3200 человек были привлечены к уголовной ответственности.

Сложившаяся кадровая ситуация в органах внутренних дел и внутренних войсках заставила нас существенно корректировать концептуальные подходы. Я буквально кожей ощущал, что возникший разрыв между уровнем материального обеспечения, социально-правовой защищенности персонала и значительно возросшей нагрузкой на личный состав (вызванной ростом преступности, внутренними вооруженными конфликтами) привел к заметному размыванию профессионального кадрового ядра.

Требовалось принятие неотложных мер, направленных на создание современной работы с кадрами, в полной мере отвечающих нуждам оперативной служебной практики, служебной деятельности.

Добрые напутствия выпускникам Школы милиции

Коллегия решила одобрить проект и концепцию кадровой политики Министерства внутренних дел Российской Федерации и план мероприятий по ее реализации. По итогам коллегии был издан приказ от 11 января 1999 года. Особым пунктом указывалось, что «контроль за выполнением настоящего решения возложен на заместителя министра внутренних дел Российской Федерации генерал-полковника милиции Фёдорова В. И.». Подписал решение председатель коллегии Сергей Степашин.

Почему так подробно рассказываю об этом? Я горжусь, что при моем непосредственном участии рождались новые концепции и формировались очень важные направления работы органов милиции в новых исторических условиях. Разработка и принятие таких документов говорили о том, что в системе МВД продолжается традиция всемерной заботы о чести, достоинстве, приоритете законов в работе с личным составом: мы должны работать и числом, и умением. А ведь от того, как работает Министерство внутренних дел, зависит очень многое: и спокойствие в стране, и уважение к власти, и даже производительность труда. Вера в закон, в справедливость должна существовать в обществе как неперемное условие его развития.

Встреча с Владимиром Путиным

Никому еще это не рассказывал, но, думаю, сегодня это можно сделать...

Министр внутренних дел Сергей Степашин пригласил в ходе одной из заграничных командировок коллегу – министра внутренних дел Ирана – посетить Российскую Федерацию с официальным визитом. Этот визит состоялся. Только... к этому времени МВД уже возглавил Владимир Рушайло, а Степашин сначала был назначен первым заместителем Евгения Максимовича Примакова, а затем и премьером Правительства.

Так вот, прибывает с визитом иранский министр внутренних дел. Я, как лицо, отвечающее в министерстве за международные дела, встречаю, размещаю делегацию в гостинице «Золотое кольцо». Вечер

в Большом театре, ужин на даче в Серебряном бору. Расстаемся под утро. А на 11 часов запланирована встреча иранцев с Председателем Правительства Российской Федерации Сергеем Вадимовичем Степашиным.

Пораньше приехал в гостиницу – должны ехать в Белый дом. Мне раздаётся звонок по закрытой связи, по «кремлёвке», прямо в машину. Звонит Сергей Вадимович и говорит:

– Валерий Иванович, встреча отменяется – меня срочно вызывает к себе на дачу Ельцин. Мы договорились, что вас примет в Кремле секретарь Совета безопасности, председатель ФСБ Владимир Владимирович Путин. Скажи об этом гостю. И вези на Красную площадь – покажешь ее делегации, и оттуда, не спеша, пройдете пешочком через Спасскую башню.

После завтрака гости выходят, садимся в машину. Я говорю:

– Давайте сначала проедем на Красную площадь, посмотрим «сердце» нашей страны, а потом уж на встречу.

Приехали, поставили машину около собора Василия Блаженного, вышли к Лобному месту. Я министру говорю через переводчика:

– Извините, сейчас мне позвонил Председатель Правительства и сказал, что срочно вызван президентом страны Борисом Николаевичем Ельциным на архиважную встречу. Он предлагает вам сейчас встретиться в Кремле – это здесь, рядом – с секретарем Совета безопасности, директором ФСБ России Владимиром Владимировичем Путиным.

А иранец должен днем уже улетать, визит заканчивался. Вижу в его глазах большое недовольство и даже вроде маленький испуг. После минутного замешательства ответ:

– Никуда я не пойду, ни с каким Путиным встречаться не буду! Это неуважение ко мне, неуважение к государству. Как я по возвращении буду докладывать высшему руководству страны, что меня не принял человек, который приглашал с официальным визитом и не нашел времени со мной встретиться?

Я говорю:

– Поймите нас! Видите, какие обстоятельства внезапно возникли? Мы делаем все, чтобы ваш визит был успешным. Вы встречались с ми-

нистром МВД России, а когда были в Большом театре, в правительственной ложе, залу объявили, что на спектакле присутствует министр из Ирана, вас приветствовали аплодисментами зрители в знак большого уважения...

– Да, знаю, спасибо, но на эту встречу я не пойду. Уезжаю в гостиницу, собираю вещи и – на самолет. Так не поступают! Традиционное русское гостеприимство оказалось мифом.

Тогда я взял его за руки, взглянул прямо в глаза:

– Господин министр, я с вами два с половиной дня нахожусь. Я отвечаю за ваш прием, и получается, что из-за моего неумения убеждать и неумения приглашать вы отказались от важнейшей встречи с секретарем Совета безопасности. Вы уедете, а меня за это снимут с работы. Скажите, что лично я сделал вам плохого как генерал, как первый заместитель министра внутренних дел Российской Федерации? Никакого неуважения по отношению к вам, к вашей стране не было в помине. Поймите правильно: подобные ситуации всегда могут возникнуть, независимо от нас...

Владимир Владимирович Путин с сотрудниками МВД
(справа – министр Владимир Борисович Рушайло)

Несколько минут иранец думает и говорит:

– Хорошо, идемте.

Проходим через Спасскую башню Кремля, в здание 14-го корпуса. Нас встречают. Провожают в зал, где нас ждет Владимир Владимирович Путин.

Скажу просто: он провел хорошую, сердечную, но конструктивную, серьезную встречу. Разговор состоялся деловой, конкретный, интересный для обеих сторон. Растаяла у гостя даже тень обиды. Я его проводил в аэропорт.

А всего через несколько дней Сергей Вадимович отправляется в отставку. Секретарь Совета безопасности, председатель ФСБ Владимир Владимирович Путин становится Председателем Правительства Российской Федерации, а вскоре и президентом страны.

Я тогда подумал: как же сейчас себя чувствует мой иранский министр? Ведь он теперь с гордостью может сказать, что первым из руководителей силовых структур в мире встретился с новым лидером России. А отказ от этой незапланированной встречи вряд ли принес бы ему большие дивиденды и удовлетворение как государственному деятелю.

Человек эпохи

Приближалось 80-летие Виталия Васильевича Федорчука. Он пребывал в свое время на важнейших государственных постах: председатель КГБ Украины, председатель КГБ СССР, министр МВД СССР. Мы помнили об этом, подготовили ему приветственный адрес, купили подарок – помню, это был телевизор. И я думал: кого же послать для поздравления на дом, потому что никаких других общественных мероприятий по этому случаю не намечалось? Но утром раздался звонок министра:

- Ты знаешь, что сегодня день рождения у Федорчука?
- Конечно, знаю, товарищ министр.
- И что?

– Подготовили приветственный адрес, вы его подпишете. У нас есть подарок, надо определиться, кто вручит. Вы поедете сами?

– Нет, я не поеду. Думал, что ты поздравить.

– Нет, товарищ министр, я с ним не знаком, только один раз встречался, когда оканчивал курсы при Академии Министерства внутренних дел: он на последнем занятии выступал у нас с лекцией и вручал удостоверение о повышении квалификации. А больше я с ним не виделся. Хочу кого-нибудь из своих заместителей послать.

– Нет, езжай сам.

– Приказ есть приказ, товарищ министр. Выезжаю к вам на подпись и еду к юбиляру.

Адрес подписан. Созваниваюсь и еду на улицу Косыгина, в квартиру бывшего министра СССР, генерала армии Федорчука. Встречают меня его помощник и сам бывший министр – в гражданской одежде. Накрыт скромный стол: бутылка шампанского, минеральная вода. Я представился. Вручил приветственный адрес от министра и подарок.

Присели, хозяин рассказал, что это бывшая квартира Председателя Правительства СССР Алексея Николаевича Косыгина. Шикарные апартаменты в семь комнат.

– Ну что? Давай выпьем! – Открывает бутылку шампанского. Пригубили. И вдруг он меня спрашивает: – Скажи откровенно, пожалуйста: как ко мне относятся в Министерстве внутренних дел?

Я, недолго думая, говорю:

– Неоднозначно.

Он немного помолчал и сказал:

– А я надеялся, ты мне правду скажешь, будешь более искренен.

– Я вполне серьезно вам ответил.

– Ну и хорошо, – заключил юбиляр, и вопросов больше не было. Так закончилась моя вторая и последняя встреча с этим министром внутренних дел. Он потом в различных интервью давал весьма жесткие оценки ситуации во власти, противостоянию там «либералов» и патриотов, критиковал деятельность Андропова. Не буду комментировать его вклад в работу министерства, это не входит в мою личную биографию. Но сам ветеран запомнился как человек эпохи...

Следствие... без причин

Министр внутренних дел Владимир Борисович Рушайло при Сергее Вадимовиче был его заместителем, отвечал за оперативную работу. А до того окончил Омскую высшую школу милиции, всю жизнь на оперативной работе, возглавлял подразделение по борьбе с организованной преступностью в Москве. Работу свою знал досконально.

Когда уходил Степашин, видимо, по его рекомендации, министром назначили Владимира Борисовича. А мне поручили возглавить Следственный комитет МВД России, сменив Игоря Николаевича Кожевникова.

Я, честно сказать, не имел желания идти туда, у меня даже мысли не было, что придется руководить следствием в МВД России. Игорь Николаевич, элитный специалист, с достоинством и честью нес этот нелегкий крест, но возникла необходимость направить его на другую работу. Мне в жесткой форме указали: решение уже принято, согласовано с президентом, и никуда, мол, ты от этого не денешься.

Я тогда пришел к Кожевникову и сказал:

– Извини, пожалуйста! Никакой моей прыти нет в том, чтобы занять это место. Меня устраивает работа с кадрами – я ее знаю и люблю, а учиться на «главного следователя» будет трудно.

Мой хороший товарищ, конечно, был опечален таким неожиданным поворотом событий, но судьбой служивого человека, как говорится, командир располагает. Пожали друг другу руки, расстались без обид и недомолвок.

А в это время вышел указ президента, посвященный именно работе следственных органов, и мне пришлось с первых же дней мотаться по стране, выступать с разъяснением новых задач, стоящих перед следствием. Слава богу, аппарат работал слаженно как часы. Мы провели массу региональных совещаний в Воронеже, в Ростове-на-Дону, в Перми, организовали кустовые форумы. Ввел в практику новацию – раз в неделю заслушивать ход расследования знаковых уголовных дел.

У Владимира Борисовича Рушайло важную и полезную школу получил я в ходе проводимых им совещаний руководящего состава Управлений внутренних дел и подразделений. Обычно отчет руково-

дителя продолжался 30–40 минут, и вопросы Рушайло к докладчику были разнообразные, неожиданные и, самое главное, высокопрофессиональные. Только человек, досконально (я делаю акцент: досконально) знающий оперативную милицмейскую и штабную работу, организационную работу в системе Министерства внутренних дел, мог спрашивать с коллег так строго, но всегда по делу, интеллигентно и профессионально.

Наши командировки в Чечню с министром В. Б. Рушайло были частыми

Тут придется вновь вернуться в Чечню, потому что, когда заступил Владимир Борисович на пост министра, как раз началась вторая Чеченская кампания. И нам, руководству, личному составу внутренних войск, личному составу подразделений органов внутренних дел, пришлось опять вплотную заниматься операциями, борьбой с сепаратистами, с бандитами, с Басаевым, с Удуговым и иже с ними (не буду даже по-

минать уничтоженных бандитов). Нам приходилось вместе с Владимиром Борисовичем ездить туда в командировки почти каждую неделю, а раз в месяц – точно.

Предварительно, конечно, велась интенсивная радиоигра: передавали через эфир планы посещения нами того или иного подразделения внутренних войск, органов внутренних дел, разработанные маршруты. А ехали мы совсем в другом направлении, с другими задачами и целями. Потому что боевики вели слежку за личным составом, особенно за руководителями.

Чеченскую Республику к тому времени возглавил Николай Павлович Кошман, а потом уже Ахмат Кадыров. Я очень хорошо знал старшего Кадырова. Мы часто с ним встречались и в Моздоке, и в Ханкале, и в Грозном. И за несколько дней до его гибели мы встречались с ним

в Москве, делились планами. Он действительно хотел улучшить работу своего Министерства внутренних дел. Производил впечатление очень основательного, солидного и доброго человека. Он поверил российской власти и сделал все для того, чтобы Чечня была освобождена от бандитов, став надежным и неотъемлемым субъектом Российской Федерации.

В одном из освобожденных районов у нас были три подшефные школы. Мы вместе с Владимиром Борисовичем и его заместителем по тылу Петром Васильевичем Нелезиным прилагали немало усилий, чтобы эти школы стали лучшими в республике. Начинали в условиях, когда там не было ни электричества, ни света, ни отопления, ни партпутных, ни даже занавесок на окнах. За несколько месяцев невероятными усилиями достали средства, договорились со строителями и восстановили школы. Лидеры республики, рядовые жители нам выразили за это искреннюю благодарность.

Однажды, прилетев в Чечню, поехали мы в Толстой-Юрт. Владимир Борисович пошел в подразделение встречаться с личным составом, а я с комендантом отправился пополнять привезенными медикаментами местную больницу. Едем на автомашине, маленькая охрана, маршрут намечен заранее. В последний момент комендант говорит:

– Давайте, товарищ генерал, поедем другим путем, что-то мне тут не нравится...

И мы поехали совсем другой дорогой.

Приезжаем в больницу, нам докладывают, что около здания, которое мы должны были проехать пять минут тому назад, сработал фугас, и автомашина, очень похожая на наш автомобиль, в которой были местные жители, подорвалась: пострадавших только что доставили в приемный покой.

Я тогда коменданта-спасителя моего обнял. А он:

– Да это Бог нас с тобой, товарищ заместитель министра, сберег, я ведь просто на всякий случай решил подстраховаться.

А мне подумалось: вот и благородный поступок милиции – оказание медицинской помощи и доставку необходимых медикаментов для жителей района – сепаратисты используют, чтобы устроить смертельные козни тем, кто делает доброе дело. На войне как на войне...

В бытность мою статс-секретарем МВД мы ввели в практику – брать с собой в поездки по стране народных избранников, депутатов Государственной Думы, Федерального Собрания. Я звонил им и от имени министра предлагал, например, лететь в тот или иной город для подведения итогов или проведения служебного совещания, на встречи с личным составом. Усаживали депутатов в служебный самолет – у нас был старенький Ту-134.

Парламентарии, надо отметить, откликались с желанием, участвовали в командировках, и эти контакты очень нам помогали, давали свой положительный эффект. Когда я приходил в Государственную Думу отчитываться или встречаться с депутатским корпусом, защищать или представлять тот или иной закон на комитете, на пленарном заседании Думы, то видел: в зале – знакомые лица, знакомые люди, которые не понаслышке узнали о проблемах и особенностях работы сотрудников органов внутренних дел. Легче было продвигать те законы, которые нам были жизненно необходимы.

Но я еще и думать не думал, что вскоре сам сяду на парламентскую «скамью», чтобы работать над законами, определяющими жизнь страны...

В ВЕРХНЕЙ ПАЛАТЕ

И вновь год 2001-й... Минуло несколько недель после моей отставки с поста замминистра МВД России. Еще домашние не успели привыкнуть к моему «пенсионному» режиму дня, как пришла весть: вологодские депутаты приняли решение делегировать меня в Совет Федерации. Открывались новые горизонты и возможности службы Отечеству. И – опять откладывались мои намерения написать воспоминания, пережить заново былое. Но я верил: время для этого еще наступит...

На Большой Дмитровке

Итак, в конце сентября 2001-го я ожидал окончательного решения, чтобы стать членом Совета Федерации от Вологодской области. Помогали укреплению моих связей с этой замечательной русской землей мой старинный и проверенный друг Семен Владимирович Эльковский, а также Дмитрий Бакатин и Никита Михалков. Они, что называется, дали очень хорошую характеристику на меня губернатору Вячеславу Евгеньевичу Позгалёву, с которым мы, впрочем, уже были по-доброму знакомы.

Вячеслав Евгеньевич уверенно вынес мою кандидатуру на обсуждение Законодательного Собрания Вологодской области. 30 сентября решение состоялось, и я поехал в Совет Федерации для оформления

Я уже был хорошо знаком с вологодским губернатором

документов. К тому времени прошло согласование с Администрацией Президента, с Министерством внутренних дел Российской Федерации, с министром Борисом Грызловым и, естественно, с руководством Вологодской области.

3 октября на официальном заседании под руководством тогдашнего председателя верхней палаты Егора Семеновича Строева (вот человек-глыба, аксакал, государственный!) меня утвердили членом Совета Федерации от исполнительного органа Вологодской области. Долго осваиваться не было ни времени, ни необходимости: сразу включился в работу, исходя из тех задач, которые поставили передо мной воложане. И, конечно, используя огромный опыт работы на разных уровнях, свой потенциал профессионального юриста. Я понимал большое значение каждого слова, каждой запятой в обсуждаемых нами законах, но не стремился по любому поводу выходить на трибуну или к микрофону – основная работа с материалами шла в комитетах. Однако эта будничная деятельность как бы растворилась уже в прошлом, а вот о наиболее примечательных эпизодах моего пребывания в здании на Большой Дмитровке хотел бы вкратце поведать...

После нового назначения первым делом – к родным: их сын и брат стал сенатором

В зале приятно было встретить знакомые лица – Юрия Лужкова, Геннадия Игумнова, Евгения Сапиро, Константина Титова, Валерия Коква, Олега Королёва, Владимира Платонова, Эдуарда Росселя, Николая Фёдорова и многих других знаковых людей. В то время в Совете Федерации было по два человека от каждого субъекта Российской Федерации – губернатор региона и председатель законодательной власти (Думы, Государственного совета, Законодательного Собрания). Такой принцип формирования был уже признан не совсем правильным: получалось, что те, кто принимали законы, сами их и должны были исполнять.

Нас, «послов от регионов», насчитывалось в палате около 170 человек. Новый принцип формирования сената предложил избранный президентом России Владимир Путин: до конца 2001 года все руководители регионов должны были покинуть высший орган парламента – шла замена заседавших там губернаторов и глав представительной власти назначенными представителями от регионов. Нам предстояло работать уже на постоянной основе. Таким образом, третий по счету Совет Федерации, в который вошел и я, был полностью обновлен.

Надо напомнить: двухпалатная система парламента предполагает, что нижняя палата эти законы разрабатывает и предлагает к рассмотрению, а верхняя их одобряет, или – нет. Так осуществляется контроль в сфере законодательства. При этом верхняя палата не «исправляет» закон, ничего в нем не меняет, а может только согласиться с его принятием или не согласиться. Здесь нет фракций, партийных и иных объединений. Руководством к действию являются интересы направившего тебя региона в органичном сочетании с интересами всей страны.

Пройдя школу управления на федеральном уровне, я понимал важность сохранения федеративного принципа нашего государства. А это заставляло с особой ответственностью подходить к изучению проектов законов, даже если они впрямую, казалось бы, не касались делегировавшей меня Вологодской области. Ведь мы были призваны всемерно способствовать интеграции и консолидации всех республик, краев, областей России, обеспечивать баланс общефедеральных и региональных интересов при выработке и принятии стратегических решений.

Избрали нового спикера. Сергея Михайловича Миронова я до этого не знал. Помню, как, рекомендуя его, мэр Санкт-Петербурга Владимир Яковлев сказал: «Вы учтите, что Сергей Михайлович – настоящий трудоголик».

И оказался прав на все сто процентов. Мы быстро убедились в том, что новый Председатель Совета Федерации готов работать круглые сутки.

В скором времени я познакомился с Юрием Афанасьевичем Шарандиным. Шел процесс формирования комитетов, комиссий и прочих парламентских структур. Юрий Афанасьевич был рекомендован на пост председателя Комитета по конституционному законодательству, занялся его формированием. Надо отметить, что в перечне комитетов, а их было десять, именно этот комитет стоял первым. Шарандин предложил мне войти в него. Откровенно говоря, у меня было желание работать в Комитете по обороне и безопасности – эти проблемы мне казались, да, по существу, и были, более близкими. В качестве дополнительного аргумента Юрий Афанасьевич подчеркнул, что будет на Совете палаты и на заседании Совета Федерации рекомендовать меня на должность своего первого заместителя. Я подумал и согласился. Кроме того, вошел в состав комиссии по естественным монополиям, комиссии по спорту и по информационной политике.

Соседом в зале заседаний оказался Дмитрий Фёдорович Мезенцев, возглавивший комиссию по информационной политике. Он из Питера, работал с Владимиром Владимировичем Путиным, оказался очень обходительным. И хорошо владел проблематикой – одно время был заместителем министра печати. Здесь же я познакомился с Андреем Григорьевичем Гурьевым, который представлял Мурманскую область.

Мою кандидатуру утвердили и в Совет старейшин. Что ж, быть «аксакалом» лестно... Старейшие члены Совета Федерации, в том числе и я, каждую неделю по вторникам собирались вечером и два-три часа обсуждали самые животрепещущие вопросы, которые возникали в деятельности палаты. Вел эти заседания сам Миронов, что не могло не сказаться на авторитете и действенности Совета. На одной из первых встреч мы предложили Сергею Михайловичу создать Совет глав законодательных органов субъектов Российской Федерации. Мне был

Вот и собрались аксакалы. Совет старейшин ведет Сергей Миронов

памятен печальный опыт Верховного Совета Российской Федерации, когда Руслан Хасбулатов по своей собственной инициативе, в пику тогдашнему президенту, в противовес исполнительной власти придумал практически альтернативный орган власти – Совет глав законодателей, которые почти все были на стороне Хасбулатова. Чем это закончилось, известно. Какую политику вел впоследствии арестованный и амнистированный Руслан Хасбулатов, которого случайность вынесла к высшим рычагам власти России, – тоже.

Знакомство с Михаилом Маргеловым (он был избран председателем Комитета по международным делам) не осталось без следа: в январе формировался состав российских представителей от Совета Федерации в Парламентскую ассамблею Совета Европы, и я был включен в эту группу. Делегацию из девяти человек от Совета Федерации и девяти – от Государственной Думы возглавил тогда Дмитрий Рогозин. Мы хорошо знали друг друга. Он мне порекомендовал войти в Комитет по юридическим вопросам и правам человека Парламентской ассамблеи Совета Европы, в комиссию по миграции и беженцам и в комиссию по делам женщин, которая занималась гендерной политикой. Вот в этих трех комиссиях и началась моя не очень спокойная деятельность в этом европейском органе власти.

Пресловутый «храм демократии»

В прессе западноевропейские депутаты привыкли говорить, что Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ), которая расположена и действует в Страсбурге, это «храм демократии». Но я убедился, в течение почти одиннадцати лет будучи членом Ассамблеи от России, что вся ее деятельность – одни слова. Не припомню ни одной сессии, чтобы не обсуждалось пристрастно и очень необъективно положение дел в нашей стране. Как всегда, европейские парламентарии утверждали, что у нас всё очень плохо, хуже некуда. Все резолюции принимались однобоко: «указать России» на то-то и то-то...

Это было особенно неприятно слышать, потому что нашу страну представляли здесь такие уважаемые политические деятели, как Геннадий Зюганов, Владимир Жириновский, Сергей Сапко, Сергей Марков, Анатолий Коробейников, Михаил Маргелов, Иван Мельников, Алексей Александров, Вячеслав Фетисов, Юрий Шарандин, Валерий Сударенков, Ильяс Умаханов, Александр Починок, Валерий Парфёнов. Любому россиянину эти фамилии говорят о том, что делегацию составляли успешные депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации. Они, ответственно могут сказать, с достоинством и честью представляли Россию на этой межпарламентской площадке. Эти мудрые люди были нацелены на очень конструктивную работу, на отстаивание интересов

нашей страны. Аргументированно, продуманно и подготовленно выступали они на пленарных заседаниях, на заседаниях комитетов.

Нас слушали, но, искренне могу сказать, не слышали, не хотели услышать. Приведу пример: раньше в Ас-

В ПАСЕ довелось работать вместе с Сергеем Нарышкиным и Геннадием Зюгановым

самблее докладчиком по Чечне был известный лорд Джадд, с которым еще в бытность мою заместителем министра я несколько раз ездил с делегацией ПАСЕ на Кавказ: в Чечню, Ингушетию, Северную Осетию. И вот, пришлось с ним работать в Страсбурге. Всегда он и его сторонники настроены были критически и предвзято: мол, федералы нарушали и попирали на Кавказе все возможные законы. Фактически они были на стороне бандитов, на стороне Басаева, Удугова, всячески выгораживали главарей, говорили, что наши силовики и власти ведут себя неправильно по отношению к мирному населению, и так далее. Один раз лорд Джадд договорился до того, что вообще, по разумению западноевропейских депутатов, при проведении зачисток территорий от бандитов федеральные силы должны заранее предупреждать население того или иного села о том, что в определенное время будет проводиться проверка документов, паспортного режима, чтобы люди «знали и готовились». Это было вообще ни в какие ворота! Мы боремся с преступниками, ищем бандитов и должны объявлять им за три дня, чтобы они успели скрыться?!

Потом Джадд ушел из ПАСЕ, и эту миссию поручили известному германскому правозащитнику, депутату бундестага Рудольфу Биндингу. Тот, продолжая «традицию» лорда, выступает с «объективным» докладом о состоянии дел и обстановке в Чечне, приведя многочисленные «фейковые» факты о якобы имевших там место нарушениях прав человека. Но тут в дискуссии после доклада Биндинга берет слово Владимир Жириновский. А надо сказать, когда выступали Дмитрий Рогозин, Геннадий Зюганов, Владимир Жириновский, Михаил Маргелов, Константин Косачёв, даже недоброжелатели в зале их очень внимательно слушали. И вот выступает наш «Вольфович». Всё как положено: мол, хороший доклад сделал докладчик, российская делегация благодарна... И вдруг произносит буквально следующее:

– Я приношу свои соболезнования докладчику, у него отец погиб в Великой Отечественной войне. Погиб под Ростовом. – И тут Жириновский взрывается характерным артистическим пассажем: – Рудольф, а что ему надо было в Ростове, на территории Советского Союза? Он же туда пришел как захватчик, представитель фашистско-германской армии, которая вероломно напала двадцать второго июня на Советский

Союз, на наш народ. Он пришел поработать. И ты нас учишь демократии? Какое ты имеешь право? У тебя совести нет!

В зале если бы пролетела муха, ее бы услышали. А у немца – ноль эмоций. Вот такие люди учили нас демократии. Сейчас мы совершенно правильно приостановили свое участие в заседаниях сессии ПАСЕ, уменьшили сумму взносов. Как говорится, ждем лучших времен, когда западноевропейские депутаты все-таки одумаются и будут вести себя более лояльно и объективно. Мы не отказываемся от парламентских контактов, от общения, решения общих задач. Это исполнительная власть может позволить себе иной раз более радикальную позицию, а парламентарии представляют народ, все слои своей страны и должны уметь договариваться.

Спустя годы после сложения мной полномочий как члена ПАСЕ состоялось торжественное собрание в холле этого здания. Выступил тогдашний председатель Ассамблеи, зачитал постановление о присвоении мне почетного звания члена Парламентской ассамблеи Совета Европы. Вручили постоянный пропуск, и я имею теперь право участвовать в пленарных заседаниях, заседаниях комитетов и комиссий Парламентской ассамблеи Совета Европы.

Прошу слова!

В моем электронном архиве сохранились стенограммы заседаний верхней палаты, в которых довелось принять участие. Они напоминают, как шли обсуждения и жаркие дискуссии по целому ряду законов, тем и проблем. По сути, это нечто вроде дневника сенатора, как часто называют представителей верхней палаты Федерального Собрания. Перелистываю страницы, вспоминаю свои выступления с высокой трибуны...

Заседали мы обычно не реже двух раз в месяц. Одним из первых вопросов, в обсуждении которого мне довелось принять участие, была проблема арбитражных управляющих. Еще работая в Министерстве внутренних дел, я сталкивался с печальными последствиями доступа неквалифицированных, а порой и просто недостойных людей к управ-

лению государственным или акционированным имуществом. Это наносило серьезный ущерб экономике страны, отрицательно влияло на положение жителей целых городов и районов. Вскоре должен был вступить в действие новый закон о банкротстве, поэтому арбитраж, его состав, качество доверенных лиц приобретали особое значение. Я к тому времени вошел в Комитет по конституционному законодательству и, как первый заместитель председателя, выступил в прениях, прямо отметив, что вижу явный пробел в законодательном регулировании государственного контроля за деятельностью арбитражных управляющих:

– Не секрет, что с 11 февраля 2003 года можно по закону – хочу это особо отметить – назначить на эту должность любое лицо, как говорят в народе, даже без роду и племени, случайное. И такой человек может управлять оборонным заводом, градообразующим предприятием, экономически и социально значимым объектом?! Я не один год проработал в Министерстве внутренних дел Российской Федерации и хочу сказать: если не закрыть эту брешь в законе, последствия могут быть плачевными. Ведь такими горе-управляющими могут стать люди, которые будут выполнять определенный заказ тех, кто, как поется в нашем милицейском гимне, «честно жить не хочет»...

«Дебют» мой оказался вполне удачным: я получил поддержку коллег, убедил их, что принимаемый закон недоработан. А вот закон об автостраховании я поддержал, хотя по нему у меня возник публичный диалог с сенатором С. А. Васильевым. Сергей Александрович возглавлял тогда Комитет по финансовым рынкам и денежному обращению. Надо сказать, что мы еще только вступили на путь становления страховых механизмов ответственности владельцев транспортных средств. И я полагал, что автолюбители и автовладельцы увидят в законе благо. Важно, чтобы он был продуман, эффективен и полезен.

– ...Но как быть с посылкой, подписанной вами в заключении комитета, что «в законе недостаточно полно прописан механизм, позволяющий избежать злоупотреблений и попыток фальсификаций страхового случая со стороны страхователей и иных лиц, риск ответственности которых застрахован по договору обязательного страхования»? Получается, в данном законе есть большая «дырка» для разного жулья. Что же делать? – спросил я Васильева.

Он ответил, что во всем мире идет противостояние страховых компаний и автовладельцев. Сейчас трудно сказать, как это у нас будет складываться. Признал, что ряд механизмов действия закона прописан еще недостаточно четко, но важно запустить его в практику, посмотреть, как он будет работать.

– Некоторых злоупотреблений, которых мы ожидаем, может и не быть, а могут быть такие ухищрения, которых мы даже не предполагаем. Русский человек очень изобретателен, – заметил сенатор.

– Вот давайте и не будем учить русского человека жульничать, – завершил я эту полемику.

В самом деле, потом нашлось немало способов обойти закон или воспользоваться его несовершенствами для обмана со стороны страховых компаний или чисто криминальных действий – со стороны автовладельцев. Пришлось вновь возвращаться к проблеме, доработать закон.

Задача быстрого действия

Министр иностранных дел Игорь Сергеевич Иванов на февральском заседании 2003 года предложил нам обменяться мнениями по острейшему международному вопросу – ситуации в Ираке. Уже шестые сутки там продолжались крупномасштабные военные действия, развязанные в обход решения Совета Безопасности ООН и вопреки нормам международного права. Как подчеркнул президент Владимир Владимирович Путин, иракский кризис вышел за рамки локального конфликта и стал потенциальным источником нестабильности для многих регионов мира.

– Уже сейчас становится все более очевидным, насколько далеки от реальности попытки представить военную акцию против Ирака как триумфальный поход за освобождение иракского народа при минимальных жертвах и разрушениях, – сказал И. С. Иванов. – По Багдаду и другим иракским городам наносятся ракетно-бомбовые удары огромной разрушительной силы. В результате массированных бомбардировок растет число жертв, в том числе среди мирного населения...

Высказался и руководитель нашей делегации в ОБСЕ: на зимней сессии, хотя вопроса в повестке дня об Ираке не было, большинство парламентариев мира настояли на том, чтобы обсудить эту проблему, важную для всего мира. И она была поставлена на обсуждение. Высказались парламентарии 35 стран, из них 30 были против войны в Ираке.

Я счел, что и нам необходимо срочно выработать соответствующее заявление. Вышел к микрофону:

– Полагаю, что нужно прямо сегодня, до вечера, срочно подготовить документ и подписать его, потому что командующий американской армией уже приехал в штаб-квартиру НАТО. Я думаю, что командующие из США просто так туда не приезжают. Ждать нельзя – тогда мы будем, как страусы, уходить от проблемы. А это было бы нечестно. Нас, сенаторов, и так уже пытаются делить: мол, одни поддерживают Ирак, другие – Израиль. Это неправильно. Мы представляем наши регионы.

Палата четко и оперативно высказала нашу общую позицию по Ираку. Теперь мы знаем, какие трагические последствия имели атака на это государство и казнь его лидера. Хаос на Ближнем Востоке стал нарастать с огромной скоростью. И, к сожалению, мы не смогли, в отличие от сирийской ситуации, эффективно повлиять тогда на ход событий.

И тут нужно ненадолго возвратиться к работе в ПАСЕ. Я уже говорил, что являлся членом Комитета по юридическим вопросам и правам человека. Так вот, эти заседания проводились в Страсбурге, а между сессиями – в одном из городов Европы. Обычно это был Париж. На Авеню Клебер в доме № 55 есть офис на втором этаже, где расположено несколько залов для работы, и один зал – на полсотни человек. Обычно там и проходили заседания нашего комитета и комитета по делам беженцев.

Вспоминаю конец февраля 2006 года. Все газеты, информационные агентства сообщили о том, что узник Гаагского трибунала Слободан Милошевич серьезно болен, и его состояние критическое.

Слободан Милошевич – это государственный и политический деятель, президент Сербии с 1989 по 1997 год в рамках Югославии, а затем президент Союзной Республики Югославия с 1997 по 2000 год. Он был

одной из центральных фигур в событиях распада Югославии и кровопролитных вооруженных конфликтах, которые сопровождали тот тревожный процесс. Причины и ход этих конфликтов трактовались полярно. Кто-то считал Милошевича одним из главных виновников драматических событий, называл международным преступником, а другие не усматривали никакой его вины. Наверное, помните, что в результате уличных демонстраций 5 октября 2000 года совершилась «бульдозерная революция». Милошевич был свергнут. 1 апреля 2001 года арестован, а 28 июня того же года тайно передан Международному военному трибуналу, руководителем которого была очень экзальтированная дама Карла дель Понте.

Я, прилетев в Париж, вечером подготовился к обсуждению. В девять часов утра началось заседание. Как только председательствующий открыл его, я попросил дать мне возможность выступить с официальным обращением к членам юридического комитета ПАСЕ. Замечу, Мира Маркович, жена президента, еще за три года до этого официально заявляла средствам массовой информации, что лечение ее мужа в тюрьме требует оперативной корректировки. Но Гаагский трибунал отказал, мотивировав тем, что ссылка на болезнь и желание обратиться к российским кардиологам – лишь предлог, чтобы скрыться от суда. А ведь МИД России заверил, что дает полную гарантию возвращения экс-президента на скамью подсудимых.

– Хочу сделать акцент, уважаемые коллеги, – сказал я, – Слободан Милошевич, обращаясь в наш МИД, писал: «Они не позволяют получить мне медицинскую помощь в России, мотивируя страхом, что неизбежно откроется, как в ходе суда велась злонамеренная кампания против моего здоровья – ее факт невозможно спрятать от русских специалистов». Полагаю, что данный отказ – это роковой приговор для Милошевича и позор для Гаагского трибунала и ПАСЕ...

Выступив с жесткой критикой действий трибунала, я предложил обратиться туда от имени нашей комиссии, от имени Парламентской ассамблеи Совета Европы.

– Мы заверяем, что российский МИД и я, как член Парламентской ассамблеи от Совета Федерации, и наши четверо членов юридического комитета даем полную гарантию: вы отпускаете Милошевича в Рос-

сию, самые лучшие врачи лечат его, и при улучшении здоровья он будет возвращен в Гаагу...

Обидно и грустно, что мои старания оказались напрасными: обсуждать этот вопрос на заседании комитета не стали. Ограничились «заслушиванием сообщения господина Фёдорова» и пошли дальше по повестке дня. Милошевич умер как подсудимый 11 марта 2006 года в тюрьме в Гааге от инфаркта миокарда. Я это все рассказываю, чтобы показать существо и нутро нашего комитета и Парламентской ассамблеи. Говорили о демократии, о правах человека, и комитет назывался «по юридическим вопросам и правам человека», а на деле демонстрировали пример холодного отказа в праве на жизнь, праве на защиту здоровья.

К сожалению, это отражает суть наших псевдодемократов и показывает двойные стандарты, с которыми мы постоянно сталкивались в процессе работы в Парламентской ассамблее Совета Европы.

Референдум и право выбора

Как члену российской делегации в ПАСЕ мне довелось не раз быть наблюдателем на выборах в разных странах, и я имел возможность сравнивать законодательства этих стран. По моему твердому мнению, нынешние российские законы о выборах являются самыми совершенными, по сравнению даже со странами более зрелой демократии. Имею основания полагать, что и наша работа в верхней палате помогла раскрыть и усилить демократический потенциал народного волеизъявления.

Пройдя с конца 1980-х через горнило различных выборов, я приобрел стойкое убеждение, что при всех еще имеющихся организационных недостатках только обеспечение свободного голосования способно мирным путем проводить преобразования в стране. Россия достаточно настрадалась от революций, от диктатуры. Своим гражданским, депутатским долгом я считал придание новых импульсов более активному участию людей в политической жизни. Очень важно было обеспечить гарантии защиты избирательных прав наших граждан.

Скажу, что работа парламентария в основном проходит не на виду: скрупулезное изучение документов, справок, источников увлекательным занятием не назовешь. Но уровень и значимость принимаемых решений заставляли меня подходить к этой рутинной, а порой и малопродуктивной, работе с особой ответственностью. Однажды нашему Комитету по конституционному законодательству довелось рассматривать изменения и дополнения в Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации». Предстояло определиться относительно введения запрета на проведение референдумов в период избирательной кампании, проводимой одновременно на всей территории Российской Федерации, или если проведение референдума Российской Федерации приходится на последний год полномочий Президента Российской Федерации либо федеральных органов государственной власти.

Выступая, я сделал упор на двух моментах. Статья 3 Конституции, например, говорит о том, что высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. По логике статьи, они равны. Но если периодичность выборов устанавливается законодательно, то период, когда можно проводить референдум, этих сроков не имеет. Обратил внимание коллег, что право на референдум не является абсолютным, что ни в коем случае нельзя противопоставлять свободные выборы референдуму, а референдум – свободным выборам. Каждая из этих величин является основой конституционного строя, а это свято.

Исходил я из того, что проведение референдума в год или за год до выборов – это уже, по сути, начало предвыборной кампании. Потому и предложил не накладывать один процесс на другой, а в спокойной обстановке готовиться к выборам, да и денег при этом можно сэкономить немало. В конце концов, размышлял я, предлагаемое изменение носит процедурный характер, определяет не само право на участие в референдуме, а период его проведения – и только. С парламентской трибуны попросил поддержать данный законопроект.

Помню, как принял участие в обсуждении закона о выборах:

– Уважаемые коллеги! Через несколько минут нам, членам Совета Федерации, необходимо принять очень важное решение:

одобрить или отклонить закон о выборах депутатов Государственной Думы. Закон этот очень важный. Я бы сказал даже, знаковый, ибо от того, как мы будем избирать и кого изберем в декабре будущего года в Государственную Думу, будет зависеть очень многое: и стабильность в нашем обществе, и принятие законов, которые действительно нам всем нужны. Короче, необходимо по этому закону избрать таких депутатов и такую Государственную Думу, чтобы она по-настоящему думала о людях, которые эту Государственную Думу будут избирать.

Отвечает ли этому представленный закон? Мнения, как вы видели, разделились. Наш комитет очень тщательно обсуждал этот вопрос. Да, не всё четко прописано. Об этом мы вчера говорили. И сегодня в этом зале звучит критика в адрес разработчиков. Я тоже считаю, что повод для критики есть. Например, не очень, по моему мнению, логично прописано, что предельная сумма всех расходов избирательного фонда кандидата не может превышать шесть миллионов рублей. Это около 180 тысяч долларов. В Государственной Думе при обсуждении этого вопроса было сказано, что, мол, чем меньше размер фонда, тем больше «грязных» денег. Полагаю, что это не совсем так. За время после прошлых выборов страна не так уж крепко разбогатела, чтобы в пять раз повышать размер этого фонда. Было сказано: кто превысит размер установленного фонда, того будем привлекать к ответственности. Для этого у нас есть избирательные комиссии и правоохранительные органы. А ведь можно привлекать и за миллион, и за два, да и за шесть...

Убежден, избирательная кампания не должна превращаться в соревнование – кто больше найдет денег в свой избирательный фонд. Считаю, что выборы должны быть недорогими, а самое главное – честными. По моему глубокому убеждению, в этом законе авторы проделали огромную работу и сделали ее добротной...

Сенат проголосовал за одобрение закона.

А в 2009 году мне довелось принять участие в «круглом столе» на тему: «Законодательство РФ о выборах: состояние, проблемы и направления совершенствования». Обсуждались, в том числе, меры по

повышению доверия граждан к выборам. Выступая, я в какой-то мере подвел определенный итог большого отрезка моей работы в парламенте:

– Сейчас дан новый импульс к усилению гарантий участия партий в выборах, повышению роли политических партий в формировании органов власти и в их работе. Достаточно сказать о мандатах для партий, получивших 5, 6 или 7 процентов голосов на выборах в Государственную Думу. Эти миллионы избирателей будут представлены на главной трибуне страны.

Мы отступили от порочной практики, когда в стране весь год практически непрерывно проводились избирательные кампании. Теперь установлен единый день голосования, и это большой плюс. Но хорошего, как говорят в народе, никогда не бывает много. Нам, законодателям, есть над чем поработать. И прежде всего, подумать о деятельности партий по информированию граждан о своей работе. Здесь необходимы четкие гарантии и законодательное регулирование. Главное, чтобы люди помнили, за кого они голосовали. Когда проводишь тестирование, приезжаешь в тот или иной район, особенно в сельской местности, буквально через несколько дней после выборов, не говоря уже о месяцах, и спрашиваешь людей, за кого они голосовали, кто их депутат, к кому они обращаются, то редко кто вспомнит. Вот ты приехал, говорят, мы тебе и зададим все вопросы.

Готовится закон о гарантированном, равном и сбалансированном информировании государственными СМИ, телеканалами избирателей о деятельности партий. Нам нужно очень четко продумать, как это дело правильно и грамотно организовать. Я недавно был на встрече с избирателями, с рабочим классом. У нас состоялся очень интересный, иногда даже веселый разговор. Спросили: а как же будете учитывать время этих телепередач? Думаю, вполне возможно очень четко все прописать. Не надо давать повода обижаться на власть! Люди интересуются, людям небезразлично то, что делается в стране, и это здорово! Значит, политическая активность наших людей растет. И мы ее поднимаем, встречаясь с людьми, рассказывая о принимаемых законах.

Советуемся – как сделать так, чтобы выбирать самых достойных.

Еще один вопрос, который задают нам избиратели: как быть, если на выборы пришли только два человека – кандидат и, например, его любимая теща? Всё вроде законно, ведь порога явки нет. Но осадок, как говорят в Одессе, остается... Здесь еще надо искать весомые аргументы. Надо более четко прописать процедуру общественного контроля за проведением выборов. Верю и знаю, что здесь всё у нас честно. Но есть партии – не буду их называть, – которые теряют голоса от выборов к выборам, но всё громче кричат, что у них избирательные комиссии крадут голоса. Нам нужно совместными усилиями, опираясь на законы, сделать так, чтобы не давать поводов для обвинений на эту тему. Будем работать на избирателей, думать об их заботах, правах и законных интересах...

Крым – наш

И коль речь зашла о референдумах и волеизъявлении народа, скажу, что одной из постоянных нитей, связывающих меня с Пермью и университетом, стал проводимый там Международный конгресс ученых-юристов. Когда юридическое сообщество в октябре 2014 года уже в пятый раз собралось для обсуждения самых актуальных вопросов развития юридической науки и проблем современного развития государства, в повестку дня был поставлен мой доклад «Основные этапы реформирования (формирования) государственного аппарата Республики Крым при принятии ее в состав России». Добровольное возвращение Крыма в состав России – важнейшее событие начала нового века, но процесс этот простым и легким назвать никак нельзя. Помимо различных политических, экономических и других аспектов, возникло немало правовых коллизий, требовавших изучения, анализа с чисто юридической точки зрения. Пермский юридический конгресс, образно говоря, шагнул в ногу со временем, включив в тематику обсуждения во-

прос об основных этапах формирования госаппарата Республики Крым при принятии ее в состав России.

– Можно ли сказать, что при отделении Крыма от Украины и присоединении его к России были нарушены международные принципы? Глубоко убежден, что нет! – сказал я, отметив, что, к сожалению, систе-

ма международных институтов и международного права не работает и находится в глубоком кризисе. В своем докладе я исходил из исторических фактов: Крым с 19 апреля 1783 года после подписания Екатериной II Манифеста о присоединении к Российской империи Крыма и Таманского полуострова был российской территорией. Волей одного человека 19 февраля 1954 года Крымская область была передана из состава РСФСР в состав СССР. Понимая сложность и непредсказуемость развития ситуации жителей Крыма, защищающих свои права и родной язык, культуру, историю, решили

провести, в полном соответствии с Уставом ООН, референдум, по итогам которого полуостров присоединился к России...

Мы обсудили вопросы интеграции новых субъектов Российской Федерации в экономическую, финансовую, кредитную и правовую систему России, в систему органов государственной власти. В докладе я говорил о принятых законах, регулирующих вопросы избирательной системы.

– Наша с вами задача, – обратился я к участникам форума, – оказать любую посильную помощь нашим коллегам в формировании государственного аппарата в Крыму с целью скорейшего становления новых субъектов Российской Федерации.

Для меня очень важна, пусть скромная, причастность к большому для страны событию. Такие обсуждения помогли мобилизовать профессиональное сообщество юристов на решение важной государственной задачи по возрождению Крыма.

Уважаемый Валерий Иванович!

Поздравляю Вас с Днём Конституции Российской Федерации!

Основной закон заложил фундамент современной российской государственности, стал гарантией стабильного и демократического развития нашей страны.

Желаю успехов в Вашей деятельности на благо сильной, свободной и процветающей России.

Здоровья и благополучия Вам и Вашим близким.

Президент
Российской Федерации

В.Путин

В борьбе с терроризмом

Есть законы, которые пишутся кровью. Хочу посвятить эту главу о работе в парламенте нашей борьбе с «чумой века» – терроризмом.

Одно из заседаний спикер Сергей Миронов начал такими словами:

– Уважаемые коллеги! Сегодня, 6 мая, – День святого великомученика Георгия Победоносца. Вы знаете, что всегда на Руси в этот день чествовали наших ратников. И в преддверии великого нашего праздника Дня Победы мы всегда вспоминаем тех, кто с честью выполнял свой воинский долг. Это очень правильная, хорошая традиция у нас на Руси. В связи с этим хотел бы поздравить с праздником наших коллег, членов Совета Федерации, которые в разное время в разных местах принимали участие в боевых действиях...

Прозвучали семь фамилий сенаторов, в том числе моя.

...А мне вспомнились те дни и мои товарищи по оружию. Чечня. 1996 год

Не скрою, это был волнующий для меня момент – поздравления, уважительные слова, сказанные друзьями. К сожалению, нам не раз приходилось начинать очередное заседание палаты минутой молчания. Уходили из жизни товарищи, происходили аварии и природные катаклизмы с гибелью людей. Но особенно горько было подниматься с места после очередного террористического акта, когда в разных регионах страны от рук преступников гибли люди. Во мне всегда жива память о днях боевых действий, участником которых мне довелось стать. Опаленный войной Грозный, запах гари, гул обстрелов, сеющих смерть, мужество одних и предательство других навсегда останутся во мне. Как и высокое чувство боевого братства.

В мае 2002 года в городе Каспийске в Дагестане от рук террористов погибло более сорока наших граждан, в том числе и дети. У меня давно сформировалось свое – пережитое и прочувствованное – отношение к событиям в Чечне и Дагестане. В числе прочих мер противостояния бандитам на Кавказе сенат принял решение об укреплении органов внутренних дел, которые будут работать в Чеченской Республике на постоянной основе. Мне было важно, чтобы поселковые, городские ОВД Чечни работали в нормальных условиях. Выступив на заседании, напомнил, что прежде существовала очень хорошая практика: регионы Российской Федерации для борьбы с терроризмом брали шефство над теми или иными неблагополучными районами Северного Кавказа, всемерно помогали милиции, населению.

Тогда восстановление органов внутренних дел в Чеченской Республике еще только начиналось – и мне было важно привлечь внимание к этому процессу не только верхней палаты, но и субъектов Российской Федерации.

Эхо Дубровки

А буквально через несколько месяцев, 24 октября 2002 года, состоялось срочное, внеочередное, девяносто пятое заседание Совета Федерации. В проекте повестки дня один вопрос: «О ситуации в связи с захватом заложников в городе Москве».

Трагические события нападения террористов в ходе мюзикла «Норд-Ост» теперь уже стали достоянием истории. В результате этого теракта погибло 117 человек. Почтив память погибших минутой мол-

чания, мы приняли «Обращение Совета Федерации к парламентам иностранных государств», в котором, в частности, говорилось:

«Террористы, захватившие заложников в городе Москве, уничтожены. Россия показала, что в стране есть силы, способные принимать решения и эти решения реализовывать. Международный терроризм, сеющий смерть и горе, не поставил нашу страну на колени. Террористы получили достойный ответ.

Совет Федерации заявляет, что действия силовых ведомств, обеспечивших спасение жизни сотен людей, заслуживают не только высокой общественной оценки, но и активной государственной поддержки.

К сожалению, освобождение заложников досталось дорогой ценой. Мы скорбим о погибших и выражаем глубокое соболезнование родным и близким жертв этого террористического акта».

Не мог я остаться равнодушным и к ситуации, сложившейся после теракта на Дубровке вокруг средств массовой информации. Всегда считал СМИ действенным механизмом влияния на общество, на каждого конкретного человека. Во многом через них складывается восприятие мира у людей, они зачастую и определяют оценку различных событий. И нередко могут служить обоюдоострым оружием. У меня сложились добрые, взаимно уважительные отношения с прессой, со многими представителями профессии «журналист». Поэтому пристрастно вчитывался в предложенные на заседании 13 ноября изменения, вносимые в Федеральный закон «О борьбе с терроризмом». Они были направлены на противодействие информации, распространение которой через СМИ могло идти на пользу террористам и их пособникам.

Известно, что в первые часы трагических событий на Дубровке генеральный директор проекта «Норд-Ост» Александр Цекало давал в прямом эфире интервью, и корреспондент из него вытянул информацию о плане здания клуба, в котором обозначены все подходы, выходы, коммуникации.

Необходимо было впредь предотвращать подобные «утечки», наложить вынужденные ограничения на работу журналистов в условиях антитеррористических операций. Новая редакция статьи 15, в частности, запрещала «распространение сведений, содержащихся в высказываниях лиц, направленных на воспрепятствование проведения специальных операций органами правопорядка, пропаганду и оправдание

проведения таких операций». Нельзя раскрывать «специальные технические приемы и тактику проведения операций, персональные данные о сотрудниках спецподразделений и членах оперативного штаба, о лицах, оказывающих содействие в проведении операций, без их согласия, давать информацию, создающую угрозу жизни и здоровью людей, оказавшихся в зоне проведения контртеррористической операции или находящихся в пределах указанной зоны».

Выступая по этому поводу в сенате, я отметил, что речь не идет о покушении на творческие начала в деятельности журналистов. Закон должен более четко рассматривать те разумные рамки, в которых предстоит работать представителям средств массовой информации. Как заметил один мой коллега: «Закрывать рот журналистам – это будет уже другая крайность». Внося предложение одобрить изменения в законы «О средствах массовой информации» и «О борьбе с терроризмом», я сделал упор на проблемах правоприменительной практики, подчеркнув, что нам предстоит внимательно следить за этим, помогая журналистам выполнять свой профессиональный долг.

Трагедия Беслана

В сентябре 2004 года мы с Галиной Михайловной отдыхали в Сочи, в санатории имени Дзержинского. Лето, море, пальмы... На этом безмятежном фоне громко прозвучало сообщение по телевидению о страшной трагедии в Республике Северная Осетия – Алания. 1 сентября, в День знаний, когда миллионы школьников с букетами цветов вместе с родителями и близкими шли на торжественную линейку, в одной из школ произошли события, которые впоследствии были названы самыми трагическими в новейшей истории нашей Родины.

Я сразу позвонил Председателю Совета Федерации Сергею Миронову:

– Может быть, мне выехать туда? Я не так далеко от Беслана – километров семьсот, возьму машину, постараюсь быстро доехать.

Через некоторое время раздался звонок от Сергея Михайловича:

– Пока не надо. Ситуацией занимаются на высшем уровне, будут приняты самые неординарные меры по освобождению заложников и ликвидации террористов.

То, что пережили тогда страна, жители Беслана, потребовало от всех властей – и законодательной, и исполнительной – непредвзятого и объективного расследования. Поэтому с началом работы Совета Федерации было решено **впервые в истории нашего парламентаризма** создать парламентскую комиссию по расследованию причин и обстоятельств совершения террористического акта. И она была сформирована с участием депутатов обеих палат Федерального Собрания.

От Совета Федерации в нее вошли девять человек, в том числе и я. Председателем комиссии был утвержден первый заместитель Председателя Совета Федерации Александр Порфирьевич Торшин. Когда состоялось первое собрание, то перед нами была поставлена задача не только установить достоверные обстоятельства совершения террористического акта, проанализировать действия органов государственной власти, должностных лиц, но и подготовить предложения по недопущению подобных терактов в нашей стране.

Беслан. Наша комиссия в разрушенной бандитами школе

Комиссия постановлениями обеих палат была наделена очень большими полномочиями: запрашивать и получать информацию, документы, материалы от граждан, государственных органов, должностных лиц, приглашать на заседания нашей комиссии должностных лиц любого ранга, представителей органов государственной власти.

Мы часто выезжали в Беслан, во Владикавказ и Ростов, проехали маршрутом, где бандиты квартировали и готовились к преступлению. Всего членами комиссии было опрошено более тысячи человек. Пришлось мне вновь побывать в Республике Ингушетии, в Чеченской Республике. На «горячие» телефонные линии нам поступило полторы тысячи звонков.

Помню, как Алексей Венедиктов, главный редактор «Эха Москвы», очень критично отозвался о дееспособности нашей комиссии:

– ...Да никого они не будут опрашивать. Это делается для проформы. Если они допросят первых лиц государства, ФСБ, милицию, правительство, то я готов съесть шляпу.

Не уверен, что журналист исполнил обещанное, узнав впоследствии, что на заседании парламентской комиссии были опрошены 45 высших руководителей федеральных органов власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, прокуратуры, правоохранительных органов.

Мне, как члену этой уникальной комиссии, принципиально важно восстановить ход работы в подробностях. Повторю, это был первый опыт парламентского расследования в нашей стране.

Итак, нами опрошены: Михаил Ефимович Фрадков – Председатель Правительства Российской Федерации; Александр Дмитриевич Жуков – заместитель Председателя Правительства; Владимир Анатольевич Яковлев – полномочный представитель Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе; Михаил Юрьевич Зурабов – министр здравоохранения и социального развития; Игорь Сергеевич Иванов – секретарь Совета безопасности Российской Федерации; Михаил Маргелов, Дмитрий Рогозин – депутаты Государственной Думы, которые побывали в Беслане; Асламбек Аслаханов – советник Президента Российской Федерации; Николай Платонович Патрушев – директор Федеральной службы безопасности; Владимир Егорович Проничев – первый заместитель директора ФСБ; Владимир Анисимов – заместитель директора ФСБ; Андрей Тихонов – начальник Центра специального назначения ФСБ; Рашид Гумарович Нургалиев – министр внутренних дел Российской Федерации; его заместитель Михаил Паньков; Юрий Николаевич Балуевский – начальник Генерального штаба, первый заместитель министра обороны; Владимир Ильич Колесников и еще три заместителя Генерального прокурора РФ; Александр Сергеевич Дзасохов – президент Республики Северная Осетия – Алания; Михаил Зязиков – президент Республики Ингушетия; Тимур Мамсуров – председатель парламента Республики Северная Осетия; Руслан Аушев – председатель Комитета по делам воинов-

интернационалистов; Михаил Гуцериев – президент компании «РуссНефть»; Леонид Рошаль – директор Московского НИИ неотложной детской хирургии...

И я назвал не все громкие фамилии. Данный список свидетельствует, что комиссия имела очень большие властные полномочия, и мы до тошно, буквально по три-четыре часа с каждым из этих руководителей беседовали, опрашивали их. Для воссоздания целостной картины событий комиссии была предоставлена возможность допросить и единственного оставшегося в живых террориста – участника захвата школы Нурпаши Кулаева, который оперативной боевой группой был задержан при попытке выйти из школы вместе с заложниками.

Мы, четверо парламентариев, несколько часов беседовали с Кулаевым. Поначалу он замкнулся, но все-таки удалось его раскрутить, и он признал, что принимал самое активное участие в захвате школы. А потом, словно опомнившись, террорист пытался нас разубедить, что, мол, совсем случайно туда попал и вел себя, как овечка...

Впрочем, в задачи нашей комиссии не входило установление виновности или невиновности тех или иных организаций, лиц, в том числе и должностных, так или иначе причастных к случившемуся. Важно было собрать наиболее полные данные о невероятно тяжком преступлении, провести анализ причин и следствий трагедии, чтобы она не смогла повториться.

Резонанс в стране и обществе на события в Беслане был велик. Достаточно сказать, что в комиссию поступило 545 письменных обращений. Тяжелым психологическим испытанием для меня стало общение – целыми днями, с утра до вечера – с живыми участниками трагедии. Мурашки ползли по коже, когда люди рассказывали, как теряли своих близких, детей, родных, а сами случайно выжили... Нам, членам комиссии, честно скажу, тоже надо было иметь мужество слушать их, спрашивать этих потрясенных потерями и пережитым ужасом людей. Особенно нелегко мне вспоминать, как неоднократно приходилось самому на площади перед опаленной штурмом школой № 1 встречаться с родственниками погибших. Приходили по 400–500 человек, для которых тот праздничный день обернулся настоящим адом. Не забуду никогда глаза этих людей...

Вот что писала о Беслане журналистка Анна Политковская в «Новой газете» (декабрь 2004 г.):

«Наконец кто-то “большой” приезжает. От власти появляется Владимир Ходов, у кого замом Русик. С Ходовым – еще кто-то седовласый, представительный. <...>

Седовласый не выдерживает – берет слово. Он оказывается сенатором, членом Совета Федерации от Вологодской области Валерием Фёдоровым и членом той самой парламентской комиссии Торшина по Беслану. На сей раз сенатор Фёдоров приехал в Беслан не в связи с поиском правды, а за детьми, которые были в заложниках, чтобы увезти их чартерным рейсом прямо на родину русского Деда Мороза – в Великий Устюг. Но во дворе Первой школы сейчас на митинге те, кому некого отправить в Великий Устюг, и они требуют хоть каких-то объяснений...

– Мы провели 14 заседаний комиссии... Мы допросили более 400 человек... Мы получили 654 письма от жителей Беслана и Северной Осетии... К нам обратились 859 человек... Каждый четверг выходит пресс-релиз о работе комиссии... Допрошены причастные руководители – вице-премьер правительства Александр Жуков, министр здравоохранения Зурабов, Нургалиев, Яковлев, руководство МЧС Северной Осетии, Дзантиев, Андреев...

– А как же президент? А Патрушев? Эти-то, главные, допрошены?

– Мы сделаем всё и найдем виновных, – продолжает Фёдоров. – Я честно говорю: у парламентской комиссии есть и силы, и желание, мы скажем, кто виноват. Они обязательно за все ответят...

Женщины рыдают. Рита Седакова кричит: “В каком аду мы горим!”. И Фёдоров не выдерживает, он снимает шапку, его седые волосы сливаются с цветом снега во дворе школы. Он говорит о своей маме:

– Вы думаете, я посмею вам врать? У меня была мама, она мне говорила: “Не опозорь меня, сынок!”. И я ее не опозорю. Правда будет!

И люди, измученные трауром и многомесячными чиновничьими измывательствами, тут же открывают сердца навстречу человеку. “Мы верим тебе”, – звучит над толпой».

Хочу еще раз от себя принести искренние соболезнования жителям Беслана, потерявшим своих родных и близких. И, конечно, вечная память безвинно погибшим детям, учителям, родителям. Вечная память

бойцам спецназа, сотрудникам МЧС, которые сделали всё для того, чтобы уменьшить потери среди заложников. Двенадцать человек погибли смертью храбрых при ликвидации бандитов. Их подвигом были спасены 811 заложников, из которых 547 – дети.

Мы всегда будем помнить личное мужество сотрудников органов безопасности, органов внутренних дел, МЧС, военнослужащих 58-й армии, проявленное ими при исполнении служебного и гражданского долга. Большая благодарность и медикам, и бесланцам, которые с охотничьими карабинами и ружьями в руках рвались принять участие в освобождении своих земляков.

По следам преступления

Важными условиями для членов комиссии были открытость и максимальная гласность в работе. Мы провели более сорока брифингов для представителей общероссийской и региональной прессы. Говорили об обстоятельствах совершения террористического акта. Эту памятную мне хронологию событий и хотел бы поведать читателям.

Итак, нами было установлено, что еще в августе 2004 года Масхадов, Басаев, Абу Дзейт (Тауфик аль-Джедани, он же Абу Омер аль-Кувейти) сформировали вооруженную банду для совершения теракта на территории Республики Северная Осетия. На случай неудачной акции в Осетии Абу Дзейт подготовил резервную группу в составе 11 боевиков под командованием Хатуева, которые должны были захватить школу в станице Нестеровской Сунженского района Республики Ингушетия. Таким образом, террористы нацелились на школу № 1 в Беслане и среднюю школу в станице Нестеровской. Основную группу возглавил Р. Хучбаров по прозвищу Расул. Особенно циничным и мерзким в этих планах было то, что датой теракта боевики назначили первое сентября, время – проведение торжественных мероприятий с массовым участием детей.

Мы выяснили, что с 25 по 31 августа 2004 года в лесном массиве близ села Пседах Малгобекского района Республики Ингушетия Р. Хучбаров собирал участников теракта. В банду входило 34 боевика, личности двоих так и не были установлены, они остались в лагере для связи. Вооружение – самодельные взрывные устройства осколочного

поражения, гранатометы, противопехотные выпрыгивающие мины круглого поражения, стрелковое оружие, ручные гранаты.

31 августа с наступлением темноты на автомобиле ГАЗ-66 группа направилась в сторону села Инарки Малгобекского района Ингушетии. Проехав его, остановилась на ночлег в лесном массиве. Ясно, что боевики заранее произвели разведку всего маршрута движения.

В 9 часов 5 минут автомашина с боевиками въезжает во двор средней школы № 1. Стреляя из автоматов, террористы окружают собравшихся во дворе школы на торжественную линейку и, избивая их прикладами, оттесняют к стенам спортзала и окнам коридора, выходящим в школьный двор, принуждая забегать в здание. Однако часть людей, слава богу, успели покинуть территорию школы в первые минуты нападения.

Из показаний свидетеля Л. А. Цалиевой: *«Звонка еще не давали. Первый звонок обычно дают первоклассница и одиннадцатиклассник. Я посмотрела на свою школу: это было что-то необыкновенное – цветы, дети все красивые. Вдруг крики, шум, гам и вооруженные люди с какими-то рюкзаками в черных масках. Я сразу не определила, что это может быть такое. Обычно у нас бывают учения при пожаре и так далее. Но когда увидела, что их уйма – человек 20, это точно, они нас окружили, всю школу окружили стрельбой и стали всех загонять в школу через две двери: через дверь в зал и через наш основной вход. Они это сделали очень быстро».*

Из показаний свидетеля Т. В. Светловой: *«Первые мои слова были: "Нашли время учения проводить". Дети сразу около меня сгрудились. Бандиты на глазах у детей хладнокровно расстреливают двух жителей Беслана – Гаппоева Руслана и Фраева Руслана»...*

Президент республики Александр Сергеевич Дзасохов позвонил президенту страны, были оповещены министры внутренних дел, обороны, МЧС, начальник ФСБ. Буквально через пару часов Дзасохов докладывает об оперативной обстановке Владимиру Владимировичу Путину. Глава государства требует принять все возможные меры для освобождения заложников мирным путем. Было проведено совещание у президента с участием Генерального прокурора Устинова, министра внутренних дел Нургалиева, директора ФСБ Патрушева. Первый заме-

ститель директора ФСБ генерал-полковник Проничев направлен для проведения контртеррористической операции. А МВД создает временный оперативный штаб во главе с Паньковым. Срочно принимался комплекс организационных мер. Началась борьба за спасение заложников.

Передо мной – обзорный доклад парламентской комиссии по расследованию причин и обстоятельств совершения террористического акта в городе Беслане в Республике Северная Осетия – Алания 1–3 сентября 2004 года. Не буду его пересказывать, только отмечу, что уже около 19 часов 1 сентября в Беслан прибыли оперативно-боевые группы Центра спецназначения ФСБ России во главе с генерал-полковником Александром Евгеньевичем Тихоновым, создан штаб оперативно-боевого подразделения по планированию, подготовке и обеспечению силовой фазы контртеррористической операции.

Еще не было известно вероятное количество заложников. Обучалось в школе с первого по одиннадцатый класс более 800 детей. А точное количество захваченных террористами людей определить сразу было невозможно, поскольку многие пришли с родственниками, друзьями, даже с грудными детьми. Вскоре было установлено, что большинство террористов проживало в Ингушетии. ФСБ России выступило с инициативой привлечь к переговорам бывшего президента Республики Ингушетия Руслана Аушева и Михаила Гуцериева. Включили в состав переговорщиков и доктора Рошаля, который установил контакт с террористами по телефону.

Президент Владимир Владимирович Путин откладывает запланированный ранее на 2–3 сентября официальный визит в Турцию.

Шел поиск путей и методов, чтобы выйти на Аслана Масхадова и одного из авторитетных бандитов – Закаева. Дзасохов связывается с Закаевым по телефону, и тот обещает довести до сведения главы Чечни Масхадова предложения по освобождению заложников. Тут стоит заметить, что об этом уже дважды шла речь в разговоре журналистки Анны Политковской с Закаевым 1 сентября. Тот обещал ей сделать ряд шагов, но никаких реальных действий не предпринял.

Наша комиссия особо подчеркнула, что Аслан Масхадов, несмотря на поступившие в его адрес обращения, на связь с членами оператив-

ного штаба или руководством Республики Осетия – Алания не выходил и не вступал в переговорный процесс по поводу освобождения заложников. Зато террористы в целях шантажа связались по телефону с председателем парламента Республики Северная Осетия – Алания Т. Д. Мамсуровым и предложили ему поговорить с сыном, который находился в заложниках.

Из показаний свидетеля Руслана Аушева: *«Мамсуров так мне сказал: “Если они будут отдавать только моих детей (а там у него были дочка и сын), то брать их не надо, но, если будут отдавать со многими людьми и детьми, тогда мы сможем их вывести”».*

С горечью спрошу: а откуда боевики узнали, что у председателя парламента находятся двое детей в этой школе?..

Да из средств массовой информации. СМИ, как только выяснили, что у второго лица республики там захвачены дети, раструбили во все колокола. Первой опубликовала эти данные газета «Московский комсомолец». Что не могло не дойти до боевиков.

Руслан Аушев приезжает в Беслан. Подключается к переговорам. Просит у террористов разрешение доставить в школу воду и продукты питания. Бандиты по-прежнему непреклонны, но соглашаются на встречу с Аушевым без Гучериева.

В это время уже прибыла региональная группа спецназначения, численностью 75 человек. Начинают готовиться к штурму. Приезжает советник Президента Российской Федерации Асламбек Аслаханов, он по телефону обещает боевикам лично доложить президенту о выдвигаемых ими условиях. Террористы предлагают Аслаханову прийти на встречу вместе с Аушевым. В 16 часов они входят в здание школы.

По свидетельству очевидцев, боевики оповестили заложников, которые находились в спортивном зале, что к ним сейчас зайдет «большой» человек, и потребовали, чтобы не было жалоб, иначе сразу же расстрел. Аушев предлагает организовать вывоз тел погибших, но террористы отказывают и в этом. В учительской на втором этаже Руслан проводит переговоры с главным бандитом Хучбаровым. Тот передает записку, адресованную президенту Путину, якобы от имени Басаева, с требованием вывода объединенной группировки сил по проведению контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе.

Хучбаров угрожает, что если будет убит хоть один из боевиков, они расстреляют 50 заложников, если кто-то будет ранен, то расстреляют 20 человек. Помимо этого, он предупреждает: если по телефону будут обращаться иные лица, кроме членов оперативного штаба Гучериева и Аушева, то за каждый звонок расстреляет заложника. Главарь в разговоре подчеркнул, что они, мол, учли ошибки при захвате «Норд-Оста» и в школе установлены мины новой модификации, а внешнее наблюдение осуществляется с помощью видеокамер. При этом он предупреждает, чтобы федеральные власти не пытались угрожать им захватом родственников.

Во время переговоров Аушева с Хучбаровым в комнату вводят директора школы Лидию Александровну Цалиеву. По ее словам, в школе 1200 заложников. Хучбаров немедленно уточняет эту цифру до 1020. К концу переговоров с террористом Аушеву удалось договориться об освобождении 11 матерей с детьми в возрасте до двух лет, получить согласие на выдачу тел убитых заложников-мужчин и их вывоз четырьмя сотрудниками МЧС.

Из показаний свидетеля Руслана Аушева: *«Бандиты, конечно, были взвинченные. Потом они говорили, что ошибки “Норд-Оста” учли. А здесь уже окна были все заставлены шкафами и так далее. Я им говорю: “Грудных детей отпусти”. Он думал, думал и сказал: “Ладно, отпущу”. И дал команду своим связистам, они по залу прошли, и из этих комнат набралось 15 детей. С ними были матери... Последняя выходила, она двоих несла. Потом я детей взял, и последний ребенок – девочка лет 12. Она последняя выходила с грудным ребенком. Они ее остановили и сказали: “Тебе нельзя”. Я у нее забрал ребенка и спросил: “Чей это сын? Как его зовут?” – и отдал МВД».*

Что еще было? Я говорю: “Дайте воды и хлеба заложникам”. Они говорят, что заложники добровольно отказались. И директор школы сказала: “Да, Руслан Султанович, мы добровольно приняли сухую голодовку”. Понятно, что она под автоматом все, что угодно, скажет».

Комиссия отметила, что после ухода Аушева отношения боевиков и заложников резко ухудшаются. Их перестают водить в туалет, непрерывно угрожают выстрелами вверх и грозятся всех уничтожить. Мы установили, что Хучбаров предупредил членов банды: если кто-нибудь

из его подчиненных даст заложникам еду или воду, он лично убьет этого боевика. Хучбаров требовал от боевиков отстреливаться до последнего, а в случае необходимости всем уйти в зал и взорвать его вместе с заложниками. И неустановленный член банды, руководствуясь этим разработанным планом, привел в действие установленное в спортивном зале самодельное взрывное устройство.

Сразу же после взрывов Гуцериев связывается с террористами и пытается успокоить их, объясняя, что это не штурм. И получил ответ: «Мы пришли сюда умереть, нам ничего не надо. Аллах акбар!».

3 сентября в 13 часов 4 минуты террористы открывают огонь по убегающим людям и спасателям. Убит спасатель Корнилин, двое других эмчезсников ранены. Впоследствии один из них – Замараев – от полученной раны скончался. Оставшихся в зале заложников боевики начинают расстреливать в упор.

Руководитель оперативного штаба Валерий Андреев в 13 часов 10 минут отдает приказ о проведении операции по спасению заложников. Снайперы, входящие в состав группы разведки и наблюдения, по команде начальника ЦСН ФСБ России Тихонова открывают прицельный огонь на поражение террористов, прикрывая эвакуацию заложников. Две оперативно-боевые группы Центра ФСБ России, находящиеся на полигоне 58-й армии, выдвигаются в Беслан.

Через окна тренажерного, гимнастического зала, примыкающего к спортивному залу с севера, в школу врываются первые бойцы Центра спецназначения. Пробив брешь между залами, сотрудники и гражданские лица проникают в спортивный зал. Они обнаруживают в зале множество раненых и контуженных. Боевиков в зале нет. Начинается эвакуация раненых в больницы Беслана и Владикавказа. Было отдано распоряжение об уничтожении боевиков при попытках прорваться сквозь кольцо блокирования. Завершается эвакуация заложников из спортивного зала в 13 часов 40 минут. Прибывают пожарные расчеты к месту пожара в 15 часов 25 минут. Начинается эвакуация раненных сотрудников Центра спецназначения. Больницы города Беслана и Владикавказа начинают принимать раненых.

В 17 часов 25 минут – минута молчания. Сотрудники Центра спецназначения ФСБ в здании школы прощались с погибшими товари-

щами. Первым при подходе к зданию школы, прикрывая огнем убегающих заложников, боевиками был убит подполковник **Дмитрий Разумовский**.

Спасая двух спрятавшихся от бандитов детей, в бою с пулеметным расчетом боевиков смертельно ранен майор **Роман Катасонов**.

Остановливая боевиков, пытавшихся прорваться по лестнице на второй этаж, получил осколочное ранение прапорщик **Денис Пудовкин**. Несмотря на ранение, он продолжал спасать заложников. Погиб, закрыв собой женщину с ребенком.

Освобождая заложников, в школе погиб подполковник **Олег Ильин**.

Убит лейтенант **Андрей Туркин**. Спасая людей, он накрыл своим телом брошенную террористом гранату.

Выводя заложников под пулеметным огнем боевиков, погиб прапорщик **Олег Лоськов**.

В ближнем бою с бандитами погиб майор **Вячеслав Маляров**.

Майор **Андрей Велько** получил смертельное ранение, прикрывая своих товарищей.

Умер по дороге в госпиталь тяжело раненный майор **Кузнецов**, спасший более 20 человек.

Майор **Александр Перов** получил смертельное осколочное ранение, спасая от разрыва гранатой трех заложников.

Вечером, уже около 19 часов, Дзасохов докладывает обстановку президенту Путину. А 4 сентября по распоряжению руководителя оперативного штаба здание школы было передано под контроль подразделению 58-й армии.

Раны, которые не заживают

В 13 часов 30 минут 4 сентября президент прибывает в Беслан. Путин сразу едет в районную больницу, где находятся пострадавшие от террористов. Затем в администрации Правобережного района проводит совещание с участием руководителей организаций и членами оперативного штаба. Президент отметил, что, к сожалению, республика не первый раз подвергается атакам террористов, но этот террористический акт является беспрецедентным по своей жестокости, потому что объектом нападения бандитов стали дети. По словам Владимира Вла-

димировича, этот акт имел очевидную направленность – посеять межнациональную вражду и взорвать Северный Кавказ.

Вернувшись в Москву, президент выступил с Обращением к народу, где заявил о подготовке комплекса мер, направленных на укрепление единства страны. В частности, он заявил:

«Считаю необходимым создать новую систему взаимодействия сил и средств, осуществляющих контроль ситуации на Северном Кавказе... Необходимо создать эффективную антикризисную систему управления, включая принципиально новые подходы к деятельности правоохранительных органов. Особо отмечу, что все эти меры будут проводиться в полном соответствии с Конституцией... Мы вместе переживаем очень тяжелые, скорбные часы. Невозможно примириться с большой потерей. Но испытания еще больше сблизили нас, заставили многое переоценить. Сегодня мы должны быть вместе, только так мы победим врага».

В своем расследовании, зафиксированном в докладе, парламентская комиссия рассмотрела действия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти и органов местного самоуправления Республики Северная Осетия – Алания. Не буду давать им оценку, но должен отметить некоторые, кажущиеся на первый взгляд второстепенными, обстоятельства.

Почему там оказалось так много маленьких детей, не только школьников? Ведь были соответствующие предписания и план работы служб города в особый период. Однако администрация города Беслана не выполнила эти предписания.

Скажу, о чем громко не говорили: 1 сентября в Беслане из девяти детских садов четыре не работали, потому что не были вовремя подготовлены к работе в осенне-зимних условиях. В них продолжался профилактический ремонт, который должен был закончиться еще 25 августа. По мнению нашей комиссии, это стало причиной присутствия на территории средней школы большого количества детей дошкольного возраста.

Мы пришли к выводу, что органы государственной власти республик и органы местного самоуправления не уделили должного внимания организации практических мер по борьбе с терроризмом, не обес-

печив контроль исполнения соответствующих нормативных актов. Очень слаженно действовали сотрудники Центра специального назначения ФСБ. Они, спасая заложников, прикрывали их своими телами, проявляя при этом героизм и отвагу. В здании школы погибли 10 бойцов, и 41 боец получил ранения.

Однако у нас вызвали ряд вопросов действия местных органов. По поручению руководства комиссии я изучал, как складывалась ситуация, как принимались управленческие решения в ходе операции со стороны руководства МВД и руководителей подразделений органов внутренних дел, которые были задействованы в Беслане.

Должен объективно отметить, что МВД России еще в августе отдало распоряжение – перейти на усиленный вариант несения службы, усилить контроль за гражданскими и военными объектами, принять меры по ужесточению пропускного режима, усилить охрану федеральных трасс, которые могли быть использованы незаконными вооруженными формированиями для провоза средств террора, минуя КПП. Был там пункт и по усилению охраны школ. А 24 августа 2004 года министр внутренних дел Р. Г. Нургалиев направил в адрес руководителей территориальных органов указание разработать спецплан обеспечения правопорядка и общественной безопасности в День знаний 1 сентября 2004 года. Он обязал утвердить расчеты задействованных сил и средств, определить алгоритмы действий в случае осложнения, провести проверки общеобразовательных учреждений и прилегающих к ним территорий с применением технических средств и розыскных собак.

Как член комиссии подтверждаю, что 31 августа в МВД России поступила оперативная информация о возможности совершения терактов 1 сентября во время праздничных мероприятий. Министр внутренних дел Рашид Гумарович Нургалиев дал указание своему первому заместителю генерал-полковнику милиции Александру Алексеевичу Чекалину срочно направить в Главные управления МВД России по федеральным округам, ОМВД и УМВД субъектов и управлениям внутренних дел на транспорте телеграмму о принятии экстренных мер. В ней требовалось срочно принять ряд дополнительных мер. Особое внимание уделялось защите учебных заведений, мест

проведения массовых мероприятий, предписывалось максимально увеличить численность нарядов патрульно-постовой службы, ГИБДД и других служб, поставить конкретные задачи по отражению террористической угрозы личному составу. Исполнение принимаемых мер возлагалось лично на руководителей региональных органов внутренних дел.

Проанализировав данную шифровку, опросив должностных лиц органов внутренних дел различного ранга, я, как член комиссии, сделал вывод, что деятельность руководства МВД России соответствовала складывающейся обстановке, а территориальные подразделения в субъектах получили необходимые указания, четкое исполнение которых органами внутренних дел республики могло бы существенно снизить вероятность захвата заложников в городе Беслане.

Сотрудники оперативного подразделения Малгобекского РУВД располагали данными о передвижениях в лесном массиве вблизи сел Кадат, Ногир и Сагопши группы вооруженных людей. Однако проведенные оперативно-розыскные мероприятия эту информацию как бы не подтвердили, хотя на самом деле...

Участник террористической группы Кулаев, когда мы говорили с ним в следственном изоляторе Владикавказа, показал, что лагерь боевиков был расположен в лесу у села Пседах на расстоянии около 500 метров от окраины села и не далее 70 метров от дороги. В лагере боевики никого не остерегались, жили в палатках, громко разговаривали, смеялись, разжигали костры, жарили мясо. Они свободно заходили в село Пседах. 31 августа, накануне нападения в Беслане, один из руководителей боевиков встретился с Кулаевым у магазина: двое вооруженных автоматами мужчин в масках открыто, у всех на виду, сидели в салоне автомобиля ВАЗ-2110. Из разговора с ними Кулаев узнал, что эти люди несколько дней искали его брата в селах Пседах и Сагопши, то есть боевики прожили в лагере не одни сутки.

Неизбежным был вывод комиссии, что руководство Республики Ингушетия фактически самоустранилось от контроля за исполнением указаний МВД и Главного управления по Южному федеральному округу об организации поиска и обезвреживании бандитов имеющимися подразделениями. Мы прямо написали в докладе, хоть это неприятно

кому-то было читать: все факты наглядно показывают, что руководство МВД республики не предприняло активных действий по выявлению бандформирований и пресечению их деятельности. Проявился системный характер халатного отношения ряда сотрудников органов внутренних дел республики к своим обязанностям. Именно это обстоятельство и позволило большой группе бандитов несколько дней беспрепятственно находиться вблизи села и свободно перемещаться по территории района.

А как обстояли дела в Министерстве внутренних дел Республики Алания? Был издан приказ от 27 августа об охране общественного порядка и безопасности в День знаний в общеобразовательных учебных заведениях в Республике Северная Осетия – Алания. Приказ содержал правильные требования по обеспечению правопорядка, в частности закрепление за каждым образовательным объектом ответственного лица, организацию патрулирования, определение маршрутов и так далее. Начальникам надлежало лично провести инструктаж сотрудников. Однако организация выполнения этого приказа оставляла желать лучшего.

Я уже упоминал, что из МВД РФ еще одна предупредительная телеграмма была направлена в 18 часов 31 августа. Согласно записи в журнале МВД республики, она была получена и зарегистрирована в 21 час. После регистрации, через 5 минут, инженер спецсвязи, младший лейтенант, передал папку с телеграммой в приемную министра. Но только на следующий день, 1 сентября, около 8 часов утра этому лейтенанту позвонили из приемной министра с указанием забрать папку с телеграммой, на которой стояла резолюция министра внутренних дел Республики Северная Осетия – Алания: «НШ НСОБ заместителям к исполнению. 1 сентября 2004 года. Дзантиев».

В 9 часов 15 минут телеграмму передали для ознакомления начальнику штаба. Кого и когда далее знакомили с телеграммой? Следующие резолюции и подписи об ознакомлении руководителями датируются 1, 2 и 5 сентября. То есть срочные указания поступили к исполнителям уже в то время, когда боевики школу захватили. Руководство республики не воспользовалось реальной возможностью в течение 12 часов перегруппировать силы и средства по охране учебных заведений ре-

спублики, довооружить и дооснастить специальными средствами личный состав органов внутренних дел.

Поинтересовался я, как действовали и другие руководители нашей милиции. Например, ГУВД Краснодарского края реагировало своевременно. Телеграмму там получили 1 сентября в 2 часа ночи. Через 23 минуты о ней доложили начальнику ГУВД С. А. Кучеруку, через 40 минут – начальнику милиции общественной безопасности, а потом начальнику штаба и остальным руководителям.

Руководство Волгоградской области действовало так же. В Главном управлении внутренних дел немедленно приняли экстренные меры и оперативные решения.

Речь не о формализме: в нашей нелегкой службе нередко бывает так, что от четкой исполнительской дисциплины зависит жизнь людей.

Анализируя ситуацию, я убедился: школу в Беслане, в принципе, никто ведь и не охранял. А согласно предписанному варианту, здесь должны были быть минимум три сотрудника. Начальник РОВД М. С. Айдаров 26 августа так и указал в соответствующем приказе: в средней школе № 1 должны обеспечивать порядок три сотрудника. Но инструктаж при их заступлении на пост проводил не начальник отдела внутренних дел, а руководитель отдела участковых уполномоченных и отдела профилактики несовершеннолетних. Так в школе оказалась одна дежурная – майор милиции Ф. М. Дудиева. Табельное оружие она не получала. Пришла в школу около 8 часов 40 минут и оказалась в заложниках. Она сумела скрыть свою принадлежность к органам внутренних дел, сняв форменную рубашку и надев мужской пиджак, который ей дал незнакомый мужчина. Во время операции по освобождению майор Дудиева получила ранение.

Но ведь, согласно расчету сил и средств, возле школы должен был находиться еще экипаж дорожно-патрульной службы из двух человек. Однако по указанию, поступившему из МВД республики, экипаж был направлен на федеральную автомобильную трассу для обеспечения беспрепятственного проезда кортежа президента Республики Северная Осетия. И поста ГАИ, который должен был стоять перед школой на автомашине, не оказалось на месте.

Инспекторы-кинологи должны были в соответствии с полученным распоряжением провести со служебно-розыскными собаками обследо-

вание школ. Но и это не было сделано. Кинолог отнесся к задаче спустя рукава. Мне он объяснил, что осмотрел только школьные территории и составил в двух экземплярах один акт на все школы, да еще, к тому же, сам он «находился в отпуске». А сторож школы заявили, что 31 августа вообще не видели никого из работников милиции на территории учебных заведений...

«Несмотря на то, что республика является регионом со сложной оперативной обстановкой, руководство МВД республики не сделало никаких практических выводов из предыдущих терактов, повлекших большие человеческие жертвы. По мнению парламентской комиссии, изложенные факты убедительно подтверждают, что руководство МВД Республики Северная Осетия не приняло исчерпывающих мер, для того чтобы не допустить беспрепятственного проникновения группы террористов на территорию средней школы № 1 города Беслана и захвата заложников», – говорилось в выводах комиссии.

Да, одни проявляют героизм, другие, к сожалению, – бестолковость, наплевательское отношение к служебным обязанностям. Генерал-полковник Паньков, руководитель МВД России по Южному федеральному округу, 7 октября утвердил заключение служебной проверки: за допущенную халатность при организации оперативной служебной деятельности, ненадлежащее исполнение своих обязанностей в отношении ряда руководителей РОВД предлагалось решить вопрос о предупреждении о неполном служебном соответствии и возбуждении уголовного дела по части третьей статьи 293 Уголовного кодекса – халатность.

Для установления степени вины полковника Малгобекского РОВД М. Евлоева в связи с ненадлежащим исполнением обязанностей была направлена копия служебной проверки в прокуратуру Республики Ингушетия для принятия решения в соответствии с УПК. А после завершения специальной операции по освобождению заложников подал рапорт об отставке министр внутренних дел Республики Северная Осетия – Алания Казбек Борисович Дзантиев.

Заканчивая рассказ, отмечу, что наша комиссия работала в течение двух лет. Это был особый – напряженный, очень нелегкий период моей жизни, потому что пришлось с головой окунуться в страшные

события, встречаться с родственниками погибших, видеть боль и страдания. Когда мы прилетали в Беслан из аэропорта Владикавказа, сразу же ехали на траурное место, где вместе похоронены невинно убиенные дети и взрослые.

Первая парламентская комиссия отметила, что оперативный штаб выделил основным направлением организацию и ведение переговорного процесса с террористами для освобождения и спасения максимально возможного количества людей без силовой операции. Мы пришли к выводу, что существующая система силового противодействия террористам не позволила в полной мере обеспечить защиту населения и территории от террористической угрозы нового типа. В первую очередь, это выразилось в неспособности своевременно выявлять, предупреждать и пресекать теракты, а также в отсутствии целенаправленных мер организационно-управленческого, правового, материально-технического и иного характера, адекватных складывающейся оперативной обстановке. В нашем заключении были расписаны административные, организационные и информационно-идеологические меры по противодействию. Мы обратили внимание и на социально-экономические аспекты проблемы.

Комиссия заявила, что террористы в Беслане продемонстрировали всему миру беспредельный цинизм и жестокость, окончательно поставив себя вне общечеловеческих норм и морали. Нет прощения убийцам детей, какими бы лозунгами они ни прикрывались!

Чтобы не повторилась беда...

Принятые после теракта на федеральном уровне правовые акты значительно изменили существовавшую систему противодействия терроризму. Вышел Указ Президента «О мерах по противодействию терроризму», принят Федеральный закон «О противодействии терроризму», образован Национальный антитеррористический комитет.

...С той поры прошло немало времени. За эти годы практически полностью уничтожена верхушка террористического подполья в России – те, кто, прикрываясь лозунгами борьбы за свободу народов, под знаменем сепаратизма и религиозной нетерпимости организовали на Северном Кавказе международную террористическую сеть.

В 2005–2006 годах ликвидированы **все** организаторы теракта в средней школе № 1. Справедливое возмездие настигло и Басаева, и Абу Дзейта, и Масхадова, и Абу Хафса. Террорист Кулаев осужден Верховным судом Республики Северная Осетия – Алания и отбывает пожизненное заключение.

Но я убежден, что бесланская трагедия и сейчас, спустя все эти годы после черных событий, отзывается скорбью и болью в сердце каждого из нас. Это еще и предупреждение о том, что мы – и государство, и общество – должны сделать всё, чтобы подобное чудовищное преступление не могло повториться.

Жертвами бесчеловечной акции боевиков стали 317 заложников, из которых 186 – дети.

Мы видим, что сейчас происходит в Сирии, Ираке, Ливии, в других государствах... Угрозы эти не миновали. Нам еще много предстоит сделать для того, чтобы объединить все здоровые силы в борьбе с международным терроризмом, так как борьба с ним является важнейшей проблемой современного мира. Решение ее требует эффективной стратегии, комплексных действий и консолидации государства и общества перед глобальным вызовом.

В феврале 2006 года мы рассматривали Федеральный закон «О противодействии терроризму», понимая, что действующий закон «О борьбе с терроризмом», принятый в 1998 году, не в полной мере учитывал изменения масштаб терроризма как социально-политического явления. Важно было прописать, например, порядок применения Вооруженных Сил при проведении контртеррористической операции.

Точкой, с которой начался отсчет конкретной работы над новой редакцией закона о противодействии терроризму, явились трагические

события в Беслане. После них Совет Федерации принял соответствующее постановление, и в Комитете Государственной Думы по безопасности, ответственном за подготовку этого законопроекта, была создана рабочая группа, в которую вошел и я. Ко второму чтению, совместно с рабочей группой Государственной Думы, мы рассмотрели внесенные поправки.

Представляя вместе с председателем Комитета по обороне и безопасности Виктором Озеровым проект закона, я от лица Комитета по конституционному законодательству подчеркнул, что он был внесен в Государственную Думу еще в ноябре 2004 года:

– За это время авторы, ответственные комитеты, Администрация Президента Российской Федерации и другие компетентные органы и лица многое сделали, чтобы мы сегодня смогли его рассматривать здесь, в этом зале. Последние события в Беслане потребовали от всех нас действенных, я повторяю, действенных и, самое главное, эффективных правовых решений по борьбе с этим мировым злом. Хочу напомнить, что этот закон будет действовать одновременно с Указом Президента России от 15 февраля 2006 года № 116. В результате у нас будет создана надежная правовая и организационная система по борьбе с терроризмом. Мы на это очень надеемся и рассчитываем. В законе определены понятия, принципы, координационные механизмы противодействия терроризму. Наконец-то устранена одна из главных проблем – проблема правомерности привлечения армии для участия в проведении контртеррористической операции...

Высказал я и замечание:

– После принятия этого закона в третьем чтении стало распространяться мнение, что будто бы главное в данном законе – это статья о пресечении террористических актов в воздушной среде, где говорится, в частности, о пресечении полета воздушного судна путем его уничтожения в случае опасности гибели людей. Да, это есть, но в законе акцент сделан на создание системы мер, я бы сказал, целостной системы мер противодействия терроризму, правовых и организационных основ профилактики терроризма и борьбы с ним, ликвидации последствий проявлений терроризма. Это стержень закона.

Сенат одобрил этот закон.

Взлеты и посадки

Две авиакатастрофы летом 2006 года: одна – в Иркутском аэропорту, вторая – в воздухе вблизи Донецка. Третья беда случилась на шахте в Читинской области. Эти трагические происшествия высветили целый круг проблем. Как мы, законодатели, учитываем, в частности, современный международный опыт в вопросах страхования ответственности перевозчиков, а также владельцев производств повышенной опасности? Как заставить их вкладывать средства в совершенствование систем безопасности пассажиров, в модернизацию оборудования?

Нам совместно с Правительством предстояло активной включиться в работу по подготовке такого законодательства. Еще в марте 2005 года обсуждался острейший вопрос, касающийся законодательного обеспечения безопасности на транспорте – особенно в авиации. Как юрист и гражданин, счел долгом выступить со своим видением некоторых проблем. Я сказал тогда коллегам:

– Хочу напомнить, что в проекте закона написано: «На должности авиационного персонала и в службы авиационной безопасности не принимаются лица, имеющие непогашенную или неснятую судимость за совершение умышленного преступления». Но как быть с преступлениями по неосторожности? Думаю, нам с вами здесь без Уголовного кодекса не обойтись. В нем сказано: «Виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности». А преступлением, совершенным по неосторожности, признается деяние, совершенное по легкомыслию или небрежности. И вы себе представьте, пожалуйста, что мы, как законодатели, разрешим вот таким «небрежным и легкомысленным» людям заниматься в авиации борьбой с терроризмом. Да они еще и судимые!

Я полагаю, что нам нужно всемерно и надежно защищать пассажиров, защищать авиационный транспорт от террористов. Меры безопасности лишними не бывают. Нам есть здесь над чем подумать! Предлагаю комитету обратиться к данным статьям и ужесточить их. Нам люди за это скажут спасибо. Пришел в аэропорт – должен улететь и прилететь. Как говорят в тостах, «чтобы количество взлетов совпадало с количеством посадок».

Мне много и часто приходилось и приходится летать самолетами. Не скажу, что испытываю какую-то особую боязнь за свою жизнь. Но, представив горе близких, всегда хочется избежать трагических последствий. Особенно близко к сердцу воспринял я сообщение о том, что в Пермском крае произошла страшная авиационная катастрофа, в результате которой погибли 88 человек. Среди них были и мои знакомые.

Целиком согласен с мнением коллег-сенаторов, что авиакатастрофа в Перми «до крайности заострила проблемы производства и эксплуатации в России современных самолетов, а также эффективности государственного регулирования работы авиаперевозчиков. Необходимы выработка и реализация качественно новой, современной государственной промышленной стратегии. Мы должны направить все силы и нужные ресурсы на то, чтобы поддержать отечественного, в данном случае авиационного, производителя».

В период той осенней (2008 года) сессии мы наметили провести специальное обсуждение в рамках «правительственного часа» состояния и развития отечественной авиапромышленности и авиаперевозок. Мне приходилось не раз наблюдать сбои в работе аэропортов, огромные очереди, скученность, духоту, формальное соблюдение мер безопасности. Конечно, у сенаторов и некоторых других категорий «вип-пассажиров» были возможности пользоваться специальными залами с иным уровнем комфорта.

– Но это, – сказал я, выступая в зале заседаний палаты, – только усиливает нашу ответственность за законы и правила, регулирующие условия работы аэропортов с пассажирами, за обеспечение их всем необходимым и, прежде всего, безопасностью.

Дела житейские

10 ноября 2006 года скончался бывший министр обороны Российской Федерации, Герой России, первый Маршал России Игорь Дмитриевич Сергеев. Я уже говорил, что с ним очень хорошо общался, – можно

сказать, дружил. После похорон, которые организовало Министерство обороны, его сын Дмитрий обратился ко мне:

– Валерий Иванович, помогите, пожалуйста. Окажите через Министерство обороны материальную помощь для сооружения памятника, потому что больших денег мы не накопили.

Я говорю:

– Давайте напишем письмо от имени вашей мамы Тамары Александровны министру Анатолию Сердюкову, он обязательно поможет.

Я бывал на Новодевичьем кладбище и видел: на старых памятниках маршалов, генералов армии, генерал-полковников нередко написано «от Министерства обороны Советского Союза».

Написали письмо, отослали Сердюкову. Месяц нет ответа, два, три, четыре, а потом приходит отписка за подписью финансиста Министерства обороны, что денег в их бюджете на установку памятника Игорю Сергееву нет. Я удивился. А тогда мы еще не знали, что там орудует группа девиц, что подчиненные министра так удачно ворочали миллионами – на памятник маршалу у них не хватило. Просто не хватило, наверное, совести.

Тогда я написал письмо сам, отдал его маме Дмитрия Сергеева, она подписала. Пришел к Сергею Михайловичу Миронову и говорю:

– Пойдете на регулярную встречу с Владимиром Владимировичем Путиным – попросите, чтобы он подсказал министру: пусть помогут семье первого Маршала Российской Федерации, Героя Российской Федерации, бывшего министра обороны установить ему подобающий памятник.

Он был министром обороны России –
Игорь Дмитриевич Сергеев
и Сергей Вадимович Степашин

Я вам скажу, через две недели семье Сергеевых позвонили, сказали: деньги есть, установим и все сделаем. Вот мы говорим о внимании нашего президента Владимира Владимировича и об отзывчивости Сергея Михайловича Миронова...

Дорога к храму

Мое поколение росло в атеистическом государстве. Правда, в те времена уже не было обостренной борьбы с религией и церковью. Послевоенная ребятня подпитывалась в своем мироощущении главным образом подвигом страны, одолевшей фашизм. А само противостояние ему было воплощением интернационализма – братства всех народов СССР. И это вовсе не мешало глубинному осознанию своей русскости: для владимирского мальчишки процесс естественный, обеспеченный, можно сказать, генетически – кровными узами с нашими пращурами, впечатлениями детства, сохранившимися моментами традиционного

Мне святы награды православной церкви

уклада жизни в российской глубинке. Икона в доме деда была на своем месте – символ православия, уживавшийся с портретом генералиссимуса Сталина – символа Победы. Главное – в нашей большой семье Фёдоровых избегали богохульства, уважительно относясь к церкви и верующим людям. Я, не умея молиться, с юности чувствовал себя в храме приподнято и родственно с людьми, что приходят сюда разными путями, но с искренним желанием обретения веры.

«Дело не в воцерковленности человека, его обязательном следовании тем или иным ритуалам, а в духовном содержании собственной жизни, в делах, за которые не стыдно, в поведении, которое не противоречит православной традиции», – сказал мне много позже один знакомый священник. И это было подтверждением моих собственных раздумий о том непознанном, что так или иначе влияет на нашу жизнь.

В моем «дневнике» – январь 2009 года. Очередное заседание Совета Федерации началось с информации о знаменательном событии для России, для всех православных людей: на Поместном соборе состоялось избрание нового Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Мне посчастливилось встречаться с его предшественником – ушедшим из жизни, выдающимся религиозным и государственным деятелем Святейшим Патриархом Алексием II. Он был народным депутатом в конце 1980-х, академиком Российской академии образования и Почетным членом Российской академии художеств. Его заботила судьба людей, попавших в сложные житейские обстоятельства и подвергшихся преследованиям, очевидно, не всегда обоснованным. Я видел в нем образец пастыря, заботящегося даже о заблудших душах, искреннего и честного человека, осуществлявшего на земле особую миссию...

Патриарх Кирилл продолжил эту подвижническую деятельность по укреплению православной веры, гражданского мира и согласия в России. Мне нравилась его демократичность, ясность речи, позиция утверждения высоких моральных принципов в нашем обществе. Я был солидарен со многими его действиями и год спустя выступил с трибуны сената:

– В современной многонациональной России между государством и религиозными конфессиями выстраиваются отношения социального партнерства и взаимодействия в самых разных областях: духовно-нравственном воспитании и просвещении населения, профилактике ксенофобии и дискриминации на национальной и религиозной основе, укреплении института семьи, борьбе с распространением вредных привычек. Вношу предложение включить в повестку дня заседаний Совета Федерации раз в месяц выступления представителей религиозных конфессий.

Мы – палата регионов – постоянно общаемся и работаем с населением и верующими. Убежден, государственно-церковные отношения в современной России должны плодотворно развиваться. Первым на встречу и выступление в Совете Федерации предлагаю пригласить Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Полагаю, это будет знаковым событием в истории Совета Федерации...

Был счастлив получить однажды вот такое – очень дорогое мне – послание:

ПЕРВОМУ ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ПО КОНСТИТУЦИОННОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ МИЛИЦИИ ФЁДОРОВУ В. И.

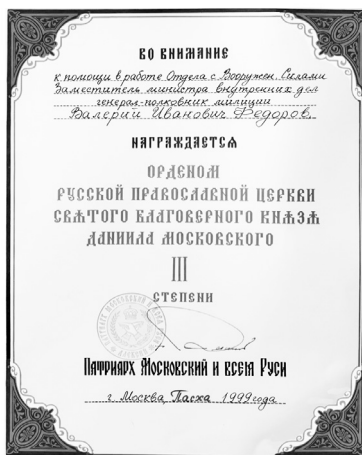
Уважаемый Валерий Иванович!

Сердечно благодарю Вас за поздравление с днем рождения и добрые пожелания.

Посильный вклад в благое дело созидания духовно сильного, нравственно здорового и социально стабильного общества – наше призвание и основа для взаимодействия, вне зависимости от национальной принадлежности, религиозных убеждений и политических предпочтений.

Выражая надежду на активизацию совместных усилий Церкви, государства, предпринимателей, деятелей науки, образования и культуры, направленных на дальнейшее укрепление традиционных базовых ценностей, хотел бы пожелать Вам сил и благословенных успехов в трудах на месте Вашего служения.

С уважением,
ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
Ноябрь 2009 г.

Музей... атеизма

Помню, как в 1970 году мы с Галиной Михайловной впервые вместе поехали в Ленинград. (Не понимаю, почему его Санкт-Петербургом кому-то приспичило назвать. Просто «Петербург» – это ближе, естественней. Впрочем, моего жизнеописания эта проблема не касается.) Так вот, помню, мы ехали на троллейбусе (на такси редко ездить приходилось, потому что мы зарабатывали копейки: у меня зарплата 130 рублей, а у Галины Михайловны – 150: не очень похикуешь) по одному из главных проспектов Ленинграда. И нашим глазам открылась величественная панорама храма с большими колоннами. А на фронтоне этого здания золотыми метровыми буквами было написано, не поверите, – «Музей атеизма».

Искренне говорю, не заметил на площади перед храмом толп туристов – ни советских, ни иностранных. О чем этот музей, что там выставляли в святом месте? Не знаю. Думаю, сложно было музейщикам создать «храм» атеизма. Но такова была линия руководящей партии. И что сейчас говорить о храме Христа Спасителя: как его взрывали, как соорудили на святом месте самый большой в Европе бассейн! Это, конечно, кощунство. Прекрасные архитектурные памятники – церкви – ставили на лучших местах, чтобы было видно издалека, строили всем миром. Так надо ли было в революционном запале так надругаться над памятью народной?! А самое главное – над чувствами верующих. Многим людям, следуя руководящей идеологии, приходилось скрывать некоторые духовные грани своего мироощущения. Это было в какой-то мере даже трагично для общества.

Утешает: не удалось ведь вытравить из народа русского веру в святое. Жаль, конечно, что в былые годы части общества приходилось жить как бы «с двойным дном». Я уж упоминал, что в деревне Макариха был престольный праздник. И на Рождество, на Успение Богородицы, на Пасху и в другие праздники отмечались зачастую и члены партии, и сам председатель колхоза. Люди издалека приезжали на этот престольный праздник и радовались, встречая друг друга, – вот и возникал без всякого агитпропа, по сути, знаменитый «блок коммунистов и беспартийных».

В университете у нас был предмет такой – «научный атеизм». Целых полгода мы его изучали, но, странное дело, не могу вспомнить из этого курса ни одной строчки, ни одной цитаты, ни одной яркой мысли, хоть и не жалею на память. Не могу даже обрисовать, что мы там изучали. Тем более мне, выпускнику и одному из попечителей Пермского университета, было приятно узнать, что теперь там создана кафедра теологии, всерьез изучается история религий. И преподает там умный, знающий человек – священник, обладающий ученым званием.

Не критикую я былую советскую власть. Просто констатирую факты прошлого. Это ведь ужас был, когда, избави бог, кто-то из выпускников школ поступал в Духовную семинарию. (По итогам года приходило инструктивное письмо из областного комитета партии, облисполкома,

что, мол, выпускники таких-то школ нашей области поступили в Духовную семинарию.) Это был скандал! Директора или снимали с работы, или он был «бит» не единожды – не только на августовском педагогическом совещании. Целый год его потом склоняли за то, что допустил: выпестовал отступника, который пошел не на завод, не в техникум и не в институт, а в Духовную семинарию. Нередко это было ЧП даже не районного масштаба, а областного.

Православие тысячелетие является важной частью бытия русского народа. Сегодня люди с надеждой приходят в храмы, обретая веру, чистую совесть, доброту, любовь к ближнему. Не убий, не воруй, люби Родину, будь достойным человеком – разве эти скрижали православия могут помешать строить будущее?..

В раздумье у стен монастыря

Фрагменты дискуссий

Трудно выбирать эпизоды из широчайшего спектра моего тогдашнего парламентского бытия, какие-то отдельные темы. Меня волновало многое, и я старался вникнуть практически в каждый вопрос, который ставился на обсуждение в верхней палате. Помимо жгучей темы борьбы с терроризмом и безопасности страны, особенно меня заботили вопросы совершенствования работы органов правопорядка, экологии, образования, спорта... И, конечно, насущные заботы делегировавшей меня Вологодчины.

Вологодчина мила́ мне всегда

Мое породнение с этим городом, этой областью и удивительными русскими людьми, живущими здесь, – отдельная история. Став представителем этого региона, прежде всего постарался глубже вникнуть в его экономические, социальные проблемы. Тем более, что они были характерны не только для Вологодчины.

Хочу рассказать о человеке, с которым я работал больше десяти лет и, по сути, представлял его и вологодскую исполнительную власть в Сенате. О бывшем вологодском губернаторе Вячеславе Евгеньевиче Позгалёве можно слагать оды!.. Но вот перечитал эту строку и подумал: «Не надо елеть!». Вячеслав Евгеньевич – не любитель славословий. Познакомились мы с ним в конце 1999 года, когда он пришел к нам в министерство и – первым из действующих губернаторов – попросил взять его в командировку в Чечню. Он хотел посетить личный состав вологодских ОМОНа и СОБРа, которые были там, где шли боевые действия. Это было смело и по-мужски правильно!

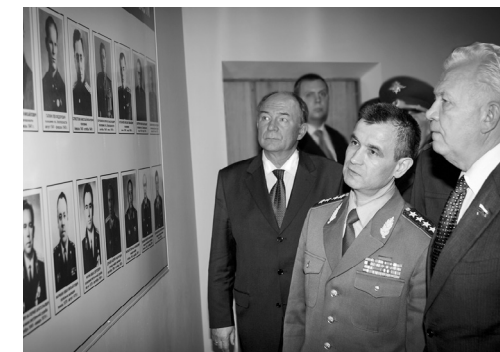
Мы с ним довольно часто встречались, определяли, что нужно сделать совместными усилиями для области. То, что Позгалёв – человек масштабный, с государственным мышлением, – это уж точно! Более пятнадцати лет был губернатором Вологодской области, а до этого – мэром Череповца. Я видел, как он умеет держать удар, как всегда нацелен на движение вперед, как вникает в большие и малые проблемы жителей области. Помню, меня удивило, когда впервые после моего назначения мы с ним шли вечером по городу, и все пешеходы дружно здоровались с губернатором. Ясно, что он передвигался по городу и области не только на автомобиле. И недаром на выборах люди отдавали ему более 80 процентов голосов.

Чем ценен командир? Своей командой. Она у него была вполне работоспособная и боевая: Н. В. Костыгов, Г. С. Изотова, И. Н. Поздняков, В. В. Рябишин, Н. Л. Виноградов, С. М. Громов. В тот период членом Совета Федерации был Юрий Леонидович Воробьёв, Герой России, вместе с С. К. Шойгу один из основателей МЧС. Он очень много сделал для области: за одно только возрождение Вытегры имя его можно вписать золотыми буквами в историю Вологодчины. Сейчас Ю. Л. Воробьёв – заместитель Председателя Совета Федерации. У меня хорошие, добрые отношения и с Николаем Васильевичем Тихомировым, другим сенатором от Вологды, хорошо поработавшим на благо вологжан.

В команде Позгалёва каждый знал свой маневр, работал с желанием. И – добивались результатов. Область вошла в десятку «доноров» по отчислениям в бюджет, успешно работали «Северсталь» и «ФосАгро-Череповец», были построены детская областная больница – долгострой почти двадцатилетней давности, Дворец спорта в Вологде, Дворец спорта в Череповце. В Великом Устюге «поселился» российский Дед Мороз, которому теперь сотни тысяч ребятишек страны пишут о своих просьбах и чаяниях.

Шестью орденами отметила Родина труд Вячеслава Позгалёва. Сейчас он успешно работает в нашей компании советником генерального директора. Опыт аксакала всегда востребован.

В сенате нередко сетовали, что явно недостаточно законов принимается по инициативе регионов. А потому я не раз просил коллег поддержать и одобрить инициативы законодателей Вологодской области. Например, речь зашла об изменениях в Кодекс об административных правонарушениях. По недавно одобренному нами закону, оказалось, что наказывать лесных нарушителей могут в области лишь четыре человека – руководитель лесного комплекса и его заместители. А дел таких – тысячи! Законодательная инициатива вологжан была проста: она возвращала к устоявшейся уже системе профилактики преступлений и противодействия им, которая работала результативно, нарушителей карали строго и справедливо. Я попросил Совет Федерации поддержать и одобрить инициативу моих земляков. Думаю, многие территории России были благодарны вмешательству вологжан. Оперативно наводить порядок в лесном хозяйстве с участием местных органов власти стало легче.

**Крепим связи. Министр МВД РФ
Рашид Нургалиев в Вологодском УВД**

...Видно, сказывалось во мне деревенское детство. Глубокое уважение к сельскому труду заставляло не единожды выходить к микрофону при обсуждении очередных законов, касающихся сельхозпроизводства. Не стеснялся напомнить коллегам о заботах отрасли народного хозяйства, которая нас кормит, дает нам жизнь. К сожалению, проблем здесь много, но прежде всего надо помнить о тех, кто работает на земле.

– Люди, которые выращивают хлеб, достойны глубокого уважения и помощи не на словах, а на деле. А наше дело, как я понимаю, – это принятие действенных законов, – выступил я при обсуждении нового за-

конодательства о фермерстве. – *Еще в 1990 году, будучи народными депутатами России, мы принимали аналогичный закон. За более чем двадцать лет, как вы понимаете, много воды утекло, настало время одобрить новый. Давайте посмотрим, как в регионах относятся к данному закону. Недавно вот получил письмо от председателя Ассоциации крестьянских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов Вологодской области Белякова, который одновременно является и заместителем председателя АККОР России. Вот что там написано: «По поручению совета АККОР области убедительно прошу поддержать закон о крестьянском (фермерском) хозяйстве, который будет рассматриваться на заседании Совета Федерации. Этот закон жизненно необходим не только фермерам нашей области, но и всем фермерам России. Отсутствие данного документа является сдерживающим фактором развития фермерского сектора агропромышленного комплекса области и, как следствие, снижения жизненного уровня сельского населения. Фермеры области глубоко убеждены в безусловной поддержке нашего крестьянского закона»... Мне трудно что-то добавить к этим словам. А потому просто прошу сенаторов одобрить закон о частном крестьянском хозяйстве!*

Я тогда живо вспоминал своих дедов, отдавая с высокой трибуны дань уважения их беззаветному труду, и думал: как радостно было бы им сознавать, что их внук на высоком государственном уровне может способствовать осуществлению их давней мечты о свободном труде на **своей** земле...

А пять лет спустя один вологодский журналист взял у меня интервью, которое хочу здесь привести с небольшими сокращениями и извинениями за некоторую комплиментарность текста. Но, как говорится, что написано пером...

«Завтра члену Совета Федерации РФ, труженику, общественнику и просто хорошему человеку Валерию Ивановичу Фёдорову исполняется 65 лет. Впрочем, если не заглядывать в паспорт, трудно поверить, что этот крепкий и очень подвижный человек еще пять лет назад перешагнул пенсионный возраст. По энергичности и работоспособности он может дать фору многим сорокалетним.

И дело даже не в том, что сенатор от Вологодчины по-прежнему активно занимается спортом и тщательно следит за своей физиче-

ской формой. Главным здесь, скорее всего, является жизненная философия Фёдорова, в которой нет и не может быть места злобе, зависти, корысти и другим порокам, что разрушают человека изнутри. Окружающие привыкли видеть Валерия Ивановича максимально доброжелательным, улыбочивым и полностью открытым для общения. Довольно часто контактируя с Фёдоровым, я никогда не видел на его лице даже малейших следов заносчивости или раздражения.

Вспоминается случай, когда в составе областной делегации Валерий Фёдоров прилетел в Великоустюгский район. Программа однодневного визита была достаточно плотной, все мероприятия по времени распланы, что называется, впритык. После встречи в одной из бюджетных организаций, вслед за которой делегации предстоял переезд в Красавино, к Фёдорову подошли две женщины с какой-то мелкой частной проблемой. И “грузили” его сенатора минут 15, постоянно сбиваясь с мысли и начиная свое повествование заново. Все давно уже расселись по машинам, а Фёдоров все стоял в окружении взвинченных устюжанок, и по третьему, а то и по четвертому разу выслушивал одну и ту же историю, по-прежнему оставаясь спокойным и доброжелательным. И ушел от женщин лишь после того, как обменялся с ними номерами телефонов и пообещал, что обязательно перезвонит и сообщит о принятом решении. И свое обещание, насколько мне известно, Фёдоров сдержал – тем же вечером...

Вообще, несмотря на большую загруженность в Совете Федерации и Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ), Валерий Иванович использует любую возможность, чтобы побывать на вологодской земле. Сам Фёдоров такой статистики не ведет, но, по словам его помощников, ежегодно проводит на Вологодчине по 70–80 дней. Причем не только в Вологде и Череповце. Сенатор объехал почти все райцентры, вместе с губернатором и его заместителями многократно бывал в самых отдаленных населенных пунктах Вологодчины. И отнюдь не как “свадебный генерал”.

После визита Фёдорова в Тотьму началось активное строительство ФОКа в Варницах; поездка по Череповецкому району помогла “пробить” включение Коротовского газопровода в инвестиционную программу “Газпрома”; много сил Валерий Иванович отдал и для того,

чтобы в Устюженском районе прошла реконструкция психоневрологического интерната в селе Михайловское. Вместе с другими официальными лицами он закладывал первый камень в фундамент Ледового дворца в Череповце и ледовой арены в Шексне, активно работал по возобновлению строительства детской областной больницы в Вологде. И этот список можно продолжать...

Он никогда не акцентирует внимание на своих собственных заслугах. Местоимение “я” – редкий гость в его речи. Он так и говорит: “нам удалось”, “мы решили”, “обязательно будем делать” и так далее, – справедливо имея в виду, что те или иные позитивные преобразования на Вологодчине стали возможными благодаря слаженной работе

Дорогие гости на моем 65-летию – брат Виктор и сестра Нина

всех органов власти – губернатора и областного Правительства, депутатов Государственной Думы и Законодательного Собрания, членов Совета Федерации и представителей районных администраций. Можно считать, что сенатор

Фёдоров являет собой наглядный пример государственного деятеля, который привык и умеет работать в команде. Команде единомышленников, нацеленных на достижение общего результата. При этом Валерий Иванович остается яркой индивидуальностью. И наше интервью, думаю, станет тому еще одним подтверждением.

– Валерий Иванович, скажите прямо, что чувствует человек на пороге своего 65-летия?

– Жаль, конечно, что молодость уже не вернешь. Но у каждого возраста есть свои преимущества. Поэтому я чувствую себя достаточно счастливым человеком. У меня – любимая работа, крепкая семья, много хороших друзей, слава богу, не особо беспокоит и здоровье. Есть востребованность. К тому же, я оптимист и не чувствую приближения старости. У меня, равно как и у всех вологжан, впереди, уверен, будет еще много радостных и счастливых событий!

Считаю своими друзьями губернатора Вячеслава Позгалёва, депутата Госдумы Георгия Шевцова, главного федерального инспектора по Вологодской области Сергея Пастухова и еще многих в области. Есть у меня друзья и среди вологодских журналистов, и среди руководителей территориальных структур федеральных органов власти, и среди представителей местного директорского корпуса. Много друзей у меня и в Москве. И это, буду откровенным, зачастую помогает в работе.

Я представляю Вологодскую область в Совете Федерации без малого семь лет – с 3 октября 2001 года. И могу сказать, что за это время авторитет Вологодчины заметно вырос как в общероссийском, так и, не побоюсь этого слова, в мировом масштабе. И тому есть простое объяснение. При всех, пока еще не решенных, проблемах, наверное, никто не будет отрицать очевидного – все последние годы наша область продолжает динамично развиваться. В несколько раз вырос региональный бюджет, заметно увеличилась заработная плата бюджетников, очень многое сделано по благоустройству городов и поселков, строительству дорог и социально-бытовой инфраструктуры. Посмотрите, за два

Сверим часы!

последних года благодаря так называемой губернаторской программе только в Вологде реконструировано почти 600 дворовых территорий! На подъеме сейчас и экономика...

В общем, испытываю искреннюю гордость от того, что представляю в Совете Федерации именно Вологодскую область. Регион с удивительной культурой и богатым историческим наследием, а также с мощной экономикой и достаточно высоким, по сравнению с соседями, уровнем жизни.

...Современный мир устроен так, что в изоляции не проживет ни одно нормальное государство. Да и не нужна нам сейчас такая изоляция. Нужны новые инвестиции, нужны совместные проекты в экономике – а для этого своеобразное “реноме” страны очень и очень важно. Хотя во многом я с вами согласен. Россию на международной арене будут уважать только тогда, когда она снова станет по-настоящему сильным государством. И этот процесс уже начался. Причем и на региональном уровне тоже. Ведь чем сильнее будет экономика и социальная сфера Вологодчины, тем сильнее, в итоге, будет и все государство!»

Раз уж говорю о дорогой мне Вологодчине, надо еще раз сказать об одном из дорогих мне вологжан.

Когда я поехал на «смотрины» в Вологду, в аэропорту Череповца первым встретил меня заместитель директора «Северстали», депутат областного Совета Георгий Егорович Шевцов. Между нами сразу установились доверительные отношения, которые потом переросли в настоящую мужскую дружбу. С этим активным, отзывчивым человеком очень легко общаться и решать любые вопросы жизни города и области.

За время нашего знакомства он был два созыва депутатом Государственной Думы, председателем Законодательного Собрания области. Мы вместе ходили по министерствам и ведомствам, решая проблемы вологжан. Помнится одна из таких встреч – с министром здравоохранения М. Ю. Зурабовым по поводу строительства областной детской больницы. Министр принял нас в 23 часа 45 минут. Первая его фраза была:

– Отчаянные вы ребята! Не спите!

Да ведь и сам министр еще не сомкнул глаз. Кстати сказать, вопрос мы решили и больницу общими усилиями все же построили!

Много больших и добрых дел сделал Георгий Егорович, умея нацелить людей на высокий результат.

Организаторский талант, задор, который он сохранил с комсомольской юности, отличное знание спорта неизменно приводят к успеху спортивные сообщества, которые он курирует и вдохновляет. Был председателем совета учредителей хоккейного клуба «Северсталь» – и команда завоевывала серебряные и бронзовые медали КХЛ. Стал президентом волейбольного клуба «Северянка» – и второй год подряд девчата досрочно становятся чемпионами России в высшей лиге. За этим стоит не легкая рука и везение, а вдумчивая направляющая работа.

Главный вектор

Однажды довелось услышать в острой дискуссии весьма резкое суждение: мол, верхняя палата парламента – «отстойник» для бывшей номенклатуры, некая синекюра, позволяющая различным «отставникам» безбедно существовать на министерские оклады и депутатские льготы. На первый взгляд, в Совете Федерации действительно собралось немало лиц с генеральскими званиями или отставленных с постов губернаторов. Может, для кого-то это и была «почетная должность по выслуге лет», но мне, юристу с большим стажем и опытом, так не показалось.

Новый участок работы (именно работы!) потребовал немалых усилий и энергии, а главное – знаний, сосредоточенного изучения сложных и важных документов, постоянной заряженности на постижение нового в законодательстве. Прежде всего, надо было четко

ориентироваться в основополагающих документах, значимых для страны, для экономики, промышленности и даже юрисдикции. Вряд ли с этим справился бы любой «человек с улицы».

Помню, рассматривали закон об адвокатуре. Это важнейший институт правового государства. Он долгое время находился на периферии законодательства, да и роль защитника в наших судах нередко блекла в глазах судей перед прокурорским мундиром. Надо было срочно укреплять законодательно эту роль. Меня смутило, однако, что в проекте закона говорилось буквально следующее: *«решение о присвоении статуса адвоката принимает квалификационная комиссия после сдачи экзамена»*.

Но разве правильно превращать в студентов людей, которым Высшая аттестационная комиссия при Правительстве Российской Федерации уже выдала документ об их юридической грамотности? Тем более предполагалось, что в квалификационную комиссию по приему экзаменов на звание адвоката входят и судьи. Корректна ли эта юридическая норма? Ведь не исключено, что через несколько дней оба эти человека (и сдающий экзамены, и принимающий) могут стать участниками одного процесса – уголовного, арбитражного, гражданского... И как быть с обладателями ученых степеней – тоже экзаменовывать?

Обсуждение моих замечаний, как и предложения коллег, позволили отшлифовать очень важные положения закона, который, надеюсь, продвинул нас в направлении «правового поля».

В предлагаемых к утверждению проектах законов я, прежде всего, старался понять, как отразятся наши решения на жизни, заботах и проблемах простых людей. Считаю, именно для этого нас и направили регионы в «дом на Большой Дмитровке». Зачастую возникали у меня по поводу законодательных инициатив сомнения, кажущиеся, на первый взгляд, малозначащими. Но весь мой предыдущий опыт службы и работы свидетельствовал: в мелочах, недоработках и кроются зерна будущих конфликтов и серьезных осложнений для людей в ходе правоприменительной практики.

По характеру своей предыдущей деятельности мне было прекрасно известно, какую тревогу вызывает у населения рост краж с проник-

новением в жилище. Так, в 1998 году было 292 тысячи таких краж, в 2000 году – уже 348 тысяч. И, кроме того, свыше 60 процентов уголовных дел возбуждалось по неоднократным кражам. В связи с тем, что данное преступление относится к категории тяжких преступлений, сенаторам предлагалось утвердить некоторые изменения в Уголовно-процессуальный кодекс.

Выступая по этому поводу, я отметил, в частности, что хотел бы услышать убедительные доводы: а правильно ли мы поступим, если, например, проголосуем за то, чтобы в части первой статьи 158 снизить санкцию с трех до двух лет?

– Если мы с вами сделаем это, завтра у нас следователи и дознаватели, согласно статье 108 нового УПК, не будут иметь прав задерживать подозреваемых на период следствия. Сорок процентов людей, которые совершают данные кражи, являются бомжами, лицами без определенного места жительства, – отметил я в своем выступлении. *– Как здесь быть следователю, как работать? Мы, может, этим просто потакаем ворам и гонимся за статистикой?..*

А в качестве одной из мер контроля эффективности действия вносимых поправок предложил коллегам провести через полгода мониторинг ситуации в сфере практического правоприменения этих решений. Мне очень не хотелось бы, чтобы люди, пострадавшие от воровства, потом добивались справедливости уже от закона. Всегда был уверен в одном: да, демократизация в стране должна развиваться, но вор должен сидеть в тюрьме.

Поддерживая стратегию совершенствования системы исполнения наказаний, был убежден: основную нагрузку в этой сфере несет личный состав, о котором не всегда помним мы, законодатели. Поэтому подчеркнул в очередном выступлении, что, очень много говоря об улучшении и создании человеческих условий для спецконтингента, мы всё реже, и чаще втихую, говорим об улучшении условий жизни тех, кто постоянно работает в этой нелегкой сфере:

– Вы знаете, Петр Первый говорил: «Тюрьма – дело окаянное». Что делается для того, чтобы личный состав ФСИН, его сотрудники получали достойную заработную плату, чтобы у них было достойное жилье, созданы нормальные условия жизни для детей, семей? Думаю, здесь проблем очень много, работы у нас с вами – непочатый край...

Коллеги согласились, что в последние годы возник некий информационный перекося. В СМИ гораздо больше критики звучит в адрес сотрудников ФСИН и сложившейся в этой системе практики, нежели делаются акценты на важности для общества той непростой работы, которую выполняют сотрудники службы – в очень тяжелых условиях и порой за практически нищенское вознаграждение. Это было очень важно уяснить в ходе реформы, выявить все сложности, все проблемы в системе и заняться ими, постоянно имея в виду важность и благородство труда этих людей, которых часто несправедливо называют обидными прозвищами, звучащими как ненужное эхо давних лет...

«Зоной особого внимания» для меня как законодателя являлось все, что касалось детства и материнства, стариков и малообеспеченных, незащищенных категорий граждан. Во время очередного «правительственного часа» попросил министра Починка ознакомить нас с цифрами и фактами, показывающими, что конкретно сделано министерством для оздоровления детей, оставшихся в семьях погибших и раненных при проведении контртеррористических операций в Чеченской Республике? Сколько детей мы потеряли за летний оздоровительный период? Что будет с оплатой новогодних подарков в этом году?..

Не всё в ответе уважаемого министра меня устроило: например, отказ от централизованных закупок подарков детям через систему профсоюзов. И хотя уважаемый Починок уверял, что отдых организован практически для всех, мне стало ясно, что информацией по несчастным случаям и погибшим детям министр вообще не обладает. Правда, он пообещал специально еще раз возвратиться к анализу положения детей бойцов, погибших в результате контртеррористических операций, детей подводников, утонувших на «Курске», и тех ребяташек, которые пострадали в результате военных действий в Чечне. Меня заверили, что налажен их учет. Починок поручился: все дети, которые захотят отдохнуть, получают путевки. Тут, мол, и вопросов нет...

– Мы обычно обещаем, а потом как-то все на спад идет, – вынужден был еще раз высказаться я. И особо отметил проблему беспризорных детей. Вновь получил уверения представителя Правительства, что те-

перь практически все беспризорные дети в стране учтены по фамильно. Но проблема эта все годы пребывания в парламенте так и не сходила с моей личной «повестки дня».

Бывают такие законы, которых особенно ждут люди, веря в справедливость. Вспоминаю, как довелось горячо поддерживать в парламенте документ, которого ожидали участники выполнения задач в условиях вооруженного конфликта в Чеченской Республике с декабря 1994-го по декабрь 1996 года, воины, участвовавшие с августа 1999 года в контртеррористической операции на территории Северного Кавказа. Его ждали раненые, инвалиды, ждали семьи погибших, люди, которые до конца выполнили свой солдатский, офицерский и гражданский долг.

– Нам надо быть благодарными этим настоящим мужчинам, трижды достойным внимания и поддержки, – сказал я, выйдя к микрофону в зале заседаний.

Горжусь, что и при моем активном участии закон о ветеранах боевых событий был одобрен сенатом.

Как человеку неравнодушному к спорту и туризму мне всегда было интересно обсуждать эти темы с руководителями спортивных организаций и самими спортсменами. Однажды министр спорта (теперь уже вице-премьер) Виталий Мутко делал доклад в сенате о развитии туризма. И привел пример Мальты, где доходность туризма составляет почти сорок процентов от ВВП.

– Вот вы сказали, что, по оценке международных туристических организаций, Россия может в год принимать до 40 миллионов иностранных туристов плюс 50 миллионов наших граждан, – сказал я министру. – А давайте вместе помечтаем: когда мы сможем при-

Лужники. Сенаторы с Кубком Лиги чемпионов

близиться к этим цифрам? Ведь не секрет, что туристические инвестиции дают в наш бюджет огромные деньги, не меньше нефтяных, – заметил я министру.

– Мы в основном должны делать упор на регионы, которые могут получать значительные деньги от туризма, – ответил Мутко. – Есть примеры «Золотого кольца», муниципалитетов типа Плёса, который уже принимает до 250 тысяч туристов. И если правильно наладить работу, то регионы будут получать значительные доходы. Разумеется, при условии наведения порядка, дорог, организации должного сервиса...

Самая большая проблема в развитии туризма, на мой взгляд, – это, конечно, качество услуг, дороговизна билетов, гостиниц, качество обслуживания и все, что с этим связано. Но я не оставляю мечты, что мои родные Ковров, Пермь, Череповец, Губаха станут настоящими центрами внутреннего и международного туризма. И как законодатель старался этому помочь...

Комитет Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике однажды поставил в повестку дня парламентский запрос в правительство. Он был продиктован катастрофической ситуацией в вопросах сохранения осетровых и других ценных пород рыб и регулирования их оборота. Известно, что с конца 1990-х годов запасы осетровых видов рыб Волго-Каспийского бассейна стали резко сокращаться. Причем, по официальным данным, их вылов с 1970-х годов упал более чем в 50 раз. Была ясна и основная причина – неконтролируемый браконьерский промысел осетровых, оборот продукции из которых легализован через так называемую «конфискацию» рыбы. Был даже подготовлен проект указа президента, предусматривающий уничтожение бесхозной изъятой икры и балыка из осетровых видов рыб. Необхо-

На Олимпиаде в Ванкувере

димо было внести соответствующие изменения в Федеральный закон «О животном мире», в котором уничтожение конфиската не предусмотрено.

Однако время шло, а проект всё не мог пробить дорогу через пороги «согласований». Я так поддержал принятие парламентского запроса по этому поводу:

– Вот я был вчера на рынке. На прилавках – любая рыба, уговаривают – купите, купите черную икру! Ее полно! Что ж, давайте сообщим Правительству, что черная икра вся делается «по-черному». И почему нет реакции на то, что у нас так много контрафактной икры? И в магазинах, и на рынках...

Вопрос, казалось бы, мелковат на фоне государственных проблем, носит как бы частный характер. Но столь явное неисполнение законов и то, что это ни у кого не вызывает беспокойства, очень настораживали меня как законодателя. Также и лекарственное обеспечение населения я считал и считаю одной из самых важных политических и социальных задач. Каждая встреча с населением в любой аудитории начиналась с вопроса: когда мы решим эту проблему? Анализируя однажды заключение Комитета Совета Федерации по бюджету, я обратил внимание на явную неурегулированность вопроса кредиторской задолженности перед фармакологическими компаниями. По разным оценкам, она составляла от 16 до 73 миллиардов рублей. Оказалось, деньги дойти просто не успели. Но как это отразилось на поставках лекарств, в которых нуждались тысячи больных, – вот в чем вопрос! Моя принципиальная позиция – всемерное усиление контроля за государственными и прочими структурами, от которых зависит здоровье людей.

Как-то обсуждался комплекс вопросов, связанных с положением дел на Сахалине и Дальнем Востоке. Доклад делал Юрий Петрович Трутнев, хорошо знакомый мне по Перми еще до того, как он стал мэром этого города, затем губернатором, а впоследствии министром природных ресурсов Российской Федерации, вице-председателем Правительства. Меня волновал вопрос:

– На днях на Камчатке случилась экологическая катастрофа. Селевой поток почти уничтожил всю Долину гейзеров. Я знаю, что вы на-

правили туда специальную комиссию. Какие результаты ее работы, а главное – сохранится ли этот уникальный экологический музей? – спросил я Юрия Петровича.

– Валерий Иванович, хотелось бы ответить как-то более оптимистично, но отвечать все-таки всегда лучше честно, – сказал Трутнев. – Результаты работы комиссии будем еще обсуждать. Если будет хоть малейшая возможность сохранения какой-то части Долины гейзеров как, я считаю, национального достояния России, как объекта всемирного природного наследия, конечно, мы примем для этого все меры. У меня уже есть заявления со стороны коллег. Вчера Сергей Кужугетович Шойгу (он возглавлял тогда МЧС) звонил и сказал: «У нас есть опыт таких работ, привлекайте, мы готовы подключиться». Тем не менее, честно будет сказать, что больше Долины гейзеров в том виде, в каком она существовала на Камчатке, не будет, это точно. Потому что ширина плотины, которая покрыла устье реки Гейзерной, – 400 метров, и состоит она из крупных фракций валунов – до двух метров. Если мы сейчас начнем чистить даже взрывами, то просто уничтожим долину. Если не начнем чистить, то ее равномерно затопит озером, что сейчас и происходит, потому что подъем воды там, по разным данным, от трех до шести метров в сутки. Хорошо, что вне зоны затопления оказалось все же несколько гейзеров, в том числе самый крупный – Великан...

Юрий Петрович заверил сенаторов, что при малейшей возможности спасти гейзеры будут приниматься все меры.

Недавно я узнал, что на Камчатке этот уникальный туристический маршрут сохранился.

...Однажды пришлось выйти на трибуну палаты по поручению Комиссии Совета Федерации по делам молодежи и спорту. А начал с того, что поделился с коллегами свежим впечатлением:

– Буквально накануне мне один журналист задал вопрос: «А как вы завтра будете решать “детский” вопрос снижения брачного возраста до четырнадцати лет?». Я ему ответил: «Это вопрос не детский. Это вопрос государственный». Только, мне кажется, он появился на пустом месте. Вопрос ведь уже был решен в декабре 1995 года в Семейном кодексе Российской Федерации в статье 13. Зачем мы всё непременно хо-

тим решать в Москве? Время Госплана уже закончилось и, думаю, никогда не вернется к нам в Российскую Федерацию. Действующая редакция статьи утверждала брачный возраст в 16 лет. Теперь же предлагается формулировка «14–16 лет». То есть понижается и, таким образом, фиксируется нижняя граница возраста. Причем не прописана ответственность взрослых людей – тех, кто отвечает за несовершеннолетних...

Видел я, что предложенный нам проект закона плохо учитывает особенности ряда областей и республик страны, да и «белых пятен» в представляемом законопроекте оказалось немало. Так что выступил, не сдерживая эмоций:

– Здесь говорят, что все мы родом из детства. Наши дети и внуки росли и растут на книгах и мультфильмах, в том числе и на произведениях Эдуарда Успенского о Чебурашке и крокодиле Гене. Там есть очень оригинальный персонаж – старуха Шапокляк с девизом: «Хорошими делами прославиться нельзя!». Но надо ли нам прославляться плохими? Думаю, что вносимые нынче поправки – как раз тот случай...

Призвал коллег больше думать о будущем, о наших детях, об ответственности родителей за воспитание своих детей. И попросил не одобрять данный закон. Без всяких согласительных комиссий!

Поправки приняты не были, несмотря на недовольство коллег из Государственной Думы, инициировавших идею по снижению брачного возраста.

Первый президент

Апрельским днем 2007 года, перед началом заседания, мы почтили минутой молчания память скончавшегося первого Президента Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина...

Молча встали. В эту минуту я остро осознал, как многое в моей жизни было связано с этим незаурядным, мощным человеком. Невольно вспомнились первые встречи – еще в Свердловске, где он возглавлял тогда обком партии и приходил побеседовать с нами, слушателями зо-

Борис Ельцин в Перми

нальных курсов для партработников. Мы задавали ему самые разные вопросы о его многочасовых выступлениях по местному телевидению – это было редкостью для руководителей в те времена. А однажды я обратил внимание Бориса Николаевича на позорную бедность буфета в цирке, расположенном напротив здания курсов:

– Замечательная программа, много гостей из-за рубежа и соседних обла-

стей. А в буфете – граненые стаканы, засохший сыр и дешевые конфеты. Даже мороженого нет.

Не поверите, на следующий день, проходя мимо цирка, увидел, как разгружается фургон с посудой и продуктами. Вроде бы, мелкий факт, но он показал характер человека, с которым потом многое оказалось связано в моей жизни – вплоть до предвыборных полетов по стране как его доверенного лица, о чем я уже упоминал. Хочу рассказать еще об одном малоизвестном эпизоде.

Еще кандидатом в Президенты России Борис Николаевич в 1991 году приехал к нам в Пермь. Это было большое событие – он в то время был на самом пике славы. Рейтинг зашкаливал. Все кричали: «Ельцин, Ельцин!». Это было огромное событие для территорий, когда он ездил по стране, тем более для нас: он себя всегда позиционировал как пермяк – десятилетку окончил в березниковской школе, отец у него работал там плотником, сестра жила. Знаменитого земляка, уральского самородка стремились увидеть тысячи людей.

На 17 часов назначили встречу с избирателями в зале заседаний Пермского облисполкома (сейчас это здание Органного зала). Сначала проехали по городу, прошли встречи в трудовых коллективах. В свите Ельцина был и министр внутренних дел Баранников. А у меня в УВД как раз заканчивалось комплексное инспектирование. Говорю ему:

– У нас в десять часов будет подведение итогов. И мне и вам надо там быть...

Но пробыл министр в УВД недолго, и я потом вместе с ним присоединился к ельцинскому кортежу. Примерно в 13 часов меня пригласили Баранников и Коржаков в комнату председателя областного Совета. Говорят: мол, Борису Николаевичу жарко, Борис Николаевич хочет искупаться в Каме.

Действительно, жара под тридцать градусов. Нелишне и освежиться.

– Есть, – отвечаю.

– Только, чтобы никто не знал, – предупредил Баранников. – А поедешь ты, Коржаков, я и Ельцин. На подготовку даю полтора часа.

Мой зам Сергей Новиков тоже в штабе в это время был. Говорю ему:

– Поезжай на Каму, посмотри, где можно искупаться.

Он – за мост, на городской пляж. Оттуда мне звонит:

– Народу навалом, не знаю что делать – не выгонять же людей!

И тут я ему команду:

– Поедем где «три сосны», помнишь, у озера, обычно в это время там никого не бывает...

Надо сказать, мы с друзьями иногда туда вечером выезжали, место знакомое, тихое. Новиков мне звонит буквально через двадцать минут: все готово.

Подхожу к Баранникову:

– Виктор Павлович, можно выезжать.

Руководству области Коржаков объяснил, что Борису Николаевичу надо отъехать по личным вопросам, на встречу. Никому не надо ничего говорить, ждите, через час вернемся.

Выезжаем на двух «Волгах», едем через мост. На правом берегу Камы народ купается. Борис Николаевич – в передней машине, вместе с Коржаковым, а я еду с Баранниковым. Проехали береговую линию. Он спрашивает:

– А куда это мы от реки?

Отвечаю:

– Едем дальше.

Он только крякнул:

– Японский бог...

И вот проходит десять минут... Пятнадцать... Начавший беспокоиться и злиться министр начинает мужской разговор: мол, каких-то мы «этих самых» держим, ничего нельзя поручить...

Напряжение растёт.

И тут свернули с основной дороги, поехали по грунтовой. Выезжаем на большую поляну, шикарную, три сосны и озеро. Борис Николаевич выходит: «О, какое место прекрасное!» – раздевается сразу до того самого, в чем мама родила, первым в воду, за ним сразу Коржаков, Баранников. Машут: давай, мол, за нами! Я пошутил:

– А кто ваши вещи стеречь будет?

Смеются. Вода была не очень теплая, скажу честно, но гости с удовольствием купаются, фыркают, радость на лицах. Наконец, вышли пловцы на бережок, присели на травку.

Борис Николаевич спрашивает:

– Что-то есть?

Я отвечаю:

– Есть минеральная вода.

– Нет, это я не буду.

Баранников подсказывает:

– Вам, Борис Николаевич, сейчас выступить...

– Нет, хочу пива!

А я заранее попросил, чтобы мне в машину положили белье, полотенца, простыни, несколько бутылок и какую-то снедь. Говорю:

– Ну, сейчас поищем, коль надо, – иставляю пиво.

Довольный Ельцин выпивает и вновь купаться идет, потом говорит Коржакову:

– Слушай, я никуда не поеду.

– Так время уже, народ ждет!

– Нет, давайте здесь побудем, такая погода шикарная, обойдутся без меня. Езжайте сами. Баранников выступит, скажет, что надо, как доверенное лицо...

Все же оделись, собрались – бодрые, посвежевшие. Приехали на маленькую площадку перед нынешним Органным залом: все заполнено людьми, не протолкнешься. Прошли окольными путями в здание. Милиция у стеклянных дверей в растерянности: толпа напирает, а уже на-

чалась встреча кандидата в президенты с аудиторией, попавшей туда по пригласительным билетам на законном основании. Пришлось мне идти помогать сотрудникам милиции. Обратился к толпе:

– Ребята, извините, мест в зале нет, а Борису Николаевичу я обязательно скажу, он с балкона вас поприветствует. Я это вам гарантирую, вы же знаете меня, я депутат, начальник УВД.

– Да, мы тебя знаем...

Так и снялось напряжение, давка прекратилась. Когда закончилась встреча, я подошел к Ельцину, коротко обрисовал ситуацию.

– Все, Валерий, мы идем!

У меня осталась та фотография: на ней Ельцин и пермяки, самолично увидевшие живую легенду – первого президента страны. «Чайка» с ним потом еле-еле на малой скорости выехала, потому что народ не выпускал автомобиль. Надо было видеть эти радостные лица и слышать дружное скандирование: «Ельцин – президент!».

От него тогда очень многого ждали...

Один из первых премьеров

Закончились очередные Примаковские чтения, организованные Национальным исследовательским институтом мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН). Тема их была – «Риски нестабильного миропорядка». Чтения прошли с большим успехом: 800 участников, политиков и дипломатов из 23 стран. Свое приветствие участникам прислал Президент РФ В. В. Путин.

Три года нет с нами Евгения Максимовича, но с каждым днем всё очевиднее, какой это был человек, какой масштабный государственный и политический деятель. Достаточно вспомнить о «доктрине Примакова» во внешней политике, о знаменитом развороте над Атлантикой, который аналитики назвали «предтечей всей путинской политики – от мюнхенской речи до Крыма».

Всего восемь месяцев он был Председателем Правительства РФ, но за это короткое время ему удалось добиться экономической и политической стабилизации России.

Не могу не поделиться с читателем воспоминаниями о тех встречах и впечатлениях, которые у меня, к счастью, были.

Помню давнее, но очень яркое впечатление от первой встречи с ним. В 1978 году Примаков, тогда директор Института востоковедения АН СССР, читал лекцию нам, слушателям Академии. Это был умный, подробный, захватывающий рассказ о том, чего мы тогда не знали и не слышали, – о Саддаме Хусей-

не и Тарике Азизе, о проблемах курдов в Ираке, о политической ситуации в Египте. Тогда я и подумать не мог, что жизнь сведет нас еще не раз.

Когда Евгений Максимович был премьером, в один из вечеров он приехал к нам в министерство и попросил членов коллегии обратить особое внимание на Дальний Восток, на рыбохозяйственный комплекс, где крутились большие криминальные деньги.

Будучи депутатом Государственной Думы, он неоднократно мне звонил и просил приехать рассказать о состоянии дел в Чечне. Ему было интересно всё – от действий военных, милиции до жизни обитателей Грозного, других регионов республики.

Мы контактировали и в ту пору, когда Примаков был президентом Торгово-промышленной палаты, тем более что его замести-

телем работал В. П. Страшко, мой коллега по МВД. Помню, как однажды в аэропорту Шереметьево в ожидании самолета мы долго беседовали с Евгением Максимовичем, и он очень тепло отзывался о его работе. Приятно было слышать добрые слова о давнишнем товарище.

И еще несколько встреч. Вот Примаков в Вологде, на пресс-конференции для региональных СМИ крепко критикует одного из министров. После вечером я спросил:

– Евгений Максимович, а не резко вы сказали об этом человеке?

Ответ был такой:

– Надо всегда говорить правду. Может, он услышит и сделает правильные выводы!

А вот мы в Музее Вооруженных Сил. Приглашены для вручения одной из юбилейных медалей. После торжественной части я заторопился по делам, но Примаков мне сказал:

– Неудобно, давай останемся. Люди готовились, старались, надо поблагодарить их за внимание.

А его председательство в созданном им «Меркурий-клубе» – дружеском собрании ветеранов «большой политики»! Когда экс-премьер делал аналитические доклады, вот уж где яблоку было негде упасть: люди сидели в проходах и ловили каждое слово Евгения Максимовича.

Хорошо, что коллеги и его друзья и единомышленники помнят и чтут этого великого человека. Как чтили при жизни. Накануне его юбилея раздался звонок:

– Ты сможешь присутствовать с супругой?

Да, я имел честь там быть. И помню, как много добрых слов о юбиляре сказал Владимир Владимирович Путин.

Открываю книгу Е. Примакова «Мир без России? К чему ведет политическая близорукость». Конечно, мне очень дорог автограф: «Валерию Ивановичу с самыми добрыми чувствами. 29.12.08. Е. Примаков». Но, главное, в книге дан объективный анализ роли России в современном мире, острых проблем, разделяющих Россию и США. Перечитываешь книгу – как будто сегодня написана.

«Любо» закону!

Когда палата рассматривала закон о казачьих объединениях, не смог остаться в стороне. Нужно было предусмотреть их четкую структуру – хуторские, станичные, войсковые подразделения и так далее. Обсуждалась и возможность привлечения российского казачества к несению государственной службы. По сути, казаки не являются государственными служащими. Но когда они привлекаются к обеспечению порядка во время чрезвычайных ситуаций, законы и все нормативные акты, которые регулируют ЧС, должны распространяться и на казачьи объединения. На мой взгляд, возник ряд сложных правовых коллизий по их взаимоотношениям с органами местного самоуправления. А потому и вышел на трибуну:

– Волею судеб, еще не будучи членом Совета Федерации, я посетил русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в пригороде Парижа – символ, хотя и горький, как говорил де Голль, особых связей вечной России и вечной Франции. Здесь нашли последний приют более десяти тысяч наших соотечественников. Среди них Иван Бунин, Рудольф Нуреев, Тарковский, Галич и другие. Здесь и сотни надгробий, на которых золотом написано: «урядник», «вахмистр», «хорунжий», «сотник», «есаул», «казак». В такие минуты приходит мысль: как же надо любить Россию, чтобы на всю жизнь и на все времена сохранить высокое имя представителя российского казачества? Воистину, как говорят, казак – звучит гордо. Казаки всегда были хлебопашцами и воинами.

Сегодня мы рассматриваем закон о казачестве. Я полагаю, что это долгожданный закон, который дает большие полномочия и ставит большие задачи перед казачеством. Теперь они уже на законном основании будут нести государственную службу, проходить службу в армии, охранять общественный порядок вплоть до участия в борьбе с терроризмом. Я убежден, что поддерживать, развивать и законодательно регламентировать работу казачества – очень благородная задача.

*По общему правилу, должен закончить сейчас свое выступление словами «прошу поддержать предложенный закон», но, учитывая специфику момента, прошу коллег сказать: **любо!** закону о государственной службе российского казачества!*

Раздались аплодисменты.

Председательствующий пошутил:

– Валерий Иванович, я думал, вы сейчас шашку достанете. И стопку...

– Неудобно, тут телекамеры, – улыбнулся я в ответ.

И тут один, видимо, из не очень внимательно слушавших коллег решил меня «поправить»:

– Валерий Иванович причислил Нуреева к вахмистрам и другим казакам. Хочу напомнить: Нуреева в казаки не принимали, он был танцором, он с балеринами только знался или с кем-то еще... Поэтому прошу исключить в своем выступлении из перечня достойных донских казаков фамилию «Нуреев»...

Понятно, ни в какой «казачий реестр» я этого эмигранта не включал, упоминая о «наших», похороненных в Париже. Забавным мне показалось, что именно об этом уроженце Уфы, ставшем мировой звездой балета, я как раз и знал достаточно много, чтобы не ошибаться. Знал подробности его детства и юности, обстоятельства бегства за рубеж, дальнейшую звездную биографию этой неординарной личности. «Феномен Нуреева» был мне интересен рядом обстоятельств и, прежде всего, судьбой таланта, предавшего Родину и трагически закончившего свой путь.

(Пишу об этом в момент, когда по телевизору показывают обморок на Крещатике оперной певицы, бывшего депутата Госдумы Максаковой. В Киеве убили ее мужа, бежавшего на «незалежную» от справедливого расследования его неприглядной деятельности. И вот теперь красивая, талантливая женщина в горе бьется о мостовую, на которой кровь ее супруга...)

Казалось бы, что еще было желать людям, которым Россия предоставила все возможности развития способностей, обеспечила прекрасную карьеру? Я был знаком с руководителем уфимского Дворца пионеров Валентиной Ивановной Воробьевой, которая абсолютно непредвзято и правдиво рассказывала, как Рудольфу Нурееву помогали педагоги обрести свой путь – кормили, одевали, учили так, что в Ленинград он приехал в семнадцать лет уже сложившимся, великолепным танцором. Он стал примой в Мариинском театре, его как российского артиста ждал грандиозный мировой успех.

Побег сделал из него орудие западной пропаганды, обрёл на одиночество, извращенные связи – и, в конечном итоге, на страшную болезнь. Так нередко заканчивается предательство. Но смерть призывает к милосердию и прощению. Поэтому и упомянул о парижской могиле...

А закону о казачестве коллеги, конечно, сказали: «Любо!».

Однажды подняли довольно надоевшую тему – об использовании специальных сигналов и регистрационных знаков на автомобилях. Некоторые сенаторы считали: «Вся эта суета вокруг маячков, “престижных” номеров и так далее – популистские маневры, которые носят больше местечковый характер и присущи городу Москве, но совершенно непонятны для жителей других регионов». А я просто поинтересовался: учтено ли в данном случае профессиональное мнение тех членов Совета Федерации, которые всю жизнь проработали в этой сфере? Конечно, я имел в виду таких специалистов, как мой однофамилец Владимир Александрович, возглавлявший долгие годы ГАИ – ГИБДД. И высказал свое мнение:

Однофамильцы – почти родственники: давняя дружба связывает меня с Владимиром Александровичем...

– Я за наведение порядка на дорогах нашей страны, в том числе и Москвы, и Московской области. Но, к сожалению, не каждая наша инициатива может быть поддержана. Я понимаю ваши благие намерения, но, к сожалению, здесь очень много недодумано, недоделано и так далее. Здесь уже мой коллега, один из главных и старейших руководителей Государственной автомобильной инспекции СССР и Российской Федерации, зачитал нам выдержку из Конвенции Организации Объединенных Наций о дорожном движении, в которой четко написано, что и как. Весь мир живет так, а мы опять беремся кого-то перекрашивать. А как

быть миллионам водителей? Они должны постоянно оглядываться? А ночью что им делать? Уверен и гарантирую: если мы с вами данную инициативу протащим, аварий будет больше. Там в заключении еще написано, что «выигрыш» будет обеспечен в результате увеличения штрафов. Я думаю, что мы найдем другие формы и методы «обогащения» нашей страны. Предложение мое следующее: данную инициативу отклонить.

Мне приходилось еще на посту начальника ГУВД Пермской области, да и позже, в Москве, сталкиваться с просьбами помочь «организовать» какой-то «волшебный» номер на личное авто. Всегда вспоминал в таких случаях, как один мой коллега, соглашаясь «помочь», иронически просил претендента «на исключительность» прежде зайти к начальнику уголовного розыска и получить разрешение на... убийство:

– Если он вам такую справку даст, то и я не против блатного номера!..

Вопрос о привилегиях для меня ясен: закон – един для всех!

На самой короткой волне

На Совете старейшин мы без обиняков говорили друг другу и спикеру о том, что слышали и видели, бывая в поездках, что говорят о власти простые люди в тех регионах, которые мы представляем в парламенте, какие законы особенно ждет народ сегодня. Перед ежегодным Посланием Президента страны Совету Федерации очень дотошно обсуждали, что от имени палаты и Совета старейшин посоветовали бы, по возможности, включить в этот важный документ. И Сергей Михайлович Миронов

при встрече с Владимиром Владимировичем Путиным излагал главе государства наши предложения. А потом, когда мы в Кремле слушали Послание, очень было приятно, если что-то из тех наших мыслей находило отзвук в речи президента.

Хочу еще сказать о Сергее Михайловиче Миронове. Он дал слово палате объехать **все** регионы России и сделал это: за два года побывал в каждом регионе Российской Федерации. Он всегда был для нас открыт и доступен. Буквально через 10–15 минут после звонка в приемную следовал ответ:

– Вас приглашает председатель. Просились к нему на беседу? Заходите, пожалуйста!

Он умел слушать мнения сенаторов и, самое главное, мог воспринимать критику. Как-то, я помню, мы принимали закон о полиции. Долго его готовила комиссия во главе с министром Рашидом Нургалиевым, а она состояла из членов Совета Федерации, научной общественности, юристов. Собрали почти 30 тысяч предложений с мест. От имени комитета проект закона докладывал член Совета Федерации Александр Алексеевич Чекалин. Я записался одним из первых на выступление: у меня возникли некоторые предложения. Когда я предварительно встречался во многих милицейских коллективах, меня очень просили высказать ряд существенных замечаний и суждений. Записалось на выступление еще несколько сенаторов, потому что закон принимался очень важный, и касался он не только миллионной армии работников правоохранительных органов, но и всех жителей нашей страны.

И вдруг... наш председатель сворачивает прения: мол, давайте без обсуждения. Закон ясен, отработан, у комитета замечаний нет, предлагаю проголосовать в целом.

Мы были этим решением очень удивлены. На следующий день на заседании Совета старейшин я выступил против такого ускоренного принятия законов:

– Сергей Михайлович, вы, пожалуйста, больше так не поступайте. Мы вправе вам как ведущему заседание задать вопросы, высказать мнения?..

Миронов воспринял эти слова очень правильно и впредь не допускал запелляционного тона. Он по складу своему – отзывчивый и добрый человек.

Дело Шведова

Декабрь 2011 года. В вологодской общественной приемной партии «Единая Россия» я веду личный прием граждан. И пришла ко мне жительница череповецкого поселка Ботово Татьяна Аркадьевна Шведова. Просила оказать содействие в пересмотре приговора ее сыну. Старший оперуполномоченный по особо важным делам Алексей Шведов работал в отделе по противодействию незаконному обороту наркотиков Управления по борьбе с оргпреступностью УВД по Вологодской области. В январе 2009 года приговорен Череповецким городским судом к двенадцати годам колонии строгого режима. Ему инкриминировали тяжкое преступление – торговлю наркотиками.

Татьяна Аркадьевна пришла ко мне, члену Совета Федерации, в надежде, что в связи со скандалом, возникшим вокруг деятельности преступной группы, возглавляемой руководителем городской наркополиции Алексеем Советовым (впоследствии суд назначил ему 20 лет колонии строгого режима и штраф в четыре миллиона рублей), дело ее сына будет пересмотрено, и справедливость восстановят. Трудно было не проникнуться материнским горем...

Сразу скажу, ненавижу предательство в рядах тех, кто поставлен охранять закон и порядок. Пресловутые «оборотни» сильно подорвали имидж правоохранительных органов, нанесли огромный урон авторитету полиции. К сожалению, знаю немало фактов, когда борцы с наркотой сами становились торговцами дурью. Но чем глубже я вникал в суть рассказа Татьяны Аркадьевны, тем больше появлялось сомнений в объективности расследования данного дела и справедливости наказания.

Изучив 58 листов предоставленных материалов, я обратился к прокурору Вологодской области Сергею Николаевичу Хлопушину

с просьбой лично вникнуть в уголовное дело Алексея Геннадьевича Шведова.

Вскоре мне пришло сообщение о начавшейся проверке: «Дело для изучения уже поступило в прокуратуру области».

В сейфе капитана милиции Алексея Шведова сотрудники череповецкого наркоконтроля нашли 120 граммов героина, а дома при обыске обнаружили меченые купюры, якобы переданные Шведову во время «контрольной закупки». Свидетельствовала против него, главным образом, цыганская семья, утверждавшая, что милиционер вел с ними регулярные телефонные переговоры и приторговывал изъятыми наркотиками. Этого хватило для обвинительного заключения. Хотя старший оперуполномоченный Шведов пояснил, что «свидетели» являлись его информаторами при раскрытии ряда преступлений, связанных с героином. И заявил, что, работая по линии незаконного оборота наркотиков, собрал компрометирующий материал о безобразиях, царящих в органах наркоконтроля.

Боевой офицер, прошедший «горячие точки», имевший безупречную репутацию, не признал обвинения. Он пытался объяснить в ходе следствия и на суде (а свидетели подтверждали его слова), что конфискованный героин ему передал один из следователей, но сотрудница камеры хранения в этот день была на больничном – пришлось положить порошок в сейф. Однако убедить суд, что это была самая настоящая провокация, организованная руководителями череповецкой наркополиции, Шведову так и не удалось. В феврале 2009 года он был этапирован в колонию для бывших сотрудников органов охраны правопорядка. Там он встретил земляка, обвиненного по той же статье на основании абсолютно похожей провокации с «мечеными» купюрами. И ему стало окончательно ясно, что в череповецком наркоконтроле действует настоящая банда, устраняющая честных сотрудников милиции, не идущих с ними на сговор. Он стал упорно обращаться в инстанции, но исправить судебную ошибку, увы, никто не торопился.

Мне до сих пор памятен тот разговор, боль матери невинно осужденного капитана милиции, мое искреннее желание помочь.

Через несколько месяцев Алексей Шведов вышел на свободу. Он провел под стражей три с половиной года.

«Я не филонил здесь, ребята...»

22 февраля 2012 года в 10 часов утра открылось очередное, 311-е заседание Совета Федерации. Председательствующая – Валентина Ивановна Матвиенко – предоставила слово сенатору от Вологодчины Валерию Фёдорову. Закончился срок моих полномочий...

Выходя на знакомую трибуну, прямо скажу, волновался сильнее, чем во время докладов. Конечно, в этих стенах многое было пережито. Большой отрезок жизни – десять лет сенаторства – связал меня с законотворческой деятельностью, со многими из тех, кто сидел сейчас в зале, представляя все регионы страны. Годы, проведенные в здании на Большой Дмитровке, стали временем, когда горизонты государственного мышления для меня значительно расширились. Каждое заседание, каждая встреча, каждый рассматриваемый документ несли массу значимой, важной информации, осмыслив которую, необходимо было принять решение.

Совет Федерации подарил мне общение с замечательными коллегами. Например, с Николаем Ивановичем Рыжковым, бывшим Председателем Совета Министров Советского Союза. Отличный дипломат, хозяйственник, политик, экономист, добрейшей души человек, был председателем комиссии по естественным монополиям. Мы с ним много ездили по стране, и сотрудничество с ним стало для меня большой школой.

Судьба свела меня с Дмитрием Мезенцевым, избранным вскоре заместителем Председателя Совета Федерации. Потом президент рекомендовал его на пост губернатора Иркутской области. Он там успешно работал, потом был ответственным секретарем ШОС. Имеет ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла Российской Федерации.

Сблизились мы и со Светланой Орловой, теперешним губернатором моей родной Владимирской области. Она у нас была руководителем группы дружбы парламента Российской Федерации с Азербайджаном. Мы регулярно, два раза в год, выезжали в эту республику, встречались с депутатами парламента, с президентом Ильхамом Алиевым. Он про-

извел на меня впечатление интеллектуала, политически выдержанного человека, уважающего и ценящего дружбу с Россией.

Не могу не упомянуть о встречах с Александром Торшиным, первым заместителем Председателя Совета Федерации, в настоящее время статс-секретарем – заместителем председателя Центрального банка России; с адмиралом Вячеславом Поповым, бывшим командующим Северным флотом; с Александром Дзасоховым, президентом Республики Северная Осетия; с Зинаидой Драгункиной, известной мне еще по комсомолу, сейчас она – председатель Комитета по науке, образованию и культуре Совета Федерации...

Хочу назвать еще ряд моих товарищей-сенаторов, с кем сблизился за годы совместной работы:

Евгений Бушмин, бывший заместитель министра финансов, стал в парламенте председателем Комитета по финансам, а в настоящее время – заместитель Председателя Совета Федерации;

Виктор Озеров, наш сенатор-ветеран, который с 1993 года (вдумайтесь в эту цифру!) является членом Совета Федерации и на протяжении почти двух десятков лет был председателем Комитета по обороне и безопасности;

Наталья Леонидовна Дементьева – бывший министр культуры РФ; мой товарищ и боевой коллега Владимир Кулаков (вечная память ему);

Игорь Васильев, в настоящее время – губернатор Кировской области;

Андрей Григорьевич Гурьев – основатель «ФосАгро»;

Рудик Искужин – военный, отчаянный человек, афганец;

Виктор Константинович Глухих – представитель военно-промышленного комплекса;

Егор Семенович Строев, сенатор от Орловской области – человек-легенда;

Вадим Густов – губернатор Ленинградской области...

Смотрите, какие личности были в Совете Федерации, с которыми мне довелось работать! О каждом из них можно долго и красиво рассказывать: самое главное – они достойны этого. С большим удовольствием называю их имена и говорю: большое спасибо, уважаемые коллеги, за совместную работу!

Быстро пролетело время. Почти одиннадцать лет моему членству в Совете Федерации – высшем органе законодательной власти нашей страны. Мне, конечно, пригодился здесь опыт работы в Верховном Совете. Мое твердое убеждение: законы должны создаваться и приниматься не в спешке, не в угоду конъюнктуре. Важно, чтобы они отвечали духу времени, работали во благо народа, во благо страны. И еще – мало написать хороший закон, надо мониторить: как он работает? И пора бы всем нам, россиянам, более ответственно подходить к неуклонному соблюдению законов. Воспитание такой ответственности – очень важная грань работы для законодателей.

...Сложился некий ритуал прощания с коллегами по палате – обязательные слова благодарности, извинения, если «было что-то не так...». Мне очень захотелось уйти от формальных фраз, проститься тепло и необычно – с юмором. Под ободряющие взгляды друзей вышел с «финальной речью» на трибуну:

– Как член Совета Федерации с более чем десятилетним стажем я должен говорить долго и витиевато, а как генерал-полковник милиции обязан говорить громко. Но я скажу просто, честно и искренне. Я вас всех благодарю за совместную работу во имя наших регионов, наших граждан. Не держу ни на кого зла, это не в моих правилах. Новые времена, новые тенденции, новые люди нужны, но я убежден в том, что сенатор – это категория «штучная», и его надо беречь. Сейчас буду говорить по бумажке, уважаемые коллеги, то, что сочинил, но не выучил. Некогда было...

И я прочел в притихшем зале:

– Погасли свечи, кончен бал, / Гляжу на лица, что мне близки. / Я вместе с вами отбывал / Десятку с правом переписки. / Ворота настужь, кончен срок, / Я не филонил здесь, ребята, / А делал все, что только мог. / Прощай же, верхняя палата!

Финал настал и этой повести, / Что будет дальше – погляжу, / Но «на свободу с чистой совестью» / От вас я, братцы, ухожу. / И мне теплее от сознания, / Что здесь трудился я не зря. / Я говорю вам: до свидания! / Спасибо вам, мои друзья!

Без лишней скромности замечу: удостоился за свою прощальную речь аплодисментов, редких в этой аудитории. А главное – уходил под

добрые улыбки и искренние пожелания коллег, ставших в большинстве своем моими друзьями. Прирастал ими постепенно: с кем-то даже в полемике обретали взаимную симпатию, не говоря уже о единомышленниках. Здесь собрались люди с колоссальным жизненным и политическим опытом, профессионалы, которым регионы поручили представлять интересы территорий и миллионов людей в парламенте страны.

...Уже покинув Совет Федерации, остро осознал, что именно здесь, под особым углом государственных интересов, довелось взглянуть на ряд вроде бы знакомых и понятных проблем и вопросов – уже с точки зрения законодателя, призванного предугадывать, как отразятся на обществе действие данного закона или вносимые поправки – сейчас и в будущем.

Впереди меня ждал новый, очень интересный участок работы: предстояло войти в сферу промышленного производства, стать сотрудником крупного акционерного общества мирового уровня и значения. Знал, что будет не очень легко, но хотелось и дальше использовать накопленный опыт и знания.

Сознаюсь честно: не мог представить себя мирно отдыхающим на даче пенсионером, когда еще полон энергии и сил...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

С основателем «ФосАгро» Андреем Григорьевичем Гурьевым мы заседали еще в сенате

Сейчас я работаю в компании «ФосАгро». Пришел сюда в марте 2012 года по приглашению основателя компании Андрея Григорьевича Гурьева. Мы с ним более десяти лет были членами Совета Федерации – эта работа связала нас многими нитями. И когда закончился срок моего сенаторства, он пригласил к себе на должность советника генерального директора.

А через год, в августе 2013 года, по предложению вновь назначенного генерального директора Андрея Андреевича Гурьева я занял пост заместителя генерального директора компании «ФосАгро» по связям с государственными органами.

Компания будущего

Обдумывая рассказ о новом витке моей биографии, держу в руках замечательный буклет: «Компания будущего». Название очень символичное. Отвечает духу и общему настрою руководства, всего коллектива компании. Наша группа сегодня – лидер в агрохимической отрасли России и один из ведущих игроков на глобальном рынке удобрений.

В чем же секрет успешности компании? Практика учит: это оперативное реагирование на реальные запросы потребителей и достижение максимальной эффективности использования ресурсов – сырьевых, интеллектуальных, кадровых. Мне кажется, мы научились это делать. Компания каждый день делает шаги вперед, развивается, эволюционирует. Она является одним из ведущих мировых производителей фосфорсодержащих удобрений, держа безусловное первенство по производству высокосортного фосфатного сырья; в Европе – по объему выпуска фосфорсодержащих удобрений, и «номер один» – как поставщик фосфорсодержащих удобрений на рынок России и стран СНГ. «ФосАгро» – главный налогоплательщик в Мурманской и Вологодской областях. Наша компания присутствует и в Саратовской, и в Ленинградской областях: мы ежегодно платим в их бюджеты от 18 до 20 миллиардов рублей налогов.

Мы единственные в России производители кормового монокальцийфосфата и жидких комплексов удобрений, а также нефелинового концентрата. Можно уверенно сказать, что помогаем обеспечивать продовольственную безопасность в России и в мире. Наша компания поставляет продукцию в 100 стран и сохраняет статус лидирующего поставщика минеральных и фосфорсодержащих удобрений на внутренний рынок. За последние пять лет мы вдвое увеличили их поставки и для своей страны. Недаром в 2017 году группа «ФосАгро» завоевала высшую награду Всероссийского конкурса Российского союза промышленников и предпринимателей «Лидеры российского бизнеса: динамика и ответственность». За последние пять лет российские фермеры, российское сельское хозяйство в три раза увеличили закупку минеральных удобрений. В 2017 году мы показали рост производства минеральных удобрений и кормовых фосфатов на 12 процентов,

до 8,3 миллиона тонн, а капитальные вложения составили 35,9 миллиарда рублей, включая затраты и на капремонт.

Чтобы мой читатель имел представление о том, где я нынче тружусь, приведу еще немного фактов и статистики.

Выпуск минеральных удобрений и кормовых фосфатов за последние пять лет вырос на 40 процентов. Втрое увеличился ассортимент – до 39 наименований.

Какова география нашего производства? Я уже говорил, что мы располагаемся в Мурманской области – более 9 миллионов тонн апатитового концентрата добывает Кировский филиал АО «Апатит». А в Череповце налажено производство фосфорсодержащих и азотных удобрений, фосфорной и серной кислот, а также аммиака. В Балаково Саратовской области производим фосфорсодержащие удобрения, кормовые фосфаты, фосфорную и серную кислоты. В АО «Метаким» в Ленинградской области развернуто производство комплексных гранулированных удобрений, триполифосфата натрия, фосфорной и серной кислот.

У нас развита логистика и дистрибуция. При компании созданы «Смарт Балл Терминал» в порту Усть-Луга, «ФосАгро-Регион» – крупнейший в России дистрибьютор удобрений в основных сельхозрегионах. Трейдинговые компании, торговые представительства действуют в Байонне (Франция), Гамбурге (Германия), Цуге (Швейцария), Варшаве (Польша), Сингапуре (Республика Сингапур), Сан-Паулу (Бразилия) и Белграде (Сербия).

Парк железнодорожных вагонов составляет 5559 единиц.

Науку и инжиниринг представляет Научно-исследовательский институт по удобрениям и инсектофунгицидам имени профессора Я. В. Самойлова. Это старейший и единственный в России научно-исследовательский институт, специализирующийся на исследованиях в области технологии переработки фосфатного сырья, создании и внедрении экологически безопасных, энергоэффективных и ресурсосберегающих технологий комплексных минеральных удобрений, кормовых добавок для животных, неорганических кислот и технических солей.

Рост производства фосфорсодержащих удобрений и кормовых фосфатов у нас составляет более 10 процентов в год.

А какова география поставок нашей продукции? Начинается она с Российской Федерации – это 67 регионов страны! В России и СНГ мы продали в 2017 году 3,09 млн тонн, в Европе – 1,82 млн тонн, Латинской Америке – 1,62 млн тонн, Северной Америке – 0,62 млн тонн, Африке – 0,39 млн тонн, Азии, в том числе Индии, – 0,56 млн тонн – такие вот очень интересные и значимые показатели!

В 2017 году построены новые высокотехнологические производства аммиака мощностью 760 тыс. тонн в год и гранулированного карбамида – 500 тыс. тонн в год на череповецком предприятии «ФосАгро». Одни только суммарные инвестиции в этот замечательный проект составили более 65 млрд рублей. Здесь создано 370 новых высокотехнологичных рабочих мест.

Всего сейчас у нас трудится более 17 тысяч сотрудников. За последние годы в развитие компании вложено 250 млрд рублей инвестиций.

А каковы перспективы? К 2020 году прирост мощностей по выпуску удобрений составит 25 процентов.

Социально ответственные

Важная грань работы компании – взаимодействие с территориями присутствия наших предприятий: мы регулярно заключаем с ними договоры о сотрудничестве и вкладываем немалые средства в их развитие. Особое значение приобретают при этом надежные связи с руководством этих областей.

Мне по жизни встречалось немало людей, общение с которыми доставляло истинное удовольствие, независимо от их положения, степени нашей близости и частоты контактов. Обычно это ощущение становилось для меня предвестником и дружеских, дружелюбных отношений, помимо чисто служебных. Приятно осознавать, что с годами прибавляются новые и новые знакомства с отличными людьми, несомненно, оказывающими влияние на повышение моего личного потенциала. В этом знаковом для меня ряду хочу особо отметить «шестидесятников», как шутя называю четверку родившихся в начале 1960-х годов губернаторов – очень разных по характеру и пройденному пути, но во многом очень мне близких, молодых моих современников.

Сменивший Позгалёва на посту губернатора Вологодской области Олег Александрович Кувшинников не мог не вызвать моего искреннего и глубокого уважения. Мне он особенно симпатичен как бывший мэр моего любимого Череповца – города, одарившего меня высоким доверием и настоящей дружбой.

Олег Кувшинников ныне стал губернатором родной мне Вологодчины

Заметки на полях

«Обычное» депутатство

Мой череповецкий знакомый как-то поделился услышанным в одной мужской компании:

– А Фёдоров-то, что ни говори, пошел на понижение. Он ведь был депутатом России, сенатором, а сейчас обычный депутат в нашем городе...

Однозначно могу поспорить с такой несправедливой оценкой. Быть избранным жителями Череповца на пять лет в состав городской думы – действительно, очень почетно и ответственно для меня. Этот период насыщен событиями далеко не рядовыми в моей жизни. Я регулярно участвовал в работе сессий, заседаний комитетов, встречался с избирателями. По мере возможности решал вопросы развития города в области, в высоких столичных кабинетах. Регулярно, раз в месяц, вел депутатский прием населения. Почти три сотни человек обратились ко мне с проблемами, в уверенности: «Человек из Москвы, генерал – он обязательно решит мой вопрос». А их целый спектр! Получение статуса «Ветеран труда», «Ветеран боевых действий», оказание содействия в возбуждении уголовных дел, в поиске пропавших родственников, возмещение задолженности по заработной плате, лечение в Москве, жилье, место в детском саду, обеспечение инвалида протезом, и даже корректировка пролета самолетов над поселениями...

Здесь я особенно остро ощутил, что это значит – быть народным представителем. Близость к этим замечательным людям труда сделала гораздо объемнее и глубже мои представления о задачах власти, исходя из житейских потребностей и чаяний населения Череповца. Я всегда принимал активное участие в сессиях, стараясь максимально быть в курсе всех городских дел, вносить аргументированные предложения по решениям гордумы, взаимодействовать с мэрией, оказывать посильную помощь в реализации важных городских проектов и программ.

Приятно было в День города, в ноябре 2016 года, удостоиться почетного звания «Человек года города Череповца в сфере социальной деятельности»; работать и общаться с Андреем Генриховичем Подволоцким – председателем гордумы, Маргаритой Павловной Гусевой – его заместителем. В настоящее время она председатель городской думы, человек исключительно работоспособный, с высоким чувством ответственности. А мэром стала Елена Осиповна Авдеева, неугомонный человек, заряженный на многие добрые дела. Так что Череповец сейчас в надежных женских руках – город металлургов и химиков работает под неусыпным надзором лучшей половины человечества!

Верю: у них все получится. Как и у моих бывших коллег-депутатов: Алексея Акишина, Александра Афанасьева, Сергея Денисова, Сергея Ильина, Дмитрия Кузьмина, Сергея Орлова, Ирины Супрун, Александра Чернова, Анны Леоновой, Андрея Харина – они основательно и честно исполняли свой депутатский долг перед избирателями Череповца. Думаю, все вместе мы хорошо поработали.

...В Олеге Александровиче Кувшинникове меня поразила разносторонность его талантов: он отмечен Министерством образования и науки России за личный вклад в развитие металлургической промышленности, автор ряда серьезных изобретений, дважды становился лауреатом премии имени академика Бардина. И при этом – кандидат в мастера спорта по хоккею. Понятно, что в Череповце этот вид спорта особенно популярен.

Ярким флажком на карте моего «внутреннего навигатора» отмечена заполярная Мурманская область: город-герой Мурманск, Кольский полуостров, знаменитый песенный остров Рыбачий, Хибинские месторождения апатит-нефелиновых руд... Минералогические богатства этой рубежной русской земли сочетаются с главным сокровищем –

Всегда радует деловая встреча с Мариной Ковтун – губернатором Мурманской области.
Удивительная женщина!

людьми. Такими, как обаятельная и деловая Марина Васильевна Ковтун, нынешний губернатор. В ней чувствуется знакомая мне добрая комсомольская закалка. И – хорошая наследственность: ее отец Василий Тихонович – в этом северном краю просто легендарная личность. Тралмейстер, Герой Социалистического Труда, он всю жизнь посвятил морю, рыболовству, став одной из самых выдающихся фигур в Мурманском траловом флоте.

Марина Васильевна – из одного поколения с Валерием Васильевичем Радаевым, губернатором Саратовской области, и Александром Юрьевичем Дрозденко, возглавляющим Ленинградскую область. Валерий Радаев, как и Александр Дрозденко, имеет основательную сельскохозяйственную инженерную биографию, и при этом мой тезка – кандидат социологических наук. Он стал очень заметным человеком в стране, входит в состав Высшего совета партии «Единая Россия». Ученой степенью кандидата экономических наук обладает губернатор Дрозденко. Примечательно, что он был избран на эту должность более чем 82 процентами избирателей, принявших участие в голосовании – результат просто ошеломляющий и о многом важном свидетельствующий.

Вот такая генерация современных руководителей, отлично разбирающихся в экономике и проблемах сельскохозяйственного производства, что позволяет целенаправленно, гармонично и эффективно взаимодействовать. Тем более что нашей компании органично близко то, что называется социальной ответственностью бизнеса. Почти 2 млрд рублей мы ежегодно тратим на благотворительные и социальные проекты.

Более 3 млрд рублей за последние три года были вложены в развитие горнолыжного комплекса «Большой Вудъявр» – одного из лучших курортов России: более 150 тысяч туристов приезжают теперь ежегодно в город Кировск. В рамках корпоративной программы жилищного строительства за эти годы мы построили для сотрудников компании более 1700 квартир. 40 млн рублей – наша поддержка высокотехнологической медицинской помощи. Два года подряд мы заключаем договор с Центром сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева: его подписывают от ПАО «ФосАгро» Андрей Андреевич

Гурьев, а от Центра – академик, известнейший в мире кардиолог Лео Антонович Бокерия.

Мы заботимся о будущем компании, а оно – в людях. Проблему кадров решаем конкретными делами. Успешно выстроена система подготовки: школа – колледж – вуз. Выпускники школы и колледжа получают возможность продолжить образование в ведущих вузах страны. Важным проектом в образовательной сфере стали «ФосАгро-классы», открытые в пяти городах присутствия наших предприятий. В них ежегодно проходят обучение 250 школьников. Это новый проект. А за последние годы только на ремонт подшефных школ было выделено 250 млн рублей. И задачу мы поставили такую: сделать их лучшими в их городах и областях.

Крупнейшим проектом в области детско-юношеского спорта является финансирование всероссийской программы «ДРОЗД» («Детям России – образование, здоровье и духовность»), инициатором создания и продвижения которой был Андрей Григорьевич Гурьев. Теперь более 20 тысяч детей участвуют в регулярных мероприятиях, проводимых под эгидой этой программы. Семь ведущих научных центров, в том числе МГУ имени Ломоносова, участвуют в разработке методик «ДРОЗДа».

Под «крылом» компании действует Череповецкий химико-технологический колледж: здесь готовят специалистов среднего звена, которые потом приходят к нам на работу. Два года назад колледж выиграл грант и вошел в сотню лучших учебных заведений страны. Он полностью нами отремонтирован, выглядит «с иголочки». А в начале очередного учебного года учащиеся колледжа получают 25-метровый бассейн с четырьмя дорожками.

Замечательный врач Лео Бокерия – пример беззаветного служения делу

Важна и наша поддержка спорта высших достижений. На протяжении многих лет «ФосАгро» оказывает содействие олимпийскому движению, Российской шахматной федерации, Всероссийской федерации художественной гимнастики, Всероссийской федерации плавания, Региональной спортивной федерации дзюдо Петербурга. Наш генеральный директор Андрей Гурьев возглавляет Федерацию художественной гимнастики Москвы и является первым вице-президентом Всесоюзной федерации художественной гимнастики. Кроме того, Андрей Андреевич еще и вице-президент Российской федерации шахмат. Компания на протяжении многих лет является партнером Российской шахматной федерации, а с 2018 года – и российского гроссмейстера Сергея Карякина. С расчетом на воспитание будущих чемпионов «ФосАгро» открыла шахматные классы в подшефных школах и детских садах.

Уже упоминал, что в заполярном Кировске создан горнолыжный комплекс «Большой Вудъявр», а также лыжный стадион с прокатом, освещением: лыжные трассы сертифицированы в Федерации лыжных гонок мира. Мы оказываем спонсорскую помощь баскетбольному клубу «Автодор», волейбольным клубам «Протон» города Саратова, женской волейбольной команде «Северянка» из Череповца, которая в 2017 году досрочно стала чемпионом России в высшей лиге «А», а нынче, аж за шесть туров до окончания чемпионата, вновь завоевала золотые медали. В Балаково наша компания оказывает поддержку команде по спидвею, спортивному клубу «Турбина»: мы полностью переоборудовали стадион, в апреле 2018 года здесь прошел этап Кубка Европы по спидвею.

С гордостью хочу сказать о поддержке духовных ценностей. В рамках программы «Духовное возрождение» группа «ФосАгро» реализует замечательные проекты. Незабываемым событием для православных верующих России стало то, что летом 2017 года – впервые за 930 лет пребывания мощей святителя Чудотворца Николая в Бари в Италии – их частица была привезена на российскую землю. Поклониться святыне смогли более двух миллионов человек. А заботы по организации перенесения мощей взяли на себя компания «ФосАгро» и семья православных меценатов, руководителей и основателей компании – Гурьевых. Святейший Патриарх Кирилл наградил компанию «ФосАгро»

орденом святого благоверного князя Даниила Московского I степени. По благословению патриарха дважды в год мы организуем паломнические поездки в Бари.

Не могу не отметить вклад компании в создание храмового комплекса и кафедрального собора преподобных Афанасия и Феодосия Череповецких в Череповце Вологодской области. Отреставрирован также Свято-Троицкий храм в Балаково, построена церковь Спаса Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа в Кировске. Мы оказываем постоянную благотворительную помощь в восстановлении и строительстве православных святынь как в России, так и за рубежом. Например, полностью восстановлен Свято-Пантелеймонов монастырь на Святой горе Афон. И, что особенно примечательно, мы вернулись к возрождению традиций строительства заводских храмов.

Это храм Великомученика целителя Пантелеймона на заводской базе отдыха «Сосновка» Вологодской области;

храм-часовня в честь святой Великомученицы Варвары на Фосфорном комплексе в Череповце;

храм святой Великомученицы Варвары на кировском руднике ОАО «Апатит»;

храм-часовня в честь святого пророка Елисея на Азотном комплексе в Череповце.

Что касается поддержки культуры и патриотического воспитания, то «ФосАгро» занимает здесь достойные позиции, традиционно являясь, например, партнером крупнейшего в мире парада военных оркестров, международного военного музыкального фестиваля «Спасская башня». Миллионы людей в разных уголках Земли наблюдали телевизионные трансляции этого многозвучного праздника – символа дружбы.

Хочу с гордостью отметить, что наша компания откликнулась на предложение руководства Межпарламентской ассамблеи СНГ и профинансировала создание органа для капеллы «Таврическая» в Санкт-Петербурге.

Группа «ФосАгро» присоединилась к Ассоциации шефства над Северным флотом. Моряки-североморцы и горняки комбината «Апатит» тесно взаимодействуют в деле военно-патриотического воспитания молодежи. Компания оказала финансовую поддержку при строительстве детского образовательного центра «Корабелы Прионежья» в Вытегорском районе Вологодской области.

Многое делается для улучшения экологии. Регулярно проводится анализ и дается оценка воздействия деятельности наших предприятий на окружающую среду. В марте 2013 года компания «ФосАгро» и ЮНЕСКО подписали соглашение о партнерстве и учреждении программы грантов для перспективных разработок, предложенных молодыми учеными в рамках совместного проекта «Зеленая химия для жизни». Реализуется целенаправленный переход химической промышленности, в том числе и отрасли минеральных удобрений, на принципы «зеленых технологий».

Особо – о социальном пакете. Компания вошла в первый в истории американского «Форбс» рейтинг лучших работодателей мира, став одной из четырех российских компаний, попав-

Первым делом – забота об экологии!
Награду Экотеха заслужили

ших в «Топ-500». Это тоже говорит о нашем упорном стремлении улучшать жизнь людей, труду которых компания обязана всем достигнутым. Приведу один только факт – динамику роста заработной платы: в 2012 году средняя зарплата у нас составляла 42 643 рубля, а в 2017 году – 74 443. Это выше среднего уровня оплаты труда по отрасли и в регионах присутствия. Обоснован данный рост тем, что за счет сокращения издержек и значительного увеличения объемов производства, на уровне 10 процентов ежегодно, компании «ФосАгро» удалось достичь беспрецедентного роста производительности труда на одного работника и возглавить список российских компаний по этому показателю, по версии газеты «Ведомости».

Только один факт: около четырех десятилетий назад, в 1979 году, в Череповце на двух химических заводах, впоследствии вошедших в группу «ФосАгро», трудилось около 10 тысяч человек. Годовой объем выпуска минеральных удобрений составлял меньше 1 млн тонн в год. А в 2017 году при численности работников примерно в 4 тысячи человек годовой объем выпуска минеральных удобрений превысил 6 млн тонн. В 1979 году выпуск продукции на одного человека составлял 94 тонны, а в 2017-м – более 1,5 тыс. тонн. То есть производительность на одного работающего увеличилась в 16 раз.

Золотой фонд

Объективности ради надо заметить, что всё это делается под неусыпным – я бы сказал, ежечасным, ежеминутным – контролем Андрея Григорьевича Гурьева. Может, мне не совсем с руки говорить о лидере компании, в которой сам сейчас тружусь. Но я не по долгу, а по душе хочу сказать несколько слов об основателе компании, который делает все для того, чтобы руководимые им трудовые коллективы, высшее руководство, менеджмент компании работали слаженно, как швейцарские часы. Вот уж поистине руководитель, которого даже «за глаза» никто не называет «боссом». Помните, как президент США Теодор Рузвельт еще в начале прошлого века отметил, в чем разница между

лидером и боссом: «Лидер работает в открытую, босс – в закрытую. Лидер ведет, босс погоняет».

Это у Андрея Григорьевича получается – вести за собой вперед. Человек современный, требовательный, заботливый, он постоянно в курсе событий и планов, до мельчайших подробностей знает, что делается на предприятиях. А его сын, Андрей Андреевич, уже почти пять лет работает генеральным директором. Для такой должности человек молодой – ему всего 36 лет. Но за эту «пятилетку ответственности» он сделал огромный рывок в своем становлении, досконально изучил производство, умеет общаться с трудовым коллективом, наладил четкие деловые отношения со своими коллегами, стал председателем Российской ассоциации производителей удобрений, уверенно общается с банкирами, с руководством страны. Грамота Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина – несомненный факт признания заслуг и «ФосАгро», и лично Гурьева-младшего.

Уже говорил, что минеральные удобрения являются важным компонентом обеспечения мировой продовольственной безопасности. Российские компании – производители чистых фосфорсодержащих удобрений. На примере нашей компании видно, какую большую

Молодость – делу не помеха. Андрей Андреевич Гурьев успешно возглавил компанию, основанную отцом

роль играют они в обеспечении стабильно высоких урожаев и производстве качественной и чистой сельскохозяйственной продукции. Только благодаря продуманной государственной политике в агропромышленном комплексе и мерам поддержки аграриев со стороны производителей удобрений, производство сельхозпродукции по итогам 2017 года превысило уровень 2000 года почти в два раза. Россия собрала рекордный урожай зерна – 134 млн тонн, побив тем самым абсолютный рекорд всего

Советского Союза 1978 года, когда было собрано 127,4 млн тонн зерна!

Конечно, компания для меня – это, прежде всего, коллеги, друзья, товарищи. Хочу сказать доброе слово о заместителе генерального директора Юрии Николаевиче Круговых. Это, образно говоря, настоящий начальник генерального штаба нашей компании, потому что постоянно держит руку на пульсе всего, что делается в огромном, динамично развивающемся производстве и в коллективах. Он не только сотрудничает со всеми директорами, но и является связующим звеном между предприятиями и высшим руководством компании. Я назвал бы Юрия Николаевича мозгом и двигателем нашей компании.

Уже не удивляюсь феноменальной памяти, спокойствию, уравновешенности, замечательным человеческим качествам Михаила Константиновича Рыбникова – генерального директора АО «Апатит», экономиста, финансиста, производственника по призванию. Он для меня совсем молодой человек, ему немногим более сорока лет, а у него семь детей. Характеризует это личность? Думаю, вполне. Во всяком случае, говорит о многом, очень для меня симпатичном: такую семью строит только уверенный, устремленный в будущее человек.

А каких директоров встречал я на наших промышленных предприятиях! Андрей Юрьевич Абрашитов (Кировск, добыча апатита, отсюда начинается путь к удобрениям), Алексей Борисович Грибков («Балаковские минеральные удобрения»), Андрей Валерьевич Черепанов и Владимир Васильевич Давыденко... Эти современные инженеры, многопрофильные руководители, прошедшие все ступеньки на производстве, – настоящая поддержка нашему генеральному! Молодой, но очень старательный Александр Сидельников с «Метакима» – человек, который много делает и для повышения культуры производства, и для развития данной площадки. Андрей Вовк – разворотливый и умелый

«продавец» минеральных удобрений. Александр Гильгенберг, сегодня заместитель генерального директора, возглавляющий аппарат компании, переведен с Кировской площадки. Борис Левин – наш профессор, ученый, который досконально знает мировую практику производства удобрений, умеет вовремя подсказать направление развития, на основе глубокого анализа дать правильный прогноз.

А Сергей Александрович Пронин, который несет сложную и важную обязанность по продаже продукции нашей компании в 100 стран мира! Удивляюсь его энергии и неутомимости: кажется, он постоянно в пути, в командировках – из самолета в самолет, то в Сан-Паулу, то в Салоники, то в Италию, то во Вьетнам... И, безусловно, как говорится, «см. карту России...».

Александр Исаакович Псахье – аксакал нашей компании. Куда бы его руководство компании ни ставило – а должности все высокие, ответственные, – у него все получается. Это универсальный управляющий, мастер созидания, строитель по природе и по призванию.

Юридической службой руководит Алексей Сиротенко, который со своим компактным профессиональным коллективом верным курсом ведет правовую политику компании, хотя приходится порой всерьез отбиваться от тех неприятностей, которые в бизнесе возникают нередко. Это грамотнейший юрист, умеющий предвидеть риски и успешно решать самые сложные вопросы.

Наш министр финансов – Александр Фёдорович Шарабайко. Его личные усилия и талант – вклад в то, чтобы компания стала одной из самых высокоприбыльных в стране, в Европе и даже в мире. А директор Казначейства Мария Витальевна Мохначева даже стала лауреатом национальной премии «Казначей года», которой отмечают лучшие корпоративные казначеи.

Игорь Анатольевич Карякин, первый заместитель генерального директора АО «Апатит», прошел почти все должностные ступени и четко знает, что с кого спросить.

Сиродж Лоиков, главный кадровик, как ему и полагается, хорошо разбирается в людях, в их способностях. Понять и предвидеть, где следует использовать специалиста, чтобы получить от него наивысшую отдачу, – его обязанность. Недавно его перевели на международное

направление; с его опытом, хорошим образованием и достойным английским все у него получится!

Сергей Андреевич Лобанов и Юрий Дмитриевич Черненко решением высшего руководства компании направлены на один из сложнейших участков – снабжение. Оба работали директорами предприятий, а теперь этим организаторам удалось значительно выправить дела по снабжению и сделать этот раздел сложной работы компании одним из передовых.

Много теплых, искренних слов хотел бы сказать на страницах этой книги об Андрее Подкопалове, Зинаиде Борисовне Сахаутдиновой, о нашем замечательном «кормильце» Владимире Матвеевиче Островском, которому довелось кормить российских спортсменов на Олимпийских играх.

О департаменте по связям с госорганами скажу, конечно, особо – как его куратор. Более десяти лет им руководила Светлана Валерьевна Толстикова, потом ей предложили ответственный участок работы в городе Кировске Мурманской области, где она успешно и трудится.

Светлана Тулаева, Анна Шахина – наш маленький, дружный, работоспособный коллектив. Быть «на связи», «по связям» – ответственное, хлопотное и... интеллигентное дело. Нужно иметь особый дар общения, культуру, а порой и выдержку. У них это получается. И на предприятиях есть люди, которым поручено такое же нелегкое дело – налаживание контактов: Дмитрий Даниличев, Юрий Кузин и Максим Кузнецов.

Рассказ о работе и коллегах будет неполным, если не отмечу вклад Ольги Петровны Горбач, моего помощника. Внимательная, заботливая, очень аккуратная в работе, приветливая в общении с посетителями, она все помнит, всех знает и всегда поможет. Одно слово – достойный работник. Да у нас все такие!

...Как «объять необъятное» – сказать хоть несколько слов о каждом из дорогих мне людей?! Очень надеюсь: не обидятся те, кого не упомянул в этих записках, тем более что я ведь продолжаю работать в компании. Думаю, мы уверенно смотрим в будущее, еще многое сделаем, и еще расскажем о новых отличных результатах, а перспективы у компании большие. Недаром сказано: «Мы – компания будущего», и кому же как не нам оправдывать эти высокие слова!

Впрочем, не в словах суть. Вот и наш лидер Андрей Григорьевич Гурьев не любит громких фраз и славословий. Когда недавно у него был день рождения (кстати, исполнилось-то всего 58 лет), я написал ему маленькое поздравление – и в шутку, и всерьез:

– Твой первый крик раздался в Лобне, / привлек святителей парад. / Особо Николай Угодник / (уверен) был мальчишке рад. / С тех пор по жизни всё в порядке, / с Россией, с Богом ты всегда. / И храм на каждой промплощадке – / форпост и веры, и труда. / Ты муж, заботливый родитель, / и мастер боевых искусств, / и добрых дел благотворитель. / (Отметил «Форбс»: карман не пуст.) / «ФосАгро» – это гордость наша, / теперь нас знает целый мир, / ведь эту «гурьевскую кашу» / ты очень круто заварил. / От всей души я обнимаю, / и рад, что ты в моей судьбе. / Уверен, в подмосковной Лобне поставят памятник тебе. / Ведь ясно всем, не только мне: / «ФосАгро» – лучшая в стране! / А тост мой прост и мысль проста: / будь счастлив и живи до ста!

На этой оптимистичной ноте я и закончу короткий экскурс в историю и деятельность компании, которая носит имя – **Публичное акционерное общество «ФосАгро».**

Скажу с сердечной благодарностью: здесь мне не только предоставили новый фронт служения стране, нашли применение моим знаниям и энергии, но и способствовали тому, чтобы эти бесхитростные записки обрели вид вполне солидной книги.

Надеюсь, что-то в ней покажется любопытным и полезным не только скромному автору...

МОЙ ТЫЛ, МОЯ ЛЮБОВЬ, МОЯ НАДЕЖДА

Эпилог

Вновь и вновь возвращаюсь к самому главному – к моей семье. Честно скажу, мне в жизни очень повезло: с любовью и опорой моей – Галиной Михайловной – мы вместе уже полвека. Встретились молодыми специалистами. Провели счастливые годы в маленьком уютном городе Губахе, который нам стал родным и близким: здесь родилась наша любимая дочка, осталось много самых добрых воспоминаний о начале трудовой деятельности, семейной жизни. Здесь шло наше становление. Не зря ведь говорят: «Молодые годы – чудесные годы».

Еще раз благодарно помяну друзей-губахинцев – добрых, трудолюбивых, надежных людей. Мы вместе меняли облик этого города, создавали уникальное производство метанола, горнолыжный комплекс, увлекались биатлоном, лыжами, восхищались уральской природой. Здесь стартовали в большую жизнь, навсегда сохранив память о тех,

с кем здесь встретились и подружились на всю жизнь: Хмелёвы, Кормщиковы, Ракуновы, Полянины, Ивановы, Юговы, Татариновы, Тюленёвы, Филатовы, Голубчиковы, Дашивец, Горбуновы, Лифановы, Нургалиевы, Котовы... Пишу эти фамилии, и в памяти всплывают эпизоды наших добрых встреч, работы, приключений. Хоть начинай отдельную книгу!..

А о Перми, в которой мы прожили двенадцать лет?! Как много связано с этим моим любимым городом! Здесь получил высшее образование, здесь на мои плечи легли погоны генерал-лейтенанта, я стал депутатом Верховного Совета России, а Галина Михайловна – заведующей клиникой областной психиатрической больницы, врачом высшей категории. Алла окончила школу № 9, медицинский институт. Здесь она встретила свою любовь и судьбу. Здесь родился первый внук, сегодня уже юноша. Как годы-то летят!..

Алла росла послушной, разумной девочкой. Всегда хорошо училась, работала врачом-гинекологом, а сейчас трудится в страховой компании, руководитель департамента по урегулированию убытков и... (боюсь не выговорить) андеррайтингу. Могу с уверенностью сказать, что она очень хороший работник, надёжный друг. Отмечаю ее готовность всегда помочь ближнему. Она хорошая мама и жена, любящая и внимательная дочь.

Про зятя Станислава Юрьевича Бакланова могу говорить долго и все в превосходной степени: семьянин, добрый и заботливый отец. А какой кулинар! Мне кажется, он умеет готовить все – от жареной картошки и харчо до замечательного восточного шашлыка. Мне с ним очень интересно общаться, разговор всегда в широком диапазоне: от политики до быта. А какой он прекрасный врач! Окончил аспирантуру у знаменитого главного акушера-гинеколога России В. И. Кулакова, более десяти лет возглавляет родовое отделение Центральной клинической больницы Управления делами Президента Российской Федерации. Стóбит прочесть восторженные отзывы благодарных пациентов, и будет ясно, что это врач от бога! Он живет работой, болеет за свой коллектив, очень дорожит его репутацией и делает все, чтобы его родильный дом был лучшим в столице.

Зять Стас – не только отличный врач, но и прекрасный кулинар

Да, от семьи, от отношений, сложившихся в ней, зависит все: здоровье, благополучие, уважение близких и коллег, карьера, и главное – какими вырастут наши внуки, продолжатели нашего рода. Старший внук Никита с золотой медалью окончил среднюю школу «Самсон». Удостоился Почетной грамоты от Министерства просвещения и науки Российской Федерации и золотой медали от администрации округа. Порадовал нас первыми достижениями. Недаром, видно, говорят в народе, что настоящими родителями мы становимся только в ранге дедушек: на воспитание дочери по молодости и занятости времени, признаюсь, не всегда хватало, росла она умницей, училась хорошо, в школе без замечаний – ну и слава богу! И время было иное: как-то не очень тревожились мы за будущее своей девочки, тем более что она быстро определилась с выбором профессии.

Нынешнее «мироустройство» доставляет больше тревог о молодых, об их востребованности и устройстве в современной, довольно жесткой жизни. Хорошее образование всегда ценилось, но сегодня его качество и значение многократно возросли как основа жизненного пути. В начале последнего учебного года, в одиннадцатом классе, мы с Никитой серьезно поговорили один на один. Я попросил его учиться по-настоящему. А он дал клятвенное обещание: «Дедушка, вот увидишь, я получу медаль». И сдержал свое слово.

Приятно было слышать, когда на выпускном вечере в школе педагоги хвалили моего внука, говорили, что он отличный ученик, инициативный парень, что у него большое будущее. Дай бог, чтобы все слова сбылись, чтобы у него в жизни все получилось! Он растет хорошим, симпатичным парнем. Есть базовые знания. Есть поддержка семьи. Мечтает окончить Высшую школу экономики, где обучение ведется на английском языке. Учиться там сложно, но он сам это выбрал. Посмотрим, как у него все сложится. Искренне желаю ему успехов!

Женька у нас, как говорится, москвич в первом поколении. Родился в столице 10 марта 2009 года. Никита успел пять месяцев после рождения пожить в Перми: появился на свет в июне, а уже в ноябре переехал в Москву.

На даче в детской спальне у нас представлена целая фотогалерея, посвященная внукам, а рядом их похвальные листы, почетные грамоты и дипломы за успехи в учебе и спорте. Никита совершенствуется в восточных единоборствах, многоборье, а Женя играет в шахматы, отличился первым местом по плаванию в своей школе (тут сказались, наверное, отцовские гены: Стас – пловец, кандидат в мастера спорта). Притом учится без проблем. Еще по примеру старшего брата начал заниматься в футбольной школе «Ювентус». Ему нравятся тренировки. Правда, амплу пока не выбрал: и нападающим хочет стать, и вратарем. Кумир – Лев Яшин. В области футбола он настоящий энциклопедист. Обладая прекрасной природной памятью, развивает ее, знает много стихов. Хорошие,мышленные, развитые растут, на радость нам, внуки...

Заканчивая эти воспоминания, скажу одно: давайте будем жить, будем работать дальше! Неизвестно, кому какой срок назначен на этой

земле. Это, как уж Боженька положит. Меняются времена, и мы меняемся вместе с эпохой. Правда, еще в клинописи древнего мира, за 2,5 тысячи лет до Рождества Христова, было написано: «...Чиновники воруют, сын не слушается, нравы молодежи упали, – видимо, скоро конец света». Не будем же повторять апокалипсические предсказания пращуров наших. Верю: и они жили в надежде на лучшее будущее.

Главное, чтобы мы оставались людьми, чтобы помнили имя свое, гордились им, своими родителями, семьей, детьми, внуками. И, не побоюсь громкого, но верного слова – своей Родиной, Россией. Мы живем здесь, и мы ее любим. Сделаем все для того, чтобы она была уважаема, крепка, богата, и наши люди жили счастливо.

Для этого надо честно и много трудиться, верить и приближать своими усилиями светлое будущее.

Кто, если не мы?

Мы – русские люди! Надо быть достойными того, чтобы наши дети, внуки говорили: да, наши деды, отцы прожили жизнь не зря, прославив род свой и Отчизну нашу, и мы должны продолжить дело, взяв из прошлого все самое доброе.

«**Ч**есть и достоинство являются неотъемлемыми качествами личности Валерия Ивановича Фёдорова – настоящего человека и гражданина» – так говорится в материалах, представляющих его номинантом на Строгановскую премию Пермского землячества в Москве. В правоте этих слов могут убедиться и читатели уникальной книги «Честь имею!», родившейся из воспоминаний и заметок, предназначенных внукам и близким.

Уроженец города Коврова, Валерий Фёдоров значительную часть своего детства провел в русской деревне, навсегда и очень памятно оставившей след в его душе. Юношей был призван в Ракетные войска стратегического назначения, где получил не только воинскую закалку, но и первый опыт юриста: ему, солдату срочной службы, доверили быть заседателем в военном трибунале. Защита законности, охрана прав людей отныне станет главным делом его жизни. Важный шаг на этом пути – учеба на юридическом факультете Пермского государственного университета.

Отменный профессионализм, лучшие качества гражданина, патриота, искреннее внимание к людям помогли ему вырасти от рядового милиционера до генерал-полковника милиции.

Тридцать лет жизни Валерий Федоров посвятил плодотворной работе в Пермском крае. Он исполнял должность начальника Управления внутренних дел Пермской области в сложное, рубежное для страны время – с 1988 по 1995 год. И есть глубокая закономерность в том, что на трудном историческом переломе милицию Прикамья возглавил именно такой человек – офицер по призванию, юрист по образованию и настоящий демократ по убеждениям. На первом плане для него всегда были не карьера, а люди с их проблемами и заботами. Возглавляемое им Управление стало одним из форпостов, помогающих мирному ходу преобразований, так необходимых новой России, а сам генерал милиции Федоров был одной из знаковых фигур этих перемен. Его в Прикамье знали все – от малолетних правонарушителей, которых он угощал мороженым, купленным на свою зарплату, до руководителей страны, оценивших его честность, деловитость и принципиальность. За него охотно голосовали жители Прикамья – и он взваливал на плечи депутатские заботы как неотъемлемую часть своего служения людям.

Он внес много нового в налаживание системы прямой и обратной связи органов правопорядка с населением, что было очень важно тогда и необходимо сегодня. Пермская пресса и поныне считает период работы В. И. Федорова в УВД самым открытым для журналистов. Его неформальное отношение к такой важной сфере, как пропаганда деятельности полиции, проявилось и впоследствии – при работе в аппарате МВД и Совете Федерации.

Заслуги Валерия Ивановича Федорова были высоко оценены Министерством внутренних дел, где он занимал должности заместителя министра внутренних дел – начальника Главного управления кадров МВД России; статс-секретаря – первого заместителя министра внутренних дел РФ – начальника Следственного комитета при МВД Российской Федерации. Среди важных событий, свидетельствующих о его храбрости, чести и достоинстве, – участие в боевых действиях в Чеченской Республике.

Валерий Иванович Федоров избирался народным депутатом Верховного Совета РСФСР. Был доверенным лицом кандидатов в Президенты России Б. Н. Ельцина и В. В. Путина. Более десяти лет работал в Совете Федерации. Представлял Россию в составе национальной делегации в Парламентской ассамблее Совета Европы. Сейчас он продолжает трудовую биографию, являясь заместителем Генерального директора ОАО «ФосАгро», членом Попечительского совета Пермского государственного национального исследовательского университета, активно участвует в работе правления Пермского землячества.

От всей души поздравляем Валерия Ивановича с юбилеем и завершением большой творческой работы над этим изданием!

Друзья, коллеги, сослуживцы

СОДЕРЖАНИЕ

ВРЕМЯ ГОВОРИТЬ. <i>Вместо пролога</i>	2
РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА	7
МОЙ «ПЕРМСКИЙ ПЕРИОД»	131
МИНИСТЕРСКИЕ БУДНИ	263
В ВЕРХНЕЙ ПАЛАТЕ	347
ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...	431
ОСТАНОВИСЬ МГНОВЕНЬЕ	
МОЙ ТЫЛ, МОЯ ЛЮБОВЬ, МОЯ НАДЕЖДА. <i>Эпилог</i>	449

ФЁДОРОВ
Валерий Иванович

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!
Книга воспоминаний

В оформлении книги использованы
фотографии из архива автора

Директор издательства *Н. А. Зенкова*

Редактор *А. Г. Зибзеева*
Макет, оформление, обработка фотографий – *С. А. Лишанская*
Верстка – В. М. Нечаева
Корректор *О. А. Кирьянова*

ISBN 978-5-9909808-3-9

Подписано в печать 06.07.2018. Формат 60х90/16. Бумага ВХИ.
Гарнитура Cambria. Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ №

Книжное издательство «Пушка».
614990, г. Пермь, ул. Дружбы, 34, офис 207

Отпечатано в соответствии с предоставленными файлами
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий».
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru> e-mail: sales@uralprint.ru